

М

2

год: 1907.

~~[illegible]~~ всѣ 1, 2, 3.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ Семинарій и Училищъ. На Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Коммиссіей присужденъ журналу похвальный отзывъ.

ГОДЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

ВЫПУСКЪ I—II. – III

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.

Типографія В. И. Исаева.

1901.

СОДЕРЖАНІЕ I—II ВЫПУСКОВЪ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на
„ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ“

41-й годъ изд въ 1901 году, 41-й годъ изд.

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ,—также главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ семинарій и училищъ. За изданіе журнала: «Филологическія Записки» редактору А. А. Хованскому на Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 г. Коммиссіей присужденъ похвальный отзывъ.

„Филолологическія Записки“ издаются безъ предварительной цензуры

Программа, направленіе и задачи журнала, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ, остаются тѣ же. Изданіе по возможности Редакціей улучшается. Лестные отзывы читателей—спеціалистовъ объ изданіи «Фил. Зап»., выраженные въ частныхъ письмахъ въ Редакцію, даютъ ей новыя силы и энергію на дальнѣйшіе труды служенія на пользу науки и учебно-воспитательнаго дѣла въ дорогой ей Россіи.

Благодаря сочувствію и симпатичному отношенію къ «Фил. Зап.», какъ къ необходимому органу въ дѣлѣ педагогическомъ, журналъ 40 лѣтъ дружно поддерживается цѣнными вкладами статей уважаемыхъ и безкорыстныхъ сотрудниковъ. Статьи эти отвѣчаютъ требованію времени и требованію учебнаго дѣла, что фактически доказывается постояннымъ спросомъ на ихъ отдѣльные оттиски преподавателями, а не рѣдко и частными лицами, любителями русской литературы и родного языка.

Изъ числа почтенныхъ читателей нашихъ, большая часть состоитъ неизмѣнно много лѣтъ сряду подписчиками «Фил. Зап»., какъ изданія, давно признаннаго компетентными лицами за полезное, въ силу этого одобреннаго Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. и рекомендованнаго къ пріобрѣтенію въ библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Журналъ: «Фил. Зап.», выходитъ безсрочными выпусками **шесть** разъ въ годъ, не менѣе 8—9 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ.

ЦѢНА годовому изданію **6** р. безъ пересылки, **7** р. съ перес., за границу **8** р. съ пер.

Плата за объявленія помѣщаемыя въ «Фил. Зап.» слѣд.: за цѣлую страницу—10 р., $^1/_2$ страницы—5 р., $^1/_4$ страницы—3 р., $^1/_8$ стран.—2 р.

ПОДПИСКА принимается въ **Воронежѣ**, въ конторѣ Редакціи журнала «Фил. Зап.», Старо-Москов. ул. (близъ Каменнаго моста), д. № 20 й.

Въ Редакціи имѣются въ продажѣ:

1) «Филол. Записки» за прежніе годы (до 1899 г.),— за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер.

2) Отдѣльные оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ. Каталогъ къ этимъ брошюрамъ по требованію высылается безплатно.

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ—30 к. съ пер., за 13 лѣтъ (послѣд.) 25 к. съ пер., за оба «Указателя» вмѣстѣ 40 к. съ перес.

Условія для книгопродавцевъ: «Филолог. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто **6** р. **50** к. высылаются за **6** р. **20** к. съ пер., за 1899, 1900 и 1901 года вмѣсто **7** р.—**6** р. **65** к. съ пер., за границу вмѣсто **8** р.—**7** р. **60** к. съ перес.; за соединенные 2 выпуска **2** р. **20** к. съ пер., брошюры со скидкою **15**%.

Желающихъ подписаться въ 1901 году на журналъ: «Фил. Зап.», редакція покорнѣйше проситъ заявить объ этомъ заранѣе: иначе (въ силу не разъ возникавшихъ недоразумѣній) «Фил. Зап.» **безъ предварительной подписки** никому не будутъ высылаться.

Недоплатившихъ за высланные I—VI в.в. «Фил. Зап.» въ предыдущіе года редакція убѣдительно проситъ дослать причитающіяся за нихъ деньги.

Неполучившихъ почему либо своевременно вып. журнала, редакція проситъ о томъ заявить ей не позже 2-хъ или 3-хъ мѣсяцевъ, послѣ разсылки вышедшей книги.

Редакторы *) { **С. Н. Прядкинъ.** **Б. О. Гаазе.**

Издательницы-наслѣдницы **А. А. Хованскаго.**

---

*) **Адресы редакторовъ** { Сергѣя Никаноровича Прядкина—Халютинская ул., д. № 2/21; Бертрама Оскаровича Гаазе—Поднабережная, д. Церковской № 26.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Скромно задуманный и съ любовію веденный журналъ: «Филологическія Записки», покойнымъ незабвеннымъ А. А. Хованскимъ въ теченіе тридцати восьми лѣтъ въ текущемъ 1901 году, перешедши въ новое, XX столѣтіе, началъ пятый десятокъ своего существованія. Какое значеніе имѣло и имѣетъ это періодическое научно-педагогическое изданіе, объ этомъ не разъ поднимался и рѣшался вопросъ въ печати и дружескихъ письмахъ и телеграммахъ сотрудниковъ и читателей въ редакцію названнаго изданія въ разные періоды его существованія. **Не можетъ редакція не отмѣтить и еще разъ отношенія интересующихся «Филологическими Записками» и выразившихъ этому журналу свое сочувствіе и пожеланіе по случаю исполнившагося сороколѣтія существованія его.** Въ телеграммѣ изъ Сибири одинъ сотрудникъ журнала говоритъ: «Привѣтствую журналъ и желаю редакціи и издательницамъ силы и энергіи»; другой въ письмѣ своемъ высказываетъ также сочувствіе и напоминаетъ о прошломъ «Филологическихъ Записокъ» въ слѣдующихъ словахъ: «Въ теченіе тридцатилѣтней своей учительской дѣятельности я находилъ въ этомъ журналѣ матеріалъ, который будилъ мою мысль, питалъ мой умъ и направлялъ и поддерживалъ меня въ трудномъ дѣлѣ преподаванія русскаго языка въ кадетскомъ корпусѣ и гимназіяхъ. Сознавая это, я не могу не чувствовать глубокой благодарности къ лицамъ, трудившимся для изданія назван-

наго журнала, и въ частности не могу не вспоминать съ чувствомъ глубокой признательности и самоотверженной дѣятельности А. А. Хованскаго, основавшаго и терпѣливо ведшаго его... Я имѣю основаніе быть увѣреннымъ, что такими же чувствами проникнуты и всѣ тѣ учителя, которые не безучастно относились и относятся къ собственному педагогическому усовершенствованію.

Молю Бога, да укрѣпитъ Онъ силы теперешнихъ редакторовъ и издателей «Филологическихъ Записокъ» для продолженія на многіе и многіе годы журнала, несомнѣнно полезнаго и даже необходимаго для каждаго русскаго учителя и каждой русской школы».

Съ своей стороны редакція журнала, благодаря за искреннее, сочувственное слово къ ней и издательницамъ журнала, не можетъ не повторить того, что ею высказано въ I—II в.в. «Филологическихъ Записокъ» въ 1899 году: «Одинъ въ полѣ не воинъ»: честь и слава сотрудникамъ—безсребренникамъ, а также подписчикамъ, которые въ теченіе сорока лѣтъ доставляли и теперь доставляютъ матеріалъ журналу, даютъ ему пищу и другое необходимое, безъ чего онъ умеръ бы голодною смертью! Мыслимое ли было бы дѣло редакціи безъ сотрудниковъ ставить и рѣшать вопросы самаго разнообразнаго содержанія, особенно вопросы, касающіеся школы да еще русской? Велико поле и трудно для обработки: требуетъ многихъ и опытныхъ рукъ, безъ которыхъ поле это можетъ зарасти сорною травою... А чѣмъ дольше живетъ русская школа, тѣмъ труднѣй и жгучѣй назрѣваютъ разные вопросы. Въ предлагаемыхъ вниманію читателей I-II в.в. «Филологи-

ческихъ Записокъ», за 1901 г., а также и въ предыдущіе годы поставлены сотрудниками журнала вопросы, которые требуютъ скораго и всесторонняго разрѣшенія: о русскомъ правописаніи, внѣклассномъ чтеніи книгъ учениками среднихъ учебныхъ заведеній, о постановкѣ правильно вопроса и рѣшеніи его относительно веденія письменныхъ работъ по русскому языку и **раздѣленію этого египетскаго труда между всѣми преподавателями средней и низшей школы или облегченіи труда преподавателей родного языка и литературы** другими средствами и т. д. и т. д. Въ послѣднее время самою жизнью школы все болѣе и болѣе выдвигается вопросъ относительно устройства полезныхъ развлеченій для учащихся въ школахъ же или въ видѣ спектакля, или въ видѣ музыкально-вокально-литературнаго утра или вечера вмѣсто мало имѣющихъ значеніе для развитія силъ души школьниковъ танцовальныхъ вечеровъ, а скорѣе для развитія страстей разныхъ, гибельно вліяющихъ на нервы, особенно въ послѣднее время, время разнаго рода нервныхъ болѣзней молодого поколѣнія. Какъ сдѣлать чтобы, съ одной стороны, разумныя развлеченія не отнимали много времени у учащихся, не отклоняли ихъ отъ существеннаго: исполненія своихъ прямыхъ ученическихъ обязанностей, съ другой—чтобы названныя развлеченія не увеличили и безъ того тяжелаго труда преподавателей русскаго языка, которые стонутъ подъ игомъ письменныхъ работъ, писанія программъ, придумыванія темъ въ теченіе учебнаго года и т. д.?!.. Послѣдніе два вопроса, т.-е. **доставленіе разумныхъ развлеченій учащимся и облегченіе положенія преподавателей русскаго языка**, требуютъ разумнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ неотлагатель-

наго рѣшенія... А мало ли другихъ жгучихъ вопросовъ? Могутъ быть они поставлены и рѣшены только при участіи многихъ соединенныхъ силъ, лицъ, готовыхъ поработать для нашихъ какъ низшихъ, такъ и среднихъ школъ. Вотъ почему **редакція** «Филологическихъ Записокъ», **по истеченіи сорока лѣтъ жизни этого журнала** припоминая эпиграфы основателя журнала, незабвеннаго А. А. Хованскаго, на книгахъ «Записокъ» въ 1860 и 1861 году: «Умъ хорошо, а два лучше»; «Сто головъ—сто умовъ», **надѣется, что и, при дальнѣйшемъ существованіи журнала, въ разныхъ уголкахъ родной земли найдутся ревнители русской науки, русскаго просвѣщенія,—ревнители, отдавшіе свои силы, свою жизнь русской школѣ**, и своими посильными трудами **помогутъ редакціи продолжать святое дѣло покойнаго А. А. Хованскаго**: и ставить, и рѣшать новые вопросы, вызываемые какъ прогрессивнымъ ходомъ филологическихъ наукъ, такъ и школьною жизнью.

Воронежъ. *)
19 марта 1901 г.

---

*) Редакція «Филологическихъ Записокъ», проситъ г.г. сотрудниковъ и подписчиковъ не винить её за несвоевременный выпускъ первой книги (причины: 1) неопытность редакторовъ, 2) нежеланіе дробить статей, особенно въ виду того, что объемъ выпусковъ—не великъ, 3) разныя непредвидѣнныя обстоятельства). **III вып. подготовляется къ печати и будетъ разосланъ не позже первыхъ чиселъ іюня**; въ немъ будутъ напечатаны продолженія начатыхъ статей, а также труды г.г. Брайловскаго С. Н., Бунакова Н. Ѳ., Степовича А. I. и др. **Употреблено будетъ все стараніе на то, чтобы и слѣдующіе (IV—VI) выпуски вышли въ свѣтъ своевременно.**

Два перла классической литературы:

щиты Ахиллеса (по „Иліадѣ“) и Энея (по „Энеидѣ“).

Въ знаменитыхъ поэмахъ Гомера и Вергилія есть два замѣчательныхъ эпизода, посвященныхъ описанію Ахиллесова и Энеева щитовъ. Интересно сравнить эти два отрывка произведеній греческой и римской литературы, чтобы составить правильное сужденіе о достоинствахъ того и другого. Для удобства разсмотримъ сначала эпизодъ эпопеи Гомера, потомъ перейдемъ къ описанію щита Энея. Такой пріемъ дастъ намъ возможность, при разборѣ послѣдняго, сдѣлать необходимыя сопоставленія относительно содержанія картинъ, изображенныхъ на щитахъ. Въ заключеніе представимъ общій выводъ изъ разсмотрѣнія обоихъ эпизодовъ.

Въ XVIII рапсодіи „Иліады“ встрѣчаемъ одинъ изъ прелестнѣйшихъ эпизодовъ, въ которомъ разсказывается о томъ, какъ Гефестъ, олимпійскій богъ-художникъ, приготовилъ новое вооруженіе для Ахиллеса взамѣнъ доспѣховъ, похищенныхъ съ Патрокла троянскимъ героемъ Гекторомъ. Искусный кузнецъ сковалъ для Ахиллеса блестящіе доспѣхи: шлемъ, броню и „поножи“. Но chef—d'oeuvre искусства божественнаго мастера—это щитъ Ахиллеса. На этомъ чудномъ щитѣ „множество дивнаго богъ, по замысламъ творческимъ, сдѣлалъ“ *).

Дѣйствительно, описаніе Ахиллесова щита—верхъ по-

---

*) Перев. Гнѣдича, ст. 482.

этическаго творчества. По мѣрѣ чтенія этого пластическаго описанія, передъ нами проносится рядъ картинъ изъ древне греческой жизни, общественной и семейной, военной и мирной. Но прежде чѣмъ остановиться на содержаніи картинъ, изображенныхъ на щитѣ, позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе ради того великолѣпнаго эпизода, который предшествуетъ описанію щита.

Могучій Ахиллесъ, краса и гордость грековъ, пораженъ страшнымъ горемъ: дорогой другъ и названный братъ его Патроклъ не только безжалостно убитъ, но и опозоренъ Гекторомъ, который, на виду грековъ и троянъ, совлекъ съ него доспѣхи, принадлежащіе ему, Ахиллесу. Хуже всего то, что онъ не можетъ, несмотря на сознаніе долга въ отношеніи погибшаго юноши, отомстить за смерть его, лишенный доспѣховъ. И вотъ этотъ неустрашимый герой, гроза и ужасъ враговъ, приходившихъ въ трепетъ отъ одного его вида, теперь плачетъ, какъ безутѣшное дитя, сидя на берегу моря, въ станѣ своихъ храбрыхъ мирмидонцевъ. Услышала жалобы милаго сына мать его „сребропогая Ѳетида", вышла къ нему изъ глубины моря и участливо разспросила о причинѣ нежданнаго горя. Юноша излилъ передъ нею свои жалобы, и она рѣшила отправиться на Олимпъ и умолить Гефеста, чтобы искусный мастеръ приготовилъ для него новое вооруженіе:

„Прямо на свѣтлый Олимпъ устремилась богиня Ѳетида,
„Чтобы принесть оружія милому сыну" *).

Вотъ теперь то и начинается изящный разсказъ, составляющій какъ бы вступленіе къ описанію Ахиллесова щита.

Ѳетида нашла Гефеста въ его кузницѣ. Описаніе мастерской бога-художника, его работъ, встрѣчи и бесѣды его съ Ѳетидой,—все это представляетъ не только эстетическій

*) Ст. 146, 147.

интересъ, но и даетъ намъ понятіе о той степени культуры, на которой стояли древніе греки, а также объ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Въ этой прекрасной сценѣ посѣщенія Ѳетидой дома Гефеста передъ нами раскрывается вся прелесть (конечно, художественная) непосредственныхъ, наивныхъ вѣрованій грековъ, ихъ міросозерцанія. Въ сущности мы, вмѣстѣ съ Ѳетидой, какъ будто вовсе не на небѣ, а на землѣ, въ жилищѣ гостепріимной, радушной семьи, какую представляютъ собой Гефестъ и его супруга.

Гефеста не было дома, и Ѳетиду приняла его жена, прелестная Харита, ласково попенявъ ей за рѣдкое посѣщеніе. Самъ хозяинъ въ это время находился въ кузницѣ, гдѣ работалъ треножники на золотыхъ колесахъ. Кузница эта, ни дать, ни взять,—мастерская какого-нибудь грека, занимающагося кузнечнымъ ремесломъ; въ ней всѣ принадлежности мастерства: и наковальня, и мѣхи, и молотъ, и клещи. Гефестъ весьма искусный мастеръ: онъ умѣетъ приготовлять изъ золота статуи, кольца, застежки, головные уборы, ожерелья, ларцы, щиты и проч. Мало того, искусство Гефеста необычайно, недоступно смертному; произведенія его труда живутъ и движутся: треножники сами катятся на своихъ колесахъ; золотыя статуи („дѣвы") „разумно ведутъ подъ руки своего владыку"; мѣхи дуютъ сами собою, повинуясь „волѣ творца и нуждѣ творимаго дѣла" *). Впрочемъ, и понятно: мы въ мастерской не простого смертнаго, а бога пластическихъ искусствъ.

Пластическія искусства, очевидно, уже были извѣстны грекамъ въ героическій періодъ ихъ жизни. Они умѣли строить дворцы (архитектура), ковать изъ золота, серебра и мѣди статуи (ваяніе), украшать рисункомъ изящные предметы (живопись). Все это, говоримъ, имъ было извѣстно,

*) 473.

ибо иначе они не присвоили бы такого умѣнья богамъ, созданнымъ фантазіей грека по образу и подобію людей. Гефестъ — идеалъ художника, олицетвореніе совершенства, къ которому должны стремиться люди въ области искусства. Но олимпійская семья боговъ есть изображеніе человѣческой семьи, и Гефестъ, подобно всѣмъ ея членамъ, похожъ на людей не только въ интеллектуальномъ, но и въ нравственномъ смыслѣ. И вотъ эта-то, если можно такъ выразиться, человѣчность боговъ прекрасно сказалась въ сценѣ между Гефестомъ и Ѳетидой.

Ѳетида со слезами разсказываетъ Гефесту о своемъ двойномъ горѣ: ее сокрушаетъ печальная судьба сына, который долженъ пасть подъ Троей,—сокрушаетъ и душевное состояніе сына, переживаемое имъ теперь: онъ глубоко страдаетъ вслѣдствіе потери друга и горько тоскуетъ, поставленный въ невозможность отомстить за смерть Патрокла. Страданія милаго сына причиняютъ и ей нестерпимую сердечную боль, и потому она умоляетъ Гефеста сжалиться надъ нею, злополучнѣйшею изъ богинь, и сдѣлать для Ахиллеса новые доспѣхи.

Трогательный разсказъ матери о своемъ и сыновнемъ горѣ производитъ сильное впечатлѣніе на Гефеста: онъ не можетъ равнодушно смотрѣть на ея слезы. Кромѣ того, Гефестъ считаетъ себя обязаннымъ и по чувству благодарности помочь Ѳетидѣ, которая когда-то оказала ему великую услугу, именно спасла ему жизнь. Здѣсь мы встрѣчаемся съ однимъ изъ многочисленныхъ греческихъ миѳовъ. Гефестъ былъ сынъ Зевса и Геры. Мать, недовольная безобразіемъ сына, столкнула его съ Олимпа, и Гефестъ упалъ въ море. Здѣсь нереиды, Ѳетида и Эвринома, пріютили его въ подводномъ царствѣ, а онъ въ продолженіе 9 лѣтъ ковалъ различныя украшенія добрымъ богинямъ.

Вотъ почему Гефестъ считаетъ своимъ долгомъ оказать

услугу Θетидѣ; вотъ почему „сердце велитъ ему исполнить все, чего пожелаетъ Θетида, если оно исполнимо“ *). Эти-то чувства признательности и благодарности, съ одной стороны, и чувство неподдѣльнаго, живого горя матери, съ другой—придаютъ всей сценѣ такой глубокій гуманный оттѣнокъ, самая бесѣда Θетиды съ Гефестомъ согрѣта такою теплотою, искренностью, поэтъ здѣсь является такимъ знатокомъ человѣческаго сердца, что ужъ одна эта превосходная сцена доказываетъ общечеловѣческій интересъ поэмъ Гомера.

Щитъ Ахиллеса.

(„Иліада“ пѣснь XVIII).

I.

Переходимъ теперь къ самому интересному эпизоду XVIII рапсодіи, собственно и составляющему предметъ нашей бесѣды. Прежде всего останавливаетъ на себѣ наше вниманіе тотъ художественный пріемъ, которымъ воспользовался Гомеръ при описаніи Ахиллесова щита. Строго говоря, это не описаніе, всегда имѣющее цѣлью изобразить предметъ въ пространствѣ, т.-е. въ одинъ моментъ, а разсказъ о томъ, какъ Гефестъ дѣлалъ щитъ,—разсказъ, воспроизводящій всѣ моменты созданія щита. Воспользуемся здѣсь прекрасными словами Лессинга изъ XVIII главы его „Лаокоона“. Вотъ что говоритъ знаменитый нѣмецкій критикъ по поводу затронутаго нами вопроса.

„Мы видимъ у поэта не щитъ, но божественнаго мастера, дѣлающаго щитъ. Мы видимъ, какъ подходитъ онъ съ

*) 426, 427.

молоткомъ и клещами къ своей наковальнѣ, выковываетъ сначала полосы изъ грубаго металла, и затѣмъ передъ нашими глазами начинаютъ являться одинъ за другимъ образы, возникающіе изъ металла подъ его мастерскими ударами. Мы не теряемъ его изъ виду, пока все окончено. Тогда мы начинаемъ дивиться самому произведенію, но дивимся, какъ очевидцы, видѣвшіе, какъ оно дѣлалось".

На щитѣ Ахиллеса мы видимъ рядъ художественныхъ картинъ, очень живо воспроизводящихъ патріархальный бытъ древнихъ грековъ почти за 10 вѣковъ до Р. Хр. Вначалѣ, впрочемъ, разсказывается о томъ, изъ какого матеріала и въ какой формѣ былъ сдѣланъ щитъ (онъ сдѣланъ былъ изъ мѣди, олова, серебра и золота, имѣлъ форму круга *), затѣмъ уже слѣдуетъ изображеніе картинъ изъ жизни грековъ, при чемъ прежде мы знакомимся съ городской, потомъ съ сельской жизнью.

Первая картина изображаетъ вселенную, какою она представлялась древнимъ, и такимъ образомъ знакомитъ насъ съ ихъ космографическими понятіями. На щитѣ искусный мастеръ изобразилъ землю, море и небо. Землю греки представляли плоскимъ кругомъ, окаймляемымъ со всѣхъ сторонъ широкою лентою океана (на щитѣ бѣлый, блестящій крайній ободъ), въ который погружаются укрѣпленные на столбахъ края небеснаго свода, опрокинутаго надъ землею въ видѣ чаши. Земля казалась имъ неподвижной, солнце движущимся.... Но, передавая такимъ образомъ астрономическія свѣдѣнія древнихъ грековъ, мы въ сущности не дадимъ яснаго понятія объ ихъ воззрѣніяхъ на міръ. Выпишемъ лучше сначала то мѣсто XVIII рапсодіи, гдѣ говорится объ устройствѣ вселенной.

---

*) Ср. «Ил.» XX, 270 и сл.

„Тамъ представилъ онъ землю, представилъ и небо, и море,
„Солнце, въ пути неистомное; полный серебряный мѣсяцъ,
„Всѣ прекрасныя звѣзды, какими вѣнчается небо:
„Видны въ ихъ сонмѣ Пліады, Гіады и мощь Оріона,
„Арктосъ, сынами земными еще колесницей зовомый;
„Тамъ онъ всегда обращается, вѣчно блюдетъ Оріона
„И единый чуждается мыться въ волнахъ Океана“ *).

Представленія грековъ объ устройствѣ міра сложились подъ вліяніемъ того живого впечатлѣнія, какое производило все мірозданіе на первобытнаго человѣка, и при дѣятельномъ участіи роскошной фантазіи, всему въ мірѣ дававшей жизнь и образъ. Небо, по мнѣнію грековъ, есть мѣсто пребыванія боговъ, изъ которыхъ каждый отправляетъ извѣстную дѣятельность во благо людей. Такъ, божество солнца, Геліосъ, освѣщающій и согрѣвающій землю, служитъ источникомъ жизни, которая была бы невозможна безъ благотворной теплоты и свѣта. Онъ живетъ въ свѣтлыхъ чертогахъ, сіяющихъ огнемъ, золотомъ и яркими цвѣтными каменьями, и возсѣдаетъ въ пурпурной одеждѣ на тронѣ, блистающемъ изумрудами. Какъ только наступаетъ утро, Геліосъ появляется на востокѣ изъ бухты океана, садится въ огненную колесницу съ огнедышащими конями и мчится по небу все выше и выше, до страшной высоты, достигнувъ которой, колесница несется по покатой дорогѣ къ морю и погружается въ западной части океана. Ночью, сѣверной половиной неба, Геліосъ возвращается въ золотомъ челнѣ на востокъ (Овидій, „Метаморфозы“).

Небо со всѣми звѣздами представлялось грекамъ вращающимся въ сторону, обратную движенію солнца. Звѣзды

---

*) Ст. 483 и сл.

были для нихъ не просто небесныя свѣтила, но или, по большей части, живыя существа, или подобіе земныхъ предметовъ. Такъ, Арктосъ (т. е. созвѣздіе Большой Медвѣдицы), „сынами земными еще колесницей зовомый“, дѣйствительно, рисовался воображенію древнихъ грековъ или медвѣдицей (ἄρκτος), или въ видѣ четырехколесной повозки (ἄμαξα) съ дышломъ. Звѣзды, при закатѣ солнца, казались имъ плавающими въ океанѣ. А такъ какъ созвѣздіе Большой Медвѣдицы никогда не заходитъ за горизонтъ *), то древніе видѣли въ этомъ наказаніе Арктоса со стороны Геры. Вотъ почему онъ „тамъ (т.-е. на сѣверѣ) всегда обращается, вѣчно блюдетъ Оріона и единый чуждается мыться въ волнахъ океана“. Созвѣздіе Оріона представлялось грекамъ юношей, застрѣленнымъ за дерзость Артемидой, но по ея же просьбѣ, вознесеннымъ на небо, гдѣ онъ горитъ ярче всѣхъ звѣздъ. „Гіады“ и „Пліады“—части созвѣздія Тельца.

„Тамъ и ужасную силу представилъ рѣки Океана,
„Коимъ подъ верхнимъ онъ ободомъ щитъ окружилъ велелѣпный“ **).

Неизмѣримый океанъ, который окружаетъ всю землю, въ которомъ, закатываясь, плаваютъ звѣзды, по представленію грековъ, есть царство сѣдого старца Океана. Со своею супругою Теѳидою онъ являлся родоначальникомъ всѣхъ морскихъ божествъ и нимфъ и источникомъ всей плодотворной влаги (ср. образъ морского царя въ нашихъ былинахъ о Садкѣ, гдѣ морской царь является олицетвореніемъ моря и отцомъ впадающихъ въ него рѣкъ).

II.

Вторая картина, изображенная на щитѣ, состоитъ изъ двухъ сценъ. Первая сцена (на городской

*) Имѣются въ виду жители Европы.
**) 606 и сл.

улицѣ) вводитъ насъ въ домашнюю, семейную жизнь грековъ: это веселое свадебное пиршество. Родственники и знакомые, при свѣтѣ факеловъ, при звукахъ лиры и флейты, съ пѣніемъ и плясками, провожаютъ невѣсту въ домъ жениха.

Слѣдовательно, бракъ у древнихъ грековъ имѣлъ форму публичнаго акта—черта весьма интересная, свидѣтельствующая о значительной степени культуры, сравнительно съ другими народами древняго міра.

Здѣсь невольно напрашивается на сопоставленіе жизнь нашихъ предковъ-славянъ въ эпоху, уже гораздо позднѣйшую. Что же мы видимъ? Если вѣрить свидѣтельству начальной лѣтописи, то одни поляне, самое культурное славянское племя, имѣли подобное же понятіе о бракѣ, какъ о публичномъ актѣ, тогда какъ другія племена не знали этой мирной формы брака, основанной на взаимномъ согласіи родственниковъ жениха и невѣсты, а добывали себѣ насильственнымъ похищеніемъ дѣвицъ, часто даже безъ ихъ согласія, что влекло за собою ссоры и распри между семьями.

Другая сцена второй картины переноситъ насъ на городскую площадь и знакомитъ съ общественной жизнью древнихъ грековъ. Сцена представляетъ судъ. На площади толпится народъ. Онъ привлеченъ сюда споромъ, завязавшимся между двумя гражданами изъ-за выкупа, слѣдовавшаго въ вознагражденіе за убійство. Одинъ изъ спорящихъ настаиваетъ на томъ, что онъ все заплатилъ; другой, обращаясь къ народу, утверждаетъ, что ничего не получилъ. Народъ, толпящійся на площади, не безучастно относится къ возникшему дѣлу: онъ раздѣлился на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая поддерживаетъ своего кліента. Шумъ на площади достигъ большихъ размѣровъ, и глашатаи стараются сдержать народъ. Тяжущіеся рѣшили покончить споръ и обратиться къ посредничеству мирового судьи. Тутъ же „старики" сидятъ на тесаныхъ камняхъ, въ „священномъ кругу".

И вотъ они встаютъ, принимая жезлъ, символъ достоинства и власти, изъ рукъ глашатая и одинъ за другимъ произносятъ свой приговоръ. Тотъ, чей приговоръ, въ глазахъ судьи, окажется болѣе правымъ, получаетъ два таланта чистаго золота, представленные тяжущимися въ обезпеченіе готовности подчиниться рѣшенію посредника.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что судъ у древнихъ грековъ былъ гласный; онъ производился старшими въ родѣ. Приговоръ послѣднихъ, надо полагать, заключался въ примѣненіи какого-нибудь общаго обычая къ данному случаю, такъ какъ писанныхъ законовъ тогда не существовало. Однимъ изъ самыхъ важныхъ преступленій было, конечно, убійство, за которое родственники убитаго мстили смертью убійцѣ. Что въ древней Греціи существовало право кровавой мести, неопровержимымъ доказательствомъ тому служитъ хотя бы жестокая месть Ахиллеса за смерть друга Патрокла. Но изъ разсматриваемой сцены видно, что мы застаемъ грековъ уже на той ступени развитія, когда, рядомъ съ местью, практиковалось и взиманіе денежнаго штрафа за убійство, а это обстоятельство свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ смягченіи нравовъ. Все это вмѣстѣ напоминаетъ намъ жизнь нашихъ предковъ-славянъ. Извѣстно, что, до призванія варяговъ, у русскихъ славянъ также былъ гласный, публичный судъ, при чемъ дѣла рѣшались приговоромъ старшихъ въ родѣ; потомъ уже право суда перешло въ руки княжескихъ тіуновъ. Точно также, согласно постановленіямъ „Русской Правды", за убійство взималась „вира", или денежный штрафъ.

III.

До сихъ поръ рѣчь шла о городской жизни. Теперь перейдемъ къ картинамъ мирной сельской жизни,

опустивши пока, для удобства изложенія, третью картину, гдѣ изображена военная жизнь.

Главными занятіями поселянъ въ древней Греціи были—земледѣліе, скотоводство и винодѣліе.

Четвертая картина на щитѣ изображаетъ обработку поля. Представлена нива. Земледѣльцы гонятъ воловъ, запряженныхъ въ плугъ, до конца нивы и возвращаются обратно. Хозяинъ, присутствующій при работахъ, поощряетъ работниковъ тѣмъ, что каждый разъ, когда они пройдутъ дважды пашню, подаетъ имъ „кубокъ вина, веселящаго сердце“, и работники „вновь поспѣшаютъ дойти до конца глубобразднаго пара“.

Слѣдующая, пятая картина, представляетъ жатву. Очень живо изображено на щитѣ, какъ одни крестьяне жнутъ хлѣбъ острыми серпами, другіе вяжутъ колосья въ снопы. Тутъ же стоитъ хозяинъ, радостно взирающій на дѣйствія рабочихъ: очевидно, боги наградили его за заботы обильнымъ урожаемъ. Въ сторонѣ, подъ дубомъ, готовится труженикамъ ужинъ.

Опять находимъ подтвержденіе той мысли, что греки Гомеровскаго періода стояли на довольно высокой ступени культуры. Земледѣльческій бытъ—форма жизни, конечно, болѣе культурная, чѣмъ кочевой, пастушескій, звѣроловный образъ жизни: занятія земледѣліемъ привязываютъ человѣка къ родинѣ, заставляютъ любить ее, развиваютъ уваженіе къ труду, къ другимъ людямъ, трудящимся такимъ же образомъ; соединяютъ ихъ взаимнымъ сочувствіемъ, воспитываютъ въ человѣкѣ „гуманныя“ чувства. А греки, какъ видно, хорошо уже освоились съ этой формой быта: они умѣли обрабатывать землю, знали употребленіе земледѣльческихъ орудій. Работниками у нихъ были рабы или наймиты, сами же хозяева только присматривали за работами.

Шестая картина посвящена изображенію занятій

садоводствомъ. Ничто такъ не удерживаетъ человѣка на одномъ мѣстѣ, не привязываетъ его къ домашнему очагу, какъ сады: для него дорого каждое деревцо, посаженное его руками; дороги труды, положенные на уходъ и воспитаніе деревьевъ. Любимымъ занятіемъ грековъ было разведеніе винограда и сборъ его. Рядомъ съ жатвой на щитѣ изображенъ виноградный садъ, гдѣ веселые работники и работницы собираютъ созрѣвшій виноградъ. Садъ обнесенъ рвомъ и плетнемъ; къ нему ведетъ тропинка, по которой дѣвицы и юноши то и дѣло носятъ въ корзинахъ „сладостный плодъ“.

Винодѣліе было очень развито въ древней Греціи, потому что вино составляло для грека такую же потребность, какъ хлѣбъ и мясо. Время сбора винограда совпадало съ празднествами въ честь бога Діониса, покровителя винодѣлія, и потому являлось самымъ веселымъ временемъ въ году.

Главное богатство сельскихъ жителей составляли стада домашнихъ животныхъ Занятія скотоводствомъ изображены на щитѣ въ восьмой и девятой картинахъ. Восьмая картина, представляющая пастбище съ рогатымъ скотомъ, оживлена эпизодомъ похищенія львами быка. Въ то время, какъ стадо подходило къ рѣкѣ, два льва, выскочившіе изъ камышей, напали на быка, распороли ему кожу и принялись пожирать его внутренности. Напрасно пастухи, подоспѣвшіе на мѣсто разыгравшейся драмы, подстрекаютъ собакъ, чтобы прогнать хищниковъ: собаки не рѣшаются подступить къ львамъ и въ страхѣ бѣгутъ отъ нихъ.

Девятая картина изображаетъ пейзажъ: долину, усѣянную стадами овецъ, хлѣвами и хижинами пастуховъ.

Все это картины благосостоянія, довольства, мирнаго труда. Послѣдняя, десятая картина, рисуетъ игры и развлеченія сельской молодежи. Разряженные юноши и дѣвушки веселятся въ искусномъ хороводѣ. Мелькаютъ сплетающіяся и расплетающіяся группы. Пожилые люди любуются

плясками и наслаждаются пѣснями, которыя въ ладъ начинаетъ руководитель хоровода, а хоръ подхватываетъ его слова. Точь въ точь наши русскія хороводныя пѣсни и игры, и до сихъ поръ составляющія любимое развлеченіе поселянъ!

Древніе греки умѣли веселиться и смотрѣли на жизнь свѣтлыми глазами, какъ на вѣчное празднество. Грекъ искалъ въ жизни счастья, хотѣлъ и умѣлъ имъ наслаждаться. Какъ далеки мы, отдаленные потомки (разумѣемъ духовное родство) этого веселаго народа отъ ихъ жизнерадостнаго настроенія! Впрочемъ, самая природа Греціи, съ ея свѣтлымъ, яснымъ солнцемъ, прозрачнымъ воздухомъ, благодатнымъ климатомъ, должна была содѣйствовать и свѣтлому міросозерцанію ея обитателей. Отгого и боговъ своихъ они надѣлили свѣтлой, веселой жизнью: боги вѣчно пируютъ, вкушаютъ амброзію, пьютъ нектаръ; люди стараются подражать богамъ, и выходитъ, такимъ образомъ, что и на небѣ, и на землѣ вѣчный пиръ.

Картина земного веселья на щитѣ представлена такъ:

„Юноши тутъ и цвѣтущія дѣвы, желанныя многимъ,
„Пляшутъ, въ хоръ круговидный любезно сплетяся руками.
„Дѣвы въ одежды льняныя и легкія, отроки въ ризы
„Свѣтло одѣты и ихъ чистотой, какъ елеемъ сіяютъ,
„Тѣхъ вѣнки изъ цвѣтовъ прелестные всѣхъ украшаютъ,
„Сихъ—золотые ножи, на ремняхъ чрезъ плечо серебристыхъ“ *).

IV.

Такова мирная жизнь грековъ. Обратимся къ военной. Гефестъ представилъ на третьей картинѣ

*) 593 и сл.

щита войну двухъ греческихъ городовъ. Непріятель осадилъ враждебный городъ и предложилъ осажденнымъ на выборъ два условія: или выдать половину всѣхъ богатствъ, заключающихся въ городѣ, и тогда послѣдній останется неприкосновеннымъ, или ждать полнаго его разрушенія. Осажденные не теряли надежды на успѣхъ, не приняли предложенія и задумали сдѣлать вылазку. Оставивши въ городѣ женщинъ, дѣтей и стариковъ для охраны стѣнъ, всѣ граждане, способные носить оружіе, тайно вышли изъ города и направились къ берегу рѣки, куда непріятель пригонялъ скотъ на водопой.

. . . . „Вождями ихъ идутъ Арей и Паллада,
„Оба златые, одѣтые оба златою одеждой;
„Видъ ихъ прекрасенъ, въ доспѣхахъ величественъ, сущіе боги!
„Всѣмъ отличны они; человѣки далеко ихъ ниже“ *).

Конечно, здѣсь говорится о статуяхъ Арея и Паллады; но интересно изображеніе боговъ: одѣты въ золото, красивые и рослые, выше всѣхъ людей. Въ этомъ для грека, дѣйствительно, почти все различіе между богами и людьми.

Сдѣлавши засаду, воины неожиданно напали на непріятельское стадо, подошедшее къ рѣкѣ, и, убивши пастуховъ, погнали его въ свой городъ. Между тѣмъ шумъ, происшедшій при этой суматохѣ, привлекъ вниманіе осаждавшихъ, которые, быстро вскочивши на боевыя колесницы, примчались къ рѣчному берегу. Здѣсь завязалась кровопролитная битва. Исходъ ея для насъ остается неизвѣстнымъ, такъ какъ поэтъ ограничился только изображеніемъ картины боя. Зато картина эта нарисована весьма живыми красками Поэтъ олицетворяетъ неизбѣжныхъ спутниковъ битвы: злобу, смуту и смерть, которыя представлены живыми существами, принимающими участіе въ битвѣ; онѣ рыщутъ между сражаю-

*) 516 и сл.

щимися, хватаютъ за ноги убитыхъ, волочатъ ихъ по сѣчѣ, увлекаютъ кровавые трупы.

Эта картина войны очень вѣрно характеризуетъ политическую жизнь древнихъ грековъ. Вслѣдствіе крайней неустойчивости и непрочности политическаго строя Греціи, междоусобныя войны были въ ней очень часты. Древняя Греція, какъ извѣстно, представляла федерацію самостоятельныхъ, независимыхъ мелкихъ республиканскихъ государствъ, изъ которыхъ почти каждое заключалось въ предѣлахъ одного города. Каждый городъ имѣлъ своего царя, предводителя на войнѣ. При отсутствіи политическаго единства, единой, нераздѣльной власти, слишкомъ много представлялось поводовъ къ взаимнымъ столкновеніямъ между мелкими государствами. Постоянной арміи у грековъ не было, и каждый гражданинъ, въ случаѣ нужды, долженъ былъ защищать свое отечество. Даже дѣти, женщины и старики, какъ видимъ изъ разсматриваемой картины, принимали участіе въ защитѣ города. Военная тактика грековъ была еще очень слаба и заключалась въ томъ, что непріятель старался вынудить своихъ враговъ, путемъ продолжительной осады, къ сдачѣ города. Но средства къ этому были такъ незначительны, что война затягивалась надолго. Осада Трои тянулась цѣлыхъ десять лѣтъ, да и то городъ былъ взятъ не блокадой и не штурмомъ, а хитростью. Чтобы ослабить непріятеля, воюющія стороны старались завладѣть стадами его скота.

Вотъ и всѣ картины военной и мирной жизни древнихъ грековъ, изображенныя на Ахиллесовомъ щитѣ; въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается Греція, ея

политическая, общественная и семейная жизнь. Какъ проста, несложна, патріархальна эта первобытная жизнь и какъ рѣзко она отличается отъ нашей сложной—политической, общественной и семейной жизни! Греки жили настоящею минутой, не заглядывая въ будущее, и брали отъ жизни все, что только она могла дать.

„Жизнью пользуйся, живущій,
„Спящій въ гробѣ, мирно спи"—

Вотъ мораль, которой они слѣдовали. Не знали они нашихъ сложныхъ условій существованія, мучительныхъ вопросовъ, тысячи мелочей и всякихъ тревогъ и волненій, которыми опутало себя современное человѣчество. Спокойно и просто взирали они на міръ, видѣли въ себѣ полныхъ хозяевъ на землѣ и были довольны своимъ положеніемъ, ничего въ мірѣ не зная лучше жизни. Въ наслѣдіе намъ они оставили свои науку и искусство, богатую литературу, зачатки которой уже проглядываютъ въ то отдаленное время, къ которому относятся величайшія произведенія ихъ генія: „Иліада" и „Одиссея".

Что же мы, представители новой цивилизаціи, позавидуемъ ли этому счастливому народу, много вѣковъ тому назадъ исчезнувшему съ лица земли? отнесемся ли къ нему съ гордымъ пренебреженіемъ, во имя нашей многовѣковой европейской культуры, или, напротивъ: вспомнимъ о немъ съ благодарнымъ чувствомъ за то духовное наслѣдство, которое завѣщано намъ? Нѣтъ, здѣсь не мѣсто зависти, потому что не все, далеко не все въ жизни этого, во всякомъ случаѣ, младенчествующаго народа привлекательно; не мѣсто здѣсь и гордости, ибо мы много обязаны за свою цивилизацію его духовнымъ сокровищамъ.

Щитъ Энея.

(„Энеида“, кн. VIII).

На щитѣ Ахиллеса, украшенномъ славнымъ художникомъ Гефестомъ, мы видѣли рядъ картинъ, воспроизводящихъ, въ общихъ чертахъ, всю патріархальную жизнь древнихъ грековъ. Теперь намъ предстоитъ обратиться къ произведенію знаменитаго римскаго поэта Вергилія, который, подражая Гомеру, въ VIII книгѣ „Энеиды“ описываетъ щитъ героя, сдѣланный Вулканомъ, по просьбѣ супруги его и матери Энея—Венеры.

„Энеида“ есть героическая поэма, появившаяся спустя 800 лѣтъ послѣ „Иліады“. Вергилій стремился въ ней удовлетворить патріотическому чувству римлянъ и подарить Италіи національную поэму. Сюжетомъ ея послужило преданіе о переселеніи сына Анхизова Энея въ Италію, гдѣ онъ основалъ греческое государство. Современники поэта восхищались его поэмой и даже ставили Вергилія выше Гомера. Не отрицая многихъ достоинствъ этого произведенія, особенно мастерского языка, легкаго, изящнаго стиха, слѣдуетъ сказать однако, что по своему содержанію „Энеида“ представляетъ подражаніе „Иліадѣ“ и „Одиссеѣ“ и, какъ копія, ниже своего оригинала. Въ этой истинѣ убѣдитъ насъ и разборъ отрывка поэмы, въ которомъ описывается щитъ Энея.

„Щитъ Энея“—эпизодъ поэмы, не имѣющій тѣсной связи съ ея содержаніемъ. Разсказъ начинается съ того, что Вулканъ, убѣжденный Венерой, готовится сдѣлать вооруженіе для Энея. Съ этою цѣлію онъ отправляется въ свою кузницу, находящуюся на скалистомъ островѣ, недалеко отъ Липары, въ глубокой пещерѣ. Описаніе мастерской Вулкана отличается бо́льшими подробностями, сравнительно съ

описаніемъ кузницы Гефеста. Изъ пещеры раздается постоянный громъ и стукъ страшныхъ молотковъ по наковальнямъ, визгъ желѣза, дыханье мѣховъ, раздувающихъ огонь. Это работаютъ свирѣпые циклопы; они куютъ молнію для „владыки Олимпа", который низвергаетъ ее на землю; куютъ колесницу для бога Марса, щитъ и броню для Паллады.

По приказанію Вулкана, циклопы прекращаютъ свои работы и приступаютъ къ изготовленію вооруженія для Энея. Вмѣсто того, чтобы разсказать дальше объ украшеніяхъ, сдѣланныхъ Вулканомъ на щитѣ, поэтъ неожиданно переноситъ насъ на другое мѣсто, именно на берега Тибра, и описываетъ сцену свиданія Энея съ Эвандромъ, знаменіе на небѣ, данное Венерой; жертвоприношеніе Энея, прощаніе Эвандра съ сыномъ Паллантомъ, выступленіе Энея въ походъ противъ Турна, остановку войска въ долинѣ, на берегу Церитскаго потока, въ Этруріи. Между тѣмъ какъ совершаются всѣ эти событія, циклопы уже успѣли сковать Энею доспѣхи, и вотъ Венера приноситъ оружіе сыну и кладетъ его подъ дубомъ. Эней съ восхищеніемъ осматриваетъ доспѣхи: шлемъ, щитъ, латы, мечъ, копье и поножи. Только теперь начинается описаніе щита.

Такимъ образомъ, есть различіе въ самомъ пріемѣ описанія щита у Гомера и Вергилія: у перваго разсказывается о щитѣ по мѣрѣ того, какъ онъ дѣлается; у второго объясняются изображенія на щитѣ послѣ того, какъ онъ сдѣланъ; здѣсь Эней прежде принимаетъ оружіе и потомъ уже разсматриваетъ его; тамъ послѣ того, какъ уже все описано, Ѳетида вручаетъ оружіе Ахиллу. Вводныя сцены между описаніемъ кузницы и работъ Вулкана, съ одной стороны, и описаніемъ самаго щита, съ другой—мѣшаютъ читателю сосредоточиться на послѣднемъ. Описаніе Гомера производитъ на насъ такое впечатлѣніе, какъ будто мы присутствуемъ при работахъ Гефеста; совсѣмъ не получается подоб-

ной иллюзіи при чтеніи описанія Вергилія: мы являемся въ данномъ случаѣ какъ бы слушателями, а не зрителями, и ни на одну минуту не забываемъ разсказчика.

Еще значительнѣе различіе въ содержаніи картинъ, изображенныхъ на томъ и другомъ щитѣ. Цѣлый рядъ картинъ, изображенныхъ на щитѣ Энея, посвященъ описанію не только героической жизни римлянъ, но и послѣдующихъ историческихъ событій, вплоть до эпохи Августа. Если принять во вниманіе, что „Энеида“, состоящая изъ двухъ частей, разсказываетъ о странствованіяхъ Энея отъ береговъ Трои до Лаціума и о подвигахъ его въ Италіи, то картины Энеева щита, съ изображеніемъ будущихъ судебъ государства, являются какъ бы пророчествами. Ничего подобнаго нѣтъ у Гомера. Желая польстить національному чувству римлянъ, Вергилій представилъ на щитѣ Энея какъ бы исторію политическаго развитія государства, завершивши ее царствованіемъ Августа, который соединилъ въ своихъ рукахъ всю верховную государственную власть. Не то видимъ у Гомера: на щитѣ Ахиллеса, какъ въ зеркалѣ, отражается не только политическая, но и общественная, и семейная жизнь древнихъ грековъ.

Чтобы убѣдиться въ справедливости всего сказаннаго, разсмотримъ содержаніе каждой картины Энеева щита.

Щитъ Энея состоялъ изъ семи мѣдныхъ и желѣзныхъ круговъ, положенныхъ другъ на друга. По краямъ его были изображены грядущія славныя событія, а въ срединѣ была представлена картина битвы при Акціумѣ.

Картина первая воспроизводитъ легендарную исто-

рію (разсказанную Ливіемъ) о построеніи города Рима. Представлена пещера; въ ней разрѣшившаяся отъ бремени волчица и двое дѣтей, сосущихъ ея груди; волчица ласкаетъ то одного, то другого и лижетъ ихъ тѣло. Это народное сказаніе связано съ именами Ромула и Рема, принадлежав шихъ къ роду Сильвіевъ, который, по преданію, въ свою очередь происходилъ отъ Энея. Согласно этому преданію Асканій, сынъ Энея, основалъ городъ Альбу-Лонгу, въ которомъ и царствовалъ родъ Сильвіевъ. Такимъ образомъ, въ основаніи сказанія лежитъ желаніе римскаго народа связать свое происхожденіе съ именемъ Энея. Намекая на преданіе, Вергилій имѣлъ въ виду то же самое.

Вторая картина воспроизводитъ преданіе о похищеніи сабинянокъ и о примиреніи между народами Ромула и Тація. Это преданіе напоминаетъ, между прочимъ, разсказъ нашей начальной лѣтописи объ „умыканіи" дѣвицъ „у воды" и „на игрищахъ межю селы", съ тою однако разницей, что похищеніе сабинянокъ представляетъ единичный фактъ, приведшій къ сліянію латинской колоніи Рима съ сабинскою, тогда какъ наше „умыканіе" дѣвицъ является обычаемъ, отличавшимъ нѣкоторыя славянскія племена.

Картина третья не заключаетъ ничего интереснаго: въ ней описывается казнь, исполненная Тулломъ Гостиліемъ надъ албанскимъ полководцемъ Меттомъ, или Меціемъ Фуффеціемъ, за измѣну.

Картина четвертая изображаетъ осаду Рима Порсеною. Она вызываетъ воспоминаніе о цѣломъ рядѣ событій римской исторіи: объ оскорбленіи Секстомъ, сыномъ послѣдняго римскаго царя Тарквинія Гордаго, Лукреціи, жены знатнаго римлянина Коллатина, объ ея самоубійствѣ, объ изгнаніи жестокаго Тарквинія изъ Рима и объ осадѣ города имъ вмѣстѣ съ этрусскимъ царемъ Порсеною.

Картина пятая, составляющая продолженіе преды-

дущей, изображаетъ защиту моста Гораціемъ Коклесомъ во время осады Рима этрусками. Событія связанныя съ этою картиной: подвигъ дѣвицы Клеліи, попавшей въ плѣнъ, изъ котораго она бѣжала и переплыла черезъ Тибръ; заключеніе Порсеною мира съ Римомъ и смерть Тарквинія Гордаго.

На картинѣ шестой изображена сцена осады галлами Рима. Это одна изъ наиболѣе живыхъ картинъ у Вергилія. Представленъ Капитолій. На Тарпейской скалѣ, составлявшей часть Капитолійскаго холма, стоитъ защитникъ Капитолія Манлій.

Рядомъ виденъ Ромуловъ дворецъ (т.-е. изба, покрытая соломой). Галлы, подъ защитою ночного мрака, прокрадываются черезъ тернистые кусты въ крѣпость. Ихъ тѣла прикрыты длинными щитами; въ рукахъ у каждаго сверкаетъ по два альпійскихъ копья; на нихъ прекрасныя одежды, украшенныя золотомъ, а сверху полосатые плащи; золотыя цѣпи окружаютъ ихъ бѣлыя, какъ молоко, шеи. Въ крѣпости тишина. Галлы готовы уже ворваться въ Капитолій. Вдругъ раздается крикъ бѣлаго, какъ серебро, гуся, который летаетъ по украшеннымъ золотомъ портикамъ храма. Воины, спавшіе въ крѣпости, пробуждаются, и крѣпость спасена.

Эта картина напоминаетъ подобную же на щитѣ Ахиллеса, именно городъ въ осадѣ. Очевидно, Вергилій въ данномъ случаѣ подражалъ Гомеру. Такъ, описаніе наряда галловъ имѣетъ сходство съ изображеніетъ вида Арея и Паллады; самая обстановка, при которой совершается тайное нападеніе на Римъ галловъ, до нѣкоторой степени сходна съ описаніемъ нападенія осажденныхъ грековъ на стада непріятеля. Но здѣсь же видимъ мы и существенное различіе картинъ Вергилія и Гомера: тогда какъ послѣдній въ типическихъ чертахъ изображаетъ жизнь грековъ, у перваго мы находимъ картины, соотвѣтствующія отдѣльнымъ случаямъ

или событіямъ легендарной исторіи Рима. Впрочемъ, это замѣчаніе одинаково относится ко всѣмъ картинамъ, представленнымъ на щитѣ Энея. Читателю, незнакомому съ исторіей Рима, очень трудно понять смыслъ и содержаніе ихъ, между тѣмъ какъ картины Гомера доступны пониманію каждаго читателя, даже и не посвященнаго въ знаніе исторіи Греціи. Доказательствомъ можетъ служить хотя бы та же сцена осады галлами Рима: въ ней, собственно говоря, мало указаній на самое событіе, если не считать упоминанія о гусяхъ, потому что описаніе вооруженія и одежды галловъ ничего не выясняетъ. Только читатель, знакомый съ легендарнымъ преданіемъ о томъ, какъ гуси Римъ спасли, въ состояніи понять значеніе этой картины.

Картина седьмая не имѣетъ никакой связи съ предыдущей. На ней Вулканъ изобразилъ пляшущихъ Саліевъ, голыхъ Луперковъ, Фламиновъ, съ покрытыми шерстью шапками, и щиты, „упавшіе съ неба„. Выпишемъ для ясности это мѣсто.

„Тамъ были Салійцы,
„Въ тактъ бившіе землю своими ногами;
„Луперки тамъ были совсѣмъ безъ одежды,
„Фламинцы съ своими льняными кистями,
„Съ щитами, внезапно упавшими съ неба.
„Матроны возили въ своихъ колесницахъ,
„Спокойныхъ и легкихъ, священные лики“ *).

Эта картина знакомитъ насъ съ религіозными празднествами древнихъ римлянъ, установленіе которыхъ, какъ извѣстно, приписывается второму римскому царю Нумѣ Помпилію. Празднества сопровождались жертвоприношеніями, плясками

*) „Энеида“, перев. Соснецкаго, ст. 663.

и пѣніемъ. Въ жертвоприношеніяхъ главная роль принадлежала, конечно, жрецамъ, которые носили разныя названія: Луперки (жрецы бога Фавна, или Луперка), Саліи (жрецы бога Марса), Фламины. Костюмъ послѣднихъ состоялъ изъ покрывала (flammeum) и остроконечной красной шапки съ кистью.

Картина восьмая имѣетъ нѣкоторую связь съ предыдущей, такъ какъ даетъ понятіе о религіозныхъ представленіяхъ древнихъ римлянъ. Здѣсь изображено подземное царство (Тартаръ) Плутона и наказанія за преступленія. Гдѣ-то въ отдаленіи находятся благочестивые люди и между ними Катонъ. На выдающейся скалѣ виситъ Катилина, трепещущій отъ страха передъ фуріями. Интересъ картины сосредоточенъ, во всякомъ случаѣ, не на религіозныхъ вѣрованіяхъ римлянъ, а на сопоставленіи противоположныхъ въ нравственномъ отношеніи личностей: преступнаго Катилины и доблестнаго Катона Утическаго, почему картина имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, историческое.

Картина девятая представляетъ битву при Акціумѣ. Событію, изображенному на этой картинѣ, Вергилій, какъ видно, придаетъ особенно важное значеніе, потому что имъ завершается періодъ разложенія республиканскихъ учрежденій и переходъ республики въ имперію. Отношеніе поэта къ этому событію опредѣляется тѣмъ, что картину Актійской битвы онъ помѣстилъ посрединѣ щита, тогда какъ другія украшенія находятся по краямъ его, и, кромѣ того, отвелъ описанію этого событія самое большое мѣсто, не пожалѣвши красокъ для изображенія ужасовъ морской битвы. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что между всѣми картинами на щитѣ Энея это самая удачная.

Поэтъ изображаетъ взволнованное море. Голубая его поверхность покрыта пѣною; на ней играютъ блещущіе серебромъ дельфины, разсѣкающіе волны своими хвостами.

Посреди моря видны два флота, готовые вступить въ битву. Левкатскій мысъ, какъ будто, охваченъ пожаромъ. Въ волнахъ моря отражается золотое оружіе воиновъ. Самъ цезарь Августъ, стоя на высокой кормѣ корабля, ведетъ въ битву италійцевъ; его окружаютъ сенаторы, народъ, пенаты и статуи великихъ боговъ. На головѣ его блестящій шлемъ со звѣздою. Глаза радостно сіяютъ. Рядомъ съ нимъ ведетъ войска въ битву Агриппа, надменный и грозный полководецъ, которому помогаютъ вѣтры и боги; чело его украшено вѣнкомъ, лучшимъ военнымъ отличіемъ. А вотъ и противникъ Августа, Антоній, гордый своими побѣдами на Востокѣ, ведетъ съ собою египтянъ, силы Востока и народы отдаленной Бактріи. За нимъ, къ его стыду, слѣдуетъ и египетская царица Клеопатра. Вотъ оба флота бросились въ битву. Запѣнилось море, „раскрылись глубокія бездны подъ силою веселъ и лодокъ трехзубыхъ". Можно подумать, что снесенные Циклады плаваютъ по морю, или—горы сшиблись съ другими горами: такъ сильно столкнулись корабли, со множествомъ воиновъ храбрыхъ. Свищутъ въ воздухѣ желѣзныя стрѣлы, летаетъ зажженная пакля; море краснѣетъ отъ крови убитыхъ. Царица Клеопатра воодушевляетъ сражающихся игрою на систрѣ *). Въ битвѣ принимаютъ участіе боги: Нептунъ, Венера, Минерва; противъ нихъ выступаютъ египетскіе боги. Марсъ, покрытый желѣзною броней, свирѣпствуетъ въ общей свалкѣ. Печальныя фуріи носятся по воздуху. Раздоръ, въ разорванной мантіи, толкается повсюду; за нимъ слѣдуетъ Беллона съ кровавымъ оружіемъ. Аполлонъ, взирающій на битву съ Актійскаго храма, натягиваетъ свой лукъ. Восточные народы, пришедшіе съ Антоніемъ (египтяне, индійцы, арабы, сабеи), объятые страхомъ, обра-

---

*) Трещотка, музык. инструментъ, употреблявшійся при богослуженіи Изиды въ Египтѣ. Здѣсь иронія.

щаются въ бѣгство. Клеопатра блѣднѣетъ, предчувствуя смерть, и бѣжитъ вслѣдъ за ними. Нилъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ ея возвращенія и распахиваетъ свою одежду (чтобы подать знакъ прибывающему другу, древніе махали полой одежды).

Описаніе картины битвы представляетъ подражаніе третьей картинѣ на щитѣ Ахиллеса,—по крайней мѣрѣ, въ той ея части, гдѣ говорится о битвѣ боговъ. Эта картина отличается большими художественными достоинствами, но по живости, пластичности, яркости, все же уступаетъ описанію Гомера.

Картина десятая и послѣдняя изображаетъ торжество Августа послѣ битвы при Акціумѣ. Представленъ пышный тріумфъ, которымъ Августъ началъ свое правленіе. Улицы оглашаются криками радости, шумомъ рукоплесканій и игръ. Во всѣхъ храмахъ хоры матерей. Убитые молодые быки устилаютъ землю передъ жертвенниками. Самъ же цезарь, сидя въ бѣломъ, какъ снѣгъ, предверіи храма блистающаго Феба, разсматриваетъ дары народовъ и размѣщаетъ ихъ по прекраснымъ портикамъ храма. Побѣжденные народы длинными рядами подходятъ къ властелину. Они столько же различны по виду одежды и оружію, сколько и по языку. Вотъ выступаетъ племя номадовъ и африканцевъ въ разукрашенныхъ одеждахъ; за ними идутъ лелеги и карійцы (малоазійскіе народы), гелоны (скиѳское племя съ береговъ Днѣпра), морины (на с. Галліи), даки (скиѳскіе народы съ береговъ Каспійскаго моря) и народы съ береговъ Рейна и Аракса.

Таковы картины, представленныя Вулканомъ на щитѣ Энея, который, „не зная событій, глубоко плѣнялся ихъ исполненьемъ; беретъ онъ на плечи всѣ эти доспѣхи, гдѣ участь и слава грядущихъ потомковъ".

Подведемъ итогъ всему сказанному по поводу изображеній Энеева щита. Разсматривая эти изображенія, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Въ описаніи щита Вергилій подражалъ Гомеру.

2) Между различными картинами, изображенными на щитѣ, существуетъ только хронологическая связь, а иногда и ея нѣтъ, тогда какъ картины Ахиллесова щита имѣютъ между собою внутреннюю связь.

3) Содержаніе почти всѣхъ картинъ относится къ опредѣленнымъ историческимъ событіямъ, а не заключаетъ въ себѣ типическаго воспроизведенія древней жизни, какъ это видимъ у Гомера.

4) Почти всѣ картины Вулкана уступаютъ изображеніямъ Гефеста въ степени живости, выпуклости, пластичности и даже, за немногими исключеніями, не содержатъ въ себѣ сколько нибудь ясной характеристики извѣстнаго событія, но лишь намекаютъ на него.

5) Эти картины знакомятъ насъ преимущественно съ одной стороной жизни римлянъ, именно съ политическимъ развитіемъ государства, но не заключаютъ почти никакихъ данныхъ для характеристики общественнаго и семейнаго быта.

На основаніи всего изложеннаго, мы приходимъ къ тому заключенію, что описаніе Энеева щита нельзя поставить на одну высоту съ описаніемъ щита Ахиллеса, равно какъ и вся поэма Вергилія ниже Гомеровой поэмы. За „Иліадой“ навсегда останется значеніе произведенія всемірнаго, между тѣмъ какъ „Энеида“ есть твореніе національное.

Д. Ѳоминъ.

Варшава.
1899 г. 20 декабря.

Лордъ Байронъ.

Исторія самого Байрона — контрастъ крайней снисходительности къ людямъ и презрѣнія къ нимъ (Nisard, Lord Byron, 317).

Среди замѣчательнѣйшихъ поэтовъ, оказавшихъ глубокое вліяніе на современниковъ, будившихъ общественную совѣсть и заставлявшихъ прислушиваться къ ихъ голосу, Байронъ, безспорно, занимаетъ почетное мѣсто, явившись въ свое время «властителемъ думъ» даже такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ. Поэзія его (вдохновенная, глубокая по мысли, сильная и изящная по пластичности формы, во многихъ мѣстахъ загадочная, всегда содержательная, но зачастую съ неопредѣленнымъ настроеніемъ) производитъ неотразимое впечатлѣніе и заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны своего общественно-культурнаго значенія. Постараемся общими штрихами выяснить, въ чемъ ея сила, чѣмъ объяснить ея популярность въ свое время, и, наконецъ, каковъ ея національный и общечеловѣческій смыслъ, т.-е. насколько общечеловѣчны принципы, во имя которыхъ поэтъ жилъ, мыслилъ, страдалъ, и насколько идеи его произведеній, такъ волновавшія европейскую мысль, неизсякаемы, такъ сказать, въ смыслѣ живучести ихъ въ области нравственнаго развитія человѣка. Какъ глубоко затрогивалъ Байронъ вопросы жизни человѣка вообще, рисуя духовный бытъ человѣка, современнаго ему, — вотъ вопросы, на которые мы хотимъ отвѣтить.

Характеръ и значеніе поэзіи міровыхъ геніевъ,

равно какъ и успѣхъ ея опредѣляются въ значительной степени тѣми историческими вліяніями, которыя обусловили возникновеніе ея и служили почвой для ея развитія: напр., выясняя значеніе знаменитыхъ «Записокъ охотника», мы обязаны прежде всего разсмотрѣть это значеніе исторически—выяснить смыслъ этого великаго памятника русскаго самосознанія, какъ протеста противъ крѣпостничества,—протеста, высказаннаго въ эпоху крѣпостничества и потому имѣвшаго особенный успѣхъ. Теперь, конечно, разсказъ: «Муму», не имѣлъ бы той популярности, какою пользовался въ свое время, и вполнѣ понятно. Съ такой же, исторической точки зрѣнія мы взглянемъ и на поэзію Байрона. Въ этой послѣдней мы находимъ прежде всего поэтическій откликъ на запросы духа современнаго поэту общества; его поэзія—типичное выраженіе идей XVIII в., волновавшихъ мысль Европы. Ученикъ разъѣдающаго скепсиса энциклопедистовъ и энергичный представитель безпокойнаго протеста человѣческаго духа, откликающагося на все высокое и честное, Байронъ выступилъ на поэтическое поприще въ эпоху всеобщаго застоя, который такъ ярко характеризовалъ Англію въ періодъ затишья, смѣнившаго утомительную борьбу съ Наполеономъ. Этотъ застой страны, поразительный индифферентизмъ высшихъ классовъ ея въ области вѣчно волнующихъ умъ человѣка вопросовъ и вѣковой педантизмъ чопорныхъ традицій, въ связи съ убожествомъ содержанія, полною безыдейностью жизни Европы,—вотъ почва, на которой возникла и развилась байроновская поэзія. Эта поэзія—страстный, могучій порывъ вѣчно мятущагося титаническаго духа, сильнаго своей свободой отъ условій показной нравственности и борющагося во имя гордаго своего внутреннею мощью «я». Поэтому

неудивительно, что въ Байронѣ часто видѣли носителя того вѣчно тревожнаго, недовольнаго настоящимъ, что коренится въ каждомъ, сильномъ духомъ человѣкѣ,—носителя той искры божественнаго огня, которая отъ Сократа, Гусса и до нашихъ дней характеризуетъ всѣхъ героевъ идеи.—И (какъ это часто бываетъ) мысль британскаго поэта не могла найти себѣ успокоенія; его желаніе забыть тревоги сердца осталось неудовлетвореннымъ. Разумъ и чувство его, отвергнувши жалкое настоящее, не дающее исхода стремленіямъ человѣческаго духа, не могли обосновать себя и найти разрѣшеніе міровыхъ вопросовъ въ гармоніи высшей жизни, философской или религіозной, слишкомъ мало подходящей къ отрицательному характеру поэзіи Байрона.

Его поэзія—это самъ поэтъ, страстный, могучій, пылкій, съ смѣлою мыслью, съ огненнымъ словомъ, съ пламеннымъ чувствомъ. Кажется, нельзя указать на одного поэта въ мірѣ, творчество котораго было бы такъ крайне лирично, такъ субъективно, какъ Байроновское. Большинство его героевъ—это яркое воплощеніе личности автора, при чемъ, въ томъ или иномъ отношеніи, одинъ непремѣнно напоминаетъ другого Вотъ почему Тэнъ справедливо замѣчаетъ, что герои Байрона: Чайльдъ-Гарольдъ, Гяуръ, Корсаръ, Донъ-Жуанъ, Данте,—это одинъ и тотъ же человѣкъ, но только въ разныхъ костюмахъ, окруженный различными пейзажами [1]). Исходная точка, конечная цѣль всѣхъ стремленій автора—самъ онъ, такъ что съ его личностью иногда смѣшиваютъ и тѣхъ его героевъ, которые только по поверхностному впечатлѣнію напоминаютъ намъ

---

[1]) «Критическіе опыты». Цит. у Незеленова («А. С. Пушкинъ»), 69.

его. Въ этомъ случаѣ такое толкованіе обусловливается внѣшностью его произведеній. Неопредѣленность настроенія ихъ, неполнота міросозерцанія, изящно, пластично выраженная мысль, хотя и съ туманною идеею (все это зачастую намъ сильно нравится), нравится, если можно выразиться, своею внутреннею безобразностью,—тѣмъ, что каждый изъ насъ можетъ узнать себя здѣсь, если захочетъ. Вотъ почему и поэзія Байрона съ ея неопредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, съ ея иногда противоположными взглядами на основы мировой жизни, на человѣка и вселенную, полная удивительныхъ движеній человѣческаго сердца, инымъ казалась родственною,—поэтическимъ отзвукомъ на стремленія своего «я». И это такъ понятно: въ геніальныхъ типахъ есть всегда частичка души каждаго изъ насъ. Задача наша состоитъ въ томъ, чтобы узнать, гдѣ, въ какомъ тайникѣ души хранится она и какова она.

Такимъ образомъ, первою отличительною чертою поэзіи Байрона является крайній субъективизмъ ея настроенія; герои ея одарены несокрушимою, могучею энергіею воли, которая не знаетъ никакихъ препятствій въ осуществленіи своихъ стремленій, и воля эта—отображеніе воли автора. Жизнь, по его мнѣнію, какая-то странная концепція лжи, пошлости, униженія справедливыхъ и честныхъ, и жалкаго торжества лицемѣрія. Единственный исходъ не чувствовать такого существованія—это отрѣшиться отъ безпросвѣтности такого бытія, закрыть глаза на всю пустоту этого и углубиться въ себя, въ своемъ «я» поискать чего либо лучшаго, на чемъ могъ бы остановиться утомленный разсудокъ. И поэтъ изъ омута жизни погружается въ созерцаніе своего «я», дающаго ему содержаніе его поэзіи. Слѣдовательно, объектъ этой послѣдней—«я, непоколебимое

я, удовлетворяющее самого себя, надъ которымъ ничто не имѣетъ власти: ни демоны, ни люди,—единственный творецъ собственнаго добра и зла, нѣчто въ родѣ страдающаго и падшаго бога» [2]). Естественный результатъ такого своеобразнаго творчества—отсутствіе объективности. Творческое сознаніе поэта, имѣвшее исходною точкою свое «я», мѣшало ему взглянуть объективно на людей и на міръ, заслоняло отъ него послѣднихъ. Тѣмъ не менѣе далеко нельзя сказать, чтобы поэзія эта страдала исключительностью, однообразіемъ своихъ мотивовъ,—тогда былъ бы рѣшительно непонятенъ ея огромный успѣхъ. Байронъ былъ слишкомъ выдающимся умомъ, чтобы довольствоваться только ролью идеалиста-пророка, который бичевалъ въ страстныхъ образахъ общественныя настроенія. Въ своей поэзіи онъ является судьею общества по различнымъ вопросамъ: роль политика смѣняется ролью философа-мыслителя, язвы современной жизни находятъ въ его поэзіи острую и негодующую сатиру, историческія событія—соотвѣтствующую оцѣнку. И если попытаться опредѣлить основную мысль всей его поэзіи, главную идею, объединяющую въ гармоничное цѣлое многочисленные отдѣльные мотивы ея, то ее можно формулировать такъ: рѣшеніе вопроса объ отношеніи индивидуума, частнаго къ цѣлому, выясненіе взаимоотношеній личности и общества, борьбы первой за свои права и начала гуманности со вторымъ [3]). Вопросъ этотъ проходитъ чрезъ всѣ творенія

---

[2]) См. подробн. въ трудѣ Незеленова, гдѣ характеристика Байрона составлена по А. Григорьеву.

[3]) Прекрасную характеристику Байрона даетъ В. Котляревскій въ своемъ трудѣ: «Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка» (стр. 165—246), гдѣ и см. подробн.

поэта; каждое дѣйствующее лицо служитъ, въ большей или меньшей степени, болѣе или менѣе опредѣленно, выразителемъ этой тенденціи.

Независимо отъ индивидуализма характерною чертою байронической поэзіи является ея страстный протестъ противъ лжи и условной нравственности современнаго поэту общества. Всѣ произведенія Байрона — рельефное выраженіе антагонизма, какой существовалъ между міровоззрѣніемъ автора и педантично—сухою Англіею. Тѣ условныя традиціи, которымъ такъ свято поклонялись и которыя такъ свято чтили соотечественники поэта, подвергались имъ строгой оцѣнкѣ и зачастую—осужденію, какъ отжившія свое время. Начала гуманизма, проповѣдуемыя Байрономъ, въ формѣ идей религіозныхъ, политическихъ, нравственныхъ, очень мало гармонировали съ тѣмъ настроеніемъ, какое господствовало въ Англіи. Припомнимъ, что то была пора общаго застоя, при чемъ призракамъ угнетенной и притѣсненной свободы, въ сферѣ политической и духовной, была объявлена безпощадная война. Въ борьбѣ Байрона съ господствующимъ порядкомъ вещей, въ отрицаніи тѣхъ несимпатичныхъ устоевъ, которыми жила Англія, и заключается культурно-общественный смыслъ его поэзіи.

Протестъ поэта обнимаетъ, какъ мы говорили, всѣ области жизни Англіи. И, если всмотрѣться въ характеръ этого отрицанія, то намъ станетъ отчасти понятна та враждебность, какою въ Англіи встрѣчали Байрона. Въ самомъ дѣлѣ, въ странѣ, гдѣ такое огромное значеніе придавалось внѣшне-религіозному элементу въ семейной и общественной жизни, поэтъ осмѣливался проповѣдовать въ духѣ скептиковъ энциклопедистовъ; въ то время, когда вся страна была объята энтузіазмомъ

національнаго патріотизма, взрывъ котораго особенно былъ силенъ послѣ побѣдъ надъ Наполеономъ, Байронъ открыто воспѣвалъ плѣнника Св. Елены и защищалъ его попранную свободу. Наконецъ, когда царило всеобщее увлеченіе идеями знаменитаго священнаго союза, поэтъ не стѣсняясь издѣвался надъ системой его, являясь, такимъ образомъ, дерзкимъ протестантомъ противъ господствующаго теченія Европы [4]).

Нельзя однако думать, чтобы «властитель думъ» Европы былъ ниспровергателемъ во имя ломки, разрушителемъ во имя того, что вандализмъ иногда пріятенъ Цѣль, задача, глубокій историческій и общественный смыслъ поэзіи Байрона заключаются въ указаніи обществу тѣхъ слабыхъ сторонъ, которыми оно жило, въ обнаруженіи его слабостей и язвъ, которыя подтачивали его организмъ. Сатира поэта имѣетъ глубоко остроумную, аллегорическаго характера форму, которую разгадать не всегда легко. Обличая лицемѣрную жизнь Англіи, Байронъ, съ горькимъ смѣхомъ ироніи, возвелъ на пьедесталъ, нарисовалъ апоѳеозъ того, что до сихъ поръ мнимо порицалось и втайнѣ составляло жизнь жизни англичанъ. Всѣ пороки современныхъ людей, въ формѣ атеизма, эгоизма, униженія ближнихъ, безстыдства отношеній къ женщинѣ,—все это опоэтизировано Байрономъ и съ изумительною смѣлостью явилось подъ личиною разныхъ героевъ всему міру, гордясь своею грѣшною внѣшностью, тогда какъ раньше оно было сокрыто подъ маскою внѣшне-идеальной порядочности. Явившись въ своемъ чистомъ видѣ, всѣ герои порока Байрона смѣло произнесли предъ лицомъ всего міра: «Мы грязны, безстыдны, но жизнь прекрасна, и мы упиваемся ею. Иди-

[4]) Котляревскій.

те за нами открыто и смѣло, такъ же, какъ вы ходили вслѣдъ намъ, но только прикрываясь благопристойностью внѣшности,—и насладитесь зломъ» [5]). Ироническое поклоненіе всему этому совершалось во имя того же высокаго принципа любви къ людямъ, во имя котораго совершалась и протекала вся бурная жизнь поэта.

Мы только что сказали, что Байронъ не могъ отрицать во имя самаго отрицанія: въ немъ слишкомъ сильна была любовь къ правдѣ, стремленіе къ доброму и честному. Созданный имъ культъ эгоизма и самообожанія, поэтичный по формѣ, былъ жалокъ по содержанію, и первый авторъ, конечно, отвергъ бы поклоненіе ему. Эта крайность, страстность Байроновскаго увлеченія отрицательными сторонами жизни, такимъ образомъ, говоритъ намъ о противномъ,—о томъ, что сердцу поэта не чужды свѣтлыя движенія, и что онъ весь—воплощеніе искренности; онъ не хотѣлъ, подобно всѣмъ, притворяться, признавать тайно то, что открыто презиралъ, и готовъ скорѣе пожертвовать собою,—готовъ оклеветать себя, нарисовавши, въ противовѣсъ безстыдному лицемѣрію общества, въ обольстительномъ видѣ тѣ формы порока, которыя составляли содержаніе жизни этихъ людей. Оглядываясь на себя, на окружающихъ себя, ища идеала въ себѣ и за собою, онъ съ горькой насмѣшкой сознавалъ невозможность найти этотъ желанный идеалъ, равно какъ признавалъ полную невозможность жизни созданнымъ имъ эгоизмомъ. Естественный результатъ этого—скорбная иронія поэзіи Байрона, безнадежно-унылый тонъ его лиры. Его поэзія только поверхностному читателю можетъ показаться эгоистичною: на самомъ дѣлѣ она далеко не такова. Дѣй-

[5]) См. подр. въ трудѣ Незеленова.

ствительно, чѣмъ объяснить то, что, вѣчно занимаясь своимъ «я», возводя его въ объектъ обожанія, поэтъ однако вѣчно же не имѣетъ покоя, вѣчно жаждетъ счастья, вѣчно остается пасынкомъ мачехи-судьбы? Гдѣ причины его скорби, когда запросы эгоизма его удовлетворены? Отвѣтъ ясенъ: исканія вѣчно мятущагося духа его сопровождаются вѣчною же тоскою по недостижимости идеала [6]). Въ основѣ эгоизма его лежитъ любовь не къ личности, не къ индивидууму, а къ цѣлому, къ міру (т.-е. та высокая идея, человѣка возвышаетъ надъ собою), которою любитъ въ себѣ не себя, а видовую форму великаго цѣлаго, именуемаго общественнымъ организмомъ: такая любовь, слагающаяся изъ разнородныхъ элементовъ, граничитъ какъ съ эгоизмомъ, такъ и съ альтруизмомъ; такая любовь и составляетъ главный перлъ байроновской поэзіи, призывающей каждаго любить міръ и человѣка.

Тоска поэзіи Байрона заключаетъ въ себѣ и свѣтлую сторону: она проникнута «плачемъ по утраченнымъ и необрѣтаемымъ идеаламъ». Эта тоска, главнымъ образомъ, и свидѣтельствуетъ намъ о положительномъ содержаніи поэзіи его,—говоритъ намъ не о безпринципности поэта, а объ отсутствіи у него представленія нравственнаго идеала, безъ котораго его борьба съ неправдою какъ-то безсознательна, инстинктивна. Жизнь лишила его права юмористически взглянуть на людей, осуждать и плакать надъ осужденными, и потому онъ только осуждаетъ злымъ смѣхомъ сарказма. «Онъ не достигъ», говоритъ Бѣлинскій: «до обѣтованной земли благодати, гдѣ открывается вѣчная истина, разрѣшаются въ гармонію всѣ диссонансы бытія». И, если, по

[6]) Подр. у Котляревскаго.

справедливому замѣчанію одного изъ лучшихъ нашихъ истолкователей байроновской поэзіи, Ап. Григорьева, «онъ можетъ быть судимъ, то только съ высшей точки зрѣнія христіанскаго суда, но не съ точки зрѣнія нравственности того общества, котораго муза его была казнью» [7]).

При глубокой субъективности поэзіи Байрона въ немъ самомъ легко подмѣтить нѣкоторые элементы созданныхъ имъ типовъ. Онъ то является предъ нами Донъ-Жуаномъ, то изображаетъ Мефистофеля, то воплощаетъ въ себѣ Вертера. Конечно, эти и другіе, пріобрѣтшіе себѣ права гражданства, типы—это во многихъ случаяхъ самъ авторъ; тѣмъ не менѣе міровоззрѣніе его, равно какъ и общій характеръ его поэзіи трудно уловимы и едва ли могутъ быть названы законченными. Какъ почти всегда бываетъ съ подобными тревожно-мятущимися натурами, онъ томился вѣчнымъ исканіемъ Прометеева огня, но жизнь, условія окружающей среды, вѣчно разъѣдающій рефлексъ мѣшали ему найти этотъ огонь. Глубоко-правдивая, любящая людей и себя для нихъ, его натура не дозволила ему сатанинскимъ смѣхомъ Мефистофеля издѣваться надъ лучшими движеніями человѣческаго сердца: любить наслажденіе ради наслажденія, какъ дѣлали то многіе изъ его героевъ, онъ не могъ, такъ какъ былъ слишкомъ серьезенъ для того. Наконецъ, весь воплощеніе порыва, отваги, энергіи, беззавѣтной жажды жизни, онъ не могъ смотрѣть на жизнь глазами Вертера, предаваться или меланхолическимъ или сентиментальнымъ мечтаніямъ о смыслѣ земного [8]). Значитъ, субъективный характеръ

7) См. у Незеленова.

8) Котляревскій.

его поэзіи только относителенъ, хотя, повторяемъ, ни у кого изъ поэтовъ такъ сильно не сказывается родство душъ автора и героевъ, какъ у Байрона.

«Въ мірѣ», говоритъ поэтъ: «все фальшиво, ничтожно и пусто. Все ничтожная глина—отъ перваго человѣка до послѣдняго. Мы всѣ рабы, и первые среди насъ послѣдніе: отъ нашей воли ничто не зависитъ. Когда мы думаемъ, что мы ведемъ за собой другихъ,—мы сами невольники, идущіе къ смерти, которая наступаетъ безъ нашего выбора и акта нашей воли. Мнѣ кажется, что мы, должно быть, согрѣшили въ какомъ-либо прежнемъ мірѣ, и что нашъ міръ—адъ; хорошо еще, что онъ не вѣченъ» (The tvvo Ioscari, 11).

Какимъ мрачнымъ пессимизмомъ, сковывающимъ мысль и сердце, дышатъ эти слова! Наблюденія надъ жизнью, личныя впечатлѣнія, окружающее—давали Байрону право держаться такого взгляда. «Тотъ, кто хорошо узналъ человѣка, не можетъ относиться къ нему иначе, какъ съ презрѣніемъ и ненавистью», говоритъ Байронъ въ одномъ своемъ письмѣ. Ту же мысль и также рѣзко онъ выражалъ много разъ. Достаточно вспомнить его защиту противъ обвиненія его въ мизантропіи, когда онъ говорилъ, что ему гораздо понятнѣе слово «ликантропія», такъ какъ при малѣйшей возможности человѣкъ немедленно превращается въ волка и жадно ждетъ поживы. Осуществляется, значитъ, тѣмъ самымъ горькая формула жизни, добытая горькимъ опытомъ древняго римлянина: homo homini lupus est.

Отсюда однако далеко до того, чтобы заключить о мизантропіи Байрона. Вспомнимъ сказанное выше про его желаніе лучше клеветать на себя и, во имя любви, въ противовѣсъ лицемѣрію общества, идеализировать порокъ, и мы поймемъ, почему такъ онъ воз-

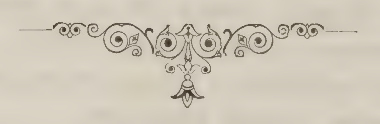
мущался, когда называли его мизантропомъ. «За что меня зовутъ мизантропомъ,—меня, самаго нѣжнаго и мягкаго человѣка, который никогда не сдѣлалъ ничего дурного и всегда былъ склоненъ къ состраданію? Они меня ненавидятъ, а не я ихъ», говорилъ онъ въ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ своихъ произведеній («Донъ-Жуанъ», IX. XXI). Воспитанникъ лучшихъ стремленій человѣческаго сердца гуманистовъ прошлаго вѣка (Руссо, напр.), онъ обнаруживаетъ столько теплаго чувства къ людямъ, столько сердечнаго участія въ ихъ заблужденіяхъ, столько находитъ въ себѣ всепрощенія къ обычнымъ слабостямъ человѣческаго существа, что можетъ быть названъ не мизантропомъ, а идеалистомъ, страдающимъ всю жизнь отъ невозможности, отъ неприложимости къ жизни идеальныхъ принциповъ. Заблуждающійся человѣкъ, по его мнѣнію, продуктъ соціальныхъ условій, неизбѣжное и невольное слѣдствіе дурно, негармонично сложеннаго общественнаго организма. Слѣдовательно, отвѣтственность за его недостатки падаетъ на цѣлое,—на то, что сдѣлало его такимъ. Вотъ почему, наряду съ выраженіемъ негодующаго презрѣнія къ людямъ, ихъ жизни, эгоистичнымъ разсчетамъ, мы находимъ у Байрона выраженіе удивительнѣйшей гуманности къ человѣку. Индивидуумъ не отвѣчаетъ за цѣлое, во взаимоотношеніяхъ того и другого центръ тяжести падаетъ на долю послѣдняго, тогда какъ первому принадлежитъ только пассивная роль. Таково мнѣніе поэта. Съ этой точки зрѣнія намъ понятны и объяснимы рѣзкіе скочки, крайніе переходы отъ ненависти и презрѣнія къ любви и снисхожденію, отъ сентиментальности къ крайней необузданности и рѣшимости ниспровергнуть и осмѣять все, что составляетъ условія существованія людей. Будучи, какъ мы выше замѣчали,

носителемъ идей XVIII в., соединяя въ себѣ характерныя черты идеалистовъ того времени, одаренный сложно-загадочной, крайне нервной натурой, Байронъ являлся человѣкомъ самыхъ противоположныхъ настроеній, колеблющихся отношеній къ жизни и обществу. Если что было неизмѣнно въ его глазахъ, что всегда служило объектомъ поклоненія его, такъ это идея духовной мощи, идеалъ гордой личности, въ чемъ бы эта сила ни проявлялась. Во всей поэзіи его явно сказывается стремленіе нарисовать такой именно образъ; лучшіе типы байроновскіе—воплощеніе той же страстной энергіи, непреклонной воли, гордой смѣлости.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ поэзія великаго британскаго поэта, оказавшаго огромное вліяніе въ дѣлѣ нравственно-культурнаго развитія Европы. Задача ея— нарисовать взаимоотношенія общества и его членовъ и выяснить рѣзкій контрастъ между чудною красотою природы и унижающимъ ее своими пороками человѣкомъ—достигла своей цѣли: едва ли какой другой писатель подчинялъ себѣ такъ умы, какъ Байронъ; едва ли кто другой, пробуждая мысль и сердце, такъ заставлялъ безпокойно оглядываться вокругъ и вдумываться въ себя, въ свое прошлое и настоящее, какъ тревожный геній Англіи. Но этого мало: рисуя міровой стонъ людей среди угнетавшаго ихъ душевнаго разлада, Байронъ являлся въ то же время и благороднымъ выразителемъ благородныхъ стремленій человѣчества подать руку помощи страждущимъ: достаточно вспомнить его живое, горячее участіе въ борьбѣ за освобожденіе Греціи. Наконецъ, стоя выше узкихъ національныхъ традицій, онъ былъ однимъ изъ первыхъ воплотителей въ поэзіи великой идеи космополитизма. Его творческая фантазія, уносясь за предѣлы родной страны, рисовала

очарованному зрителю красоты всего міра и скорбь человѣка—гражданина вселенной. Во всемъ этомъ—мощь Байроновскаго генія, общественное значеніе его творчества, права британскаго поэта на мѣсто въ ряду «безсмертныхъ».

К.

Миѳологическій элементъ въ сербской народной поэзіи *).

II.

Среча и Усудъ (судьба и счастье) **).

Сербскій народъ не могъ не обратить вниманія на разность людскихъ положеній: одни проводятъ жизнь весело и беззаботно, другіе принуждены страдать и трудиться; нерѣдки случаи, что всѣ труды человѣка не приводятъ ни къ чему, тогда какъ другимъ все удается само собою. Сплошь и рядомъ случается, что порочные торжествуютъ, а добродѣтельные люди терпятъ лишенія и гоненія. Удовлетворительное рѣшеніе этимъ вопросамъ можетъ дать только христіанство своимъ ученіемъ о временномъ попущеніи грѣха и воздаяніи за гробомъ. Язычникъ, конечно, не могъ возвыситься до такого представленія, равно какъ не возвышается до него простой некультурный человѣкъ: не умѣя объяснить разности человѣческихъ положеній, сербъ первоначально объяснилъ дѣло случаемъ. Человѣкъ счастливъ или несчастливъ потому, что такъ случилось, такая у него среча (встрѣча), удача. Радивой оставилъ Новака, ссылаясь на то, что тотъ уже старъ и не ходитъ вмѣстѣ съ дружиной на добычу. За Радивоемъ пошло тридцать другихъ гайдуковъ; Новакъ же остался съ двумя юными сыновьями. Но Радивой потерпѣлъ полную неудачу: Махмедъ Арапинъ, на котораго напалъ Радивой, порубилъ всю его дружину и взялъ въ плѣнъ самого Радивоя и связаннаго его повелъ съ собою чрезъ планину. Радивой запѣлъ пѣсню, въ которой иносказательно раз-

---

*) Продолж. Нач см. в.в. IV--V.

**) Правописаніе слова среча по-сербски «срећа» — счастье.

сказывалъ о случившемся съ нимъ. Пѣніе услышали дѣти Новака. Новакъ догадался, что Радивой потерпѣлъ неудачу и изъ засады напалъ съ своими юными сыновьями на Арапина и его дружину, состоявшую изъ тридцати турокъ. Радивой былъ освобожденъ, а Арапинъ и всѣ турки убиты. Забравъ богатую добычу, они сѣли отдыхать за виномъ. И говоритъ старина Новакъ: «Братъ мой, храбрый Радивой! О чемъ спрошу тебя, скажи мнѣ по правдѣ: что сильнѣе: тридцать гайдуковъ или старина Новакъ?» Отвѣчаетъ ему храбрый Радивой: «Братъ мой, старина Новакъ! сильнѣе были тридцать добрыхъ друзей, но не было у нихъ твоего счастья. (Кар. III, № 3). Пѣсня о «Тадіи Сенянинѣ» указываетъ другія подробности въ представленіяхъ о счастьи и несчастіи (Кар. III, № 39). Тадія собралъ дружину изъ тридцати четырехъ человѣкъ, но прежде, чѣмъ отправляться съ ними на своего врага, онъ рѣшилъ испытать свою дружину. Онъ снялъ шкуру съ живыхъ козла и барана и пустилъ ихъ на еловыя вѣтви: баранъ молчитъ, а козелъ громко кричитъ. Котарацъ Иванъ спрашиваетъ Тадію: «Тадія, голова наша! зачѣмъ ты пустилъ ихъ ободранными?» Отвѣчаетъ Сенянинъ Тадія: мука скотинѣ, а еще большая мука бываетъ нашему брату, если захватятъ его турки. Кто можетъ перенести такую муку, пусть молча, какъ ободранный баранъ, идетъ со мною чрезъ планину; кто не можетъ, Богомъ ему отъ меня прощенье, пусть воротится въ Сень. Сказавъ это, онъ всталъ на легкія ноги, схватилъ ружье и пошелъ въ горы. Обернулся Котарацъ Иванъ, а десять друзей отстало. «Зачѣмъ ты напугалъ дружину?» говоритъ онъ Тадіи: «Вотъ отстало отъ насъ десять друзей». — «Если они испугались ободраннаго козла, то какъ же бы они встрѣтили завтра Хасанъ-агу и съ нимъ его тридцать

молодцевъ?» отвѣчаетъ Тадія. Напуганная дружина мало-помалу отстала отъ Тадіи; осталось всего только трое. Говоритъ Котарацъ Иванъ Тадіи: «Мой Тадія, отъ тридцати осталось трое». А Тадія отвѣчаетъ ему: «Не бойтесь, мои дорогіе братья!» что дѣлаютъ тридцать юнаковъ, то могутъ сдѣлать три юнака, если намъ будетъ добрая среча» (80—83). Имъ, дѣйствительно, посчастливилось напасть на Хасанъ-агу, когда онъ спалъ пьяный со своей дружиной, и всѣхъ ихъ перевязать. Всѣ удивлялись Тадіи; а сенянскія дѣвушки говорили ему, когда онъ привелъ плѣнныхъ турокъ: «Боже милостивый! чудо великое! связали три добрыхъ юнака, три добрыхъ юнака связали тридцать турокъ, а сами не поплатились ни убитымъ, ни раненымъ!» Отвѣчаетъ Сенянинъ Тадія: «Не удивляйтесь, сенянскія дѣвушки: то повстрѣчались среча и несреча (счастье и несчастье), мое счастье и ихъ несчастье, и мое счастье одолѣло ихъ несчастье» (174—183).

Изъ этой пѣсни видно, что счастье и несчастье въ сознаніи серба были чѣмъ-то случайнымъ. Удача не обращаетъ вниманія на количество юнаковъ: три юнака могутъ одолѣть тридцать. Кромѣ сречи, удачи, есть и несреча, неудача. Она представляется блуждающей и, если кому случится впасть въ роковую ошибку, то о немъ говорится, что къ нему «прискочи зла несреча» (Кар. I, № 721). Счастье и несчастье не всегда сопутствуютъ людямъ и не всегда могутъ остаться при человѣкѣ въ критическую минуту. Тадія говоритъ, что на горѣ повстрѣчалось его счастье съ несчастьемъ Хасанъ-аги, и его счастье одолѣло несчастье аги. Эта борьба напоминаетъ намъ германскихъ фильгей и вѣдогоней, которыя дерутся съ фильгіями и вѣдогонями охраняемаго ими человѣка (Веселовскій XIII, 185 стр.).

Но на такомъ случайномъ распредѣленіи счастья и несчастья не могло остановиться народное сознаніе: оно стремилось обобщить и привести къ единству представленія о судьбѣ. Результатомъ такого стремленія къ обобщенію является вѣрованіе въ Усудъ, судьбу. Усудъ вполнѣ соотвѣтствуетъ роду, «который олицетворялъ собою общее понятіе о судьбѣ, какъ о божественной силѣ, все производящей и всѣмъ правящей въ мірѣ» (Аѳан. И. В. III, 389 стр.). Въ сказкѣ: «Усудъ», раскрывается воззрѣніе сербскаго народа на судьбу, долю (Караджичъ, «Српске нар. приповиjетке», № 13). Жили-были два брата: одинъ трудолюбивый, а другой лѣнтяй. Трудолюбивый не пожелалъ работать на лѣниваго, и братья разстались. Трудолюбивый усердно трудился, но все у него не клеилось. Однажды онъ рѣшилъ сходить посмотрѣть, какъ живетъ его братъ. Идетъ онъ и видитъ на лугу стадо овецъ; пастуха нѣтъ при стадѣ; а сидитъ красивая дѣвушка и прядетъ золотую пряжу. Безсчастный поздоровался съ нею и спросилъ: «Чьи это овцы?» – «Чья сама я, того и овцы», отвѣчала она.— «А чья же ты?»—«Я среча (счастье) твоего брата», отвѣчала она.—«А гдѣ же мое счастье?»—«Твое счастье далеко отъ тебя», отвѣчаетъ она: «поищи: можешь найти его». Безсчастный рѣшилъ отправиться поискать свое счастье, но прежде зашелъ къ своему брату. Тотъ, видя его гола и боса, подарилъ безсчастному опанки (родъ башмаковъ) и пятакъ денегъ. Послѣ того безсчастный отправился, куда глаза глядятъ, поискать свое счастье. Въ одномъ лѣсу онъ нашелъ грязную старуху, которая спала подъ деревомъ. Безсчастный разбудилъ ее ударомъ палки. «Моли Бога», сказала она, просыпаясь: «что я спала; а то не получать тебѣ и этихъ опанокъ».—«А ты кто»?—«Я твое счастье». Безсчаст-

ный сталъ колотить старуху палкой, приговаривая: «Если ты мое счастье, то убей тебя Богъ! Кто тебя мнѣ далъ?» — «Меня далъ тебѣ Усудъ», отвѣчала старуха. Безсчастный идетъ отыскивать Усудъ и на дорогѣ встрѣчаетъ другихъ несчастныхъ, которые просятъ его спросить у Усуда, почему имъ нѣтъ удачи. На своемъ пути безсчастный зашелъ къ пустыннику, который показалъ ему, куда итти, и научилъ молча дѣлать все то, что будетъ дѣлать Усудъ. Наконецъ, безсчастный пришелъ къ Усуду. Въ это время Усудъ жилъ въ царскомъ дворцѣ; вокругъ него было много слугъ, а самъ онъ сидѣлъ за столомъ и ужиналъ. Безсчастный сѣлъ за столъ и сталъ ужинать. Послѣ того Усудъ легъ спать; легъ спать и безсчастный. Въ полночь раздался сильный шумъ, и чей-то голосъ говорилъ: «Усудъ, Усудъ! сегодня родилось столько-то и столько-то душъ; подай имъ, что хочешь». Усудъ всталъ, раскрылъ сундукъ и, разсыпая вокругъ себя дукаты, говорилъ: «Какъ у меня сегодня, такъ и имъ до вѣка». Когда наступило утро, роскошнаго дворца уже не было, а былъ домъ среднихъ размѣровъ, но всего было достаточно въ домѣ. Прошелъ день. Въ полночь раздался шумъ, и неизвѣстный голосъ попрежнему спрашивалъ о долѣ народившихся. Усудъ всталъ, открылъ сундукъ, но тамъ были уже не золотые дукаты, а серебряныя деньги, и только изрѣдка попадались дукаты. Разсыпая деньги, усудъ говорилъ: «Какъ у меня сегодня, такъ имъ до вѣка». На утро вмѣсто зажиточнаго дома Усудъ и безсчастный очутились въ бѣдной избушкѣ. Усудъ взялъ заступъ и сталъ копать землю. То же самое сдѣлалъ и безсчастный. Только уже вечеромъ Усудъ взялъ кусокъ хлѣба, отломилъ половину его и далъ безсчастному: другой пищи у нихъ въ этотъ день не было. Въ полночь случилось то же самое,

что было и въ предыдущія: опять неизвѣстный голосъ просилъ назначить счастье народившимся. Усудъ всталъ, открылъ сундукъ и сталъ разсыпать черепки, между которыми попадалась мелкая монета поденщика. «Какъ у меня сегодня, такъ и имъ до вѣка», сказалъ онъ о народившихся. Когда безсчастный проснулся, то онъ былъ опять въ роскошномъ дворцѣ. На разспросы безсчастнаго Усудъ отвѣчалъ: «Ты видѣлъ, какъ я въ первую ночь разсыпалъ дукаты, и что послѣ того было. Какъ было у меня тогда, такъ родившимся въ ту ночь будетъ до вѣка. А ты родился въ несчастную ночь, и всю жизнь будешь несчастенъ; но, такъ какъ ты много потрудился, то я скажу тебѣ, какъ помочь дѣлу. У твоего брата есть дочь Милица; она счастлива, какъ и ея отецъ. Какъ вернешься ты домой, возьми ты ее къ себѣ и обо всемъ, что ни добудешь, говори, что это ея». Освѣдомившись о причинахъ несчастья другихъ неудачниковъ, онъ узналъ, что они виноваты по своей же винѣ. Возвратившись домой, безсчастный взялъ къ себѣ въ домъ Милицу, и съ тѣхъ поръ у него во всемъ была удача. Однажды онъ любовался своей прекрасной нивой. «Чья эта пшеница?» спросилъ у него прохожій.— «Моя», отвѣчалъ онъ, забывъ совѣтъ Усуда, и вдругъ въ то же мгновеніе пшеница на нивѣ загорѣлась. Догадавшись, что промахнулся, онъ догналъ прохожаго и сказалъ ему: «Остановись, братъ! Эта пшеница не моя, а моей племянницы Милицы». И огонь тотчасъ потухъ. Съ той поры онъ былъ счастливъ съ Милицей.

Въ этой легендѣ удача и неудача даются человѣку нѣсколько иначе, чѣмъ прежде. Въ разбираемыхъ раньше пѣсняхъ человѣкъ могъ быть сегодня счастливымъ, а завтра неудачникомъ, смотря по тому, съ кѣмъ по-

встрѣчается: съ «сречей» или «несречей». Но остановиться на такой случайности народное самосознаніе не могло. Высшимъ обобщеніемъ случайности является Усудъ. Отъ того положенія, въ какомъ онъ находится во время рожденія человѣка, зависитъ будущая судьба его: человѣкъ будетъ счастливъ, если родится тогда, когда усудъ будетъ жить богато, или—несчастливъ, когда Усудъ бываетъ въ положеніи поденщика. Усудъ предрекаетъ судьбу человѣку на цѣлую его жизнь. Такимъ образомъ, земная участь человѣка оказывается опять-таки вполнѣ зависящей отъ случая. Но несчастному все же можно измѣнить свою судьбу къ лучшему: принимая во вниманіе труды безсчастнаго, Усудъ научаетъ его обогатиться. Въ сущности человѣкъ остается при прежней долѣ, и удача сопутствуетъ счастливцу, живущему въ домѣ безсчастнаго.

Мы видѣли, что несчастному при посредствѣ хитрости можно достигнуть счастья. Зато счастье само оставляетъ человѣка, если онъ нарушаетъ законы нравственности. Въ приведенной ниже сказкѣ разсказывается, что безсчастный отправляется искать Усуда и на пути встрѣчается съ другими же безталанными. Видитъ онъ богатую избу, въ которой ярко горѣлъ огонь. Здѣсь, навѣрное, идетъ по какому-нибудь случаю веселье, или славятъ славу, подумалъ онъ. Когда онъ вошелъ въ избу, то увидѣлъ, что на разведенномъ огнѣ готовилось въ огромномъ котлѣ кушанье; здѣсь же сидѣлъ домохозяинъ. Они разговорились: безсчастный разсказалъ о цѣли своихъ странствованій, и хозяинъ съ своей стороны разсказалъ о себѣ. «Я человѣкъ богатый», говорилъ онъ: «всего у меня достаточно, но своихъ домашнихъ я никакъ не могу накормить досыта; самъ увидишь, какъ станемъ ужинать. Какъ только сѣли за столъ, че-

лядь бросилась отнимать пищу другъ у друга, и котелъ мигомъ опустѣлъ. Послѣ ужина хозяйка собрала кости въ одну кучу и бросила ихъ за печь, откуда показалось два дряхлыхъ тощихъ, какъ привидѣнія, старика и стали глодать кости. «Что это у тебя за печкой?» спрашиваетъ безсчастный.—«Это мой отецъ и моя мать», отвѣчаетъ хозяинъ: «тяжко имъ на этомъ свѣтѣ, а умереть не могутъ. Какъ будешь ты у Усуда, братъ, вспомни обо мнѣ и спроси у него: что за причина (несреча), что не могу накормить своихъ домашнихъ, и почему отецъ и мать не могутъ умереть?» Безсчастный пообѣщалъ ему. Продолжая путь, онъ зашелъ переночевать къ одному человѣку, и тотъ, узнавши, куда и зачѣмъ онъ идетъ, попросилъ безсчастнаго спросить у Усуда: «Почему его рогатый скотъ не размножается?» Безсчастный и ему пообѣщалъ. Идя далѣе, безсчастный дошелъ до рѣки, которая перенесла его на другую сторону и попросила узнать у Усуда, почему она не имѣетъ потомства. Проживъ три дня у Усуда и узнавъ отъ него, какъ достигнуть собственнаго счастья, безсчастный вспомнилъ о данныхъ ему порученіяхъ и спросилъ о нихъ у Усуда. О первомъ, который не могъ накормить своихъ домашнихъ, и родители котораго не могли умереть, Усудъ сказалъ: «Это ему за то, что онъ не почитаетъ отца и мать, бросаетъ имъ пищу за печку. А ихъ должно сажать на первое мѣсто, подавать первую чашу вина и водки (ракіи); тогда домашніе не будутъ съѣдать и половины того, что съѣдаютъ, а старики покойно умрутъ». О второмъ, у котораго не велся скотъ, Усудъ сказалъ: «Это ему за то, что, справляя красное имя, т.-е. славу, онъ колетъ худшую скотину; а нужно колоть самую лучшую: тогда и скотина будетъ водиться».—«Почему же вода не имѣетъ потомства?» спросилъ

у Усуда безсчастный.— «А потому», отвѣчалъ Усудъ: «что она утопила человѣка. Но, когда придешь къ рѣкѣ, не говори ей объ этомъ, пока она тебя ни переправитъ на другую сторону, а то она тебя утопитъ». Когда, возвращаясь отъ Усуда, безсчастный пришелъ къ рѣкѣ, она его спросила: «Что же сказалъ Усудъ»?— «Перенеси меня сначала, потомъ скажу», отвѣчалъ онъ. А, когда рѣка перенесла его, онъ сказалъ ей: «Вода, вода! ты утопила человѣка, потому и не имѣешь потомства». Когда услыхала это вода, выступила изъ береговъ и хотѣла поглотить безсчастнаго, и тотъ едва спасся бѣгствомъ. Другіе же неудачники, узнавъ, почему они несчастны, поспѣшили удалить причины своего несчастья; съ тѣхъ поръ у одного скотина стала быстро размножаться, а у другого домашніе не стали съѣдать и половины съѣдаемой прежде пищи, но выходили изъ за стола сытыми, а старики-родители—мирно скончались.

Итакъ, счастье отступаетъ отъ тѣхъ, кто не исполняетъ признанныхъ народомъ нравственныхъ требованій; если онъ продолжаетъ упорствовать, то такъ и не возвратится къ нему его счастливая доля (какъ это случилось съ рѣкой); но стоитъ человѣку исправиться, и его среча вернется къ нему. Иначе говоря: счастье и несчастье ставятся въ связь съ исполненіемъ или неисполненіемъ нравственныхъ требованій человѣкомъ. Такое рѣшеніе дается этому вопросу, по всей вѣроятности, не безъ вліянія христіанства, которое частью признаетъ его: по ученію христіанства, земное благоденствіе въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ нравственнаго состоянія человѣка; если же существуетъ отступленіе отъ этого правила, то оно обусловливается высшимъ дѣйствіемъ Промысла (см. книгу Іова), и во всякомъ случаѣ полное возмездіе ожидаетъ человѣка за

гробомъ. У сербовъ есть сказанія о загробномъ мученіи и блаженствѣ, но эти пѣсни совершенно не стоятъ въ связи съ вопросомъ о счастьи и несчастьи человѣка. Усудъ, завѣдующій судьбой человѣка, очевидно, унаслѣдованъ отъ язычества. Когда же народъ принялъ христіанство, то надъ Усудомъ оказался христіанскій Богъ, и вотъ въ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ совмѣстное употребленіе словъ «среча» и Богъ. Въ свадебной пѣснѣ поется молодымъ: «Повстрѣчала васъ добрая среча и Господь Богъ! Если вамъ кто захочетъ сдѣлать зло, не допуститъ до того среча и Богъ» (Кар. т. I, № 35). Въ другой пѣснѣ почти дословно повторяется то же самое (тамъ же, № 75). «Вернись, молодая Мара», поется въ третьей пѣснѣ: «мать зоветъ тебя».—«Пусть зоветъ и призываетъ,—я не имѣю свободнаго времени: Богъ и среча перенесли меня на Ивановъ дворъ» (тамъ же № 57). Въ пѣснѣ: «Змѣй-женихъ», встрѣчается такое выраженіе: «Такъ ему далъ Богъ и среча: не поймалъ онъ ни серны, ни оленя» (Кар. II, № 12). Такихъ выраженій много въ сербской народной поэзіи. Если въ этихъ случаяхъ Богъ и среча упоминаются сознательно, то это намъ доказываетъ, что двоевѣріе, въ чемъ такъ долгое время обличало духовенство русскій народъ, не чуждо и сербскому народу. Среча (счастье) не утеряло своего языческаго значенія, но она, подъ вліяніемъ христіанства, является уже въ подчиненномъ отношеніи къ Богу.—Сербскому народу не удалось удовлетворительно рѣшить вопросъ о предопредѣленіи и возмездіи. Онъ не избѣжалъ фатализма. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія пѣсня о «Симеонѣ Найденышѣ». Она представляетъ изъ себя варіантъ преданія объ Эдипѣ, который убилъ своего отца и женился на матери. Приводимъ эту пѣсню въ переводѣ.

«Симеонъ Найденышъ».

«Рано всталъ старикъ, отецъ-игуменъ,
И пошелъ онъ къ тихому Дунаю
Зачерпнуть себѣ воды студеной,
Чтобъ умыться и молиться Богу.
И нашелъ у берега игуменъ
Сундучокъ изъ олова литого,
Выброшенный на берегъ волнами.
Онъ, подумавъ, что казна въ немъ скрыта,
Въ монастырь отнесъ сундукъ съ собою.
Отворилъ сундукъ онъ оловянный:
Не было въ немъ серебра и злата,
А лежалъ младенецъ неразумный,
Семидневный маленькій ребенокъ.
Взялъ младенца-мальчика игуменъ,
Окрестилъ его въ святую вѣру,
Имя далъ хорошее младенцу,
Имя далъ ему Семенъ Найденышъ.
И не зналъ кормленья грудью мальчикъ:
Самъ его отецъ-игуменъ кормитъ,
Все питаетъ сахаромъ да мёдомъ.
Къ году былъ Семенъ такой ужъ ростомъ,
Какъ другіе дѣти въ три лишь года;
А въ три года, какъ другія дѣти
Въ семь лишь лѣтъ; а въ семь былъ Сима ростомъ,
Какъ иной не будетъ и въ двѣнадцать,
А въ двѣнадцать, какъ другіе въ двадцать.
Быстро Симо *) изучилъ всѣ книги:

---

*) Симо—уменьшительное имя отъ Симеонъ, Семенъ.

Превзошелъ всѣхъ парней монастырскихъ *),
Не уступитъ старику-игумну.
Утромъ, разъ въ святое воскресенье
Вышли всѣ товарищи Семена,
Чтобъ игрой на волѣ забавляться:
Стали прыгать и метать каменья.
Больше всѣхъ скачокъ былъ Симеона,
Дальше всѣхъ метнулъ свой камень Симо;
Превзойти его никто не можетъ,
Хоть немало школьники старались.
Вотъ они и говорятъ съ укоромъ:
«Симеонъ, вѣдь ты у насъ найденышъ!
«У тебя нѣтъ племени и рода:
«Кто отецъ твой,—самъ того не знаешь.
«Въ сундукѣ тебя отецъ-игуменъ,
«Говорятъ, нашелъ у водъ Дуная».
Грустно стало на душѣ Семена;
Въ келью онъ пошелъ свою съ печалью,
Въ руки взялъ евангелье святое,
Самъ читаетъ, ронитъ горьки слезы.
Входитъ въ келью Симеона старецъ,
Ихъ игуменъ, говоритъ Семену:
«Что съ тобою, сыне Симеоне?
«Что роняешь горестныя слезы?
«Или терпишь въ чемъ ты недостатокъ?»
Отвѣчаетъ Симеонъ Найденышъ:
«Честный отче, старецъ нашъ игуменъ!
«Надо мной товарищи смѣются,
«Что не знаю я отца и рода,
«Что меня нашелъ ты надъ рѣкою...

*) Здѣсь разумѣются монастырскіе мальчики, соотвѣтствующіе нашимъ послушникамъ.

«Честный отче, ты меня послушай:
«Если въ Бога истиннаго вѣришь,—
«Дай мнѣ быстраго коня, прошу я.
«Я пойду—постранствую по свѣту,
«Поищу себѣ отца и рода.
«Знать хочу я: низкаго ль я рода,
«Или рода знатнаго какого?
«Погулять хочу я у Дуная».
И жаль стало старику Семена,
Жаль такъ стало, какъ родного сына:
Далъ ему онъ новую одежду,
Далъ онъ Симу тысячу дукатовъ
И коня лихого изъ конюшни.
Ѣдетъ онъ по бѣлу по свѣту.
Девять лѣтъ онъ по свѣту блуждаетъ,
Все онъ ищетъ племени и роду.
Только какъ ему о томъ развѣдать,
Если онъ, о чемъ спросить, не знаетъ?
Наступилъ девятый годъ; задумалъ
Симеонъ въ свой монастырь вернуться,
И коня онъ повернулъ обратно.
Засіяло утро золотое
Изъ-подъ града бѣлаго Будима;
Юный стройный Симеонъ Найденышъ
(Красотой онъ дѣвушки пригоже)
На конѣ своемъ лихомъ несется,
Словно соколъ, мчится подъ Будимомъ
И лихую распѣваетъ пѣсню.
Королева славнаго Будима
Увидала изъ окна Семена
И зоветъ къ себѣ свою служанку:
«Ты иди на поле, подъ юнакомъ
«Удержи коня его лихого

«И скажи юнаку: что-то хочетъ
«Говорить съ тобою королева».
Побѣжала вѣрная служанка,
Подъ юнакомъ лошадь удержала
И юнаку тихо говорила:
«О юнакъ! съ тобою королева
«Говорить въ дворцѣ о чемъ-то хочетъ».
Повернулъ Семенъ къ высокой башнѣ,
Въ ворота въѣзжаетъ и служанкѣ
Отдаетъ коня, чтобъ подержала.
Самъ идетъ въ свѣтлицу королевы.
Какъ увидѣлъ королеву Симо,
Шапку снялъ и въ землю поклонился,
Ей желаетъ добраго здоровья.
Королева ласково встрѣчаетъ
И за столъ накрытый садитъ Симо,
Угощаетъ виномъ и ракіей *)
И различнымъ сладкимъ угощеньемъ.
Вотъ сидитъ Семенъ и попиваетъ
Красное вино; но королева
Пить не можетъ: все глядитъ на Симо.
А какъ надъ землею ночь спустилась,
Королева Симу говорила:
«Раздѣвайся, незнакомый витязь...
«Ты ночуешь здѣсь и съ королевой
«Обниматься будешь, цѣловаться».
Омрачился разумъ Симеона
Отъ вина хмельного и ракіи,
Легъ въ постель онъ вмѣстѣ съ королевой,
Цѣловался, обнимался съ нею;
А какъ утро въ небѣ засіяло,

*) Водкой.

Отрезвился Симеонъ отъ хмеля
И увидѣлъ то, что съ нимъ случилось;
Тяжело тутъ стало Симеону.
Поднимался онъ на рѣзвы ноги,
Сталъ коня сѣдлать и въ путь сбираться.
На столѣ готовитъ королева
Для Семена кофе и ракію
Но Семенъ не хочетъ оставаться;
На коня онъ своего садится,
Ѣдетъ полемъ отъ Будима града.
Тутъ Семенъ припомнилъ, что оставилъ
Въ башнѣ онъ евангелье святое.
Повернулъ коня Семенъ обратно.
У воротъ большихъ коня оставилъ,
Самъ пошелъ на башню къ королевѣ.
Входитъ онъ и видитъ: королева
На окнѣ усѣлася высокомъ,
Честное евангелье читаетъ
И роняетъ горестныя слезы.
Къ королевѣ Симо обратился:
«Дай мое евангелье святое».
Ему отвѣчаетъ королева:
«Дорогой, Семенъ мой! о несчастный!
«Въ горькій часъ нашелъ ты родъ и племя...
«Ты въ Будимъ пріѣхалъ и сегодня
«Ночевалъ съ будимской королевой:
«Цѣловался съ нею, обнимался!
«А она вѣдь мать твоя родная!» *)
Услыхалъ то Симеонъ Найденышъ,

*) По всей вѣроятности, гдѣ-либо на евангеліи было написано, чье оно, кому принадлежитъ, и зачѣмъ его владѣлецъ путешествуетъ. Караджичъ.

Залился горючими слезами,
Взялъ свое евангелье святое;
Облобзалъ онъ руку королевы,
На коня усѣлся и направилъ
Путь обратный въ монастырь, гдѣ выросъ;
А, когда былъ монастырь ужъ близко,
Увидалъ отецъ-игуменъ Симо,
Своего коня узналъ; изъ кельи
Повстрѣчать онъ вышелъ Симеона,
Слѣзъ Семенъ съ коня и поклонился
До земли до черной предъ игумномъ,
Облобзалъ его полу и руку.
Говоритъ ему отецъ—игуменъ:
«Гдѣ ты долго былъ Семенъ Найденышъ?
«Много лѣтъ въ какихъ земляхъ скитался?»
Отвѣчаетъ Симеонъ игумну:
«Не пытай меня, отецъ-игуменъ!
«Въ горькій часъ нашелъ я родъ и племя,
«На бѣду нашелъ его въ Будимѣ».
И все разсказалъ онъ старику-игумну.
А, когда услышалъ все игуменъ,
Взялъ Симо за руку онъ за бѣлу,
Отворилъ проклятую темницу,
Гдѣ вода стояла по колѣни,
И кишали змѣи-скорпіоны,
Симеона бросилъ въ тьму густую
И, замкнувши дверь замкомъ тяжелымъ,
Отъ нея въ Дунай ключи забросилъ;
Самъ съ собою говорилъ игуменъ:
«Какъ ключи поднимутся въ Дунаѣ,
«И Семена грѣхъ тогда простится».
Съ той поры вотъ девять лѣтъ проходитъ,
Наступаетъ слѣдомъ годъ десятый.

Рыбаки въ рѣкѣ поймали рыбу
И нашли ключи въ желудкѣ рыбы,
Отнесли ихъ къ старику-игумну.
Тутъ отецъ-игуменъ вспоминалъ Семена,
Бралъ ключи онъ, отворялъ темницу:
Нѣтъ воды и сырости въ темницѣ,
Не кишатъ тамъ змѣи—скорпіоны:
Тамъ въ темницѣ солнышко сіяетъ,
За столомъ златымъ сидитъ Найденышъ
И въ рукахъ евангеліе держитъ».
(Кар. томъ II, № 14.

Въ нашей пѣснѣ опущено роковое предсказаніе о смѣшеніи съ матерью; нѣтъ и отцеубійства. Но очевидно, что надъ Симеономъ тяготѣетъ неумолимый рокъ: онъ безсознательно оказывается преступникомъ. Какъ поступить въ данномъ случаѣ? Виноватъ онъ или нѣтъ? Съ одной стороны, за всякое преступленіе человѣкъ долженъ понести соотвѣтствующее наказаніе; съ другой стороны, невольное и безсознательное преступленіе не есть преступленіе въ собственномъ смыслѣ. Вопросъ рѣшается такъ: безвинно виноватый при посредствѣ самоотреченія и самонаказанія получаетъ прощеніе. Такъ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ древними греками; отголосокъ миѳа объ Эдипѣ представляетъ безъ сомнѣнія и сербская пѣсня. Заключаемый въ затворъ, Семенъ тяжелымъ покаяніемъ заглаживаетъ предъ Богомъ свой грѣхъ, въ которомъ онъ не участвовалъ сознательно, а былъ простымъ орудіемъ предопредѣленія. Вопросъ о возмездіи за грѣхъ рѣшенъ удовлетворительно; но это только повидимому, потому что самая постановка его ложна: судьба и христіанскій Богъ не могутъ существовать совмѣстно: одно понятіе исключаетъ другое. Ставя

рядомъ эти два начала, сербскій народъ, равно какъ и русскій, доказываетъ этимъ, что его представленія о судьбѣ человѣка довольно сбивчивы, и это вполнѣ понятно: народъ не богословъ: не можетъ рѣшить вопроса съ теоретической точки зрѣнія.

Гальковскій.

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ *).

4.

Переходные женскіе типы между двумя эпохами.

Только жена одного Ставра Годиновича представляетъ исключеніе: между всѣми героинями былинъ она является самымъ чистымъ женскимъ образомъ изъ всѣхъ, созданныхъ народною фантазіею, и представляетъ примѣръ трогательной супружеской вѣрности.— Въ томъ процессѣ, которымъ шло народное творчество, при созданіи этого женскаго образа, можно ясно наблюдать, какъ измѣнялись народныя воззрѣнія на достоинство женской личности въ промежутокъ между двумя отдаленными по времени эпохами народной жизни—эпохой первобытной и той, когда гражданственность уже сдѣлала прочные успѣхи. Образъ Василисы Микуличны именно соединяетъ въ себѣ черты обѣихъ эпохъ. По своему происхожденію она несомнѣнно стоитъ въ связи съ древнимъ временемъ, будучи дочерью извѣстнаго богатыря Микулы Селяниновича. По огромной физической силѣ, умѣнью владѣть оружіемъ, справляться съ конемъ, она принадлежитъ къ тѣмъ поленицамъ, которыя, какъ мы видѣли, составляли обыкновенный типъ женщины въ архаическую эпоху. У нея есть свои собственныя латы кольчужныя, мечъ кладенецъ, копье, тугой лукъ, калены стрѣлы, словомъ, полное вооруженіе, которое у нея осталось еще съ того времени, когда она поляковала до своего вы-

---

*) Продолж. См. за 1900 г. в.в. IV—VI.

хода замужъ, подобно тому какъ поляковала Настасья Микулична до своего выхода замужъ за Добрыню. Въѣзжая въ Кіевъ, она ѣдетъ не воротами, приворотками, а скачетъ „прямо черезъ стѣну городовую, черезъ тыя башни наугольныя“. Сила ея громадна. Когда Владимиръ предлагаетъ ей побороться съ тридцатью могучими богатырями, ей ничего не стоитъ съ ними справиться:

„Возьметъ мужика въ руку, а другого въ другую,
Толкнетъ лбами вмѣстѣ, и души нѣтъ“.

Но отношеніе народа къ этой героинѣ совсѣмъ не то, которое онъ проявляетъ къ поленицамъ. У этой женщины въ обыденной жизни сила и удаль физическая бездѣйствуютъ; изъ постояннаго упражненія въ нихъ она не сдѣлала себѣ профессіи на всю жизнь. Она прекрасно живетъ съ своимъ мужемъ и представляетъ рѣдкій образецъ любящей и вѣрной жены. Только въ крайнемъ случаѣ, для спасенія мужа изъ заточенія, прибѣгаетъ она къ своей силѣ, ножницами нѣмецкими подстригаетъ волосы „помужеску“ и наряжается въ мужское платье. Но и въ такомъ маскарадѣ она думаетъ, что скорѣе, чѣмъ боемъ, возьметъ Ставра думушкою женскою и удачею молодецкою, т.-е. болѣе полагается на свою хитрость и простую благопріятную случайность, чѣмъ на одну силу своихъ мускуловъ. Хотя ей пришлось во время испытаній высказать и эту послѣднюю и проявить удивительную ловкость въ стрѣльбѣ, но все-таки она далеко не похожа на своихъ предшественницъ—поленицъ, которыя только сильны, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ грубы и такъ несимпатичны народу. Отъ всего ея образа, даже и въ мужскомъ костюмѣ, вѣетъ женственностью. Ея походка, ея манеры не имѣютъ ничего рѣзкаго, грубаго, и наблюдательная дочь Владимира (по др. изводу, его жена) сейчасъ же

замѣтила, что подъ этою мужскою одеждою скрывается женщина. И народная фантазія съ любовью остановилась на ней и тщательно отдѣлывала всѣ подробности ея исторіи. Съ очевиднымъ сочувствіемъ передаютъ намъ слагатели былинъ, какъ эта удивительная женщина

„Всѣхъ-то князей, бояръ пріобманетъ,
Самого Владимира съ ума сведетъ".

Но этихъ послѣднихъ стиховъ еще нельзя принять за указаніе на возможность преклоненія нашихъ предковъ передъ женскимъ умомъ вообще; во всякомъ случаѣ въ нихъ нѣтъ ничего такого, что противорѣчило бы выше сдѣланнымъ выводамъ о недовѣрчивомъ отношеніи къ женщинѣ. Проф. Вс. Миллеръ, приписывающій выдающуюся роль въ разработкѣ и распространеніи нашего былеваго творчества Новгороду и въ частности доказывающій новгородское происхожденіе той основной пѣсни о плѣненіи Ставра, которая позже вошла въ быликный циклъ, очень тонко подмѣтилъ, что именно „новгородская точка зрѣнія на кіевскаго князя сказывается и въ смѣшной роли, приписываемой былиною кн. Владимиру, котораго" съ ума свела „ловкая баба" *).

Неосторожный Ставръ Годиновичъ имѣлъ оплошность именно въ этихъ выраженіяхъ похвастать на пиру у кн. Владимира своею молодой женой, и Владимиръ за эту похвальбу засадилъ его во погреба глубокіе **). Василиса Микулична ѣдетъ освобождать своего мужа и выдаетъ себя

*) «Очерки русс. народ. словесности», 281.

**) Лѣтопись говоритъ о дѣйствительномъ заточеніи новгородскаго сотника Ставра, который прогнѣвалъ Владимира Мономаха и былъ заточенъ имъ въ Кіевѣ въ 1118 г. вмѣстѣ съ др. новгородскими боярами за грабежъ двухъ какихъ-то гражданъ, по догадкѣ Соловьева («Исторія Россіи», III, стр. 111- я4-го изданія).

то посломъ земли Гленскія, то царевичемъ Василіемъ Микульевичемъ, который сватается за Забаву Владимировну. Содержаніе всей былины и состоитъ именно въ развитіи выше приведеннаго двустишія. Цѣлымъ рядомъ самыхъ незамысловатыхъ хитростей, которыя заставляла её продѣлывать наивная народная фантазія, Василиса Микулична дѣйствительно всѣхъ князей, бояръ пріобманула и свела съ ума кн. Владимира, который во всей былинѣ представленъ удивительнымъ простофилею. Причина такой симпатіи народа къ этой личности заключается именно въ томъ, что Василиса Микулична остается всегда во всѣхъ своихъ поступкахъ вѣрною женской природѣ. Громадную физическую силу, удивительную хитрость и изворотливость посвящаетъ она лишь на избавленіе своего мужа, слѣдовательно, на цѣль высоко нравственную, по понятіямъ народа въ томъ видѣ, какъ они сложились подъ вліяніемъ христіанства. Такимъ образомъ, ея физическія и умственныя преимущества, будучи посвящены высокой задачѣ, не становились въ этотъ разъ въ противорѣчіе съ новыми воззрѣніями народа на нравственное и безнравственное, на дозволенное и недозволенное для женщины. Потому и хитрость, которую она проявляетъ, и ея мужественность—возбуждаютъ не негодованіе, а симпатію разсказчиковъ. Ее рисуетъ народъ съ удовольствіемъ, потому что жена Ставра представляетъ намъ рѣдкій типъ преданной, любящей жены, безъ всякаго эгоизма посвятившей всю себя на то, чтобы выручить изъ бѣды своего мужа *).

Итакъ, жена Ставра, фигуру которой Безсоновъ совершенно справедливо называетъ „величавой", есть несомнѣнно положительный женскій образъ въ нашемъ былинномъ эпосѣ, на которомъ сказались смягченные нравы позднѣйшей эпохи.

---

*) Рыбниковъ, I, 241—250; II, 93—149; «Древ. Росс. Стих.», XIV; Кирѣевскій, IV, 59—68.

Но на какую массу отрицательныхъ типовъ приходится у насъ одинъ положительный образъ!—Впрочемъ, сюда же надо прибавить и жену Данилы Ловчанина, Настасью (Василису) Микуличну, исторія которой по сюжету напоминаетъ библейскій разсказъ о Давидѣ и Вирсавіи; только Настасья при гибели своего мужа, отъ котораго захотѣлъ отдѣлаться Владиміръ, чтобы завладѣть ею, „какъ пришла къ тѣлу Данилы Ловчанина,—на то же копье споролася". Она также называется „грозною", одѣвается въ платье молодецкое, ѣздитъ по чисту полю съ мужемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ является не только глубоко преданной, но и кроткой, покорной женой, безпрекословно признающей первенство мужа: на грубое замѣчаніе мужа: „Ты, невѣжа, не отецка дочь! Чево де ты, невѣжа, ослушаешься? Али не чаешь надъ собою бо́льшова?" она не прогнѣвалась, а старается его успокоить разумными доводами *).

Такое же промежуточное положеніе между двумя эпохами занимаетъ и личность жены Добрыни, Настасьи Микуличны, соединяя въ себѣ одновременно характерные признаки господствующаго женскаго типа первобытнаго времени и послѣдующаго. Но она уступаетъ женѣ Ставра въ интенсивности нравственнаго чувства. Ея прежній мужской образъ жизни, полякованье, въ которомъ она провела свою молодость до замужества, не выработалъ изъ нея сильно развитой нравственно личности. Въ ней вовсе нѣтъ того духа предпріимчивости, которымъ отличается жена Ставра. Дѣйствія ея проникнуты вялостью и безхарактерностью. Будучи отъ природы наклонна къ добру, при встрѣчѣ съ неблагопріятными обстоятельствами, какъ мы видѣли, она идетъ на сдѣлки съ ними и уступаетъ безъ особеннаго сопротивленія враждебной силѣ. Вліяніе той же переходной эпохи между

*) Кирѣевскій, Ш, 28—38.

двумя формами народнаго быта сказалось и въ образѣ жены Дуная. Эта женщина, недавно вышедшая замужъ, еще не забыла своихъ поѣздокъ богатырскихъ. Она гордится своей силой, ловкостью; у нея у самой „горитъ душа“ потѣшиться. Но такія наклонности женщины—переживаніе предыдущей исторической эпохи, и онѣ непригодны для наступающаго времени. Народное творчество безъ сожалѣнія принесло ее въ жертву новымъ слагавшимся условіямъ жизни. Сама Настасья признала, что правда не на ея сторонѣ, что первый долгъ жены угождать своему мужу, признавать во всёмъ его первенство надъ собою, а отнюдь не дерзать состязаться съ нимъ, въ чемъ бы то ни было. Мы видѣли ея просьбы, ея мольбы о прощеніи „за глупыя слова, за женскія“: она сама предлагаетъ разгнѣванному мужу закопать её въ землю по поясъ, бить её по нагому тѣлу за ея рѣчи „неумильныя“. Этими словами она именно признаетъ, что право не на ея сторонѣ, и вполнѣ преклоняется передъ новымъ надвигавшимся складомъ жизненныхъ отношеній.—Жена Михайлы Потыка, Марья—Лебедь Бѣлая, связана народными представленіями съ еще болѣе далекимъ прошлымъ. Образъ дѣвы съ лебедиными крыльями, вѣщей дѣвы, обращающейся въ лебедушку бѣлую, теряется уже въ миѳическомъ туманѣ. Эта женщина, одаренная сверхъестественными способностями, выйдя замужъ за Потыка, вполнѣ освоивается съ новымъ порядкомъ вещей. Она признаетъ главенство мужа, сознается передъ нимъ въ своемъ полнѣйшемъ женскомъ умственномъ и нравственномъ убожествѣ, ухаживаетъ за нимъ, угощаетъ его. Но это типъ вполнѣ отрицательный. Свою таинственную силу она прилагаетъ и въ новомъ положеніи, но обращаетъ её исключительно на зло. Изъ нея вышла, какъ мы видѣли, коварная жена, обманывающая законнаго мужа всѣми неправдами, прибѣгающая къ чарамъ, къ питью „забудущему“. Въ ея лицѣ бы-

линное творчество дало намъ образчикъ той коварной „зелейницы“, „отрутницы“,—той злой чаровницы, о которой такъ часто поютъ наши пѣсни. Къ сожалѣнію, этотъ типъ далеко не былъ однимъ плодомъ народной фантазіи, а составлялъ широко распространенное явленіе дѣйствительной жизни,—зло, съ которымъ постоянно приходилось считаться темнымъ русскимъ людямъ въ темные вѣка ихъ исторіи.

5.

Представительницы новаго времени.

Но время шло. Одни поколѣнія смѣнялись другими. Вырабатывались новыя жизненныя условія. Новыя вѣрованія вытѣсняли собою старыя. Сообразно съ этимъ мѣнялись нравственныя воззрѣнія народа, взглядъ на добро и зло,—мѣнялись идеалы народа. Новое всюду могущественно заявляло свои притязанія, и старыя формы жизни вездѣ отступали передъ нимъ постепенно. Наше эпическое творчество служитъ отголоскомъ народной жизни въ періодъ, обнимающій полный рядъ вѣковъ. По одному изъ новѣйшихъ мнѣній, „ея формы и содержаніе являются намъ въ томъ видѣ, въ какомъ они сложились въ особенности къ концу XVII в.“ *). Во всякомъ случаѣ былевая поэзія подчинялась общему закону развитія жизни и постепенно мѣняла самое свое содержаніе, отбрасывая одно, принимая другое. Удержавъ личности своихъ старинныхъ любимцевъ, богатырей Владимирова цикла, народное творчество вводило въ

*) Пыпинъ. «Народная поэзія», «Вѣстн. Евр.» 1896 г., кн. 4-я.

ихъ кругъ и новыхъ героевъ, умѣвшихъ подѣйствовать на воображеніе массы; оно же не стѣснялось ставить и несомнѣнныя историческія личности въ совершенно фантастическую обстановку и одаряло ихъ способностями, вѣра въ которыя возникла еще во время глубокаго младенчества человѣческаго ума. Такъ, Ермакъ сражался рядомъ съ Ильей Муромцемъ, а кн. Романъ волынскій нехуже Волха Всеславича обращается въ сѣраго волка, бѣлаго горностая и чернаго ворона (Романъ Дмитріевичъ. Былины). Еще болѣе могущественно отразилось на нашей былевой поэзіи видоизмѣненіе самаго быта народнаго. На огромномъ промежуткѣ восьмивѣковового существованія древней Россіи успѣли произойти, конечно, крупныя перемѣны во внутренней жизни и бытѣ народа. Въ самыхъ общихъ, типическихъ ихъ проявленіяхъ былевая поэзія усваивала себѣ и эти новыя явленія жизни и останавливалась и на нихъ. Такъ добросовѣстно отразила она на себѣ и тѣ новыя условія, въ которыхъ съ теченіемъ времени поставлена была на Руси женская личность. Мы видѣли, какъ сохранились въ нашихъ былинахъ, подобно отзвукамъ далекаго прошлаго, образы воинственныхъ женщинъ, поленицъ—типъ, для позднѣйшихъ сказателей былинъ совершенно непонятный и несимпатичный. Мы видѣли женщинъ, стоящихъ на рубежѣ между глубокой древностью и позднѣйшею историческою эпохою и соединяющихъ въ себѣ характеристическія черты той и другой эпохи. Наконецъ, въ былинахъ же мы видимъ женщину новую, встрѣчаемъ тотъ типъ, который былъ самымъ распространеннымъ въ послѣдніе вѣка существованія древней Россіи, съ тѣми характерными чертами, которыя сложились въ немъ подъ вліяніемъ взаимодѣйствія, съ одной стороны, родового быта, а, съ другой—византизма.

Такою представительницею новаго времени является въ былинахъ о Дунаѣ Опракса (Афросинья) королевична, на

которой хочетъ жениться самъ Владиміръ князь. Въ ней позднѣйшіе народные пѣвцы, которымъ она и обязана, конечно, своимъ появленіемъ въ былинахъ, выразили свои представленія объ идеальной, благовоспитанной дѣвушкѣ. Не ея сестрѣ Настасьѣ, которая „все полякуетъ", а младшей дочери, которая „все при домѣ живетъ", принадлежитъ сочувствіе пѣвцовъ. При извѣстной свободѣ, съ которою народное творчество относится къ хронологіи, насъ не должно удивлять, что въ одной семьѣ дочери ведутъ столь противоположный образъ жизни. Можетъ-быть, Опраксѣ придана здѣсь старшая сестра именно для усиленія контраста между этими двумя типами женщинъ. Опракса королевична рисуется дѣвушкою идеальной красоты. Она ростомъ высокая, „станомъ становитая и лицомъ она красовитая". Это именно дѣвушка, достойная той высокой чести, которая её ожидаетъ: изъ нея выйдетъ княгиня „супротивная супротивъ князя Владимира". Съ нею ему можно будетъ „жить да быть", съ нею онъ можетъ „думу думати, долгіе вѣки коротати"; ей по справедливости всѣ князья, бояре, всѣ могучіе богатыри и весь красный Кіевъ—градъ будутъ покланятися. Въ чемъ же еще заключаются ея достоинства, кромѣ одной красоты? Она — дѣвушка, прекрасно воспитанная, заботливо выхоленная подъ отеческимъ кровомъ, такая невѣста, которая единственно подходитъ подъ требованія князя. Младшая дочь литовскаго короля является по своему образу жизни и воспитанію несомнѣнной представительницею послѣдней эпохи, пережитой древнею Русью. Въ своемъ дѣвичествѣ она не знаетъ свободы:

„Сидитъ она во теремѣ, въ златомъ верху,
На ню красное солнышко не оппекетъ,
Буйные вѣтрушки не оввѣютъ,
Многіе люди не обгалятся" (не глазѣютъ).

Это описаніе затворничества дѣвицы въ теремѣ есть lo-

cus communis былинъ. Чрезвычайно интересно, что и эту, чисто бытовую черту миѳологіи ухитрились сблизить съ солнечнымъ миѳомъ: невѣста—земля, засидѣвшаяся въ зимнемъ плѣну; дождь—рѣка размываетъ ея оковы и, выводя на волю, подготовляетъ къ благодатному браку съ солнцемъ *). Но это несомнѣнно какъ разъ тотъ образъ жизни, въ которомъ томилось и страдало на Руси большинство дочерей достаточнаго класса, какъ это намъ доподлинно извѣстно относительно временъ московскихъ и, какъ мы имѣемъ нѣкоторую смѣлость предполагать, относительно даже времени предшествующаго. Спокойно выносить всю его тяжесть со всею массою послѣдствій, вытекающихъ изъ такого полнаго ограниченія личной свободы, могли только натуры, совершенно пассивныя и очень мало одаренныя. Скромная, благовоспитанная дѣвушка живетъ въ глубинѣ терема, окруженная только близкими родственниками да толпою сѣнныхъ дѣвушекъ. Но жизнь въ полномъ изобиліи мало доставляетъ ей утѣхи, ибо никакія матеріальныя блага, ни явства сахарныя, ни камни самоцвѣтные, ни наряды, которыми такъ заботливо снабжаютъ её нѣжные родители, не имѣютъ никакой цѣнности сами по себѣ, а доставляютъ наслажденіе женщинѣ только въ обществѣ, когда есть кому смотрѣть и любоваться на неё. Общества же у нея не бывало никогда, почему почти всегда дѣвушка чувствовала себя глубоко несчастною. Извѣстныхъ цѣлей подобное воспитаніе достигало. Вырабатывалась въ дѣвушкѣ скромная внѣшность, отвѣчавшая современнымъ требованіяхъ приличія: „поступь тихая, рѣчи умильныя". Но всегда ли этому внѣшнему смиренію соотвѣтствовало смиреніе духа, это является такимъ вопросомъ, на который никакъ нельзя дать утвердительнаго отвѣта. Затворничество женщинъ не достигало въ сущности своей основной цѣли—поднять уро-

---

*) Орестъ Ѳед. Миллеръ: «Илья Муромецъ», 333.

вень нравственности въ коварной половинѣ человѣческаго рода: напротивъ, заключеніе женщины, будучи построено на недовѣріи къ добрымъ сторонамъ человѣческой природы, способствовало именно развитію всѣхъ темныхъ, дурныхъ наклонностей женщины: хитрости, мстительности, коварства, въ которыхъ ея слабое существо видѣло единственное средство самозащиты. И былины не даютъ намъ данныхъ для составленія болѣе оптимистическихъ умозаключеній.

Мы видѣли въ былинѣ о сорока каликахъ, какою низкопробною является нравственность самой кн. Опраксіи, готовой измѣнить мужу ради перваго прохожаго добраго молодца и выказывающей въ другомъ случаѣ свое увлеченіе Тугаринымъ Змѣевичемъ съ такимъ забвеніемъ всякихъ приличій, что убившій Тугарина Алеша Поповичъ вызываетъ у Владимира облегченное восклицаніе: „Часъ ты мнѣ свѣтъ далъ!“ *) Но еще и въ дѣвичествѣ, во время жизни въ отеческомъ домѣ, затворы терема, извлекая искусственно дѣвушку изъ шумнаго водоворота жизни, мало обезпечивали полное внутреннее перерожденіе ея и далеко не во всѣхъ вырабатывали взглядъ на міръ, какъ на жилище грѣха, отъ котораго благоразумнѣе всего удаляться. Эта недоступная внѣшняя жизнь, богатая соблазнами, манила къ себѣ неотразимо, какъ всякій запретный плодъ; она разжигала воображеніе, привлекала къ себѣ любопытство неразвитого дѣвическаго ума. Сношенія съ этимъ міромъ, хотя и косвенныя, но все-таки поддерживались. Родственный кругъ приносилъ вѣсти о событіяхъ, происходившихъ внѣ тѣсныхъ домашнихъ интересовъ; общество сѣнныхъ дѣвушекъ, пользовавшихся, благодаря своему низшему общественному положенію, гораздо большею свободою, чѣмъ ихъ госпожа; постоянныя столкновенія съ многочисленною дворнею,—все это

*) Кирѣевскій, II, 79; «Древ. Рос. Стих.», XIX.

знакомило ее съ такими сторонами жизни, свѣдѣнія о которыхъ, конечно, отнюдь не входили въ програму воспитанія скромной дѣвушки; по крайней мѣрѣ тѣ „рѣчи келейныя“, которыя ведетъ мать Саламанова со своими прислужницами (въ извѣстной повѣсти объ этомъ царѣ) не отличаются ни приличіемъ, ни нравственностью.—Мужчина, которому теремъ былъ недоступенъ, не могъ однако быть изгнанъ изъ воображенія заключенныхъ въ немъ дѣвушекъ. Затворы не мѣшаютъ послѣднимъ слѣдить за мужчинами, знать всѣхъ жениховъ въ округѣ и составлять свои собственные матримоніальные планы, которые могутъ кореннымъ образомъ расходиться съ намѣреніями родителей. Мы видѣли, какъ воспитывалась Опракса королевична, дочь короля отдаленной отъ Кіева Литвы. Но и она на предложеніе Дуная отвѣчаетъ, что три года Господу молилась, чтобы попасть замужъ за князя Владимира. Совершенно такой же отвѣтъ даетъ и прекрасная Офимьюшка (она же—Чайна, Авдотья, Катерина Чесовична) Хотину (Гордену) Блудовичу. Офимья, дочь богатой купеческой жены, живетъ въ теремѣ—златомъ верху, далеко отъ нескромныхъ взоровъ людскихъ,—живетъ во всякомъ довольствѣ, недоступная даже прикосновенію вѣтра. Мать считаетъ небогатаго Хотина слишкомъ незначительною партіею для нея, но дочь съ большимъ удовольствіемъ идетъ за Хотина замужъ при первой возможности *).

Былины даже передаютъ намъ нѣчто большее: онѣ показываютъ, какъ выработанныя теремомъ чисто внѣшнія

*) Рыбниковъ, I, 251—261; «Древ. Рос. Стих.», XVI; Кирѣевскій, IV, 68—77. Ор. Ѳ. Миллеръ и эту былину, такъ же, какъ и былину о Потыкѣ, сравниваетъ съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Рогнѣдѣ, взятой Владимиромъ насильственно («Илья Мур.», 369).

условныя формы благопристойности безъ всякой задержки при первомъ удобномъ поводѣ нарушались нашими скромными дѣвицами. Такова Любавушка Запавична (Запава Путятична), племянница кн. Владимира, въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ. Она живетъ также въ теремѣ, но интересуется всѣмъ, что дѣлается въ городѣ; у нея есть трубонька подзорная, черезъ которую она видитъ далеко окрестности. Вообще дѣло извѣстное, когда молодцы идутъ по Кіеву, „дѣвки, женки по плечъ въ окно метаются“. Какъ благовоспитанная дѣвушка, Любава не смѣетъ безъ разрѣшенія старшихъ выйти изъ дому, и Владимиръ даетъ ей особое прощеньице—благословеньице прогуляться по Кіеву. Она и подумать не можетъ выйти одна на улицу. Князь окружаетъ её цѣлою толпою нянюшекъ и мамушекъ, „тыхъ ли вѣрныхъ служаночекъ“. Всѣ требованія приличія, какъ мы видимъ, соблюдены вполнѣ. Но что же вышло изъ этой прогулки? Княжну влечетъ къ новымъ теремамъ златоверхимъ, чудеснымъ образомъ построеннымъ въ одну ночь невиданными заѣзжими гостями. Безъ церемоніи подслушиваетъ она, что дѣлается въ каждомъ изъ этихъ теремовъ и, не долго раздумывая, приступаетъ къ столь рѣшительному шагу, передъ которымъ остановится дѣвушка, воспитанная даже и не въ такихъ строгихъ правилахъ: она входитъ въ послѣдній теремъ, гдѣ сидѣлъ Соловей со своею дружиною. Подошла она къ нему поблизешенько, поклонилась понизешенько, поздоровалась и потомъ неожиданно обратилась къ нему съ такою рѣчью:

„Младъ Соловей, сынъ Будимировичъ!
Ты возьми-тко меня, красну дѣвушку,
Ты возьми-тко меня за себя замужъ!“

Соловей остался удивленъ такимъ ничѣмъ неподгото-

вленнымъ предложеніемъ не менѣе современнаго читателя и не преминулъ по этому поводу высказать княжнѣ, насколько неприлично ея поведеніе:

„Ты всѣмъ мнѣ, дѣвушка, въ любовь пришла,
Однимъ ты мнѣ, дѣвка, не въ любовь пришла:
Сама ты себя, дѣвушка, просватываешь".

Далѣе, онъ уясняетъ ей, какъ своимъ рѣзкимъ поступкомъ уклонилась она отъ идеала истинно благовоспитанной дѣвушки:

„А тебѣ бы, дѣвушка, не эдакъ бывать,
Не такъ бывать: дѣвушкѣ —дома быть,
Ино дома быть, воду носить,
Коровъ поить, телятъ кормить",

заканчиваетъ онъ съ насмѣшкою.

„Съ того со стыда со великаго
Скоро она поворотъ держитъ,
Поворотъ держала и домой бѣжала".

Другого ей, конечно, ничего не оставалось. Въ этомъ суровомъ насмѣшливомъ приговорѣ, вложенномъ въ уста Соловья, народъ выразилъ безъ сомнѣнія свои собственныя ходячія убѣжденія объ истинномъ значеніи дѣвичьей скромности.

Проф. Халанскій, разбирая былину о Соловьѣ, говоритъ: „Упоминаніе о самокрутствѣ Забавы Путятишны имѣетъ историческое и народное значеніе", такъ какъ подобный обычай существовалъ и у славянъ въ древнее время, и есть намеки на то, что онъ былъ у великоруссовъ и болгаръ, а у малороссовъ держится до сихъ поръ *). Возможность

*) «Велико-рус. былины Кіевскаго цикла», 157 и 158.

существованія этого обычая не какъ единственнаго, а наряду съ другими способами заключенія брака, нисколько не противорѣчитъ свидѣтельствамъ лѣтописи и даже подтверждается нѣкоторыми былинами о поленицахъ. Но былина о Соловьѣ живо показываетъ намъ, какъ съ теченіемъ времени кореннымъ образомъ измѣнились воззрѣнія на это въ великорусскомъ народѣ. Общественное мнѣніе, какъ видимъ, съ одной стороны, сурово карало нарушеніе дѣвичьей скромности, но, съ другой—и теремъ не давалъ достаточно гарантій именно въ ея нерушимости. Разобранный нами варіантъ былины оканчивается тѣмъ, что Соловей самъ уже отправился къ князю Владиміру свататься за его племянницу, и Любава Запавична съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей была выдана дядею замужъ. Въ другомъ пересказѣ свадьба временно откладывается по вмѣшательству матери Соловья, которая отправляетъ его за моря расторговаться, и въ его отсутствіе голый Щапъ чуть не отбиваетъ у него невѣсту, какъ Алеша Поповичъ жену у Добрыни; но Соловей во время возвращается, и все оканчивается счастливо. Но есть варіантъ, гдѣ дѣло оканчивается вовсе не такъ благополучно для невѣсты. Хотя Соловей Будимировичъ и самъ желалъ получить племянницу князя съ супружество, хотя и прожилъ у Владиміра три мѣсяца, но дѣвушка, сама себя просватавшая, была столь необычайнымъ явленіемъ, что эта рѣзкость окончательно его оттолкнула, и онъ уѣхалъ изъ Кіева ни съ чѣмъ. Такой конецъ, конечно, ничуть не противорѣчитъ общенароднымъ воззрѣніямъ на истинное достоинство женской личности, которое должно состоять въ скромности, доходящей до полной пассивности *).

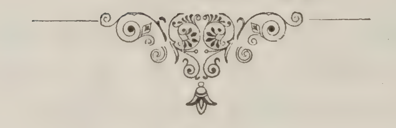
*) Рыбниковъ, I, 318—332; II, 184—194; «Древ. Росс. Стих.», I; Кирѣевскій, IV, 99—108.

Нѣсколько разъ упоминавшійся уже нами критикъ

Теремъ еще менѣе удерживаетъ сестру братьевъ Збродовичей Настасью, запертую двумя дверями, замкнутую тремя ключами, отъ очень близкаго знакомства съ Алешею Поповичемъ, которымъ этотъ „бабій пересмѣшникъ“ не стыдится хвастать (Кирѣевскій, II, 64—69).

Н. Шеметова.

Продолженіе будетъ.

г. Н. Соловьевъ дѣлаетъ одно очень оригинальное сопоставленіе: онъ, приводя параллели между Забавою Путятичною и Тургеневскими героинями: Асею, Еленою, Натальею, говоритъ, что всѣ онѣ «суть тоже въ своемъ родѣ Забавы Путятишны: всѣ онѣ точно также смѣло шли къ Соловьямъ Будимировичамъ, всѣ сами себя просватали... Если чего недостаетъ имъ въ сравненіи съ народнымъ представленіемъ забавницы, прихотницы, то это искренности и простоты» («Искусство и Жизнь» III, 76).

НАРОДНЫЯ ПРИСЛОВЬЯ О ГОРОДАХЪ И ПЛЕМЕНАХЪ ОЛОНЕЦКАГО КРАЯ.

Настоящая статья представляетъ собою попытку собрать въ одно цѣлое разнообразныя присловья и поговорки, въ которыхъ народъ русскій мѣтко и вѣрно выразилъ свой взглядъ на характеристичныя особенности городовъ и племенъ одного изъ самыхъ глухихъ уголковъ нашего обширнаго отечества, Олонецкаго края, того самаго края, который съ 60-хъ годовъ все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ интересъ ученаго міра открытыми въ нѣдрахъ его сокровищами былевой поэзіи. Быть—можетъ, и ниже предлагаемый нами этнографическій матеріалъ будетъ небезынтереснымъ для иного русскаго филолога или любителя родной старины.

Правду сказалъ Гоголь о силѣ русскаго слова: „Произнесенное мѣтко, все равно, что написанное, не вырубливается топоромъ. А ужъ куда бываетъ мѣтко все, что вышло изъ глубины Руси... живой и бойкій умъ не полѣзетъ за словомъ въ карманъ, не высиживаетъ, какъ насѣдка цыплятъ, а влѣпливаетъ сразу, какъ паспортъ, на вѣчную носку, и нечего ужъ прибавлять потомъ, какой у тебя носъ или губы: одной чертой обрисованъ ты съ ногъ до головы".

Въ самомъ дѣлѣ, если разсматривать олонецкія присловья со стороны содержанія, то въ нихъ какъ и вообще во всѣхъ русскихъ присловьяхъ и поговоркахъ, отмѣчается или историческій фактъ, или какая-нибудь особенность характера и обычаевъ населенія,—разныя событія, явленія въ жизни, достоинства и недостатки, и выражено это въ формѣ сжатой, вѣрной и насмѣшливой; разнымъ мѣстностямъ при-

даны прозвища, которыя, какъ нельзя болѣе, являются характерными въ томъ или другомъ отношеніи и никогда не забываются; напр., сельскіе жители не очень высокаго мнѣнія о городской жизни, какъ видно это изъ слѣдующаго разсказа: „Два крестьянина—два пріятеля соскучились жить въ деревнѣ и отправились въ лѣсъ. Ходили-ходили... „Что, братъ? скучно эдакъ шататься!“—„Скучно, братъ! некуда голову приклонить!“—„Коли такъ, давай выстроимъ себѣ городъ“.—„Ну, давай!“ Стали строить: лѣсу нарубили, принялись обтесывать бревна. А между тѣмъ за работою не замѣтили, какъ насталъ вечеръ: надо было гдѣ-нибудь переночевать. Мужики стали искать свои вещи. Одинъ не могъ найти своихъ рукавицъ и закричалъ: „А гдѣ мои рукавицы? Не видалъ ли ихъ?“—„Нѣтъ, не видалъ!“ „А это что?“—вскрикнулъ потерявшій, замѣтивъ свои рукавицы за пазухой у пріятеля: „ты укралъ мои рукавицы!“—„Эка! укралъ! да вѣдь мы съ тобой что стали строить? городъ?“—„Ну, да!“—„Такъ, коли въ городѣ жить, то погородскому и быть“. „Ну, такъ и Богъ съ тобой и съ городомъ твоимъ; а я ужъ лучше стану жить въ деревнѣ!“. Такъ разсказываютъ въ Зазерьѣ—въ Усть-Яндомѣ (Клементьевъ: „Поговорки Ол. края“. 1856 г.).

Значительную часть населенія Олонецкой губерніи составляетъ финское племя, корелы. Это племя отличается своею угрюмостью и упрямымъ характеромъ. Благодаря распространенію православной вѣры и близкому сосѣдству съ русскими, они мало помалу смягчились въ нравахъ, начали привыкать къ осѣдлой жизни, заниматься земледѣліемъ, торговлей и промыслами. Но о томъ, каковы они были въ первобытную дикую старину, можно судить по слѣдующей поговоркѣ: „Въ лѣсахъ живутъ, такъ пню и поклоняются“. Очевидно, въ ней сохранились слѣды того времени, когда народы финскіе были язычниками и славились даже волшебствомъ.

Въ томъ же выше упомянутомъ сочиненіи г. Клементьева приводятся нѣкоторыя указанія на обряды, сохранившіеся до сихъ поръ среди повѣнецкихъ кореловъ, какъ остатокъ старины: такъ, напр., въ корельскихъ деревняхъ Повѣнецкаго уѣзда въ большомъ ходу обрядъ прощенія. Случится, положимъ, женщинѣ какъ-нибудь наколоть или ушибить себѣ ногу, пролить воду изъ ведра, поскользнуться и обмочить платье въ рѣкѣ,—всѣ подобные случаи объясняются тѣмъ, что водяникъ чѣмъ-либо недоволенъ, и потому нужно поправить дѣло. Тогда женщина, считающая себя виновною, отправляется съ серебряною монетой или красными нитками на то мѣсто, гдѣ съ нею приключилась отъ водяного бѣда, и бросаетъ въ воду принесенное какъ бы въ уплату за свое преступленіе со словами: „Прости меня, хозяинъ!“ при этомъ она дѣлаетъ нѣсколько поклоновъ и, повторивъ еще раза два-три тѣ же слова, идетъ домой, вполнѣ увѣренная, что примирилась съ водяникомъ. Очень часто къ подобному обряду прощенія прибѣгаютъ въ случаѣ болѣзни. При малѣйшемъ заболѣваніи тотчасъ отыскивается причина въ родѣ какого-нибудь согрѣшенія предъ столомъ, рукомойникомъ, хлѣвомъ и т. п., и больная отправляется просить у нихъ прощенія“.

Если и теперь еще существуютъ описанные суевѣрные обряды у кореловъ, то нужно ли удивляться, что присловье, сложенное народомъ о поклоненіи пнямъ, имѣетъ свое основаніе въ древнѣйшей исторіи умственнаго и религіознаго состоянія этого племени? Какъ историческое подтвержденіе присловья о поклоненіи пнямъ, можно, напр., привести слѣд. мѣсто изъ донесенія архіепископа Новгородскаго Макарія въ 1534 г. царю Ивану Васильевичу. Замѣчая, что языческія вѣрованія сохранились во всей силѣ „въ Чуди, и въ Ижерѣ, и во всей корѣльской земли“, онъ говоритъ: „Суть же скверные молбища ихъ лѣсъ и каменье, и рѣки,

и блата, источники и горы, и холми, солнце и мѣсяцъ, и звѣзды, и озера, и просто рещи всей твари покланяхуся, яко Богу, и чтяху и жертву приношаху"... О томъ же говорятъ и сохранившіяся до нашего времени житія олонецкихъ св. отшельниковъ.

По мѣрѣ того, какъ русскій народъ, проникая все далѣе и далѣе въ глубь сѣверныхъ странъ, занималъ своими поселеніями берега рѣкъ и озеръ, коренные обитатели финскаго племени должны были удаляться въ лѣса и вообще въ мѣста дикія и пустынныя или смѣшиваться съ пришельцами-славянами, перенимая ихъ религію, языкъ, обычаи и нравы. Это-то явленіе изъ исторіи русской колонизаціи отмѣтилъ и русскій народъ, говорящій: „Корелу на свѣтѣ природа не терпитъ". Но, сливаясь съ русскимъ народомъ, корелы сохранили много чертъ, общихъ всему финскому племени, а именно: упрямство, упорность въ характерѣ, не поддающуюся убѣжденіямъ. Эта черта подмѣчена въ поговоркѣ, которою русскіе дразнятъ угрюмыхъ туземцевъ Олон. края:

„Корела-корела!
Три года горѣла,
А не выгорѣла!"

Въ огромныхъ лѣсныхъ и озерныхъ пространствахъ нашего сѣвера, гдѣ живутъ нынѣ корелы, пути сообщенія между ихъ поселеніями по большей части находятся въ первобытномъ состояніи: дороги, какъ и вся вообще природа, мало тронуты рукою человѣка; рѣдко гдѣ онѣ находятся въ сносномъ и благоустроенномъ порядкѣ; разстоянія между деревнями не измѣрены обычнымъ способомъ, верстовыми столбами, а опредѣляются по примѣру дѣдовскому: „Когда баба мѣряла клюкой, да махнула рукой". Отсюда-то объясняется поговорка: „Корельскій верстень (версту) поѣзжай на весь день". Невольно вспоминается здѣсь одинъ путешественникъ, лѣтъ двадцать назадъ не мало странство-

вавшій по водамъ Олонецкихъ озеръ въ обществѣ кореловъ. Утомившись продолжительностью ѣзды черезъ одно озеро, онъ во время остановки у острова, расположеннаго, по заявленію корела-кормщика, на половинѣ пути, полюбопытствовалъ, скоро ли можно добраться до мѣста его назначенія. Корелъ утѣшилъ нетерпѣливаго барина: „Скоро, бачка, скоро—большая половина проѣхали, а этта половина—гораздо поменьше“.

Про всѣхъ вообще олончанъ, а въ частности жителей г. Олонца существуетъ присловье такого рода: „О, Олонца добра молодца! Они не бьются, не дерутся; а, кто больше съѣстъ, тотъ и молодецъ. Одинъ молодецъ съѣлъ тридцать пероговъ съ перогомъ. Ѣлъ—ѣлъ: что-то лопнуло. Ужъ не брюхо ли? Нѣтъ, ремень лопнулъ съ пряжкой“. Присловье это, какъ видно по его содержанію, составлено въ насмѣшку надъ произношеніемъ Олончанъ (оканьемъ) и надъ тѣмъ, что они любятъ сытно покушать. Дѣйствительно, въ деревняхъ Олонецкой губерніи ѣдятъ очень много: въ праздники, напр., крестьянинъ, если желаетъ соблюсти весь деревенскій этикетъ, то обязанъ непремѣнно побывать въ гостяхъ у всѣхъ знакомыхъ и въ каждомъ домѣ пообѣдать. А, такъ какъ необходимую и главную часть всякаго обѣда составляетъ обильное количество пироговъ, то легко себѣ представить, какую богатырскую борьбу съ пирогами способенъ выдержать желудокъ подобнаго гостя-гурмана, олонецкаго добраго молодца! По этой же причинѣ и жители Петрозаводска прозваны „боскоѣдами“: „Боска, боска, на тебѣ костку! боскѣ не далъ, а самъ обглодалъ“. („боска“—кличка собаки). Въ объясненіе этого прозвища приводятъ слѣдующій разсказъ („Олон. Вѣд“. 1860 г., № 33). „У одного крестьянина шелтозерскаго общества, Петрозаводскаго уѣзда, была свадьба. Къ утру свадебнаго дня все нужное для крестьянскаго пира было приготовлено заботливыми

хозяйками. Въ деревняхъ на свадьбахъ гостей бываетъ много, почему и горшки съ кушаньями были большіе и поставлены противъ печки на ошосткѣ. Извѣстно, что у крестьянъ даже и понынѣ встрѣчаются избы черныя: кирпичнаго вывода въ трубу у печки нѣтъ, отчего дымъ расходится по всей избѣ и улетаетъ въ отверстіе потолка, закрываемое деревянными дверцами. Въ ночь передъ свадьбою домашняя собака (по-чудски—боска) ощенилась на печкѣ. Лишь только затопили печь и поставили къ устью горшки съ мясомъ, щенята, вѣроятно, отъ жару расползлись по печкѣ, и одинъ за другимъ попадали въ горшки, чего въ суетахъ хозяйки и не замѣтили. Собрались, наконецъ, гости, сѣли за столъ; подали деревенскія щи, въ которыхъ плавали собачьи морды, уши и лапы. Съ криками и бранью выскочили гости изъ-за трапезы, и съ того времени прозваніе „боскоѣды“ присвоено всѣмъ здѣшнимъ жителямъ“.

Изъ другихъ городовъ Олонецкой губерніи народныя присловья самую тяжелую, горькую долю придаютъ Пудожу, или Пудогѣ. Про бѣдность жителей Пудоги сложены такія поговорки: „Горе—горькое, побѣдная Пудога! Пофунтовно хлѣбъ покупаютъ, голоднѣе деревни! Въ нашей Пудогѣ можно умереть голодною смертью!“ Самихъ пудожанъ называютъ „балахонниками“ и еще „миньками толстоголовыми“. Черезъ весь Пудожскій уѣздъ протекаетъ рѣка Водла, изобилующая налимами (мѣстное названіе: мень, менекъ), которые иногда ловятся вѣсомъ до пуда. Передается еще одно присловье про Пудожъ· „У него дѣлъ, какъ у пудожскаго старосты“. Немудрено, что въ такомъ захудаломъ и весьма скудно населенномъ городѣ, возведенномъ на степень уѣзднаго при имп. Екатеринѣ II-ой лишь въ силу административныхъ соображеній изъ бывшей весьма бѣдной деревни, и не могло быть сколько-нибудь значительнаго количества дѣлъ у представителя городского хозяйства старосты, со-

отвѣтствующаго нынѣшнему городскому головѣ.

Въ присловьѣ о Лодейномъ полѣ: „Лодейное поле—злодѣйное поле", быть-можетъ, отразилось воспоминаніе о тяжелыхъ работахъ на Лодейнопольской верфи, гдѣ строились въ 1703 г. во время войны со шведами, съ величайшею поспѣшностью, первые русскіе корабли для Балтійскаго моря; вѣроятно, и то, что разнообразный составъ пришлаго населенія, пригнаннаго тогда на мѣсто нынѣшняго города этого имени, вредно вліялъ на нравственность народную.

Для каргополовъ народомъ даны прозвища: „толоконники, шипуны, типуны, сыроѣды, чудь бѣлоглазая". Объясненія этихъ прозваній мы находимъ въ разныхъ источникахъ такія: разсказываютъ, напр., какъ однажды по льду озера ѣхалъ цѣлый обозъ каргополовъ. Они проголодались и остановились; одинъ изъ нихъ говоритъ другому: „Ванько, замѣсимъ-ка толокна!"—„Замѣсимъ!"—Сдѣлали во льду прорубь, всыпали въ нее возъ толокна и смотрятъ... „Что, парень? что то не хряснетъ" (т.-е. не густѣетъ)!—„Давай, высыплемъ еще!". Высыпали еще возъ... Но толокно все-таки не хряснетъ. Они третій—четвертый, всѣ пять, а толокно въ проруби не хряснетъ! Тогда одинъ вызвался: „дай-ка, Ванько", я пойду туда, посмотрю, что оно тамъ не хряснетъ? Сказалъ, да и нырнулъ въ прорубь. Ждутъ-пождутъ, а товарища изъ проруби нѣтъ. „Что-то, братъ, его долго нѣтъ? Одинъ-то какъ бы всего не съѣлъ тамъ?" „Дайка, Ванько, пойду туда и я"... Сказалъ и въ прорубь... Другіе ждали—ждали да по ихъ примѣру одинъ за другимъ всѣ перескакали въ прорубь. Наѣхали проѣзжіе и увидѣли, что на льду стоятъ одни пустые возы да лошади (Клементьевъ, 240 стр.). Прозвище „шипуны" дано каргополамъ потому, что они, говоря, шипятъ (пыхтятъ). Второй же эпитетъ, „типуны", въ примѣненіи къ нимъ означаетъ людей скупыхъ, потому что каргополы славятся своимъ скопидомствомъ.

Относительно двухъ послѣднихъ прозвищъ приводимъ сказаніе изъ „Географическаго словаря“ Щекотова: „Обитатели мѣстъ, лежащихъ по озеру-Лачѣ и Онегѣ-рѣкѣ, которыхъ называли „погаными сыроядами и чудью бѣлоглазою“, своими набѣгами на предѣлы Бѣлозерскаго княжества заставили князя Вячеслава итти на нихъ съ войскомъ. Прогнавъ бѣлоглазую чудь до береговъ Бѣлаго моря, Вячеславъ послѣ утомительнаго перехода по дремучимъ лѣсамъ, топямъ и болотамъ съ радостью вступилъ на одно обширное поле, на которомъ можно было отдохнуть его дружинѣ: „а какъ усмотрѣли тутъ великое множество воронъ, которыя и поднесь въ просторѣчіи „каргами“ называются, то и наименовали свой станъ Каргино—поле“. Покоривъ и остальныхъ кочевавшихъ близъ этихъ мѣстъ поганыхъ сыроядовъ, Вячеславъ возвратился въ Бѣлозерскъ, но оставилъ здѣсь часть войска съ начальниками, которые и основали первое жилище на Каргинѣ—полѣ. Это объясненіе названія Каргополя нельзя признать за достовѣрное: это слово правдоподобнѣе объясняется языкомъ первобытныхъ обитателей этихъ мѣстъ: по-фински оно значитъ—овсяная (какронъ пуоли) или медвѣжья сторона (каркунъ—пуоли). Порода малыхъ бурыхъ медвѣдей называется у крестьянъ овсянниками („Пам. кн. Олон. губ“. 1858 г. стр. 169).

О Вытегрѣ составилось присловье: „Вытегоры—воры, у Петра I камзолъ украли,—камзольники, водохлебы“. Въ „Олон. Вѣд.“ 1860 г., № 53, дается такое объясненіе всѣмъ этимъ прозвищамъ: въ 1711 г. имп. Петръ I предпринялъ путешествіе для осмотра мѣстностей предположеннаго имъ сообщенія рѣкъ Вытегры и Ковжи. Десять дней онъ пробылъ въ лѣсахъ близъ береговъ озера Маткозера, лично обозрѣлъ это мѣсто и нашелъ удобнымъ осуществить свою геніальную мысль. Возвращаясь въ Петербургъ, онъ остановился отдыхать невдалекѣ отъ Вытегры. Чувствуя усталость

послѣ долгихъ и трудныхъ переходовъ, царь легъ отдохнуть и скоро уснулъ. Въ это время одинъ крестьянинъ, какъ говорятъ, чтобы сдѣлать памятнымъ для себя пребываніе царя, потому что царь останавливался подлѣ его деревни, утащилъ изъ-подъ изголовья царскій камзолъ. Разумѣется, все это открылось, и случай этотъ заклеймилъ вытегоровъ на вѣчную носку названія „камзольниковъ“. Другое присловье, „водохлебы“, составилось позже. По Вытегрѣ, съ открытіемъ навигаціи по каналу, проѣзжаетъ много приказчиковъ съ низовыхъ губерній. Остановки ихъ доставляютъ удобный случай здѣшнимъ жителямъ взять лишнюю гривну за какую-нибудь уху или за щи съ плохимъ мясомъ, и эти приказчики въ насмѣшку надъ хозяевами и ихъ кушаньями и составили присловье „водохлебы“.

О Повѣнцѣ, самомъ сѣверномъ изъ городовъ Олонецкаго края, существуетъ присловье: „Повѣнецъ—тамъ и міру конецъ“. Присловье это было вполнѣ справедливо для жителей пятидесятыхъ, шестидесятыхъ годовъ, когда, описывая Повѣнецъ, говорили: „до Повѣнца вы доѣхали, а дальше ни съ мѣста, если вамъ не угодно увязнуть въ болотахъ“. Дѣйствительно, почтовый трактъ тогда оканчивался городомъ Повѣнцомъ, и только въ очень недавнее время онъ продолженъ до береговъ Бѣлаго моря; вмѣстѣ съ тѣмъ и „конецъ міру“ отодвинулся въ предѣлы той губерніи, про нѣкоторые города которой составлено присловье, что они „всего полверсты отъ аду“.

Не только о городахъ, но и объ отдѣльныхъ селеніяхъ существуютъ присловья: напр., обѣльнымъ крестьянамъ дано прозвище: „безхребетники“. Жителей деревни Павловицъ называютъ „бубаками“ за то, что они, за неимѣніемъ вблизи другой воды, пьютъ болотистую красноватую, въ которой водится вмѣстѣ съ піявками родъ маленькихъ рыбокъ, называемыхъ „бубаками“. Жителямъ села Кижъ (въ Петрозавод-

скомъ уѣздѣ) дано прозвище „тѣстятники, саламатники“. Кижане, какъ и большинство заонежанъ, промышляютъ извозомъ и въ пути возятъ всегда въ передкѣ своихъ саней кадки съ тѣстомъ изъ овсяной муки. Про олончанъ, кромѣ приведеннаго выше, сложено другое присловье въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: „Одинъ молодецъ съѣлъ тридцать три перога съ перогомъ да еще съ творогомъ, выхлебалъ полтора молока кислаго стоуца (горшка)“, такъ выразился народъ, подсмѣиваясь надъ богатырскимъ аппетитомъ олончанъ.

Кромѣ перечисленныхъ и объясненныхъ выше, существуетъ еще много поговорокъ о бурлакахъ и тѣхъ разношерстныхъ и разноплеменныхъ рабочихъ, которые каждую навигацію толпами проходятъ по каналамъ и рѣкамъ Маріинской системы, но, по всей вѣроятности, эти присловья не мѣстнаго происхожденія, такъ какъ они слышатся и въ другихъ губерніяхъ.

В. И.

Памяти Леонида Николаевича Майкова.

11 апрѣля 1900 г. опустили въ могилу прахъ Л. Н. Майкова, вице-президента Императорской Академіи Наукъ. Онъ скончался послѣ болѣзни, длившейся 2 мѣсяца,—7 апрѣля въ $10^1/_2$ час. утра.

Почтить память покойнаго Л—да Н—ча я полагаю обязанностью всѣхъ, кому дороги интересы русской науки и въ частности исторіи русской словесности.

Я не буду касаться личности покойнаго, по отзывамъ лицъ, знавшихъ его, въ высокой степени симпатичной по своей отзывчивости, гуманности, теплотѣ отношенія къ людямъ. Я не принимаю на себя и задачи дать оцѣнку учено-литературной дѣятельности Леонида Николаевича, ни даже полнаго обозрѣнія работъ его: я хочу только припомнить нѣсколько чертъ его дѣятельности, характеризующихъ направленіе и значеніе трудовъ его въ области исторіи русской словесности.

Человѣкъ, талантливый отъ природы, происходя изъ семьи даровитой (отецъ былъ извѣстный въ свое время художникъ, братья: Аполлонъ—извѣстный поэтъ, Валеріанъ—критикъ, Владиміръ—педагогъ, въ 50 г.г. редакторъ дѣтскаго журнала: „Подснѣжникъ“), Леонидъ Николаевичъ началъ свою писательскую дѣятельность еще на студенческой скамьѣ, и уже вскорѣ по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ (по историко-филологическому факультету въ 1860 г.), именно въ 1863 г., защитилъ диссертацію на степень магистра русской словесности: „О былинахъ Владиміpова цикла“ (Спб. 1863).

Работа эта представляетъ самостоятельный критическій обзоръ свѣдѣній о древне-русскомъ эпосѣ, замѣчательный

какъ трезвостью историческаго взгляда, такъ и осторожностью выводовъ [1]). Изслѣдованіе было основано на принципахъ, если и не оригинальныхъ по общей идеѣ, то новыхъ и важныхъ по своей формулировкѣ; оно научно поставило вопросъ и положило начало особому направленію изученій, какъ извѣстной научной системѣ: именно, явившись послѣ извѣстныхъ статей Ѳ. И. Буслаева („Русскій богатырскій эпосъ" 1862), давшихъ, какъ извѣстно, начало сравнительно-миѳологическому направленію экзегезы русскаго народнаго эпоса,—направленію, по которому пошли А. А. Котляревскій, А. Н. Аѳанасьевъ, О. Ѳ. Миллеръ, это изслѣдованіе Л. Н. Майкова представляетъ попытку установить историческую точку зрѣнія на происхожденіе русскихъ былинъ, уловить въ сохранившихся памятникахъ народной поэзіи отзвукъ русской дѣйствительной жизни. По воззрѣнію Л. Н. Майкова, былины возникли въ южной Россіи, въ дружинной средѣ; въ бытовыхъ подробностяхъ былинъ онъ указываетъ черты дѣйствительной жизни XI, XII, XIII в.в.; къ этому времени онъ и относитъ выработку и установленіе содержанія былинъ. Сопоставляя лѣтописныя указанія, онъ считаетъ Добрыню, Алешу Поповича, Садко, Илью Муромца лицами, дѣйствительно существовавшими. Вслѣдъ за Вилльмарке [2]) и Форіелемъ [3]), Л. Н—чъ выставляетъ такой тезисъ, получившій впослѣдствіи немало подтвержденій: „Вообще народный эпосъ, по своему перво-

---

[1]) А. Н. Веселовскій: «Записка объ ученыхъ трудахъ Л. Н. Майкова» (Сб. Ак. Н. 46).

[2]) Chants populaires de la Brétagne t. I, стр. XXV.

[3]) Стр. LXVIII и сл. нѣмецкаго перевода его введенія къ новогреческимъ пѣснямъ (C. Fauriel, «Chants populaires de la Grèce Modern». I—II Paris 1824—25. Нѣм. переводъ: Müller, «Neugriechische Volkslieder» I—II Lpz. 1825).

начальному образованію, всегда современенъ или воспѣваемому событію, или по крайней мѣрѣ живому впечатлѣнію этого событія на народъ".

Насколько чутко и вѣрно угаданъ былъ Л. Н—чемъ путь, по которому должно итти изслѣдованіе русскаго народнаго эпоса, это доказали позднѣйшія работы ученыхъ въ той же области, до самыхъ новѣйшихъ включительно: въ то время, какъ теорія миѳологическая признана впослѣдствіи несостоятельною самимъ же Буслаевымъ („Народ. поэзія", предисловіе), изысканію историческихъ и бытовыхъ основъ русскаго народнаго эпоса отводится все большее мѣсто въ ученыхъ работахъ. Л. Н. Майкову удалось установить нѣсколько положеній, частью уже принятыхъ наукою, частью стоящихъ на пути къ тому.

Послѣ такого дебюта труды Л—да Н—ча въ теченіе болѣе чѣмъ 40 лѣтней его ученой дѣятельности направлялись главнымъ образомъ, съ одной стороны, на памятники народнаго творчества, съ другой—на литературу по преимуществу трехъ послѣднихъ столѣтій (XVII, XVIII, XIX в.в.). Изъ работъ Л—да Н—ча по народной словесности отмѣтимъ:

1) Разборы а) IV тома „Пѣсенъ, собр. П. Н. Рыбниковымъ" [4]), b) „Причитаній сѣвернаго края" Е. В. Барсова [5]) с) „Онежскихъ былинъ" А. Ѳ. Гильфердинга [6]), d) „Великорусс. народ. пѣсенъ", изд. А. И. Соболевскимъ, т. I [7]).

2) „Пѣвецъ былинъ въ окрестностяхъ Бар-

---

[4]) «Ж. М. Н. Пр.» 1868 № 5.

[5]) «Ж. М. Н. Пр.» 1872, № 12 и «Отчетъ о 28 присужд. нагр. гр. Уварова».

[6]) «Ж. М. Н. Пр.» 1873 № 8.

[7]) «Ж. М. Н. Пр.» 1895 № 10.

наула“—сообщеніе о сибирскомъ „сказителѣ“ Леонтіи Гавриловичѣ Тутицынѣ [8]).

3) „Новыя данныя русскаго эпоса изъ Заонежья“ [9]); здѣсь сообщается нѣсколько наблюденій и замѣчаній по поводу олонецкаго преданія и былины о мѣстномъ героѣ Рахтѣ Рагнозерскомъ.

„Во всѣхъ этихъ статьяхъ предлагаются разныя замѣчанія и объясненія къ памятникамъ народнаго творчества, а сверхъ того обращено вниманіе и на значеніе этихъ произведеній въ народномъ быту и на самый типъ „сказителей“ и „плакальщицъ“, что дало автору поводъ прослѣдить проявленіе личнаго элемента въ созданіяхъ такъ называемой безличной поэзіи“ (А. Н. Веселовскій: „Записка“...).

Въ особую группу выдѣляются работы Л—да Н—ча по рукописнымъ текстамъ народныхъ пѣсенъ, сохранившимся въ старинныхъ сборникахъ и др. письменныхъ памятникахъ XVII и XVIII в.в. На старинные тексты былинъ Л—дъ Н—чъ обратилъ вниманіе уже въ своемъ первомъ изслѣдованіи („О былинахъ Владимірова цикла“, стр. 7). Въ дальнѣйшихъ работахъ тексты эти подвергаются имъ подробному изслѣдованію, сличаются какъ со свидѣтельствами другихъ современныхъ памятниковъ, такъ и съ позднѣйшими устными варіантами тѣхъ же пѣсенъ.

„Изъ этого изслѣдованія выясняются, съ одной стороны, отношенія старинныхъ книжниковъ къ произведеніямъ народной словесности, съ другой—тѣ измѣненія, какимъ подвергаются эти произведенія при сохраненіи ихъ въ народной памяти“ (А. Н. Веселовскій: „Записка“...).

Изъ работъ этой группы назовемъ:

---

8) «Изв. Импер. Р. Геогр. Общ.» 1874 № 6. Срв. Былины ст. и нов. записи, стр. 269—71.

9) «Древ. и Н. Россія» 1876 № 6.

1) „О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ и былинъ“ [10]); здѣсь дается обозрѣніе рукописныхъ текстовъ XVII в.: а) пѣсенъ, записанныхъ въ 1618 г. для баккалавра Ричарда Джемса, b) пѣсни о смерти кн. Скопина-Шуйскаго, внесенной въ нѣкоторые списки хронографа; с) былины о Григоріи Отрепьевѣ и Маринѣ, сохранившейся въ записи XVII в.; d) былины, впослѣдствіи напечатанной Е. В. Барсовымъ подъ названіемъ: „Богатырское слово въ спискѣ начала XVII в.„ [11]), и е) небольшой бытовой пѣсни, напечатанной С. М. Соловьевымъ въ прилож. къ XIV тому „Исторіи Россіи“ (стр. XV).

2) „Три былины изъ стариннаго рукописнаго сборника“ [12]); напечатанъ текстъ былинъ, съ небольшимъ вводнымъ замѣчаніемъ объ отношеніи этого текста къ другимъ извѣстнымъ варіантамъ; эти былины: а) Илья Муромецъ съ Добрыней на Соколѣ—кораблѣ, b) Добрыня и Марина, с) Князь Михайло Скопинъ.

3) „Отрывокъ былины въ Сибирской лѣтописи“ [13]); здѣсь напечатана 8 глава старшей изъ Сибирскихъ лѣтописей (такъ называемой Строгановской), по рукописи XVII в. Глава эта (ея заглавіе: „О призваніи Волскихъ атамановъ и казаковъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи съ великія рѣки Волги въ Чусовскіе городки на спомоганіе противъ невѣрныхъ“) представляетъ изложеніе народной былины о покореніи Сибири Ермакомъ, при чемъ въ значительной степени сохраненъ и складъ былевой рѣчи, какъ оказывается изъ сопоставленія съ пѣснею: „Ермакъ взялъ Сибирь“, изъ Сборника Кирши Данилова.

---

[10]) «Ж. М. Н. Пр.» 1880 № 11.

[11]) «Сборникъ Ак. Н.» т. 28.

[12]) «Живая Старина» 1890, вып. I.

[13]) «Жив. Старина» 1891, вып. III.

Л—дъ Н—чъ дѣлаетъ наблюденіе, что авторы историческихъ повѣствованій, внося въ свои сказанія народно-пѣсенный матеріалъ (въ родѣ пѣсни о Ермакѣ, о Скопинѣ-Шуйскомъ), относятся къ разсказу пѣсни или былины, какъ къ историческому свидѣтельству.

4) „Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ: Сказанія объ Ильѣ Муромцѣ по рукописи XVIII в., Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ по рукописи XVII в." [14]). Л. Н. Майковъ дѣлаетъ въ этой работѣ интересную и весьма удачно исполненную попытку взаимнаго сличенія и сопоставленія старинныхъ рукописныхъ текстовъ сказаній и задается цѣлью по возможности установить для нѣкоторыхъ изъ нихъ первоначальную общую имъ версію и вообще опредѣлить ихъ взаимное отношеніе.

Кромѣ былевого эпоса, Л. Н. Майковъ интересовался и другими видами народной словесности: онъ составилъ обширный и весьма важный сборникъ заговоровъ и заклинаній [15]), воспользовавшись для этого, съ одной стороны, матеріалами, извлеченными изъ старинныхъ рукописей, архивныхъ дѣлъ, съ другой—доставленными ему новѣйшими записями изъ устъ народа и отчасти матеріалами, ранѣе напечатанными, разбросанными въ разныхъ изданіяхъ.

Заговоры и позднѣе не переставали интересовать Л—да Н—ча: въ III вып. „Живой Старины" 1891 г. онъ напечаталъ 6 заговоровъ донскихъ казаковъ изъ рукописнаго сборника конца XVII в., принадлежавшаго А. Ѳ. Бычкову.

Изъ работъ Л—да Н—ча по древней русской литературѣ обращаетъ на себя вниманіе изданіе и изслѣдованіе

---

14) «Сборникъ Ак. Н.» т. 53.

15) «Велико-русскія заклинанія»—«Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр.» т. II и отдѣльно Спб. 1869.

открытаго имъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII в. памятника паломнической литературы XIV—XV в.в. и названнаго (такъ какъ заглавіе и начало въ трехъ извѣстныхъ рукописяхъ памятника отсутствуютъ): „Бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда“ [16]).

Сдѣланное Л—домъ Н—чемъ открытіе и изданіе имѣетъ большое значеніе для византинистовъ: „Въ этомъ памятникѣ“, говоритъ Г. С. Дестунисъ въ отзывѣ своемъ („Ж. М. Н. Пр.“, 1890 сент.): „изслѣдователи Византіи пріобрѣтаютъ новый обильный и отличный первоисточникъ, за превосходное изданіе котораго они должны быть благодарны почтенному его издателю“.

Изъ литературы XVII в. Л—дъ Н—чъ остановился на изученіи жизни и литературной дѣятельности Симеона Полоцкаго, этого занесеннаго обстоятельствами въ Москву характернаго представителя западно русскаго образованія.

Въ III томѣ „Древней и Нов. Россіи“ 1875 г. Л—дъ Н—чъ напечаталъ обширную статью о С. Полоцкомъ, воспользовавшись какъ печатными, такъ и рукописными источниками. Изслѣдованіе это, не называя его, утилизировалъ Татарскій [17]), провѣривъ содержаніе его по подлиннымъ рукописямъ Симеона Полоцкаго въ Московской Синод. библіотекѣ, съ которыми въ 1875 году Л—дъ Н—чъ не былъ знакомъ. Провѣрка эта только подтвердила точность фактовъ и вѣрность соображеній въ работѣ Л. Н. Майко-

---

16) «Матеріалы и изслѣдованія по старинной рус. литературѣ». I Спб. 1890 (Сбор. Ак. Н., 51). О позднѣйшихъ работахъ другихъ ученыхъ о томъ же памятникѣ см. Пыпинъ: «Ист. рус. лит.» I, 409.

17) «Симеонъ Полоцкій (его жизнь и дѣятельность). Опытъ изслѣдованія изъ исторіи просвѣщенія и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII в.» М. 1886.

ва. Второе изданіе его труда, дополненное новыми данными изъ рукописныхъ источниковъ [18]), и до сихъ поръ представляетъ наиболѣе обстоятельное изслѣдованіе о жизни и сочиненіяхъ Симеона Полоцкаго. Здѣсь указаны характеръ и источники образованія Симеона, его отношеніе къ старой московской культурѣ и его просвѣтительныя стремленія; указываются литературные источники его сочиненій, выясняется отношеніе его произведеній къ современнымъ нравамъ, и вообще дается безпристрастная оцѣнка дѣятельности Симеона Полоцкаго.

Въ 1891 г. статья А. И. Соболевскаго: „Изъ исторіи русской литературы XVII в." („Библіографъ" 1891 г. № 3—4), побудила Л. Н—ча сообщить („Ж. М. Н. Пр." 1891 г. № 6) результаты своихъ разысканій по небольшому вопросу: „О началѣ русскихъ виршъ"; онъ приводитъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ, что силлабическое стихотворство, развившееся подъ вліяніемъ западно-русскимъ, ведетъ свое начало въ Москвѣ съ 20-хъ годовъ XVII в., и что первыми слагателями силлабическихъ стиховъ въ Москвѣ были коренные великороссы, научившіеся этому не въ школахъ западной Руси, а самоучкой, вѣроятно, изъ чтенія книгъ западно-русской печати.

Наиболѣе потрудился Л—дъ Н—чъ въ области литературы XVIII и особенно XIX вѣковъ.

Отмѣтимъ его изданія:

1) „Записки Ив. Ив. Неплюева", снабженныя предисловіемъ издателя [19]).

2) „Краткое извѣстіе о народѣ Остяцкомъ Григорія Новицкаго" Спб. 1884 и

18) Л. Н. Майковъ, «Очерки изъ исторіи рус. литературы XVII и XVIII в.в.» Спб. 1889.

19) «Рус. Арх.» 1871 №№ 4—5. Новое полное изданіе Спб. 1893.

3) „Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 г. П. И. Челищева“, Спб. 1886; оба послѣднія изданія снабжены предисловіями, въ которыхъ содержатся свѣдѣнія объ авторахъ и оцѣнка этихъ впервые напечатанныхъ сочиненій XVIII столѣтія [20]).

4) „Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ“ Спб. 1891 [21]); въ предисловіи къ тексту этого любопытнаго историческаго памятника опредѣляются книжные источники многихъ (35 изъ 162) разсказовъ.

5) „Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина“. Посмертный трудъ Н. С. Тихонравова. Спб. 1894. Кончина помѣшала Н. С. Тихонравову довести этотъ свой трудъ до конца; завершеніе печатанія „Матеріаловъ“ было возложено Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Н. на Л. Н. Майкова, которому и принадлежитъ какъ окончательная редакція сборника, такъ и составленіе введенія и примѣчаній.

Къ числу разысканій Л—да Н—ча по исторіи русской литературы XVIII в. относятся:

1) Этюдъ о Василіи Ив. Майковѣ и примѣчанія въ редактированномъ П. А. Ефремовымъ изданіи „Сочиненій и переводовъ В. И. Майкова“. Спб. 1867 Біографія повторена съ дополненіями въ „Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII в.“, а отсюда перепечатана въ „Русской Поэзіи“—Венгерова— т. I., вып. 2.

Л—дъ Николаевичъ характеризуетъ писательскую дѣятельность В. И. Майкова и опредѣляетъ значеніе его въ развитіи русской литературы. Насколько извѣстно, это—

---

20) Изданы подъ наблюденіемъ Л. Н. Майкова Импер. Обществомъ Люб. Древн. Письм.: «Пам. Др. Письм.» № 53 и Изд. Общ. Люб. Древн. Письм. № 85.

21) «Сборникъ Ак. Н.» т. 52.

единственная обстоятельная статья о В. И. Майковѣ, одномъ изъ самыхъ видныхъ представителей того стремленія къ дѣйствительности и народности, которое замѣчается въ русской словесности Екатеринина вѣка („Очерки“, стр. 309).

2) При изученіи памятниковъ различныхъ эпохъ необходимымъ пособіемъ служатъ библіографическіе труды и разысканія, и вѣрная критическая оцѣнка ихъ имѣетъ безспорное значеніе для успѣшнаго хода научныхъ работъ. Л—дъ Н—чъ по поводу книги Неустроева: „Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ за 1703—1802 г.г.“ (Спб. 1875),—труда увѣнчаннаго Академіею наукъ, напечаталъ [22]) критическій разборъ, подъ названіемъ: „Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики“; здѣсь онъ указываетъ мѣсто труда Неустроева въ ряду другихъ работъ по изученію старой русской журналистики и даетъ много весьма цѣнныхъ библіографическихъ примѣчаній и историко-литературныхъ дополненій къ „Разысканію“.

Отмѣтимъ здѣсь же составленный Л. Н. Майковымъ основательный разборъ труда Губерти: „Матеріалы для русской библіографіи“, удостоеннаго награды графа Уварова въ 1889 г. [23]).

3) Въ статьѣ подъ названіемъ: „Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени“ [24]), Л—дъ Н—чъ сообщаетъ текстъ „Гисторіи о россійскомъ матросѣ Василіи Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи

---

22) «Ж. М. Н. Пр.» 1876 и № 7, перепечат. въ «Очеркахъ изъ ист. русс. лит. XVII и XVIII в.» съ нѣкоторыми дополненіями.

23) Записка орд. акад. М. И. Сухомлинова объ ученыхъ трудахъ Л. Н. Майкова («Сборникъ Ак. Н.» т. 52).

24) «Ж. М. Н. Пр.» 1878 № 11 и отдѣльно Спб. 1880.

Флоренской земли" опредѣляетъ время происхожденія этой повѣсти, принятой имъ за оригинальную русскую, разсматриваетъ условія ея появленія, отношеніе ея къ русской жизни въ Петровскую эпоху, опредѣляетъ отличія повѣсти отъ произведеній старой русской литературы.

А. Н. Пыпинъ въ предисловіи къ изданному имъ тексту повѣсти подъ названіемъ: „Гисторія о Гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ и о прекрасной Гишпанской королевнѣ Элеонорѣ" [25]), возражалъ противъ высказаннаго Л—домъ Н—чемъ мнѣнія, что „Гисторія о матросѣ Василіи" есть оригинальное русское произведеніе, и доказывалъ, что весьма близкимъ источникомъ для фабулы ея послужила повѣсть о Долторнѣ.

Л. Н. Майковъ, перепечатавъ въ „Очеркахъ изъ исторіи рус. литературы XVII и XVII в.в." свою статью, въ I приложеніи къ ней разсматриваетъ доводы А. Н. Пыпина и приходитъ къ справедливому убѣжденію, что прежде высказанное имъ мнѣніе, хотя нуждается въ нѣкоторомъ ограниченіи, тѣмъ не менѣе остается до извѣстной степени въ силѣ.

Работа Л—да Н—ча обогатила наши свѣдѣнія о русской повѣсти того переходнаго времени, когда и на нравахъ, и на литературныхъ вкусахъ начало сказываться вліяніе Петровской эпохи.

4) Изслѣдованіе Л—да Н—ча: „Княжна Марія Кантемирова" [26]), любопытно какъ для біографіи А. Кантемира, такъ и вообще для характеристики эпохи.

5) Въ послѣдніе годы жизни Л—дъ Н—чъ обратилъ

---

[25]) Пыпинъ: «Изъ исторіи народной повѣсти. Гисторія о Гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ, какъ вѣроятный источникъ повѣсти о россійскомъ матросѣ Василіи». Спб. 1887. («Памятники Древ. Письм.» № LXIV).

[26]) «Рус. Стар.» 1897 № 1, 3, 6, 8.

свое вниманіе еще на одного виднаго литературнаго дѣятеля XVIII в.: В. К. Тредьяковскаго. Съ результатами своихъ разысканій и изученій Л—дъ Н—чъ познакомилъ публику только отчасти: изъ нѣсколькихъ (по крайней мѣрѣ двухъ) предположенныхъ имъ статей появилась только—„Молодость В. К. Тредьяковскаго до его поѣздки за границу“ [27]). Стремясь установить правильный и безпристрастный взглядъ на Тредьяковскаго и его дѣятельность и находя, что всего менѣе разъясненными остаются Lehr— und Wanderjahre Тредьяковскаго, между тѣмъ какъ именно эти годы оказали самое рѣшительное вліяніе на всю его дальнѣйшую судьбу, Л. Н. Майковъ задается цѣлью пересмотрѣть эту часть біографіи Тредьяковскаго.

Въ виду того, что, не говоря уже о болѣе раннихъ краткихъ очеркахъ, посвященныхъ Тредьяковскому [28]), даже подробная біографія его, составленная на основаніи архивныхъ документовъ академикомъ П. П. Пекарскимъ, далеко не можетъ быть признана удовлетворительною въ качествѣ полной монографіи о жизни и сочиненіяхъ писателя, такъ какъ Пекарскій, во-первыхъ, совершенно пренебрегъ автобіографическими данными, щедро разсыпанными въ сочиненіяхъ Тредьяковскаго; во-вторыхъ, не могъ удовлетворительно объяснить внутреннее развитіе учено-литературной дѣятельности

---

[27]) «Ж. М. Н. Пр.» 1897, № 7.

[28]) Напр. И. И. Введенскаго—въ журналѣ: «Сѣверное Обозрѣніе» 1849 г. т. II. Нѣкоторые отдѣльные эпизоды изъ литературной дѣятельности Тредьяковскаго привлекли къ себѣ вниманіе академика А. А. Куника и были подвергнуты имъ изслѣдованію съ тою тщательностью, какая отличаетъ всѣ его труды (напеч. въ «Сборникѣ матеріаловъ для Исторіи Имп. Академіи Наукъ» Спб. 1865)—Майковъ, «Молодость Тредьяковскаго. Ж. М. Н. Пр.» 97, № 7, стр. 2—3.

Тредьяковскаго, не опредѣлилъ источниковъ его образованія и не указалъ на характерныя черты послѣдняго; въ-третьихъ, не далъ никакой оцѣнки трудовъ Тредьяковскаго по отношенію какъ къ его времени, такъ и къ послѣдующему [29]),— въ виду всего этого работа Л. Н. Майкова, судя по тѣмъ требованіямъ, какія онъ предъявляетъ къ подобнаго рода трудамъ (самъ и удовлетворяя такимъ требованіямъ въ своихъ работахъ: см. напр. изслѣдованіе его о Симеонѣ Полоцкомъ, біографію К. Н. Батюшкова и др.), наконецъ, судя по появившейся въ печати первой статьѣ: „Молодость Тредьяковскаго",—изслѣдованіе Л—да Н—ча объ этомъ писателѣ должно было имѣть первостепенный интересъ и значеніе. Преждевременная кончина не дозволила осуществиться предположеніямъ покойнаго, и начатая работа осталась неоконченною.

6) Кромѣ того, Л—домъ Николаевичемъ написаны еще критическія статьи: о вышедшемъ въ 1866 году изданіи сочиненій Фонвизина [30]), о „Матеріалахъ для исторіи русск. литературы"—П. А. Ефремова [31]), о сочиненіи А. С. Будиловича: „М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ [32]), о „Жизни Державина"—Я. К. Грота [33]), и о нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ по исторіи русской литературы XVIII вѣка. Въ этихъ статьяхъ нерѣдко встрѣчаются указанія и соображенія, основанныя на самостоятельныхъ разысканіяхъ критика.

Обратимся теперь къ трудамъ Л. Н. Майкова въ области литературы XIX столѣтія.

1) На первомъ мѣстѣ здѣсь должно быть поставлено

---

29) «Ж. М. Н. Пр.» 97 № 7 стр. 3.

30) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1867 № 1.

31) Тамъ же № 7.

32) «Заря» 1870, № 2.

33) «Ж. М. Н. Пр.» 1881 № 2.

монументальное изданіе сочиненій К. Н. Батюшкова, съ біографіею и примѣчаніями (въ составленіи примѣчаній принималъ участіе В. И. Саитовъ). Томы I—III, Спб. 1887. Ранѣе собранія сочиненій Батюшкова были издаваемы три раза: въ 1817, въ 1834 и 1850 гг. (объ этихъ изданіяхъ см. замѣтку въ I т. изд. соч. Батюшкова 1887 г. стр. XVIII—XXII). Первое изданіе (Гнѣдича) вышло на глазахъ самого поэта; въ типографскомъ отношеніи оно оказалось настолько неисправно, что вызвало неудовольствіе Батюшкова, выраженное въ письмахъ къ кн. Вяземскому, Гнѣдичу и Дмитріеву. Второе изданіе было сдѣлано Глазуновымъ; кто завѣдовалъ редакціей, неизвѣстно. Изящное съ внѣшней стороны, изданіе это отличалось довольно исправнымъ текстомъ и сравнительною полнотою. Третье изданіе, принадлежащее къ составу „Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ", предпринятаго Смирдинымъ, представляетъ перепечатку изданія 1834 г., съ прибавленіемъ только „Видѣнія на берегахъ Леты". Это изданіе отличается неисправностью текста и вообще небрежностью, доходящею до того, что стихотвореніе: „Воспоминаніе 1807 года", раздѣлено на двѣ части, изъ которыхъ первая помѣщена на стр. 30—32, а вторая безъ всякаго заглавія въ началѣ тома.

Въ полномъ составѣ сочиненія К. Н. Батюшкова до 1887 г. изданы не были; составленный М. Н. Лонгиновымъ списокъ сочиненій поэта (напеч. въ „Современникѣ" 1857 г. № 11, а затѣмъ въ „Русс. Архивѣ" 1863 г.) также оказался не полнымъ, а, кромѣ того, и заключающимъ въ себѣ пьесы, не принадлежащія Батюшкову. Какъ біографія поэта, такъ и критическая оцѣнка его произведеній до 1887 г. были весьма мало разработаны: свѣдѣнія о жизни Батюшкова въ различныхъ курсахъ исторіи русской словесности заимствовались изъ очерка жизни Батюшкова, помѣщеннаго въ „Русскомъ Архивѣ" П. И. Бартенева въ 1867 г. Критиче-

скихъ этюдовъ о Батюшковѣ не появлялось со времени книги проф. Харьк. унив. Н. Т. Костыря: „Батюшковъ, Жуковскій и Пушкинъ, русскіе поэты XIX в.“ 1853 (изъ лекцій эстетической критики, читанныхъ въ 1851 г. на историко-филологическомъ факультетѣ“ [34]). Изъ всего этого видно, какой существенный пробѣлъ пополнило изданіе сочиненій Батюшкова 1887 г.

Изданіе это даетъ читателю всѣ произведенія, какія только сохранились въ настоящее время отъ рано погибшаго поэта,—все, что удалось собрать остававшагося неизвѣстнымъ изъ написаннаго имъ, и, наконецъ, все, что только можетъ служить къ объясненію какъ личности поэта, такъ и его произведеній. Главный и самый существенный трудъ по этому изданію принадлежитъ редактору его, Л. Н. Майкову, посвятившему на него отъ трехъ до четырехъ лѣтъ и исполнившему его съ рѣдкимъ увлеченіемъ и любовью. Изданіе обработано съ одинаковымъ вниманіемъ какъ къ матеріалу отечественной литературы, такъ и къ литературѣ иностранной, поскольку она опредѣлила направленіе и образцы поэзіи Батюшкова. Біографія поэта, внѣшняя и внутренняя, мастерски составлена Л—домъ Н—чемъ по отрывочнымъ матеріаламъ, изъ которыхъ извлечено все доступное обобщенію. Въ этой біографіи въ изящномъ изложеніи разсказана весьма подробно несчастная судьба поэта, все его внутреннее развитіе, его отношенія къ событіямъ и людямъ эпохи, и опредѣляется въ заключеніе мѣсто и значеніе Батюшкова въ исторіи нашего литературнаго развитія. Рѣдко можно встрѣтить въ нашей наукѣ исторіи литературы такую полную, всестороннюю монографію, посвященную одному изъ главныхъ представителей словесности.

---

[34]) Книга эта не поступала въ продажу и потому теперь весьма рѣдка и малоизвѣстна.

Многочисленныя историко-литературныя примѣчанія, сопровождающія изданіе, освѣщаютъ глухой сравнительно періодъ нашей литературы до Пушкина. Часто переступая границы, положенныя комментарію къ избранному писателю, примѣчанія эти собираютъ цѣнныя данныя о дѣятеляхъ до-Пушкинской эпохи. Для того, чтобы дать такой превосходный комментарій къ сочиненіямъ Батюшкова, необходимо было со стороны составителя глубокое знакомство не только съ сочиненіями самого Батюшкова, но и со всею современною и предшествовавшею ему литературою какъ русскою, такъ и обще-европейскою и часто классическою, такъ какъ Батюшковъ заимствовалъ и отсюда,—наконецъ, знакомство съ цѣлою эпохою. Это знакомство у Л. Н. Майкова и обширно и глубоко въ одно время. Со стороны комментатора требовалось глубокое увлеченіе авторомъ, полное углубленіе въ его мысли, желаніе непремѣнно объяснить то, что хотѣлъ онъ сказать. У Л. Н--ча этотъ комментарій походитъ иногда на тонкую работу ювелира (см. напр., объясненіе къ статьѣ Батюшкова: „Путешествіе въ замокъ Сирей“, по поводу имени Агнесы, или другое—объ источникахъ статьи Батюшкова: „Мысли“). Каждый европейскій писатель, имя котораго почему-либо встрѣчается въ сочиненіяхъ Батюшкова, непремѣнно въ краткихъ біографическихъ свѣдѣніяхъ и по отношенію къ Батюшкову объясненъ въ комментаріяхъ.

Всѣ три тома сочиненій Батюшкова въ примѣчаніяхъ даютъ 75 біографій русскихъ писателей, имена которыхъ, какъ современниковъ Батюшкова, почему-либо упоминаются въ изданіи. Въ свѣдѣніяхъ, вошедшихъ въ эти біографіи, было очень много новаго, неизвѣстнаго, добытаго усерднымъ и внимательнымъ разысканіемъ; извѣстное же было соединено въ одно цѣлое и снабжено точными библіографическими указаніями. Изъ этихъ 75 біографій 35 принадлежатъ Л. Н. Майкову (Рец. Булича въ „Сбор. Ак. Н.“ т. 46).

Трудъ Л. Н—ча надъ изданіемъ сочиненій Батюшкова по всей справедливости увѣнчанъ Академіею Наукъ полною Пушкинскою преміею [35]).

2) По случаю столѣтняго юбилея В. А. Жуковскаго, праздновавшагося 29 января 1883 года, Л—дъ Н—чъ написалъ небольшой очеркъ: „Поэзія Жуковскаго" [36]). Въ этой статьѣ характеризуется настроеніе Жуковскаго, выражавшееся въ его поэзіи; выясняется историческое значеніе русскаго романтизма и его крупнѣйшаго представителя: „Явившись на смѣну псевдо-классическому направленію и тѣсно связанному съ нимъ волтерьянству, романтизмъ открылъ русскимъ читателямъ цѣлый міръ новыхъ óбразовъ, оживилъ чувство простыхъ красотъ природы, возстановилъ связь между стремленіями высшей культуры и наивными вѣрованіями и преданіями старины и вообще освѣжилъ русскую поэзію живымъ и чистымъ чувствомъ. Задушевность и человѣчность романтической поэзіи имѣли огромное воспитательное вліяніе на наше общество. Въ этомъ заключается высокая художественная заслуга Жуковскаго въ развитіи русскаго сознанія".

3) Въ 1888 году Л—дъ Н—чъ приготовилъ къ печати собраніе критическихъ статей своего брата Валеріана [37]), которымъ предпослалъ „Матеріалы для біографіи В. Н. Майкова и литературной характеристи

---

[35]) Отчетъ о четвертомъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1888 г. («Сборникъ Ак. Наукъ» т. 46); «Записка» А. Н. Веселовскаго объ ученыхъ трудахъ Л. Н. Майкова (тамъ же).

[36]) Л. Майковъ: «Историко-литературные очерки». Спб. 1895, стр. 51—68.

[37]) Вал. Н. Майковъ: «Критическіе опыты» 1845—1847. Изд. Журн. «Пантеонъ Литературы» Спб. 1891.

ки". Значеніе этого изданія явствуетъ изъ того, что, хотя критическая дѣятельность В. Н. Майкова (умершаго 24 лѣтъ отъ роду въ 1847 г.) продолжалась всего два года, тѣмъ не менѣе кратковременное появленіе его на литературномъ поприщѣ не прошло безслѣднымъ, что и обнаруживается въ послѣднихъ статьяхъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Бѣлинскаго („Матеріалы" XLVI).

4) Въ 1889 году Л—дъ Н—чъ напечаталъ весьма интересное изслѣдованіе: „Первые шаги И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ" [38]) ;составленное на основаніи вновь найденныхъ Л. Н. Майковымъ документовъ (двухъ писемъ Крылова: къ Я. Б. Княжнину и П. А. Соймонову, которыя даютъ въ высшей степени яркія черты для характеристики нравственной личности молодого Крылова), изслѣдованіе это внесло существенныя дополненія въ ранѣе распространенныя мнѣнія о раннемъ періодѣ литературной дѣятельности нашего баснописца. Л—дъ Н—чъ слѣдитъ, среди какой обстановки и отношеній къ людямъ пришлось развиваться таланту И. А. Крылова; опредѣляетъ вліянія, оставившія слѣдъ на его литературной дѣятельности; слѣдитъ за развитіемъ этой дѣятельности: выясняетъ, что Крыловъ началъ свое поприще рядомъ драматическихъ произведеній („Кофейница", „Клеопатра", „Филомела", „Бѣшеная семья", „Сочинитель въ прихожей", „Проказники", опера „Американцы"), и что дѣятельность его, какъ драматурга, предшествовала дальнѣйшимъ его шагамъ на литературномъ поприщѣ, когда Крыловъ сталъ издавать „Почту духовъ", и т. д.

Въ 1896 г. („Рус. Стар". № 2) Л. Н—чъ напечаталъ анализъ басни Крылова: „Водолазы" („Какъ понимать басню Кр. „Водолазы?") Работа Л. Н—ча была

---

[38]) «Русск. Вѣст.» 1889 г. № 5; Перепечатано въ «Историко-литературныхъ очеркахъ». Спб. 1895.

вызвана статьею Нечаева: „Объ отношенiи Крылова къ наукѣ“ („Ж. М. Н. Пр“. 95 г. № 7), и отвѣтомъ на нее Лященко („Басня Крылова: „Водолазы“ Спб. 1895); Л. Н—чъ вноситъ свои поправки, предлагаетъ свое толкованiе Крыловской притчи и объясненiе басни съ исторической стороны.

Кромѣ этихъ и другихъ болѣе мелкихъ трудовъ, непосредственно относящихся къ исторiи русской литературы, Л. Н. Майкову принадлежитъ еще цѣлый рядъ работъ по этнографiи, по политической и культурной исторiи Россiи, исторической географiи, статистикѣ. Таковы, напр. („Записка объ ученыхъ трудахъ Л. Н. Майкова, составленная А. Н. Веселовскимъ“):

„Замѣтка о географiи древней Руси“ [39]),— разборъ 1-го изданiя сочиненiя Н. И. Барсова: „Географiя начальной лѣтописи“, въ которомъ особенно обращаютъ на себя вниманiе изслѣдованiя критика по вопросу о географiи лѣсовъ въ южной полосѣ Россiи въ древнiя времена.

„О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка“ [40])—подробное изложенiе содержанiя сочиненiя проф. А. Альквиста: „Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen“, съ дополненiями касательно влiянiя славянской культуры на финскую и съ указанiемъ сходныхъ чертъ въ современномъ бытѣ восточныхъ финновъ на основанiи данныхъ русской этнографической литературы.

„Хронологическiя справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенiя Сибири къ Русской державѣ“ [41]), составленное по порученiю Археографической комиссiи изслѣдованiе, въ кото-

---

[39]) «Журн. Мин. Н. Пр.» 1874 № 7 и отдѣльно.

[40]) «Журн. Мин. Н. Пр.» 1877 №№ 6, 7, 12 и отдѣльно

[41]) «Ж. М. Н. Просв.» 1881 № 9 и отдѣльно.

ромъ авторъ, путемъ сличенія показаній актовъ и лѣтописей, приходитъ къ заключенію, что атаманъ Кольцо привезъ въ Москву извѣстіе о покореніи Сибири въ началѣ 1583 г., и что затѣмъ послѣдовало принятіе этого края въ русское подданство.

„Старинные русскіе паломники въ изданіи Православнаго Палестинскаго Общества“: критическая замѣтка объ изданіи хожденій игумена Даніила и гостя Василія, и путешествія В. Барскаго [42]).

Я не буду называть еще цѣлаго ряда статей, небольшихъ сообщеній и рецензій, поименованіе которыхъ имѣло бы мѣсто въ полномъ библіографическомъ спискѣ трудовъ Л. Н. Майкова [43]). Характеръ и значеніе учено литературной дѣятельности покойнаго достаточно выясняется названными его работами.

Мы обратимся теперь къ послѣднему обширному труду Л. Н—ча, которому онъ посвятилъ себя въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ своей жизни, и который прерванъ его преждевременною кончиною.

23 сентября 1889 года въ засѣданіи Отдѣленія рус. яз. и словесности Импер. Академіи наукъ былъ возбужденъ вопросъ о предпринятіи Академіею полнаго критическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Необходимость такого изданія была единогласно признана Отдѣленіемъ рус. яз. и словесности, и веденіе приготовительныхъ работъ по этому предпріятію было возложено на Л. Н. Майкова. Въ этомъ же засѣданіи Л. Н. изложилъ свой взглядъ на распо-

---

[42]) «Ж. М. Н. Пр.» 1884 № 7.

[43]) Такой указатель составленъ В. Рудаковымъ («Ж. М. Н. Пр.» 1900 № 10), а болѣе полный «Библіографич. списокъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ и изданій Л. Н. Майкова» сост. Симони. Спб. 1900.

рядокъ предполагаемаго изданія, которое, по его мнѣнію, должно было состоять изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: 1) произведеній, вполнѣ законченныхъ или по крайней мѣрѣ такихъ, которыя, хотя не были вполнѣ обработаны поэтомъ, но по степени своей отдѣлки и художественному достоинству могутъ считаться наравнѣ съ законченными, и 2) произведеній, только набросанныхъ вчернѣ или вообще не конченныхъ. По возбужденному вмѣстѣ съ тѣмъ вопросу о стихотвореніяхъ такъ называемаго нецензурнаго содержанія опредѣлено было напечатать ихъ отдѣльною книжкой въ небольшомъ числѣ экземпляровъ (примѣрно 50—100) и, не выпуская въ продажу, выдавать только библіотекамъ и нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ [44]).

Пушкинъ сдѣлался для Л. Н. Майкова предметомъ изученія еще на университетской скамьѣ: уже въ 1857 г. въ „Сборникѣ", изд. студ. С.-Петерб. унив., въ т. I появилась небольшая замѣтка студента Майкова: „Ненапечатанные стихи Пушкина". Изученіемъ Пушкина Л. Н—чъ занимался въ теченіе всей своей жизни. Обратившись къ работѣ по изданію сочиненій Пушкина, Л. Н—чъ, кромѣ печатнаго матеріала, началъ усердно и энергично собирать матеріалъ рукописный: какъ автографы самого поэта, такъ и письма къ нему, мемуары современниковъ и т. д. Нѣкоторые результаты изученій и детальныхъ изслѣдованій, которыя шли параллельно съ приготовленіемъ изданія сочиненій Пушкина, были опубликованы Л. Н—чемъ въ рядѣ статей въ періодическихъ изданіяхъ, перепечатанныхъ въ „Историко-литературныхъ очеркахъ" 1895 г., а затѣмъ, въ передѣланномъ и исправленномъ видѣ, съ присоединеніемъ новыхъ интересныхъ матеріаловъ, вышедшихъ

---

44) Извлеч. изъ протоколовъ Засѣданій отд. рус. яз. и словес. въ 1889 г. («Сбор. Ак. Н.» т. 46).

въ 1899 г., не задолго до юбилея Пушкина, отдѣльной обширной книгой подъ названіемъ: „Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки". Спб. 1899. (462 стр).. На фонѣ изданій, появившихся въ 1899 г. по поводу юбилея Пушкина, книга Л. Н. Майкова ярко выдѣлилась богатствомъ своего содержанія, представляя обильный источникъ для знакомства съ внѣшними и внутренними фактами изъ жизни и дѣятельности Пушкина Мы находимъ здѣсь интересныя и важныя воспоминанія о поэтѣ близкихъ ему людей, характеристики его взглядовъ и отношеній къ людямъ, наконецъ, повѣствованіе объ отдѣльныхъ эпизодахъ изъ его жизни. Благодаря разысканіямъ Л. Н—ча, увидѣли свѣтъ драгоцѣнныя свѣдѣнія, въ теченіе долгихъ лѣтъ лежавшія подъ спудомъ; давно забытыя или затерявшіяся въ старыхъ и малораспространенныхъ журналахъ воспоминанія о Пушкинѣ Л. Н—чъ перепечаталъ или съ дополненіями по подлиннымъ рукописямъ, или, наоборотъ, сдѣлавъ изъ нихъ лишь выборки, исключивъ все маловажное и сохранивъ только существенное и цѣнное (напр.: воспоминанія А. П. Кернъ, дневникъ А. Н. Вульфа). Весь матеріалъ расположенъ въ извѣстной внутренней связи и даетъ возможность прослѣдить въ хронологическомъ порядкѣ главнѣйшіе факты біографіи и моменты развитія творчества Пушкина. Каждая статья, заключающая въ себѣ воспоминанія о немъ, снабжена болѣе или менѣе подробнымъ сообщеніемъ свѣдѣній изъ жизни ихъ автора, дающихъ читателю полную возможность составить себѣ ясное представленіе объ умственныхъ качествахъ лица, съ которымъ поэтъ былъ въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ [45]).

Къ этой же серіи статей Л. Н—ча о Пушкинѣ примыкаетъ и одна изъ послѣднихъ напечатанныхъ имъ работъ:

---

[45]) Рецензія въ «Русск. Стар.» 1899, сент. 708.

„Пушкинъ въ изображенiи М. А. Корфа“ („Рус. Стар.“ 1899, авг., сент.); здѣсь устанавливается правильный взглядъ на воспоминанія о Пушкинѣ его лицейскаго товарища, графа М. А. Корфа (напеч. въ книгѣ академика Я. К. Грота: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“), какъ извѣстно, высказавшаго, что какъ высокъ былъ Пушкинъ въ своемъ творчествѣ, такъ въ качествѣ простого смертнаго „представлялъ типъ самаго грязнаго разврата“. Л. Н. Майковъ выясняетъ, что воспоминанія столь односторонне-враждебнаго направленія являются только сводомъ тѣхъ наговоровъ, которые распространялись про Пушкина еще при жизни его и идутъ въ разрѣзъ съ вполнѣ надежными источниками.

Послѣ такихъ подготовительныхъ работъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ серія напечатанныхъ Майковымъ матеріаловъ и изслѣдованій о Пушкинѣ, послѣ усерднаго и кропотливаго труда, выполняемаго имъ не только съ совершеннымъ знаніемъ дѣла, но и съ величайшею любовью къ нему, было полное основаніе ожидать отъ Л. Н—ча, уже давшаго превосходное комментированное изданіе одного изъ предшественниковъ Пушкина, Батюшкова,—такого изданія нашего великаго поэта, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы значенію его сочиненій, а равно и высокимъ требованіямъ, предъявляемымъ въ настоящее время къ такого рода работамъ. Къ 26 мая 1899 г. и появился I томъ давно съ нетерпѣніемъ ожидавшагося академическаго изданія сочиненій Пушкина („Сочиненія Пушкина. Изданіе Имп. Академіи Наукъ. Приготовилъ и примѣчаніями снабдилъ Леонидъ Майковъ. Томъ I. Лирическія стихотворенія (1812—1817)“ Спб. 1899). Исполненіе изданія вполнѣ оправдало тѣ надежды, какія на него возлагались. Исторія печатнаго текста сочиненій Пушкина извѣстна (см. напр. статью А. Н. Пыпина въ „Вѣст.

Евр.“ 1887, февр. 780 и сл.). Лучшимъ до сихъ поръ являлось изданіе Литературнаго фонда подъ редакціей П. О. Морозова, исполненное по программѣ, которая была разсмотрѣна Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Академіи Наукъ. Изданіе Литературнаго фонда даетъ наиболѣе полный и исправный текстъ Пушкина, обставленный необходимыми историческими объясненіями и множествомъ библіографическихъ справокъ и свѣдѣній. Но уже вслѣдъ за появленіемъ этого изданія была сознана необходимость, чтобы произведенія Пушкина были изданы еще болѣе широкимъ образомъ: съ подробнымъ комментаріемъ, который бы по возможности объединилъ накопившійся громадный историко-литературный матеріалъ, связалъ въ органическое цѣлое массу разбросанныхъ біографическихъ свѣдѣній, документовъ и воспоминаній, касающихся жизни и дѣятельности Пушкина. Этой потребности и должно удовлетворять академическое изданіе. Вышедшій первый томъ этого изданія представляетъ текстъ сочиненій Пушкина, тщательно провѣренный; произведенія поэта, вышедшія въ свѣтъ при его жизни, воспроизведены въ томъ видѣ, въ какомъ они появились въ печати на его глазахъ въ послѣдній разъ (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда достовѣрно извѣстно, что подлинный Пушкинскій текстъ былъ измѣненъ рукой цензора или другого посторонняго исправителя). Текстъ же произведеній Пушкина, напечатанныхъ послѣ его кончины, воспроизводится въ точности по его собственнымъ рукописямъ. Около двухъ третей тома отведено историко-литературнымъ примѣчаніямъ редактора, въ которыхъ заключается множество чрезвычайно цѣнныхъ и интересныхъ указаній; выясняются по возможности всѣ обстоятельства относительно каждаго произведенія, даже самаго мелкаго: его хронологія; условія, среди которыхъ оно возникало; настроеніе поэта въ данную минуту; варіанты произведенія; даются свѣдѣнія о взаимныхъ соотноше-

ніяхъ между произведеніями поэта и объ отношеніи послѣднихъ къ обстоятельствамъ его жизни и къ сочиненіямъ другихъ писателей, русскихъ и иностранныхъ; объясняются часто встрѣчающіеся у Пушкина историческіе и бытовые намеки; указываются и сопоставляются отзывы какъ современной поэту, такъ и позднѣйшей русской критики объ его произведеніяхъ; словомъ, составитель примѣчаній, покойный Л. Н—чъ, стремился по возможности всесторонне освѣтить каждое произведеніе поэта, не исключая и самыхъ незначительныхъ [46]).

Толкованіе произведеній вмѣстѣ съ тѣмъ становится и богатымъ біографическимъ матеріаломъ. Послѣ біографіи Стоюнина и книги г. Венкстерна [47]), которыя остаются только общими очерками, никто изъ нашихъ историковъ литературы не рѣшался предпринять подробной біографіи Пушкина: „вѣроятно, останавливаясь передъ обширностью задачи", говоритъ А. Н. Пыпинъ („Вѣст. Евр." 99, 7). И дѣйствительно, матеріалъ, накопившійся до сихъ поръ, далеко превышаетъ то, что было извѣстно лѣтъ двадцать, даже десять тому назадъ, и не только матеріалъ чисто фактическій относительно самого Пушкина и круга его друзей, но расшири-

---

[46]) Рецензіи:

1) Якушкинъ: «Объ академич. изданіи Соч. Пушкина» («Русс. Вѣд.» 1899, № 242).

2) Никольскій, «Академическій Пушкинъ» (Ист. Вѣст. 99, № 7).

3) Пыпинъ, «Пушкинская литература» (В. Евр 99, № 7).

4) Морозовъ Библіографич. замѣтка по поводу академич. изд. Соч. Пушкина (В. Евр. 99 № 8).

5) Н. П. Рецензія въ «Журн. Мин. Нар. Пр.» 99. № 11, и др.

[47]) Въ «Альбомѣ Пушкинской выставки» 1880 г.; 2-е изд. 1899 г.

лись и тѣ запросы и требованія психологическія, художественныя, общественно-историческія, которыхъ не можетъ миновать историкъ Пушкина. Первый томъ академическаго изданія Пушкина и другія работы послѣдняго времени даютъ довольно ясное понятіе о томъ, какъ усложнился историческій вопросъ, или, другими словами, какъ расширились точки зрѣнія, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ собирается все больше матеріала для истолкованія личности и разносторонней дѣятельности геніальнаго поэта.

Біографія Пушкина, по проекту, должна была завершить академическое изданіе; ни отъ кого, при настоящемъ положеніи вещей, нельзя было ожидать исполненія біографическаго труда о Пушкинѣ—лучшаго, чѣмъ могъ бы дать покойный Л—дъ Николаевичъ. Глубокая ученость, опытность въ такого рода научныхъ предпріятіяхъ, близкое знакомство съ эпохой, съ предшественниками Пушкина, продолжительная усердная работа надъ писателемъ среди существенно благопріятныхъ для правильной постановки дѣла условій, соединяемыхъ въ себѣ Академіей Наукъ, литературный талантъ, блестяще засвидѣтельствованный предыдущими работами (особенно ярко обнаружившійся въ біографіи Батюшкова),—все это должно было сдѣлать Л—да Н—ча достойнымъ біографомъ Пушкина.

Тѣмъ глубже чувствуется утрата, понесенная русскою наукою въ лицѣ Л—да Н—ча.

Много сдѣлано имъ для исторіи русской литературы, и значительный слѣдъ въ этой области и добрую, и благодарную память оставилъ онъ по себѣ... И это многое, уже совершенное имъ, даетъ еще сильнѣе сознавать, какого высокаго достоинства и значенія работу о величайшемъ нашемъ поэтѣ мы имѣли бы отъ Л—да Н—ча, если бы судьба не пресѣкла его дней, и тѣмъ сильнѣе чувствовать тяжесть нашей утраты.

В. Р.

22/IV 900.

О лженаучности нашего правописанія.

(Публичная лекція) [1].

„Который изъ двухъ русскихъ языковъ настоящій: тотъ ли, который пишется, или тотъ, который слышится? Вл. Петр. Шереметевскій. Къ вопросу объ однообразіи въ орѳографіи". Соч. стр. 260.

Милостивыя Государыни и милостивые Государи! Темою для настоящаго чтенія я взялъ вопросъ о русскомъ правописаніи,—вопросъ, который занимаетъ меня уже много лѣтъ, и по которому у меня набралось немало соображеній, коими я отчасти ужъ и дѣлился съ другими: устно, на лекціяхъ, и печатно, въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», а также въ одной петербургской газетѣ — въ «Новостяхъ» [2]).

Правописаніе—это такая область, гдѣ житейская практика соприкасается съ научною грамматикою и неразъ обращается къ ней за справками: ка́къ то̀ или иное слово пишется большинствомъ, ка́къ оно писалось встарину, и какія основанія писать его та́къ или иначе заключаются въ его происхожденіи? Спецьялисту по языку поэтому несомнѣнно подобаетъ имѣть о правописаніи свое сужденіе, и на немъ лежитъ даже нѣкоторая

---

[1]) Лекція эта печатается въ нѣсколько распространенномъ видѣ.

[2]) «Мнѣніе г. Тулова» (и, по поводу его, мое собственное) «о русском правописаніи». «Русскій Филологическій Вѣстникъ», т. V, 1881 года.—«Об устраненіи ъ». Там же, т. XIV, 1885 г. «Новости», въ маѣ 1886 года.

обязанность не скрывать этого сужденія отъ общества [3]).

Правописаніе, какъ извѣстно, различаютъ двоякое: звуковое, или фонетическое, и производственное, или этимологическое; или же—троякое, при чемъ къ двумъ названнымъ правописаніямъ присоединяется еще третье,—историческое. Въ такихъ разновидностяхъ правописаніе можетъ являться и въ видѣ цѣлой системы, и въ начертаніи отдѣльныхъ словъ; впрочемъ, въ цѣломъ правописаніе не бываетъ столь послѣдовательнымъ, чтобы вполнѣ представлять тотъ или иной типъ. Еще слѣдуетъ отрицать самое существованіе правописанія «историческаго», какъ совпадающаго или со звуковымъ, или съ производственнымъ. Мы по преданію, потому что встарину такъ писали, пишемъ въ словѣ «источникъ» предлогъ **изъ** съ буквою **с**, но такое историческое начертаніе соотвѣтствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ старинному да и теперешнему произношенію, и есть, значитъ, звуковое. Мы исторически пишемъ въ словѣ «дорожка» букву **ж**, но это историческое написаніе слѣдуетъ признать и производственнымъ, такъ какъ оно указываетъ на то̀, что произносимый здѣсь звукъ **ш** развился изъ болѣе ранняго звука **ж**. Есть, правда, случаи, гдѣ мы держимся ходячаго начертанія, противорѣчащаго и произношенію слова, и происхожденію его: это тѣ случаи, въ которыхъ сказывается мудрствованіе какого-нибудь малосвѣдущаго грамматиста, переходившее затѣмъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Таково написаніе превосходныхъ степеней—«высшій» и «низшій» че-

---

[3]) Понятно, излагаемые мною взгляды по большей части представляютъ лишь повтореніе чужихъ воззрѣній; но было бы невозможно, да едвали и нужно, всегда указывать ихъ источники.

резъ **с** и **з**, тогда какъ этимологія (въ первомъ словѣ и выговоръ) требуетъ иного написанія, а именно **шш** и **жш**. Въ древности здѣсь были **шьш** и **жьш** («вышьшии» и «нижьшии»—винительные падежи, замѣнившіе у насъ также именительный); при томъ **ш** и **ж** до сихъ поръ явственно выступаютъ въ сравнительныхъ степеняхъ «выше» и «ниже». Итакъ, въ превосходныя степени «высшій» и «низшій» **с** и **з** внесены лишь по недоразумѣнію, изъ положительныхъ «высокъ» и «низокъ»—это случай узаконенной употребленіемъ безграмотности. Неужели же умѣстно давать проявленію полузнанія громкую кличку «исторической» орѳографіи?!

Такимъ образомъ, особаго историческаго правописанія не существуетъ, а есть лишь звуковое и производственное. Изъ этихъ двухъ, по моему глубокому убѣжденію, заслуживаетъ рѣшительнаго предпочтенія звуковое. Вѣдь мы пишемъ вмѣсто того, чтобы говорить, значитъ, и естественно писать такъ, какъ говорятъ. Не будь разныхъ постороннихъ обстоятельствъ, никому бы и въ голову не пришло оспаривать это положеніе, которое можно назвать аксьёмой. Само собой разумѣется, что пишущій не станетъ воспроизводить недостатковъ своего произношенія: если кто заикается, онъ (понятно) воздержится отъ заиканія хоть на письмѣ; если кто картавитъ, онъ не исключитъ изъ своей азбуки непроизносимой имъ буквы.

Неразъ приходится слышать, будто звуковое правописаніе невозможно, потому что произношеніе неодинаково. На это прежде всего слѣдуетъ отвѣтить, что этимологическое правописаніе столь же невозможно, ибо мы часто не знаемъ происхожденія словъ; а затѣмъ слѣдуетъ указать, что неодинаковость произношенія сильно преувеличиваютъ. Вообще говоря, русское про-

изношеніе достаточно установилось, и колебанія замѣчаются лишь въ немногихъ случаяхъ; при томъ, по принципу звукового правописанія, разъ существуетъ колебаніе въ выговорѣ, оно не только можетъ, но даже должно проявиться и на письмѣ. Если не считается ошибкой произносить «сèмъ», тогда какъ другіе говорятъ «сéмь», то незачѣмъ считать ошибкою обозначеніе твердости и на бумагѣ; если одинаково правильнымъ признается выговоръ «звёзды» и «звѣзды», то по фонетическому способу обязательно и двоякое написаніе. Такое воспроизведеніе выговора особенно желательно въ стихахъ: при теперешнемъ правописаніи можно прочесть несогласно съ произношеніемъ поэта и этимъ уничтожить риѳму. Употреблена напр. риѳма «звёзный—грозный», и, если мы прочтемъ «звѣзный», то риѳмы не будетъ; или же авторъ, напротивъ того, произносилъ **е**, риѳмуя «звѣздный—желѣзный», и риѳма пропадетъ, если читать «звёзный». Подобнымъ же образомъ двоякое начертаніе при двоякомъ произношеніи одного и того же слова было бы весьма кстати въ риѳмахъ: «безупрёченъ—непороченъ», «безупреченъ—незамѣченъ», «рука её—кольцо мое», «рука ея—любовь моя», «конешно—успѣшно», «конечно—вѣчно»; «она сдаласъ—разъ», «она сдалась—князь» [4]). Иногда въ такихъ случаяхъ можно даже, по винѣ нашего этимологическаго правописанія, усумниться въ намѣреніяхъ автора. Ка́къ, спрашивается, Пушкинъ произносилъ 1-ую строфу своего знаменитаго «Анчара», гдѣ при обыкновенномъ произношеніи не хватаетъ одной риѳмы?

---

[4]) Вопроса о томъ, насколько нѣкоторыя произношенія книжны и искусственны, вслѣдствіе чего лучше отъ нихъ воздержаться, я здѣсь не затрогиваю.

«Въ пустынѣ чахлой и скупой, На почвѣ, зноемъ раскалённой, Анчаръ, какъ грозный часовой, Стоитъ, одинъ во всей вселенной». Провинился ли поэтъ въ этомъ мѣстѣ мнимою, буквенною, риѳмой, или же онъ произносилъ «вселённая», или, напротивъ того - «раскаленной»? Что́ думалось (въ болѣе скромномъ родѣ столь же, если не болѣе великому) Крылову, когда онъ писалъ: «Разсѣлись, начали квартетъ; Онъ всё таки на ладъ нейдётъ»? Про Пушкина, впрочемъ, есть (не знаю, насколько достовѣрное) преданіе, что онъ допускалъ искусственный выговоръ съ **е** вм. «ё», значитъ, въ данномъ случаѣ «раскаленный» [5]). Читая у Хомякова (Ода) — «Вотъ пѣшей рати мѣрный шагъ, Вотъ пушекъ ревъ на высота́хъ», задаешься вопросомъ, допустилъ ли стихотворецъ нечистую риѳму «шак-высота́х», или же онъ произносилъ, по южно-великорусскому способу, «шах»? Также внутри стиха, и даже въ прозѣ, можетъ быть небезынтереснымъ знать въ такихъ случаяхъ выговоръ самого автора. Въ примѣръ позволю себѣ привести два собственныхъ стиха, изъ привѣтствія покойному Аѳ. Аѳ. Фету. «Такъ звѣздный хоръ горитъ высоко Надъ доломъ плача и заботъ». Теперь я говорю въ этомъ случаѣ «звѣ̀зный», попривыкши къ такому произношенію въ Москвѣ и находя, что въ приведенныхъ стихахъ и такъ слишкомъ преобладаетъ звукъ **о**, прежде же я произносилъ всегда «звёзный». Что орѳографія молчитъ относительно подобныхъ вещей у Пушкина и другихъ образцовыхъ писателей — это отнюдь

---

5) Такова была, видно, литературная мода: одинъ критикъ даже упрекалъ того же Пушкина за «мужицкую» риѳму «языкомъ—копіёмъ» («Русланъ и Людмила», Ш). Бѣлинскій, Сочиненія. Часть VIII. Москва 1860. Стр. 423.

не заслуга [6]). Заговоривъ о правописаніи въ стихахъ, укажу еще нѣсколько случаевъ, гдѣ несогласное съ выговоромъ письмо ведетъ къ невѣрной оцѣнкѣ стиховъ или же къ невѣрному ихъ построенію. Одинъ критикъ, подъ вліяніемъ орѳографіи «граціозный», упрекнулъ гр. А. Толстого за слѣдующіе стихи: «То̀ молодой былъ женщины портретъ Въ грацьозной позѣ» («Портретъ», 20), тогда какъ «грацьёзный»—обыкновенное произношеніе, согласное съ французскимъ gracieux, итальянскимъ grazioso, нѣмецкимъ graziös: нигдѣ i, при непринужденномъ выговорѣ, слога не составляетъ. Слово «театръ» въ живой рѣчи 3-сложное, «Петръ, смотръ» -2-сложныя (лишь въ тѣсномъ сліяніи съ гласнымъ началомъ слѣдующаго слова—напр., Петр уѣхалъ—возможенъ иной выговоръ) [7]); однако, подъ давленіемъ письма, наши стихотворцы не признаю́тъ этого. Бенедиктовъ, въ стихотвореніи: «Малое слово о Великомъ», сочинилъ такую строфу: «Тамъ взрываетъ ка́мней груду, Тамъ дворянъ зоветъ на смотръ; А межъ тѣмъ наука всюду, И въ наукѣ всюду Петръ»—двусложная (женская) риѳма «смотръ—Петръ» здѣсь пошла за односложную (мужескую). Такимъ же образомъ Пушкинъ употребилъ женскую риѳму на «измъ»: «Лордъ Байронъ, прихотью удачной, Облекъ въ унылый романтизмъ И безнадежный эгоизмъ» («Евг. Он.», гл. III, стрф. 12). Особенно нехорошо, когда такія слова стоятъ внутри стиха, пе-

---

[6]) Припомнимъ кстати также пушкинскія риѳмы: «скучны (съ ч?)—неразлучны» и «душно—скучно» (надо полагать, съ ш). «Евг. Он.», глава II, строфа 13 и III, 17.

[7]) Говорятъ, правда, также Пёт-Петровичъ; но вѣдь имя-отчество вообще комкается скороговоркою: Марья Ѳёдоровна превращается въ Мари-Фёдорну, Павелъ Павловичъ—въ Пал-Палыча.

редъ согласными, какъ напр. въ извѣстной эпиграммѣ Батюшкова: «Совѣтъ эпическому стихотворцу»: «Какое хочешь имя дай Твоей поэмѣ полудикой—Петръ длинный, Петръ большой, но только Петръ Великій Ея не называй». Лишь изрѣдка поэты рѣшались руководиться насчетъ такихъ словъ не буквами, а выговоромъ: Алексѣй Толстой позволилъ себѣ (совершенно правильно) написать въ «Смерти Іоанна Грознаго», д. III, сц. 1: «Гдѣ твой Адашевъ, гдѣ Сильвестръ твой»?, а Струговщиковъ, въ двустишіи изъ Шиллера: «Гекзаметръ и пентаметръ»: «Сжатъ и гибокъ, и смѣлъ—вотъ онъ, пентаметръ мой».

Высказанное мною утвержденіе, что существуетъ общерусскій выговоръ, понятное дѣло, относится лишь къ литературному языку; но вопросъ объ особенностяхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ—вопросъ совершенно посторонній, и напрасно его примѣшиваютъ къ вопросу о литературной орѳографіи. Отъ провинцьялизмовъ (какъ въ рѣчи, такъ и на письмѣ) люди по возможности воздерживаются, а, если провинцьялизмы гдѣ-нибудь проявятся, невольно или намѣренно, то при звуковомъ написаніи будутъ столь же понятны (подчасъ, конечно, столь же непонятны), какъ и въ живой рѣчи. Для провинцьяловъ было бы даже очень полезно, если бы правописаніе указывало имъ на литературное произношеніе, и это повело бы къ еще большему единству выговора. Затрудненія при обученьѣ провинцьяловъ грамотѣ несомнѣнно будутъ, однако они замѣчаются и теперь: вѣдь и обычное письмо чисто условно миритъ говоры, воспроизводя на бумагѣ произношеніе того или другого говора, а иногда и никакого. Затрудненія эти вызываются различіемъ между народнымъ языкомъ и книж-

нымъ [8]), и они (независимо отъ сохраненія или перемѣны правописанія) могутъ быть устранены двоякимъ способомъ: или составленьемъ азбукъ на мѣстныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ, или предварительною передъ обученіемъ грамотѣ устною практикою въ литературной рѣчи.

Слѣдуетъ здѣсь же отвѣтить еще на одно возраженіе противъ звукового письма: будто бы оно у насъ невозможно, вслѣдствіе существованія звуковъ неявственныхъ, для которыхъ нѣтъ начертаній въ азбукѣ, и которые даже трудно уловимы. Противъ этого можно сказать, что идеальное совершенство намъ ни въ какомъ дѣлѣ не дается; а, кромѣ того, что вовсе не затѣвается установленіе «фонетической транскрипціи», т.-е. письма̀, дающаго, съ научною цѣлью, по возможности точное понятіе о русскихъ звукахъ, даже человѣку никогда ихъ не слыхавшему, а имѣется въ виду лишь безхитростное воспроизведеніе живого языка, для житейскаго обихода. При томъ упомянутое затрудненіе касается только буквъ **а** и **о**, съ одной стороны, и **е** и **и**—съ другой: дѣйствительно, если бы писать въ существительномъ «борода» три раза букву **а**, въ повелительномъ наклоненіи «береги»—три раза **и**, это было бы неточно: только конечныя, ударяемыя **а** и **и** этихъ словъ вполнѣ явственны, а въ начальныхъ слогахъ имѣются даже совсѣмъ глухіе звуки. Но какое бы все-таки облегченіе представляло правило писать буквы **о** и **е** лишь тамъ, гдѣ онѣ ясно слышатся, а то

[8]) Произносящій «фатера, флигерь, спинжакъ» ни при какой орѳографіи не можетъ догадаться, что образованные люди произносятъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пишутъ «квартира, флигель, пиджакъ».

всегда употреблять **а** и **и**! И того, кто, держась областного произношенія, въ большей или меньшей степени различаетъ безударное **о** отъ **а**, **е** — отъ **и**, новое правило не могло бы затруднить: оно гласило бы для него: «если хочешь писать политературному, то не различай безударныхъ **а** и **о**, **е** и **и**».

Въ этимологическомъ письмѣ усматриваютъ то преимущество, что оно намъ указываетъ на связь между родственными словами. Однако такія указанія—дѣло совершенно безполезное. Обыкновенно при этомъ (употреблю французскую поговорку) взламываютъ отпертую дверь: указываютъ на такую связь, которая и безъ того всякому ясна. Какая надобность подчеркивать родство словъ «лавка» и «лавочникъ», ставя въ обоихъ букву **в**? Вѣдь и самый безграмотный лавочникъ, способный написать слово «лавка» черезъ **ф** или **ѳ**, отлично сознаётъ тѣсную связь, существующую между нимъ и его лавкой. Усумнимся ли мы въ томъ, что фамиліи «Шапошниковъ» и «Посниковъ» восходятъ къ словамъ «шапка» и «постъ», хотя бы (какъ бываетъ часто, чуть ли даже не постоянно) въ первой было написано **шн**, вмѣсто **чн**, а во второй — **сн** вм. **стн**? Смущаетъ ли насъ въ фамиліяхъ «Карзинкинъ», «Ти́хановъ», «Ти́манова» написаніе ихъ черезъ **а** и мѣшаетъ ли догадаться, что они произошли отъ слова «корзинка» и отъ собственныхъ именъ «Тихонъ» и «Тимонъ» съ буквою **о**? Затрудняемся ли мы хоть сколько-нибудь въ пониманіи нарѣчій «гдѣ», «здѣсь» и «вездѣ» тѣмъ, что въ нихъ пишутся по слуху **г** и **з**, а не по этимологіи — **к** и **с**? А вѣдь, не установись эти написанія (въ сущности столь же безграмотныя, какъ «здѣлать» съ **з** вм. **с**) довольно прочно, любители этимологіи приходили бы отъ нихъ въ ужасъ. Какъ можно, восклицали бы они:

отрывать нарѣчіе «кдѣ» отъ мѣстоименій: «кто, который, какой», съ коими оно имѣетъ общій корень, содержащій характерную для вопросительныхъ словъ букву к! Какъ можно отрывать указательное нарѣчіе «сдѣсь» отъ указательнаго мѣстоименія «сей», «весдѣ»—отъ «весь» и «всегда»! Послѣдовательный сторонникъ производственнаго письма долженъ бы возстать также противъ упрощеннаго написанія «если», такъ какъ этотъ союзъ содержитъ глагольную форму «есть». Онъ долженъ бы еще настаивать на употребленіи въ такихъ словахъ, какъ «молодецкій» вм. ц—чс, ибо въ нихъ допущено то же сліяніе согласныхъ буквъ, которое считается безграмотнымъ въ какомъ-нибудь словѣ «братскій» [9]).

Прямо вредною я считаю этимологическую ороографію въ тѣхъ случаяхъ, когда она, указывая на происхожденіе слова, не выясняетъ, а затемняетъ его дѣйствительный смыслъ. Таково написаніе слова «щастье» черезъ сч. «Щастье» теперь является просто синонимомъ французскаго fortune, и никому, если не задаваться спецьяльно филологическими цѣлями, и дѣла нѣтъ, что русское слово первоначально означало обладаніе частью, долею, а французское—случай. Положительно напрасно Карамзинъ, а за нимъ Гречъ, возстановили этимологическое сч вм. щ, и совершенно правы поляки,

[9]) Поляки (при однородной съ русскою ороографіи) дѣйствительно пишутъ bracki черезъ c. Ссылаться на тò, что первичное «братъ» представляетъ т, а въ первичномъ «молодецъ» уже имѣется ц, не слѣдуетъ: ц въ существительномъ непосредственно произошло изъ к, а въ прилагательномъ получилось изъ чс (сравнимъ «молодечество», а также «греческій» съ разновидностью «грецкій»); наводя на мысль о болѣе тѣсной связи между окончаніями -ецъ и -ецкій, правописаніе вводитъ насъ въ заблужденіе.

когда въ своемъ словѣ szczęście пишутъ тѣ же знаки, коими всегда выражаютъ наше **щ**. Столь же мало заслуживаетъ сочувствія предпринятое покойнымъ академикомъ Гротомъ возстановленіе никѣмъ несознаваемой связи прилагательнаго «затхлый» со словами «дохнуть, духъ, вдохновенный», посредствомъ замѣны его **т** через **д**. Обратимъ здѣсь вниманіе еще на слово «тошно». Это нарѣчіе можно бы привести въ примѣръ того, что звуковое письмо затемняетъ происхожденіе словъ: въ самомъ дѣлѣ, не сразу догадаешься, что «тошно» по этимологическому способу слѣдовало бы писать съ буквою **щ**, и что оно сродни прилагательному «тощій» и существительному «тоска». Однако такая неясность обусловливается тѣмъ, что, водимые нашимъ правописаніемъ на помочахъ, мы не привыкли сами ходить, и не свидѣтельствуетъ о пользѣ, а скорѣе о вредѣ производственнаго письма. То же нарѣчіе «тошно», въ сопоставленіи съ указанными, родственными, но далекими по значеніямъ, словами «тощій» и «тоска», можетъ служить новымъ примѣромъ на порванную этимологическую связь, которую незачѣмъ возстановлять на бумагѣ. Гротъ и сохраняетъ въ данномъ словѣ букву **ш**, хотя съ его стороны это непослѣдовательно.

И сколько вообще въ этимологическомъ письмѣ условнаго и произвольнаго! Намъ говорятъ, что непозволительно въ слогахъ **жы**, **шы** (**жыр**, **шып** и т. п.) писать **ы**, ибо самое появленіе звуковъ **ж** и **ш**, смягченныхъ изъ **г** и **х**, указываетъ на присутствіе тутъ звука мягкаго, а не твердаго. Но вспомнимъ про отсутствіе смягченія въ слогахъ **ки**, **ги**, **хи**, объясняемое только тѣмъ, что они въ древности содержали **ы** и звучали **кы**, **гы**, **хы** (кысть, гынути, хытрыи), что̀ нисколько не мѣшаетъ намъ писать **ки**, **ги**, **хи**! Отчего

бы, значитъ, не допустить написаній **жы** и **шы**, тѣмъ болѣе, что церковное письмо представляетъ иногда такое правописаніе, напр., въ дат. пад. **на́шымъ**? Не забудемъ еще про одно внѣшнее удобство при употребленіи сочетанія **ш-ы** вм. **ш-и**: въ скорописи не будутъ путаться, какъ теперь, **ши** и **иш**.—Настаивая на необходимостя мягкой гласной въ слогахъ **жи, ши**, мы однако преспокойно опускаемъ букву **ь** въ словахъ въ родѣ «ножка» и «мушка», уменьшительныхъ къ «нога» и «муха», тогда какъ она въ нихъ столь же необходима, чтобы оправдать смягченіе **г** и **х** въ **ж** и **ш**.— Не совершенно ли произвольно принято теперь писать предлоги воз-, из-, низ-, раз- черезъ **с** не только передъ **к, п, т, ф, х, ц** (что̀ согласно и съ выговоромъ, и со стариннымъ обычаемъ), но также передъ **ш, ч, щ**—расширить, расчистить, расщедриться,—гдѣ появляется звукъ **ш**, а **с** никогда не писалось? Какъ непослѣдовательно, единственно, чтобы не ставить рядомъ двухъ одинаковыхъ буквъ, допущено исключеніе для буквы **с**, хотя уже Ломоносовъ писалъ «ис-сохнуть, рас-славить»! Просто по недосмотру отъ воз-, из-, низ-, раз- отбились без- и чрез-, изъ коихъ послѣдній имѣетъ даже преимущественное право на букву **с**, такъ какъ первоначально содержалъ именно звукъ **с**, а не **з**, который внесенъ въ него лишь въ подражаніе остальнымъ: при чисто звуковомъ развитіи мы не говорили бы «чре**з**мѣрный, чре**з**вычайный», а «чре**с**м-, чре**с**в-». Весьма поучительно также слово «лѣстница», со своимъ **ст**, рядомъ съ глаголомъ «лѣзть—лѣзу» и съ уменьшительнымъ «лѣсенка». Разъ существительное по слуху, вмѣстѣ съ тѣмъ по преданію, пишется съ **с**, такъ отчего бы этого не допустить, согласно произношенію и старинному письму, и

въ неокончательномъ «лѣзть»? Разумно ли, далѣе, настаивать на сохраненіи въ словѣ «лѣстница» буквы т, когда уменьшительное «лѣсенка» произошло отъ «лѣсница», съ выпущеніемъ т, такъ какъ иначе говорили бы «лѣстенка»? Гротъ, въ любопытной книгѣ: «Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ» Спб., 2-ое изд. 1876, даже изгналъ было т изъ слова «лѣстница» (правда на ошибочномъ основаніи, будто его никогда тамъ не было), впослѣдствіи однако возстановилъ его. Относительно глагола «ращесть» и существительнаго «ращот» тотъ же ученый очень рѣшительно заявилъ, что какъ явствуетъ-де изъ выговора «разочту»—въ нихъ необходимо писать просто сч, а не зсч. Это однако вовсе не такъ несомнѣнно. Въ живой русской рѣчи понятіе compter, rechnen, numerare обыкновенно выражается вторичнымъ корнемъ щит, гдѣ древній корень чит, сохраняемый въ значеніи lire, lesen, legere—читать, сросся съ предлогомъ съ: не даромъ же мы говоримъ «сощитать», употребляя два раза одинъ и тотъ же предлогъ съ, что̀ возможно лишь потому, что въ глаголѣ «щитать» присутствіе предлога уже не чувствуется. Вслѣдствіе этого «щот» для нашего чутья простое слово, а «ращот» естественно расчленяется на раз и щот.— Всѣ теперь пишутъ прилагательныя (они же нарѣчія) «горячо», «свѣжо» черезъ о, но просто забыли допустить это и въ нарѣчіи «еще», которое, не имѣя при себѣ родственныхъ формъ съ буквою е (какъ «горячее, свѣжее»), даже съ бо́льшимъ удобствомъ могло бы подчиниться произношенію.—Вотъ какія колебанія и произвольные приговоры являются плодомъ этимологическаго мудрствованія!

Увѣряютъ насъ, будто производственное письмо

между прочимъ полезно тѣмъ, что различаетъ фонетически совпавшія слова—омонимы. Какъ хорошо, говорятъ, что «душка» отъ «душа» пишется съ буквой **ш**, «дужка» отъ «дуга»—съ буквою **ж**! «лечу» отъ «летѣть»—съ буквою **е**, «лѣчу» отъ «лѣчить»—съ буквою **ѣ**! «перемѣшка» отъ «перемѣшать»—съ сочетаніемъ **ѣш**, «перемежка» отъ «перемежаться»—съ **еж**! Съ торжествомъ указываютъ на французскій языкъ, гдѣ въ одномъ созвучіи sę совпали слова̀, означающія пять, здоровый, святой, лоно, опоясаный и подпись (латинскія quinque, sanus, sanctus, sinus, cinctus и signum), различаемыя только на письмѣ [10]).—Однако слово употребляется не само по себѣ, а въ предложеніи, такъ что смыслъ его вытекаетъ изъ общей связи и вовсе не нуждается въ поддержкѣ правописанія. Кто же не пойметъ, что въ выраженіи: «они пришли домой», пришли есть прошедшее время, а въ выраженіи: «пришли мнѣ денегъ»—повелительное наклоненіе? хотя въ обоихъ случаяхъ мы пишемъ совершенно одинаково. Можно даже подобрать фразы, въ коихъ всѣ слова̀ допускаютъ различное пониманіе, но въ цѣломъ даютъ вполнѣ опредѣленный смыслъ. Если произнести предложеніе: «Груша, будемъ вмѣстѣ покой месть», то всякій пойметъ, что кто-то предлагаетъ какой-то Аграфенѣ сообща убирать барскую комнату, хотя «груша» могло бы обозначать также извѣстный плодъ, «будемъ» могло бы принадлежать не къ глаголу «быть», а къ глаголу «будить» (на письмѣ—буд**и**мъ), «вмѣстѣ» могло бы составлять не одно нарѣчіе, а два слова, «покой» могло бы обозначать спокойствіе, «месть» могло бы быть не глаго-

---

[10]) Французскія начертанія: c-i n-q, s-a-i-n, s-a-i-n-t, s-e-i-n, ce-i-n-t и s-e-i-n g.

ломъ, а существительнымъ, въ смыслѣ мщенія. Болѣе того: и по-французски, если мы захотимъ сказать: «его отецъ пять мѣсяцевъ былъ городскимъ головою», наши слова «son père a été maire cinq mois» никѣмъ не будутъ поняты превратно, несмотря на то̀, что каждое изъ этихъ словъ имѣетъ по крайней мѣрѣ 2 значенія, pär и mär имѣютъ по 3, so̧—4 [11]), а sȩ, какъ уже упомянуто—цѣлыхъ 6.

Ну, а если слово все-таки красуется въ совершенномъ одиночествѣ, гдѣ-нибудь на стѣнѣ? Въ такомъ случаѣ, во 1-хъ, обыкновенно нисколько не интересно, что хотѣлъ сказать какой-то прохожій шалунъ; а, во 2-хъ, если мы этимъ заинтересуемся, то шалунъ могъ быть безграмотнымъ или просто разсѣяннымъ и, писавши напр. м-і-р ъ, все же могъ имѣть въ виду не вселенную, а покой и согласіе. Встрѣчаются, правда, иногда такія выраженія, которыя лишь для глаза представляютъ опредѣленный смыслъ, болѣе-менѣе затемняющійся при чтеніи вслухъ. Такъ, мнѣ попалось гдѣ-то выраженіе: «мѣстами оба племени живутъ вперемежку», что̀, судя по орѳографіи, должно означать, что племена перемежаются, живутъ черезполосно, а не то, чтобы совсѣмъ перемѣшаны. Одно сочиненіе почтеннаго, теперь уже покойнаго ученаго, Александра Аѳанасьевича Потебни, озаглавлено: «Значенія множественнаго числа», при чемъ лишь написаніе показываетъ, что рѣчь идетъ о различныхъ значеніяхъ, а не объ одномъ; таковъ же заголовокъ, выписанный мной изъ «Московскихъ Вѣдомостей»: «Покушенія на жизнь королевы Викторіи»: прочтя его

[11]) Son—свой (его), звукъ, отруби, sont (они) суть; père отецъ, paire пара, pair равный; a имѣетъ, à при, у, во; été бывшій, лѣто; maire городской голова, mère мать, mer море; mois мѣсяцъ, moi меня, я.

не обращая особеннаго вниманія на буквы, я ждалъ извѣстія о новомъ покушеніи, а оказалось, на что̀ глазу намекала уже буква **я**, что говорилось о нѣсколькихъ прежнихъ покушеніяхъ. Также на одно только зрѣніе разсчитано встрѣтившееся мнѣ гдѣ-то заглавіе: «Болота», тоже изображающее множественное число. Въ той сценѣ шекспировской драмы: «Генрихъ V», когда молодой король, бывшій весьма легкомысленнымъ наслѣднымъ принцемъ, получаетъ въ насмѣшливый подарокъ отъ французскаго короля ящикъ мячиковъ, русскій переводчикъ на вопросъ Генриха: «Что тамъ?» даетъ отвѣтъ: «Мячи, мой государь»—отвѣтъ двусмысленный, при коемъ, если бы эту пьесу поставили, непремѣнно слѣдовало бы достать изъ ящика и показать мячикъ, чтобы публика не подумала, что говорится о шпагахъ. Жуковскій въ одномъ стихотвореніи (Двѣ повѣсти, повѣсть I) употребилъ выраженіе: «золото перетянула Кость»—по связи и по написанію съ **а** на концѣ можно догадаться, что кость оказалась тяжеле золота, но при чтеніи вслухъ, по непосредственному впечатлѣнію, все-таки выходитъ наоборотъ. Нерѣдко теперь употребляется вновь заимствованное слово «иммиграція» (для понятія, которое легко можно выразить славяно-русскими словами «вселеніе» и «приселеніе»), каковое слово, при непринужденномъ произношеніи—безъ удвоенія **м** и съ неявственнымъ выговоромъ начальнаго **и**—совпадаетъ съ противоположнымъ понятіемъ «эмиграціи» (выселенія). Одинъ критикъ упрекаетъ автора разбираемой имъ философской книги, что онъ «вмѣсто не сущій пишетъ несущій», т.-е. (какъ ясно для глаза, но не для слуха), что онъ пишетъ слитно то̀, что̀ принято писать раздѣльно. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ имѣется замаскированное правописаніемъ неудачное

употребленіе словъ и выраженій: вездѣ слѣдовало бы дать рѣчи иной оборотъ [12]).—Когда правописаніе такимъ образомъ скрываетъ отъ насъ недостатки нашего стиля, соблазняетъ насъ къ неяснымъ и неточнымъ выраженіямъ и къ безсознательнымъ, далеко не остроумнымъ каламбурамъ, то не оказываетъ ли оно намъ своими тонкими различеніями медвѣжью услугу? Съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ появляется намѣренная игра словъ, нельзя не пожалѣть, если она на письмѣ пропадетъ, Было бы напр. жаль, если бы различное написаніе скрывало отъ глаза совпаденіе въ большинствѣ падежей реченій «мячъ» и «мечъ», на которомъ русскій авторъ, при самостоятельной обработкѣ упомянутой шекспировской сцены, основалъ бы каламбуръ, хоть въ такомъ родѣ: «Государь, ... тамъ мячики». «Ты говоришь мечи? Что жъ? На войнѣ мечи намъ пригодятся, И мы владѣть мечами мастера».

Приведу въ этомъ мѣстѣ также ссылку на китайскій языкъ, при употребленіи котораго, вслѣдствіе чрезвычайной многочисленности омонимовъ, приходится-де иногда просить собесѣдника написать произнесенное имъ слово, чтобы понять, въ какомъ оно употреблено значеніи. Однако не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что такіе казусы выходятъ лишь между людьми книжными, при допущеніи вычуръ и архаизмовъ, и

---

[12]) Такъ, множественное число «значенія», «Болота» слѣдовало бы поставить въ другомъ падежѣ (О значеніяхъ, О болотахъ), или снабдить какимъ-нибудь опредѣленіемъ (Различныя значенія, Наши болота), или же допустить народныя, встрѣчающіяся также у писателей, «значеніи, болоты». Вмѣсто «болота» можно бы также рискнуть сказать, съ областнымъ удареніемъ, «болотà».

что они совершенно аналогичны употребленію нами выраженій «міръ через і съ точкой», «дужка черезъ ж», которыя съ полнымъ удобствомъ можно замѣнить болѣе существенными опредѣленіями «міръ въ смыслѣ вселенной», «дужка отъ дуга».

Иные говорятъ, что звуковое написаніе не облегчитъ чтенія и письма, а затруднитъ. Несомнѣнно, всякій переходъ отъ стараго, привычнаго, къ чему-нибудь новому представляетъ затрудненія, хотя бы новое было гораздо лучше и гораздо проще. Французы, если бы ввести у нихъ фонетическое правописаніе, на первыхъ порахъ, при выраженіи понятія о водѣ, съ бо́льшимъ конечно трудомъ выводили бы и читали бы единственную букву о, чѣмъ теперешнія, фонетически и этимологически безсмысленныя, буквы e-a-u; но эта потеря времени впослѣдствіи вполнѣ бы окупилась. Не слѣдуетъ забывать и того, что предлагающіе упростить орѳографію главнымъ образомъ думаютъ о будущихъ поколѣніяхъ и желаютъ избавить ихъ отъ мытарствъ, уже пройденныхъ старшими. При переходѣ отъ одной орѳографіи къ другой нѣкоторое время должны бы употребляться рядомъ двѣ орѳографіи: младшее поколѣніе писало бы поновому, но училось бы читать и постарому; старшее, наоборотъ, оставалось бы при прежнемъ письмѣ, но выучилось бы читать поновому. А читать писанное на родномъ языкѣ можно при всякомъ правописаніи, была бы добрая воля. Въ этомъ смыслѣ мнѣ довелось произвести случайный опытъ надъ однимъ своимъ пріятелемъ, теперь уже покойнымъ, который былъ, правда, человѣкомъ весьма даровитымъ, но не филологомъ по специяльности. Пробуя, еще во время своего студенчества, разные пріемы видоизмѣненія русскаго письма, въ томъ числѣ и нѣсколько способовъ передачи рус-

скихъ словъ латинскими буквами, я свои стихи, представлявшіе такое, можно сказать вавилонское, смѣшеніе орѳографій, давалъ читать упомянутому пріятелю, и онъ легко въ нихъ разбирался.

По этому поводу затрону вопросъ о письмѣ церковномъ. Какъ на одно изъ возраженій противъ правописной реформы, въ видахъ облегченія грамоты главнымъ образомъ простому народу, указывалось на то̀, что реформа едва ли бы могла коснуться читаемыхъ особенно охотно простымъ народомъ церковныхъ книгъ. Дѣйствительно, въ этихъ книгахъ измѣненіе орѳографіи (хотя оно, понятно, ничѣмъ бы не отразилось на вѣроученіи, ни даже на обрядности) могло бы быть сочтено неумѣстнымъ. Можно, пожалуй, опасаться возникновенія изъ-за такой попытки новаго раскола. Однако развѣ есть надобность писать по-церковно-славянски? А вѣдь трудности какъ гражданской, такъ и церковной грамоты сказываются главнымъ образомъ при письмѣ, и ихъ почти не существуетъ при чтеніи. Къ тому же церковное правописаніе, будучи нѣсколько сложнѣе по большему количеству буквъ, не представляетъ чтецу и тѣхъ немногихъ затрудненій, какія встрѣчаются въ гражданскомъ: удареніе, насчетъ котораго можно иногда усумниться (вспомнимъ хоть фамилію Са́зиковъ, о коей необходимо знать, что она произносится такъ, а не Сазико́въ), въ церковныхъ книгахъ всегда отмѣчается; **е** никогда не произносится, какъ «ё»—по русски, встрѣтивъ напр. названіе куста evonymus europaeus, «бересклетъ», и не зная его изъ живой рѣчи, никакъ не сообразишь, читать ли «бересклет» или «бересклёт»; **чн** никогда не упрощается въ **шн**—по-русски мы лишь изъ обычая знаемъ, что нужно читать «нарошно», но «порочный». Итакъ, церковная грамота, съ одной сторо-

ны, безо всякаго вреда для какихъ-нибудь существенныхъ интересовъ, могла бы быть преобразована или же спокойно можетъ быть сохранена.

Возраженія, дѣлаемыя противъ звукового письма въ иныхъ случаяхъ основаны на привычкахъ, вынесенныхъ изъ обычной орѳографіи. Приходится встрѣчать мнѣніе, будто при именительномъ падежѣ «гот», съ т на концѣ, родительный долженъ бы произноситься «гота», что при словѣ «лошка», съ буквою ш, уменьшительное будетъ «лошечка». Та́къ конечно выходитъ потеперешнему, но по звуковому способу за каждымъ измѣненіемъ звука слѣдуетъ измѣненіе буквы. Въ томъ же вкусѣ даже одинъ серьёзный ученый приводилъ противъ сербскаго фонстическаго письма въ доказательство слово левъ, по-сербски лав, род. пад. лава, встрѣченное имъ на одной бѣлградской вывѣскѣ въ видѣ лафа («Код лафа»—«У льва», по-нѣмецки «Zum Löwen»). При чемъ тутъ, спрашивается, характеръ сербскаго письма? Лафа—это попавшій на вывѣску провинцьялизмъ, каковые вполнѣ возможны при всякомъ правописаніи: и нашимъ малограмотнымъ простолюдинамъ русское этимологическое письмо нисколько не мѣшаетъ произносить, а при случаѣ и написать «лошечка, шупочка» и т. п. Одно такое слово, «буточка», чуть ли не всѣми (даже образованными людьми), несмотря на употребленіе въ немъ буквы д, произносится со звукомъ т—видно потому, что первичное «буда» утрачено. Обратное явленіе, переходъ т въ д, представляетъ слово «свадьба», съ производнымъ «свадебный», родственное словамъ «сватъ, свататься», но все-таки награждаемое по слуху буквою д. Чехи пишутъ svatba и svatební, хотя тоже произносятъ svadba, а также (хотя, можетъ-быть, не всегда) svadební.

Написаніе свадьба рядомъ со свататься особенно поучительно и доказываетъ полную возможность писать, съ одной стороны, «лотка» съ т, а съ другой—«лодочка» съ д. Мнѣніе, будто перемѣна одной буквы порветъ этимологическую связь, совершенно неосновательно: и не ссылаясь на живую рѣчь, можно сослаться на ороографію словъ «отверстъ» и «отверстіе» рядомъ съ «отверзу», и «лѣстница» рядомъ съ «лѣзу», а также указать на то̀, что мы нисколько не затрудняемся пропускомъ буквъ и отлично сознаёмъ принадлежность множественнаго числа «сны, псы» къ единственному «сон, пёс»; мужескаго рода «промокъ, умер» къ женскому «промокла, умерла».—Чѣмъ-то ужаснымъ можетъ показаться изображеніе предлога под по звуковому способу въ 4-хъ видахъ: п-о-д (по́дрези), п-о-т (по́тпись), п-а-д (падва́л) и п-а-т (патхо́т). Но развѣ намъ не ясно, что р-а-з (разбить), р-а-с (раскрыть), р-о-з (розвальни) и р-о-с (роспуски) разновидности одного и того же предлога? Здѣсь мы въ колебаніи заходимъ столь далеко, что при прошедшихъ временахъ «роздалъ» и «розлилъ», съ явственнымъ подъ ударені̀емъ о, употребляемъ написанія «раздать» и «разлить» съ а. Такимъ же образомъ мы смѣло пишемъ «расписать», несмотря на «роспись», и совсѣмъ не знаемъ, какъ писать «расписаніе»—съ а или съ о (Совершенно аналогичны «разыскать, розыскъ и разысканіе»). Та же двойственность допущена въ корнѣ глагола «рости», который Гротъ велитъ писать черезъ а, несмотря на прошедшее «росъ» и на существительное «ростъ». Какъ примѣръ вполнѣ сознаваемаго тождества, при двойственности написанія, можно указать еще предлогъ при: «принять» и «пріемышъ». Мимоходомъ замѣчу, что въ корнѣ рост, а также въ предлогѣ роз, по

русской этимологіи, слѣдовало бы всегда писать **о**; исключеніе составляли бы лишь нѣкоторыя заимствованія изъ церковнаго языка (разумъ, распря, распятъ), гдѣ при томъ **а** явственно слышится. Это признавалъ и Гротъ, однако не рекомендовалъ для практики. Нужно ли бы въ такомъ случаѣ, въ видѣ настоящихъ исключеній, сохранить также написанія возр**а**стъ и р**а**стеніе, соблазнившія покойнаго академика стоять за этимологически-непозволительное р**а**сти—я не знаю. Толкуя объ этомъ, мы, какъ неразъ, путаемся въ этимологическихъ соображеніяхъ; при звуковомъ же письмѣ все рѣшалось бы совершенно просто.

Дикими намъ представляются рекомендуемыя мною, вслѣдъ за другими сторонниками упрощеннаго правописанія, начертанья с е т ь, д е л о, м е р а, съ **е** вм. **ѣ** [13]). Но не думайте, чтобы въ этомъ случаѣ возмущалось живое сознаніе русскаго человѣка! Вспомнимъ, что столь же безобразнымъ кажется употребленіе буквы **ѣ** вм. **е** въ словахъ «змей, Алексей, седло, цвелъ», несмотря на то, что эти слова надѣляются ятемъ лишь по недоразумѣнію, вслѣдствіе узаконенной безграмотности. Не возмутится ли наше сознаніе также, уви-

---

[13]) Недавно въ такомъ смыслѣ писали: одесскій профессоръ Воеводскій: «Опытъ упрощенья русскаго правописанья». Одесса 1898; въ февральской книжкѣ «Русской Мысли» 1899 г.—г. Благовѣщенскій; въ «Филологическихъ Запискахъ» 1899 г., выпускъ III—IV,—г. Гороховъ; въ отдѣльной книжкѣ: «Новое русское правописаніе. Опытъ раціональной орѳографіи. I. Веденіе». Орелъ 1900»—нѣкто В. Кв.; а также г. Колтановскій («Реформа русской азбуки», Винница 1900), допускающій, впрочемъ, нѣкоторую сдѣлку, въ видѣ употребленія **ё** съ точкой.

давши ѣ вм. е напр. въ словахъ тѣмя, пѣсокъ, мѣль, мѣлкій, мѣзга, вѣдро, блѣскъ, брѣзжится, дрѣмать, сѣмья, клѣй, клѣщи, кисѣль, капѣль, сулѣя, верѣя, швѣя, врѣдъ, члѣнъ, давѣча? А это все настоящія, этимологически-правильныя написанія! Особенно поучительны слова: «мѣлкой» и «цвёлъ», гдѣ уже самое произношеніе указываетъ разъ на ѣ, разъ — на е (Существительное «цвѣтъ», правда, издавна содержало ѣ, но родственный глаголъ его не имѣлъ, а представлялъ и — «цвисти» и ь — «цвьлъ»: ь, дающій по-русски е, ё). Знаменательно также, что мы въ глаголы «лѣтати» и «съ-плѣтати», гдѣ ѣ служилъ примѣтою многократнаго вида, преспокойно ввели е изъ просто-несовершеннаго вида «летѣти» и «плести». Еще мы, ничто же сумняся, пишемъ букву е вм. ѣ въ окончаніи словъ «обитель» и «добродѣтель», смѣшивая женское окончаніе -ѣль съ мужескимъ (дѣятельскимъ)— -тель: -атель, -итель, -ѣтель. Страннымъ до безсмысленности могло бы показаться, если бы кто-нибудь въ прилагательныхъ «одесcскій, парнасcскій» написалъ 3 эса; но разъ мы пишемъ «Одесса» и «Парнассъ» съ 2-мя эсами [14]), а наставка -скій представляетъ третій, то это чудачество было бы вполнѣ въ духѣ обычнаго правописанія. Припомнимъ тутъ и упомянутыя ранѣе начертанія «вышшій» съ двойнымъ ш и «нижшій» съ жш, рѣжущія глазà, но несомнѣнно правильныя. Съ другой стороны, приведу еще начертаніе «петербургскій» съ нѣмою буквою г вм. ж, несмотря на выговоръ «петербуржецъ» — плодъ безграмотнаго суемудрія, къ коему мы однако привыкли такъ, что насъ отъ него нисколько не коробитъ [15]).

---

[14]) Парнасъ, правда, пишется и съ однимъ с.

[15]) Напротивъ того, какъ сообщаетъ Гротъ («Спорные

Иногда производственное письмо ставитъ намъ крайне трудные или прямо неразрѣшимые вопросы, завязываетъ гордіевы узлы, которые практиками, а отчасти и теоретиками орѳографіи (не исключая и Грота) разрубаются по способу Александра Македонскаго. Ка́къ слѣдуетъ писать: помОгать или помаГать? Древнему многократному глаголу «магати» свойственно было усиленіе коренного **о** въ **а**, русская же рѣчь, какъ можно думать на основаніи мѣстнаго (о́кальскаго) произношенія и нѣкоторыхъ указаній старорусскихъ памятниковъ, подъ вліяніемъ первичнаго глагола помОчь, ввела сюда звукъ **о**, а послѣ, превративъ это безударное **о** на общемъ основаніи въ **а**, возстановила древній выговоръ. Ка́къ же теперь писать этимологически?! Впрочемъ, я склоненъ (становясь на почву ходячаго правописанія) предпочесть обычное начертаніе черезъ **о**, съ тою цѣлью, чтобы здѣсь было примѣнимо правило: «когда ты сомнѣваешься насчетъ гласной буквы, то подбери родственное слово, гдѣ на сомнительную букву приходилось бы удареніе» — помаГать рядомъ съ помОчь составляло бы исключеніе. Но мы положительно впадаемъ въ вопіющее противорѣчіе, когда пишемъ помОгать и въ то же время (съ одобренія Грота!) полаГать, маКать и каСаться.—Еще примѣръ неразрѣшимаго вопроса, хотя и разрѣшеннаго школьной грамматикой. Въ сравнительныхъ степеняхъ «болѣе» и «менѣе» пишется, какъ извѣстно, обычное окончаніе сравнительной степени **ѣ-е**. Однако можно бы писать и **е-е**. Краткія формы «боле, мене» несомнѣнно (что̀

вопросы», 2 изд., стр. 212), публика никакъ не могла помириться съ употребленіемъ въ этомъ словѣ «Отечественными Записками» буквы **ж**!

въ принципѣ признавалъ и Гротъ) должны бы писаться черезъ е: «боле, мене» такія же образованія, какъ «хуже, богаче» (таковы же «дале, доле, тяжеле»). Въ 3 хсложныя «более, менее» они превратились подъ вліяніемъ «сильнѣе, красивѣе» и т. п. формъ. Пусть же теперь мудрый Эдипъ разрѣшитъ, какимъ путемъ это произошло: замѣнилось ли окончаніе е другимъ окончаніемъ ѣе, въ виду чего надо писать ѣ-е, или же, по примѣру этого ѣе, къ готовому е прибавилось второе е, такъ что слѣдуетъ предпочесть е-е?! — Подобный же вопросъ возбуждаютъ встрѣчавшіяся намъ уже ранѣе нарѣчія гдѣ, вездѣ и здѣсь: эти нарѣчія первоначально кончались на е, а не на ѣ, и писались къде, вьсьде, сьде: ѣ очевидно затесался въ нихъ подъ вліяніемъ служащихъ къ нимъ отвѣтомъ или поясненіемъ мѣстныхъ (предложныхъ) падежей «на столѣ, въ окнѣ, при стѣнѣ». Но случилось ли это въ живомъ произношеніи, когда существовалъ еще особый звукъ ѣ, или же ѣ появился лишь на письмѣ, какъ измышленіе какого-нибудь книжника? — Ка́къ, далѣе, писать слово «лодья» — черезъ о или черезъ а? Обиходное слово «лодка» указываетъ на о; но наше книжное ладья чуть ли не заимствовано изъ церковнаго языка, представляющаго ла (Сравнимъ сказанное выше, стр. 22, о словахъ «возрастъ» и «растеніе»). — Еще остановимся на словѣ возмѣстить. Очень вѣроятно, что этотъ глаголъ не произведенъ отъ существительнаго «мѣсто», а вышелъ изъ «возмстить» (или «взомстить»), но мы во всякомъ случаѣ пріурочиваемъ его туда — какъ же теперь быть съ нимъ?

Итакъ, мы убѣдились, что во многихъ случаяхъ трудно или совсѣмъ невозможно рѣшить, какъ писать этимологически; вмѣстѣ съ тѣмъ мы видѣли, что въ

странности для насъ «неправильныхъ» написаній вовсе не отзывается голосъ нашей научной совѣсти или живое сознаніе язычнаго духа, а простая привычка [16]).

Въ виду этого вполнѣ позволительно выдвигать неразъ уже ставившійся вопросъ о реформѣ письма въ фонетическомъ направленіи. Правильно понимаемая наука можетъ только сочувствовать звуковому правописанію: какъ часто намъ приходится жалѣть, что такое письмо не господствовало во всѣ времена и у всѣхъ народовъ! Сколько разъ мы, читая рукописи или надписи, задаемъ себѣ неразрѣшимый вопросъ, каково было произношеніе ихъ писцовъ, спрятанное подъ искусственной орѳографіей! Какъ рады мы, когда намъ попадется писецъ безграмотный, проговаривавшійся этимъ произношеніемъ! Даже относительно настоящаго времени, пользуясь записанными въ разныхъ мѣстахъ образцами народной рѣчи, нерѣдко досадуешь, что особенности мѣстнаго выговора скрываются за книжнымъ правописаніемъ.—Съ могущими возникнуть при введеніи новой орѳографіи затрудненьями, а особенно съ тѣми урѣзками и искаженіями, которыя вѣроятно отвоюетъ у ней утвердившійся обычай, при выставленіи теоріи

[16]) Этимологическое письмо представляетъ даже нѣкоторую фальшь и лицемѣріе: къ нему и въ общемъ приложимы слова̀, сказанныя Гротомъ («Спорные вопросы», стр. 137) про употребленіе ѳ: «испортивъ слово, сдѣлавъ его неузнаваемымъ,... мы хотимъ все дѣло поправить для виду». Приведу еще здѣсь примѣръ вызваннаго производственнымъ письмомъ искаженія фактовъ: намъ говорятъ, что нельзя писать слово «нарочно» съ буквою ш, потому что «к въ ш не переходитъ», тогда какъ въ данномъ словѣ такой переходъ (разумѣется не прямо, а при посредствѣ ч) несомнѣнно произошелъ.

можно и не считаться: не слѣдуетъ самому портить то́, что̀, если вообще войдетъ въ употребленіе, до́лжно быть будетъ, въ большей или меньшей степени, испорчено другими. Рѣшительно я не сочувствую Гроту, когда онъ въ иныхъ случаяхъ, боясь, что голосъ разума окажется безсильнымъ передъ привычкою, освящаетъ своимъ научнымъ авторитетомъ явныя нелѣпости (напр. написаніе имени Алексѣй черезъ ѣ). Конечно, проводя свой идеалъ въ жизнь, естественно желать, чтобы онъ восторжествовалъ, если не вполнѣ, то хоть отчасти, и поэтому позволительно разсуждать о предвидящихся затрудненіяхъ.

Сторонникамъ звукового правописанія дѣлалось между прочимъ возраженіе, что при провозглашеніи фонетическаго принципа недостаточно разъ преобразовать письмо, а придется по временамъ вновь мѣнять его (Срв. у Грота: «Спорные вопросы», стр. 176). Однако коренное преобразованіе понадобилось бы всего разъ, а потомъ, вслѣдъ за постепеннымъ измѣненіемъ выговора, постепенно измѣнялось бы и письмо. При томъ выговоръ вовсе не мѣняется съ такою быстротой, чтобы надо было опасаться постоянныхъ измѣненій.

Какія же могли бы быть предприняты реформы въ нашемъ письмѣ, съ цѣлью упрощенія его и возможно полнаго сближенья съ выговоромъ?

Можно бы предложить принять латинскую азбуку. Это однимъ ударомъ убило бы всѣ наши лишнія буквы: «твердый знакъ», ѣ, ѳ и «восьмеричное и» рядомъ съ «і десятеричнымъ», коихъ нѣтъ въ латинской азбукѣ, а также и «ижицу», которая, правда, тамъ имѣется въ видѣ ипсилона, у «grec», но тоже исчезла бы, вслѣдствіе того, что ипсилонъ у насъ, какъ и у сѣверо-западныхъ славянъ, сталъ бы обозначать ы. Что̀ касает-

ся недостающихъ въ латиницѣ согласныхъ, то онѣ могли бы быть восполнены по чешскому способу—напр.: буква **c**, обозначая сама по себѣ (независимо отъ положенія) звукъ **ц**, снабженная сверху двумя отростками, читалась бы **ч**. Или можно бы придумать иной способъ дополненія латинской азбуки, употребляя, напр.: **c** по итальянскому обычаю въ смыслѣ **ч** (однако во всякомъ положеніи) и выражая **ц** французскимъ «ç». Не останавливаюсь на этомъ, равно какъ на другихъ подробностяхъ указаннаго проекта, въ виду того, что онъ едва ли можетъ осуществиться. Переходъ къ латинскимъ буквамъ не представлялъ бы, правда, большаго затрудненія, чѣмъ у французовъ, англичанъ и другихъ западныхъ народовъ представило введеніе этой азбуки взамѣнъ сохраняемыхъ до сихъ поръ нѣмцами ломанныхъ средневѣковыхъ буквъ, да и была уже совершена подобная реформа Петромъ Великимъ, при коемъ внѣшнее сближеніе славянскихъ начертаній съ латинскими породило наше гражданское письмо; но можно опасаться, какъ бы въ такой реформѣ не усмотрѣли (конечно, лишь по смѣшенію внѣшности дѣла съ его сутью) какую-то измѣну народности и вѣрѣ.—Другой проектъ. Оставаясь при своей гражданицѣ, провозгласить принципъ фонетическаго начертанія словъ: ловко—ф-к-а, поздно—з-н-а. Наперекоръ Гроту, мнѣ думается, что подобное письмо со временемъ могло бы войти въ употребленіе. Вѣдь произвелъ же у сербовъ эту самую реформу Вукъ Стефановичъ Караджичъ. Напрасно говорятъ, будто возможное въ маленькой сербской литературѣ было бы невозможно въ русской. Если при большемъ числѣ писателей и читателей явится больше противниковъ преобразованія, то можетъ явиться и больше сторонниковъ, и перевѣсъ въ концѣ концовъ, такъ же, какъ у сербовъ, можетъ оказать-

ся на сторонѣ послѣднихъ. Надъ Караджичемъ первое время издѣвались, упрекали его въ невѣжествѣ, добились даже запрещенія его правописанія, а оно все-таки восторжествовало. Разумѣется, нельзя ожидать успѣха, если оставаться на почвѣ разсужденій и не показывать самому примѣра: совершенно естественно, что Гроту не удалось устранить букву ъ, т. к. онъ только говорилъ и писалъ противъ нея, а самъ постоянно употреблялъ ее въ печати.

Главнымъ препятствіемъ къ звуковой реформѣ надо считать то обстоятельство, что настоящее научное изслѣдованіе языка—наука молодая: грамматика до сихъ поръ остается, по старому французскому опредѣленію, «искусствомъ правильно говорить и писать», и многіе, не сознавая, что простѣйшіе элементы языка не буквы, а живые звуки, способны сказать, что «русскому языку свойственны такія-то буквы», въ числѣ которыхъ оказываются, напр., «твердый знакъ» и ѳ. Приходится также встрѣчать утвержденіе, будто посягательство на урѣзку русской азбуки есть оскорбленіе памяти великаго изобрѣтателя славянскаго письма, тогда какъ такая реформа будетъ именно въ духѣ св. Кирилла, который не задумался передѣлать стародавнее греческое письмо и примѣнить къ потребностямъ живого славянскаго произношенія.

Стремясь къ звуковому правописанію, мы должны, конечно, провозгласить положеніе, чтобы каждому звуку языка соотвѣтствовала опредѣленная буква—и только одна, а не нѣсколько, каждой же буквѣ—опредѣленный звукъ.

Согласно этому подлежатъ исключенію буквы ѳ, ѵ, і, ъ и ѣ. Ижица и ѳита, основанья для употребленія которыхъ лежатъ, какъ извѣстно, въ греческомъ языкѣ, въ русскомъ письмѣ совсѣмъ не у мѣста. Первая и могла

уже «считаться исключенною изъ русской азбуки», какъ говоритъ Гротъ въ своемъ «Русскомъ правописаніи», однако нѣтъ-нѣтъ появляется въ печати: многіе признаютъ необходимымъ употреблять ее въ 3 словахъ: с и н о д ъ, с и н к л и т ъ и м и р о. Давно указано на то, что разъ мы обходимся безъ ижицы въ словахъ: «лира, порфира, ѳиміамъ», которыя тоже имѣютъ на нее право (вспомнимъ хоть французское написаніе Lyre съ игрекомъ), то можемъ писать обыкновенное и также въ словахъ синодъ, синклитъ и миро. Чтобы мы употребленіемъ ижицы воздавали почетъ нѣсколькимъ высокимъ понятіямъ, я никакъ не могу признать; напротивъ того, появленіе рѣдкой, а потому странной буквы придаетъ слову необычный, чуть ли не комическій видъ. Не лишено значенія и то обстоятельство, что въ церковномъ письмѣ простая ѵ обозначаетъ не и, а в: вспомнимъ начертанія «Єѵа, порфѵ́ра, кѵпарі́съ». Насчетъ опасности смѣшенія косвенныхъ падежей реченія «миро» съ падежами реченій «міръ вселенная» и «миръ спокойствіе» сравнимъ сказанное выше, стран. 17. [17]).—Относительно ѳ, которую Гротъ въ «Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія» осудилъ на изгнанье, но въ «Русскомъ правописаніи» помиловалъ, слѣдуетъ вспомнить, что, если мы даже обучаемся чужимъ языкамъ (латинскому, греческому, французскому, нѣмецкому),

---

[17]) Къ числу неудачныхъ выраженій принадлежатъ и державинскіе стихи, въ одѣ: «На шведскій миръ», строфа II, кои можно бы привести въ пользу ижицы: «Въ тебѣ царя, вождя, героя И м и р о н о с и ц у мы зримъ»—мироносицу молъ черезъ и, а не черезъ ѵ; недаромъ Капнистъ предлагалъ поставить «миротворицу». Гротовское изданіе Державина, томъ I, стран. 309—310.

дающимъ намъ руководство къ употребленію этой буквы, то вѣдь мы обыкновенно раньше обучаемся русскому письму, а масса людей, коимъ тоже не мѣшало бы быть пограмотнѣй, этимъ языкамъ вовсе не учится. Вспомнимъ еще, что мы въ какомъ-нибудь словѣ «театръ» ничѣмъ не отличаемъ начальнаго т отъ обыкновеннаго т, хотя оно и замѣняетъ греческую ϑ, французское и нѣмецкое th. Отмѣтимъ, наконецъ, что итальянцы (а ужъ имъ ли не дорожить преданіями классической древности!) изгнали изъ своего письма сочетаніе th, равно какъ ph, передающее у французовъ и нѣмцевъ греческое φ, а также ипсилонъ (нашу ижицу [18]).

Несомнѣнно подлежитъ устраненію и буква і, хотя противъ нея, къ моему удивленію, возставали довольно рѣдко. Употребленіе двухъ буквъ для одного звука и (не считая при томъ ижицы) представляетъ лишь переживаніе изъ греческой азбуки, гдѣ такое излишество получилось вслѣдствіе совпаденія со звукомъ і древняго долгаго е (η). Въ кирилловской письменности старѣйшаго времени і десятеричное почти и не употреблялось, и усиленное пользованіе имъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правило писать его передъ гласными возникаетъ только

---

[18]) Кстати о правописномъ курьёзѣ, представляемомъ именемъ «Ѳедоръ». Настаивающимъ здѣсь на употребленіи ѳ слѣдовало бы настаивать также на употребленіи «ео»: «ё», какъ звуковое написаніе, вполнѣ допустимо, но обычное простое е, позади котораго какъ будто выпалъ ударяемый звукъ о, рѣшительно неумѣстно (Выговоръ ѳьо получился путемъ обезсложенія звука е, путемъ сліянія его съ о). То же самое можно сказать про имя „Семенъ“ — изъ „Симеонъ“.

въ XV вѣкѣ, опять-таки подъ греческимъ вліяніемъ: по свойствамъ греческаго языка древнему і (іотѣ, нашему і съ точкой) часто приходилось стоять передъ гласными, а вторичному и (итѣ, нашему и восьмеричному)—почти никогда. Не безсмысленно ли было перенесеніе этого греческаго правила на славянскіе языки? Ломоносовъ, обыкновенно весьма здраво судившій о языкѣ и правописаніи, насчетъ десятеричнаго і высказалъ («Русская грамматика», § 85) странное соображеніе, будто оно полезно въ тѣхъ—къ тому же весьма немногихъ—случаяхъ, когда грозитъ скопленіе буквы и, каково выраженіе: «по вознесении Иисусовѣ». Дѣйствительно: 4 и подъ рядъ—это нехорошо, но не только для глаза, а также для слуха; тутъ, какъ и въ нѣкоторыхъ выше приведенныхъ сочетаніяхъ словъ, имѣется неисправность въ стилѣ, которую надо бы устранить (сказавъ напр. «по вознесении Христовѣ»), а не скрашивать на бумагѣ. Предлагаю изгнать і, а не другое и, такъ какъ і встрѣчается гораздо рѣже, и такъ какъ его уже устранили изъ своихъ азбукъ сербы и болгары [19]).

Несовсѣмъ въ одинаковомъ положеніи съ ѵ, ѳ и десятеричныхъ і находятся ѣ и ъ. Хотя фонетическій принципъ и надъ ними произноситъ безапеляцьённый приговоръ, но они все-таки не представляютъ чужеземныхъ наростовъ, а остатки общеславянской, от-

---

[19]) Другіе противники азбучныхъ дублетовъ, насколько мнѣ извѣстно, всѣ предпочитали і—такъ и выступившій недавно г. Колтановскій. Впрочемъ, г. Всев. Чешихинъ («Славянскій вѣкъ», 1900 г. № 6, стр. 21), въ предлагаемой имъ передачѣ русскими буквами польскихъ и чешскихъ словъ, изгоняетъ і, сохраняя «болѣе привычное русскому глазу» «и».

части даже общерусской, старины. Заступаясь за ѣ, извѣстный педагогъ Стоюнинъ ссылался на то̀, что эта буква, хотя бы исключенная изъ азбуки, сохранила бы свое мѣсто въ русской грамматикѣ. Несомнѣнно, лишь существованіемъ нѣкогда особаго звука ѣ объясняется, что мы произносимъ не «свёт, мёра, желёзо», а «свѐт, мѐра, желѐзо»; но изъ этого слѣдуетъ только то̀, что нельзя обойтись безъ ятя въ высшемъ курсѣ русской грамматики, проходимомъ въ связи съ древнимъ церковно-славянскимъ языкомъ (изъ котораго никто не станетъ изгонять букву ѣ), а вовсе не слѣдуетъ, чтобы ѣ былъ необходимъ въ начальной школѣ и въ житейскомъ обиходѣ; при томъ вѣдь ѣ и е (чему мы видѣли, на стр. 22—23, довольно длинный, хотя еще неполный рядъ примѣровъ) весьма часто употребляются некстати, и поэтому одно изъ первыхъ правилъ при этимологическомъ толкованіи русскихъ словъ запрещаетъ намъ руководствоваться относительно ѣ ходячею ороографіей, отсылая насъ къ языку старинному, къ староцерковному и къ другимъ славянскимъ языкамъ. Насчетъ малой полезности ѣ даже для истолкованія словъ я сдѣлалъ еще нѣкоторое указаніе въ своей цитованной на стр. 1, прим. 2, статьѣ, стр. 10 (367) [20]), здѣсь же я приведу (по Гроту, «Спорные вопросы», стран. 238) прекрасныя слова Кеневича: «Стоитъ ли учиться тому, что̀, требуя отъ учащагося большихъ усилій, не даетъ ему никакого положительнаго знанія, не развиваетъ его способностей и ни въ какомъ случаѣ не можетъ принести пользы? Стоитъ ли терять время (замѣтьте, лучшее время жизни) на то, чтобы пріобрѣсти навыкъ

[20]) Ниже, стр. 51, прилагается «Дополнительный экскурсъ о буквѣ ѣ».

совершать дѣйствіе, не имѣющее ни опредѣленной цѣли, ни разумнаго основанія?»

Перейдемъ къ ъ. Этой буквѣ, какъ извѣстно, нѣкогда соотвѣтствовалъ особый, глухой гласный звукъ, который впослѣдствіи въ однихъ слогахъ выпалъ, въ другихъ прояснился въ о, и высшая грамматика, путемъ сопоставленія со старо-церковными написаніями, должна выяснять, что этимъ обусловливается бѣглость о въ какомъ-нибудь словѣ «посол», родительный падежъ «посла», тогда какъ «стол», гдѣ издавно было о, имѣетъ о постоянное и образуетъ родительный «стола». Но для выясненья указаннаго явленія наше употребленіе буквы ъ вовсе не полезно. Ученики привыкаютъ считать ъ не настоящею буквой, а «твердымъ знакомъ», и впослѣдствіи съ трудомъ мирятся съ мыслію, что это была гласная буква, коей соотвѣтствовалъ гласный звукъ. Привычка принимать ъ за простой заключительный знакъ особенно рѣзко сказывается въ приложеніи русской азбуки къ языку литовскому, когда въ концѣ какихъ-нибудь «сталасъ» столъ, «сакаласъ» соколъ пишутъ ъ: очевидно нисколько не сознаю́тъ, что ъ есть онѣмѣвшее окончаніе именительнаго падежа, которое нелѣпо прибавлять вторично къ уцѣлѣвшему у литовцевъ—**ас**. Если мы въ имени извѣстной оперной героини «Карменъ» пишемъ ъ, то опять-таки лишь уклоняемся отъ употребленія въ концѣ слова согласной буквы: ни иностранный выговоръ, ни русская грамматика не требуетъ здѣсь твердаго окончанія—встарину въ такихъ случаяхъ появлялся ь: Руѳь, Эсѳирь, Астинь. Мнѣ кажется, что самъ нашъ славный ученый Востоковъ, раскрывшій древнее значеніе буквы ъ, находился подъ давленіемъ привычки, когда не назвалъ ее прямо глас-

ною, а «полугласною» [21]). Припомнимъ еще, что буква ъ не разъ употребляется нами наперекоръ этимологіи. Послѣ шипящихъ первоначально всегда былъ не ъ, а ь: самое произношеніе—муж, меч было бы невозможно, если бы тутъ издавна стоялъ ъ: тогда произносили бы муг (или муз) и мёк. Далѣе мы должны бы писать ь, а не ъ, въ глагольныхъ формахъ «дам, ѣм», также въ творительныхъ падежахъ «столом, окном». Окончаніе 3-го лица т—идёт, идут—тоже никогда не представляло ъ, который затесался въ него лишь, какъ твердый знакъ: встарину тутъ было мягкое окончаніе —ть. Когда мы слово «сон», въ древности с-ъ-н-ъ, пишемъ с-о-н-ъ, то нарушаемъ историческую перспективу: выходитъ, будто въ корнѣ ъ перешелъ въ о, но въ окончаніи—сохраняется; въ дѣйствительности же конечный ъ онѣмѣлъ, и съ этимъ находится въ связи проясненіе срединнаго ера. Въ прошедшемъ времени «пасъ», при сравненіи со старо-церковнымъ «паслъ», замѣчается выпаденіе звука л, въ самомъ же дѣлѣ л отпалъ, когда, по онѣмѣніи ера, очутился въ исходѣ слова, послѣ другого согласнаго звука.—Итакъ, заключитетельный ъ, будучи всегда лишнимъ, иногда даже вреденъ. Примемъ еще во вниманіе большое сходство твердаго знака съ мягкимъ, вслѣдствіе чего смѣшеніе ихъ является самою обыкновенною опечаткой, и твердость окончаній гораздо яс-

---

[21]) Ужъ несомнѣнно вліяніемъ русской графики объясняется утвержденіе упомянутаго выше, стран. 1, прим. 2, г. Тулова («Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи и русской азбукѣ», стр. 76), будто Св. Кириллъ изобрѣлъ буквы ъ и ь, чтобы выразить твердый и мягкій выговоръ звуковъ и различную степень ихъ протяженія.

нѣе была бы обозначена отсутствіемъ всякаго знака. Сошлюсь и на то̀, что любители ера могли бы всегда мысленно дополнять его, считая опущеніе его простымъ сократительнымъ пріемомъ [22]). Что касается ъ внутри слова (напр. «объявить, съѣсть»), то вмѣсто него можно писать ь—я это уже и дѣлалъ въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ». Звуковая сторона отъ этого не страдаетъ: выговоръ въ такихъ случаяхъ, правда, не очень мягкій, однако и не твердый: что̀ жъ касается исторической стороны дѣла, то сочетаній ъя, ъѣ въ тѣ времена, когда имѣлся особый звукъ ъ, не существовало, и говорили не «объявити», а «обавити,» не «съѣсти», а «сънѣсти».

Устраненіе v, ѳ, і, ѣ и ъ—вотъ желательныя въ русской азбукѣ сокращенія. Но не нуждается ли она, съ другой стороны, въ какихъ-либо дополненіяхъ? Да̀, проведеніе фонетическаго принципа требуетъ употребленія буквы «ё» (что̀, впрочемъ, можно и не считать новымъ дополненіемъ азбуки) и еще введенія особой буквы для своебразнаго согласнаго звука, средняго между г и х, произносимаго въ словахъ «Господь» «благо», въ косвенныхъ падежахъ слова «Богъ»—«Бога, «Богу», и т. д., также въ словахъ: «гдѣ, ноготь, дёготь», и еще въ нѣкоторыхъ. Такая буква («г» съ прицѣпленнымъ справа къ

[22]). Вмѣстѣ съ твердымъ знакомъ естественно удалить въ нѣкоторыхъ случаяхъ и мягкій, а именно: послѣ шипящихъ: при ч и щ (печ, вещ) ь—излишенъ, при ж и ш, выговариваемыхъ твердо (рож, плѣш), онъ неумѣстенъ. Съ другой стороны, по требованію слуха, надо ввести ь въ слова: «верьх, церьковь», а также разрѣшить писать «перьвый» рядомъ съ «первый.—Написанія безъ конечнаго ъ допущены теперь въ одномъ отдѣлѣ газеты: «Новое Время».

серединѣ ея длиннымъ крючкомъ) ужъ и придумана для нѣкоторыхъ приспособленій русской азбуки къ языкамъ нашихъ инородцевъ и могла бы быть пущена въ общее обращеніе. Понятно, по тому же звуковому принципу, если его выдерживать вполнѣ, въ именительномъ падежѣ «Бох», въ родит. множ. ч. «блах» и въ косвенныхъ падежахъ «нохтя, нохтю» и т. д. слѣдовало бы писать не эту новую букву, а **х**.

Усвоеніе для постояннаго употребленья буквы «ё» (мною лично уже принятой) могло бы служить полезнымъ подготовленіемъ къ устраненію **ѣ**: единственнымъ вѣскимъ доводомъ въ пользу этого послѣдняго является указаніе, что слова въ родѣ «свѣтъ» и «мѣра», написанныя съ буквою **е**, мы будемъ читать «свёт», «мёра»; если же мы пріучимъ себя лишь тогда произносить **е** за ё, когда на немъ стоятъ двѣ точки, то такое чтеніе станетъ невозможнымъ.—Послѣ шипящихъ **ж**, **ч**, **ш**, **щ**, для упрощенія, да и согласно выговору, слѣдуетъ усвоить себѣ **о**. Напрасно Гротъ и другіе считаютъ непозволительнымъ употреблять букву **о** въ глагольныхъ формахъ, какъ—течот, стрижот, тогда какъ допустили «жоны», хотя говорятъ «женщина»,—«чортъ», хотя говорятъ «черти». Послѣдовательное правило писать **жо**, **шо**, **чо**, **що** по слуху нисколько не затруднитъ объясненія въ исторической грамматикѣ, что нѣкогда послѣ шипящихъ нигдѣ не было **о**, а вездѣ было **е** [23]).

---

[23]). Чуть ли не лучше еще было бы ввести не «ё», а сочетанія «іо» (і въ роли согласной буквы) или **йо**: і-о-л-к-а или й-о-л-к-а, м-о-і-о или м-о-й-о, а послѣ согласныхъ—**ьо**: л-ь-о-н, с-и-н-ь-о. Срв. «Спорные вопросы», стр. 194 и 344, а также цитованную на стр. 1, прим. 2, статью, стран. 4 и 6 (361 и 363).—Знакъ «ё» (ужъ не го-

Переходя отъ состава азбуки къ самому правописанію, напомню прежде всего объ уже высказанномъ мною желаніи, чтобы писали вмѣсто **ш-и**, **ж-и**—**ш-ы**, **ж-ы**. Разумѣется, тогда надо также писать постоянно **ц-ы**, напр. медиц**ы**на, Ц**ы**церон и т. п., за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ **и** оправдывается произношеніемъ— я говорю о произношеніи и соотвѣтственномъ написаніи: «лекция, Франция», рядомъ съ «лекцыя, Францыя». Въ слогахъ **чи**, **щи**, гдѣ слышится не прямо **ы**, а широкое **и**, смахивающее на **ы**, я предложилъ бы писать **i** (равное французскому и нѣмецкому **i**, произносимому нѣсколько тверже нашего); въ такомъ же значеніи **i** могло бы пригодиться и въ началѣ словъ, примыкающихъ къ твердому окончанію предыдущаго слова, напр. «ива», съ восьмеричнымъ **и**, но «об івѣ» съ десятиричнымъ. Понятно, при такомъ пріемѣ **i** не можетъ играть роли согласной буквы, каковая предположена для нее на стран. 37, прим.

Рѣшительно я стою за опущеніе нѣмыхъ буквъ. Значитъ, «прелесный» безъ **т**, «позній» и «серце» безъ **д**, «сонце» безъ **л**. Что этимъ не порвется связь со словами «прелесть, опоздать, сердечный, солнышко», явствуетъ изъ прежнихъ указаній (стр. 20—22); очевидно также, что этимологическое отношеніе между приведенными пáрами словъ выяснится при занятіяхъ старо-церковнымъ языкомъ, гдѣ выпавшіе у насъ звуки

воря объ і-о, й-о и ь-о), понятное дѣло, долженъ бы допускаться и въ пришлыхъ словахъ, напр. мильён, почтальён, грацьёзный, библётека, маёр, сабаён. Употребленіе въ иностранныхъ словахъ русской буквы «ё» въ сущности нисколько не страннѣе употребленія въ нихъ славяно-русскихъ буквъ **ь** и **ъ**.

имѣли за собою гласный звукъ ь. Сошлюсь однако и на тó, что поляки, несмотря на прилагательное serdeczny, преспокойно выпускаютъ d въ словѣ serce. Да и мы пишемъ же «гончаръ» вмѣсто «горнчаръ», не смущаясь родственнымъ словомъ «горшокъ», равно какъ «хлеснуть» рядомъ съ «хлестать». Лишнія буквы несомнѣнно затрудняютъ не только письмо, но и чтеніе: по крайней мѣрѣ у меня одинъ мальчикъ, набравъ с-е-р-д-ц-е, прочелъ это «се́рдится». Къ числу словъ съ нѣмою буквою принадлежитъ и моя собственная фамилія. Не слѣдуетъ ли, спрашивается, по полицейскимъ и правовымъ соображеніямъ, сохранить для фамилій традицьённое начертаніе, значитъ, въ данномъ случаѣ удержать букву «де», или, употребляя славянское названіе, «добро»? Мнѣ кажется, что единственнымъ вредомъ отъ устраненія этой буквы была бы утрата возможности каламбурить насчетъ однофамильцевъ, слѣдующихъ болѣе простой орѳографіи,—что въ тѣхъ Брантахъ нѣтъ добра—ни одинъ крючкотворецъ не рѣшится утверждать, что «профессоръ Московскаго университета Романъ Ѳёдоровичъ Брантъ», написанный черезъ т вмѣсто дт, не авторъ настоящаго разсужденія, а другое лицо; если же кто-нибудь по ошибкѣ назоветъ меня «провизоромъ Иваномъ Ѳёдоровичемъ Брандтомъ», то и написаніе черезъ дт не послужитъ къ выясненію дѣла.

Отмѣнить мнѣ хотѣлось бы также (и помимо введенія вполнѣ фонетическаго письма) начертаніе мѣстоименій «кто» и «что» черезъ к и ч, отзывающееся иногда и въ произношеніи крайне безобразными «к-то» и «ч-то». Вѣдь связь съ косвенными падежами «кого, чего» и т. д. въ общемъ всякому ясна, а насчетъ подробностей мы все-равно нуждаемся не въ орѳографическомъ намекѣ, а въ толкованіи (Вообще исторія словъ

вовсе не такая простая вещь, чтобы ей можно было обучать какими-то намеками).

Очень тоже нехорошо, опять-таки отзывающееся подчасъ манернымъ произношеніемъ, употребленіе у прилагательныхъ окончаній -кій, -гій, -хій: «маленькій, пѣгій, ветхій». Обычай этотъ возникъ такимъ образомъ, что стали писать на церковный ладъ (вмѣстѣ съ тѣмъ довольно близко къ произношенію) «добрый, полезный», а послѣ гортанныхъ вмѣсто буквы ы по общему правилу употребили і. Какъ же писать? Для приблизительной передачи выговора (для точнаго воспроизведенья котораго понадобилось бы ввести новую букву) лучше всего ы, можно бы также а, а по русской этимологіи—нужно о, что̀ явствуетъ изъ ударяемыхъ окончаній какихъ-нибудь «морской, тугой и лихой». Та́къ и писалъ Ломоносовъ. Въ связи съ этимъ слѣдовало бы употреблять окончаніе ой и въ прилагательныхъ «доброй, полезной» и т. д. Теперешнее правило ставить о лишь подъ удареніемъ, хотя и хорошо тѣмъ, что указываетъ на мѣсто ударенія, этимологически никуда не годится, такъ какъ заставляетъ насъ вмѣсто одного суффикса «ой» (постаринному—ыи или—ъи) говорить о двухъ. Старательный, но къ сожалѣнію плохо подготовленный, изслѣдователь русскаго ударенія г. Шарловскій, подъ вліяніемъ этой орѳографіи, открылъ въ русскомъ языкѣ «законъ», что окончаніе -ой всегда принимаетъ удареніе, а -ый—никогда.

Къ области неразумнаго произвола относится и правило писать во множественномъ числѣ прилагательныхъ въ мужескомъ родѣ—е, а въ женскомъ и среднемъ—я: «добрые и -ыя, синіе и -ія», совсѣмъ не допуская господствующаго въ произношеніи -и: «добрыи,

синіи» [24]). «И» есть древнее окончаніе мужескаго рода, перенесенное и на остальные роды: Тредьяковскій отчасти былъ правъ, когда предлагалъ употреблять это третье окончаніе именно для мужескаго рода, е (собственно -ѣ) изстари свойственно женскому роду, а въ винительномъ падежѣ также мужескому, -я, должно-быть, заимствовано изъ церковнаго языка, или же это простонародное, акальское, произношеніе вмѣсто -е, -ѣ.

Предусмотрѣвъ уже ранѣе возможность при введеніи звукового письма разныхъ уступокъ обычаю, я однако думаю, что такія уступки никакъ не должны покоиться на основаніяхъ, лежащихъ внѣ даннаго, живого языка: требовать ото всякаго грамотнаго человѣка справокъ съ иностранными языками или хоть бы съ исторіей и діалектологіей русскаго—совершенно неразумно (Столь же неразумно требовать механическаго усвоенія правилъ, выработанныхъ на такихъ основаніяхъ другими). Поэтому я допускаю напр. написаніе «сильн-ово» вмѣсто «сильн-ава» (что оба несовсѣмъ явственныхъ **а** въ окончаніи произошли изъ **о**, легко можетъ быть выяснено сравненіемъ со словами «зло́во» и «тово́»), но протестую противъ употребленія здѣсь буквы **г**, на которую въ нашемъ произношеніи ничто не указываетъ.—Повторяю, я только мирюсь съ присутствіемъ нѣкотораго этимологическаго элемента въ орѳографіи, а отнюдь ему не сочувствую: по-моему, при писанія чего бы то ни было, вниманіе наше должно быть обращено на смыслъ и на ясное его выраженіе, а думать о бук-

---

[24]) Находясь подъ вліяніемъ письма, я самъ прежде не замѣчалъ обычности послѣдняго окончанія, и считалъ его провинцьялизмомъ. См. переводъ «Сравнительной морфологіи» Миклошича, стр. 452, прим. 2.

вахъ—значитъ отвлекаться въ сторону. Право, не уподобляемся ли мы сумасшедшимъ, когда изъ-за орѳографіи слова «голова», по поводу фразы: «у меня голова кружится», припоминаемъ, что «голову можно съ насъ снять» и что насъ можно» погладить по головкѣ»? [25]).

Въ области слитнаго и раздѣльнаго писанія словъ фонетическій принципъ клонится къ предпочтенію писанія слитнаго. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы задаемся вопросомъ, слить ли, или же раздѣлить, мы посягаемъ на раздѣленіе того, что въ произношеніи несомнѣнно сливается. Въ теоріи я иду такъ далеко, что вполнѣ сочувствую писцу «Остромирова евангелія», дьякону Григорію, когда онъ пишетъ въ одно: **«бꙑстьчловѣкъпосъланъотъбога»**, и, поставивъ затѣмъ точку, опять объединяетъ такимъ же образомъ выраженіе: **«имѧѥмоуіоанъ»**—тутъ вѣрно схвачено дѣйствительное расчлененіе живой рѣчи, а наше раздѣленіе на слова подобно живописи, которая вмѣсто цѣльныхъ тѣлъ стала бы изображать отдѣльныя туловища, го́ловы, ру́ки и но́ги. Дополненное знаками ударенія и нѣкоторыми знаками препинанія для выраженія интонаціи, старинное слитное письмо представляется мнѣ идеальнымъ [26]).

Тотъ же фонетическій принципъ относительно прописныхъ буквъ, такъ какъ имъ ничего не соот-

---

[25]) Совершенно неосновательно Гротъ («Спорные вопросы», стр. 182) утверждаетъ, будто «естественно при письмѣ отдавать себѣ отчетъ въ составѣ каждаго слова».

[26]) Звуковое письмо, понятное дѣло, должно быть сопряжено съ частымъ (если ужъ не съ постояннымъ) употребленіемъ удареній: я считаю большою ошибкой, что при введеніи гражданской азбуки было устранено обычное въ церковномъ письмѣ обозначенье ударенія. Главная опасность

ствуетъ въ произношеніи, требуетъ, чтобы ихъ вовсе не употребляли. Только въ началѣ рѣчи, какъ знакъ предшествующей паузы, не достаточно ясно обозначаемой мало замѣтною точкой, большія буквы находятъ себѣ разумное оправданіе. Пойдя и въ этомъ дѣлѣ на уступки и соглашаясь допустить прописныя буквы, конечно, должно писать ихъ какъ можно рѣже и въ случаѣ колебанія всегда выбирать строчныя.

Насчетъ переноса звуковой принципъ ведетъ къ положенію, что слова̀, составляющія неразрывныя цѣлости, совсѣмъ не подлежатъ раздвоенію, а если ужъ приходится ихъ дѣлить, то нѣтъ никакой надобности принимать во вниманіе какое-то, возможное, но въ произношеніи вовсе не существующее, раздѣленіе на слоги, ни тѣмъ менѣе составъ слова. Мы вѣдь переносимъ въ виду невозможности уписать въ той же строкѣ, а не съ цѣлью выказать свои грамматическія познанія. Неудобства отъ свободнаго переноса (кромѣ того, что онъ на первыхъ порахъ будетъ непривычнымъ) не произойдетъ никакого: умѣющій порядочно читать не останавливается на переносныхъ черточкахъ, а прямо скачетъ на слѣдующую строку; читающій же плохо всякимъ переносомъ затруднится (Въ книгахъ для начальнаго и народнаго чтенія не мѣшало бы по возможности избѣгать переноса). Наши переносныя правила иногда очень стѣснительны. Пришлось напр. въ концѣ строки слово

при встрѣчѣ съ непривычными написаніями заключается именно въ томъ, что въ нихъ легко погрѣшить насчетъ ударенія: произнесши «сла́ва ма́и», мы можемъ не узнать въ акальскомъ написаніи простого сочетанія «слава́ май»; произнесши «иженáстàвитъ», мы можемъ извратить смыслъ слитнаго написанія «ӥженастáвитъ».

«художественный». Я написалъ «художе», и у меня остается свободное мѣсто, котораго однако недостаточно для 5-ти буквъ с-т-в-е-н. Какъ тутъ извернуться? Особенно часто такія затрудненія возникаютъ при типографскомъ наборѣ, а еще чаще при машинномъ письмѣ: въ послѣднемъ концы строкъ, если не нарушать переносныхъ правилъ, выходятъ до безобразія неровными. Да и при обыкновенномъ письмѣ, гдѣ всегда есть возможность потѣснить или же разогнать, забота объ этомъ отвлекаетъ насъ отъ болѣе важныхъ соображеній. Изо всѣхъ переносныхъ правилъ разумнымъ мнѣ представляется только запрещеніе переносить одну букву: послѣдняя несомнѣнно можетъ умѣститься, если умѣщается переносная черточка. Но даже одну букву, когда за нею слѣдуетъ знакъ препинанія, позволительно переносить. Ко сказанному я не прочь прибавить совѣтъ (рѣшительно расходящійся съ теперешнимъ обычаемъ) не переносить та́къ, чтобы въ началѣ строки получалось цѣльное слово, напр.: «онъ вы спрашиваетъ ее»: тутъ при бѣгломъ чтеніи легко перескочить черезъ предлогъ и исказить оттѣнокъ рѣчи. Въ другихъ случаяхъ можетъ появиться неумѣстный комизмъ, если напр. «негодующія уста», по винѣ переноса, превратятся въ «дующія». Подчасъ возможны и прямыя недоразумѣнія: я разъ, при поспѣшной справкѣ, чуть было не приписалъ одному ученому мнѣнія, противоположнаго его дѣйствительному, вслѣдствіе того, что прочиталъ у него въ началѣ строки «справедливо», передъ чѣмъ однако въ предыдущей строкѣ стояло отрицаніе «не- » [45]). Въ предупрежденье такихъ

[45]) Этотъ случай можно вмѣстѣ съ тѣмъ истолковать въ пользу постояннаго сліянія отрицанья съ отрицаемымъ словомъ, хотя бы то̀ былъ и глаголъ, каковой пріемъ могъ

неловкостей можно рекомендовать употребленіе черточки не только въ концѣ строки, но еще и въ началѣ слѣдующей.—При сохраненіи переносныхъ правилъ, я отмѣнилъ бы вызванный стремленіемъ ко внѣшней симметріи обычай изъ двухъ одинаковыхъ согласныхъ одну оставлять, а другую переносить, напр.: «стран-ный, сум-ма, труп-па»: двѣ согласныя буквы, обозначающія одинъ усиленный звукъ, напротивъ того, должны бы скорѣе быть неразрывными. [46]).

Чтò касается знаковъ препинанія, то фонетическое письмо естественно является врагомъ запятой, когда она не обозначаетъ никакой остановки, а искусственно выдѣляетъ воображаемыя вводныя предложенія, напр.: «онъ (запятая) конечно (запятая) этого (запятая) ни въ какомъ случаѣ (запятая) не сдѣлаетъ». При большомъ количествѣ запятыхъ связная рѣчь распадается на клочки. Желательнымъ дополненіемъ по этой части

бы быть усвоенъ и помимо введенія вполнѣ фонетическаго письма. Гротово опасеніе, что тогда придется загромождать наши словари такими словами, какъ «небыть, незнать, неходить», насъ не должно смущать, да оно и опровергнуто уже практикою чеховъ. Сліянье отрицанія съ глаголомъ было принято А. Аѳ. Потебнëй и возобновлено приватъ-доцентомъ того же Харьковскаго университета Борисомъ Михайловичемъ Ляпуновымъ.

[46]) Замѣчу здѣсь кстати, что при сближеніи письма съ выговоромъ количество удвоенныхъ буквъ уменьшится, такъ въ усвоенныхъ словахъ: «бал» (множественное число «бáлы»), «професор», удвоеніе не оправдывается произношеніемъ; да и для нѣкоторыхъ славяно-русскихъ окончаній, а именно:-анный и -енный, въ сомнительныхъ случаяхъ (напр.: сдѣланный, торжественный), даже при полуэтимологической орѳографіи, должно бы предпочесть болѣе простое написаніе.

я считаю усвоеніе испанскаго обычая ставить вопросительные и восклицательные знаки не только позади вопроса и восклицанія, но и спереди (въ опрокинутомъ видѣ). Такое предварительное указаніе на интонацію особенно полезно тогда, когда вопросъ или восклицаніе представляютъ цѣлыя, довольно длинныя предложенія. Хорошо бы еще ввести особый сократительный знакъ: обозначать недоконченность тою же точкой, которая означаетъ остановку, законченность—крайне нелогично [47]).

Жалобу на затруднительность нашего правописанія часто стараются отпарировать ссылкою на бо́льшую еще неудовлетворительность правописаній французскаго и англійскаго [48]), которая однако не побуждаетъ французовъ и англичанъ къ фонетической реформѣ. Но отчего бы намъ хоть въ чемъ-нибудь не опередить другіе народы? При томъ у французовъ и англичанъ подымался-таки вопросъ о такой реформѣ [49]), проведеніе каковой у нихъ несомнѣнно гораздо труднѣе, чѣмъ у насъ. Начертаніе русскаго слова «подходъ» въ видѣ п-а-т-х-о т понятно всякому, кто только соблаговолитъ въ него вдуматься, а француза, напр. опущеніе нѣмого **e** на первыхъ порахъ, дѣйствительно затруднитъ: если

---

[47]) Нѣкоторую услугу при сокращеніи намъ оказываетъ буква ъ: благодаря правилу обрывать слова на согласныхъ буквахъ, отсутствіе ъ ясно указываетъ на недописанность. Не скрывая этой пользы, приносимой нашимъ дармоѣдомъ, оговорю однако, что польза эта не велика.

[48]) Хотѣлось бы писать «аглицкій»: написаніе «англійскій» при выговорѣ «а́глицкой», это—ужъ слишкомъ «по-англійски».

[49]) См. у Грота, «Спорные вопросы», стран. 153—163.

мы ему слово rose напишемъ r-o-z, то онъ прочтетъ его ro и не пойметъ; если мы слово mine напишемъ m-i-n, онъ прочтетъ mę и опять-таки придетъ въ недоумѣніе. Англичане насчетъ гласныхъ буквъ до того запутались, что нормальнымъ выговоромъ буквы **a** имъ представляется **е**, нормальнымъ выговоромъ **е**—**і**, нормальнымъ выговоромъ **і**—**ай**. Приведу, какъ поучительный примѣръ, анекдотъ о переселившемся въ Англію нѣмцѣ Абелѣ. Этотъ Абель замѣтилъ, что англичане называютъ его «мистръ Эблъ», и сталъ писать вмѣсто А—Е. Тогда тѣ начали называть его «мистръ Иблъ». Онъ усвоилъ себѣ орѳографію черезъ I, и они вновь переименовали его—въ «мистра Айбла». Наконецъ, покладистый переселенецъ рукой махнулъ и вернулся къ буквѣ А, предоставляя читать ее, какъ угодно [50]).— Важное достоинство англійскаго письма иногда усматриваютъ въ томъ, что оно облегчаетъ изученіе англійскаго языка иностранцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, напр. историческое имя «Цезарь» намъ сразу понятно на бумагѣ, будучи написано такъ же, какъ по-латыни, а становится неузнаваемымъ въ произношеніи «Сизр». Однако 1) при установленіи правописанія надо заботиться не объ иностранцахъ, а о туземцахъ; 2) людей, при-

---

[50]) Если не произвести своевременно реформы правописанія, и на Руси когда-нибудь дойдутъ до подобныхъ чудачествъ: уже теперь начертанія «злаго» вм. «злова», «сошьешь» вм. «сашйош» вполнѣ достойны англійской грамоты. Курьёзъ въ этомъ же родѣ представляетъ окончаніе -ться (хвалиться), мягкое на письмѣ, а твердое въ рѣчи, вслѣдствіе чего для передачи дѣйствительно мягкаго малорусскаго окончанія понадобилось иное обозначеніе: -цця—«хвалиցця».

ступающихъ къ изученію англійскаго языка съ знаніемъ трехъ языковъ: нѣмецкаго, французскаго и латинскаго, не особенно много, и 3) вовсе не слѣдуетъ поощрять такихъ людей къ поверхностному ознакомленію съ языкомъ, безо всякаго понятія о его произношеніи. Если же учиться произношенію, то фонетическое письмо будетъ облегченіемъ и для иностранцевъ; что́ же касается до полезной для иныхъ этимологіи, то она можетъ преподаваться такимъ лицамъ въ видѣ теперешнихъ правилъ чтенія, только иначе изложенныхъ: теперь намъ говорятъ: «пишутъ Caesar, а читаютъ Siz̥r»; тогда скажутъ: «произносятъ и пишутъ Siz̥r, но по законамъ англійской фонетики это произошло изъ Caesar». Сказанное только что объ англійскомъ письмѣ можетъ служить отвѣтомъ также на возраженіе, будто введеніе въ русскій языкъ звукового письма затруднитъ изученіе его другимъ славянамъ.

Отчего жъ однако въ пользу ореографическаго обычая раздаются нерѣдко голоса серьёзныхъ и почтенныхъ филологовъ? Не думайте, милостивые Государыни и Государи, чтобы это вытекало изъ какихъ-нибудь глубоко научныхъ соображеній: просто-напросто всякій филологъ, наравнѣ со всѣми, привыкъ къ ходячему правописанію [51]); кромѣ того, при занятіи славянскою грамматикой и рукописями естественно развивается пристрастіе къ буквамъ ѣ и ъ—и самъ я, признаться, чувствую къ нимъ нѣкоторую нѣжность. Но тѣмъ вѣс-

---

[51]) Мнѣ и самому легче писать обычнымъ правописаніемъ, чѣмъ своимъ упрощеннымъ; да вѣдь я хлопочу не для себя: я-то могу надѣяться, что даже допущенная мною въ какомъ-нибудь словѣ безграмотность сойдетъ за плодъ ученыхъ изслѣдованій.

че, полагаю, мое мнѣніе, что въ русскомъ письмѣ этимъ буквамъ не мѣсто.

Ка́къ же можно бы ввести новое правописаніе? Дѣло едва ли можетъ обойтись безъ распоряженія свыше, которое, впрочемъ, желательно лишь въ видѣ дозволенія, а не предписанія, чтобы не возбудить раздраженія и рѣзкаго отпора [52]). Какъ въ жизни, такъ и въ школѣ слѣдовало бы провозгласить терпимость къ обоимъ правописаніямъ, а со временемъ старое само собой отошло бы въ область преданія [53]). Теперь, обучая дѣтей письму, конечно приходится учить ихъ общепринятой орѳографіи, да и въ собственной практикѣ нельзя вполнѣ проводить свою теорію. Я лично даже въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», гдѣ это было бы возможно по характеру журнала и подготовленности читателей, позволялъ себѣ лишь немногія отступленія отъ обычая; въ изданіяхъ своихъ стихотвореній, чтобы не отпугнуть публики и не соблазнить юношества, я ограничивался введеніемъ буквы «ё»; а въ оффицьяльныхъ бумагахъ ужъ и подавно нельзя нарушать традицьённаго письма, отступленія отъ котораго, хотя въ сущности безвредныя, могли бы считаться въ нихъ нарушеніемъ приличій, въ родѣ того, какъ если бы я явился читать свою лекцію въ халатѣ.

---

[52]) Такъ и поступили французы, у коихъ теперь (въ 1900 году) разрѣшена министерствомъ народнаго просвѣщенія новая, чуть-чуть упрощенная, орѳографія на ряду со старой.

[53]) И помимо крутыхъ перемѣнъ нужно бы побольше терпимости относительно орѳографіи—по крайней мѣрѣ не слѣдовало бы обязывать преподавателя называть въ одномъ заведеніи правильнымъ тó, чтò въ другомъ признается ошибкой (напр. гротовское «итти» съ двумя «т»).

Вполнѣ понимая необходимость нѣкоторыхъ уступокъ давнишнимъ привычкамъ, вполнѣ сознавая трудность осуществленія фонетическаго идеала, я все-таки рѣшительно утверждаю, что для непредубѣжденнаго филолога этимологическое правописаніе вовсе не преисполнено научности, а—надутаго невѣжества, и что, если бы спокойная наука была способна къ такимъ чувствамъ, она могла бы смотрѣть на это письмо не иначе, какъ съ презрѣніемъ и съ ненавистью.

Дополнительный экскурсъ о буквѣ Ѣ.

Въ виду помѣщенныхъ въ III-мъ выпускѣ «Филологическихъ Записокъ» за 1900 годъ замѣтокъ въ пользу ѣ-тя г.г. Д. Н. Ѳомина («Нужна ли буква «ять»?») и редактора журнала Сергѣя Никаноровича Прядкина («Историческое и фонетическое правописаніе требуетъ буквы ѣ»), считаю нужнымъ прибавить къ сказанному выше еще слѣдующія указанія по вопросу объ устраненіи этой буквы.

Ссылка въ пользу ѣ на авторитетъ Ломоносова, Гильфердинга и покойнаго академика Грота не убѣдительна: весьма заслуженныя въ другихъ отношеніяхъ, эти лица не были однако настоящими филологами-языковѣдами (Ломоносовъ и не могъ имъ быть, развѣ что самъ бы сдѣлался основателемъ сравнительнаго языковѣдѣнія). Алексѣй же Ивановичъ Соболевскій только отмѣчаетъ факты и вовсе не ставитъ вопроса о полезности или вредности буквы ѣ въ современномъ письмѣ; а естественный выводъ изъ его указаній, что встарину былъ особый звукъ ѣ, котораго теперь нѣтъ, и что мы нерѣдко пишемъ ѣ и е наперекоръ этимологіи,—отнюдь не въ пользу ѣ-тя. Да и вообще не слѣдуетъ увлекаться авторитетными именами: даже самый основательный человѣкъ иныхъ вопросовъ могъ коснуться только слегка и судить о нихъ нѣсколько поверхностно.

Доказательства существованія въ современномъ языкѣ звука ѣ основаны на пренебреженіи исторической перспективой. Въ русскомъ языкѣ никакого смягченія, при коемъ могло бы сказаться присутствіе ѣ-тя,

не происходитъ: слоги **ке**, **ге**, **хе**, **ки**, **ги**, **хи** вполнѣ обычны (вѣдь возникли, подъ вліяніемъ другихъ, никогда не смягчавшихъ падежей, формы: «въ рукѣ, на ногѣ, въ грѣхѣ», и не чувствуется ни малѣйшаго поползновенія превратить пришлыя слова̀ «кегли, багетъ, химія» въ «чегли, бажетъ, шимія» и т. п.), а замѣна **к**, **г**, **х** посредствомъ **ч**, **ж**, **ш** и **ц**, **з**, **с** происходитъ лишь по преданію, какъ пережитокъ праславянскаго смягченія, иногда же—какъ заимствованіе изъ языка церковнаго. Также чередованіе гласныхъ есть дѣло преданія, и именно потому для насъ странно и непонятно: лишь при сравненіи со старо-церковнымъ языкомъ многія чередованія объясняются, а для полнаго выясненія нужно обращаться еще къ другимъ языкамъ: къ литовскому, санскритскому и т. д. Такъ, чередованіе «вздох (изъ древнѣйшаго въздъхъ), вздыхать и воздух» можетъ быть объяснено при помощи старо-церковнаго языка: смѣна звука **ъ**, бывшаго чѣмъ-то въ родѣ глухого **у**, глуховатымъ звукомъ **ы** и чистымъ **у**—довольно естественна, хотя настоящее пониманіе возможно лишь при возведеніи чередующихся здѣсь звуковъ къ дославянскимъ ŭ и ū и къ двугласному ou (или eu, au). Также чередованіе «мер» и «мир» (умер и умирать) объяснимо при помощи старо-церковнаго **оумьрѫ**, гдѣ имѣется ослабленіе звука **є** въ **ь**, который затѣмъ, будучи чѣмъ-то въ родѣ краткаго **и**, путемъ продленія могъ дать настоящее **и**; но и тутъ толкованіе русской двойной (полногласной) и старо-церковной послѣдочной огласовки (умереть, **оумрѣти**) требуетъ привлеченія параллелей изъ родственныхъ языковъ. Что же касается до ближайшаго въ данномъ случаѣ вопроса о чередованіи **ѣ**-тя съ **и** (вѣсить, виснуть), а въ одномъ корнѣ—съ **е** (рѣчь, но реченіе), то это какъ разъ такое чередо-

ванье, гдѣ для уразумѣнія дѣла необходимо возведеніе звука **и** къ **і** долгому или къ дифтонгу **ei**, а **ѣ**—къ дифтонгу **oi**, въ первомъ словѣ, и къ долгому **e**, могшему смѣняться краткимъ,—во второмъ. Итакъ, въ начальной русской грамматикѣ (тѣмъ менѣе при обученіи грамотѣ) чередованіе гласныхъ все равно не можетъ быть истолковано, и присутствіе въ русской азбукѣ буквы **ѣ** этому горю не помогаетъ.—Замѣчу еще насчетъ примѣра ц ѣ л ъ и ц ѣ л о в а т ь, «каковыя слова, написанныя черезъ букву **е**, ничего де не скажутъ о своемъ происхожденіи», что связь между этими словами при написаніи обоихъ черезъ **е** будетъ столь же ясна, и что, съ другой стороны, о с н о в н о е з н а ч е н і е глагола ц ѣ л о в а т ь вовсе не можетъ быть выведено изъ его древняго написанія черезъ **ѣ**, а лишь изъ древняго у п о т р е б л е н і я въ болѣе общемъ значеніи «привѣтствовать». Оговорю кромѣ того, что, хотя этимологія «цѣловать отъ цѣлъ» небезынтересна (особенно для нашего брата буквоѣда), но связь здѣсь чисто историческая, въ живомъ языкѣ уже не существующая: если бы кто-нибудь вздумалъ опредѣлить по этой этимологіи значенье нашего глагола ц ѣ л о в а т ь, то впалъ бы въ заблужденіе. Укажу далѣе на нѣсколько насильственное толкованіе слова л а п а (стран. 15). Лапа нельзя роднить со словами «липнуть» и «лѣпить»—его естественная родня «лопасть», а также готское lofa ладонь, литовское lõpas заплата и литовское же lãpas листъ. З н а н і е и з ѣ н и ц а, правда, могли бы представлять разновидности одного праязычнаго корня (безсложную gn и долготную gēn), но какое же у насъ право сближать столь далекія по смыслу слова? Звукъ **н** въ словѣ «зѣница» скорѣе принадлежитъ къ наставкѣ, а корень есть **зѣ**, тотъ же, что въ глаголахъ з ѣ в а т ь и з і я т ь (Ми-

клошичъ — «Etymologisches Wörterbuch» — и говоритъ здѣсь о корнѣ zê). Слово мѣлъ надо сближать или съ милъ (литовскимъ meilùs милостивый, благосклонный), приписывая ему ѣ дифтонговый (ѣ изъ oi), или же съ малъ, приписывая ему монофтонговый (ѣ изъ долгаго е), но не съ обоими заразъ. Срв. мое замѣчаніе о словахъ мѣлъ и мѣлъкъ, по поводу Миклошичева «Этимологическаго словаря» («Русскій Филологическій Вѣстникъ», томъ XXII, стран. 256). Есть, правда, нѣкоторая возможность понимать «малъ», какъ праязычное mōlos, упростившееся изъ болѣе ранняго mōilos съ долготнымъ дифтонгомъ, который могъ чередоваться съ обыкновенными дифтонгами oi и ei; но для такого построенія обязательно бы подобрать доказательства изъ родственныхъ языковъ, каковыхъ, повидимому, не имѣется. Не упустимъ также изъ виду, что, если и говорить о связи между словами мѣлъ и милъ или мѣлъ и малъ, равно какъ между словами знать и зѣница, такъ о *древней* связи, въ настоящее время уже давно порванной. Сличимъ сказанное на предыдущей страницѣ о глаголѣ цѣловать и на стран. 10—11 о словахъ счастіе и тошно.

Оттѣнки произношенія слога пе въ словахъ пѣнить, пеня́ть и пень (стр. 6) дѣйствительно существують, но они вовсе не зависять отъ происхожденія звука é (узкаго е) въ первомъ случаѣ изъ ѣ, во второмъ изъ древняго е, въ третьемъ—изъ ь, а отъ положенія въ слогѣ ударяемомъ, въ предударномъ и въ конечномъ замкнутомъ (въ данномъ случаѣ—единственномъ). Сравнимъ лéнь и олéнь (Гротовскій примѣръ), перемѣни́ и воспламени́, пеня́ть и мѣня́ть, пѣнить и взъерепéнить. Въ добавокъ, слова пеня́ть и пéня чуть ли ни представляютъ ѣ:

по-сербски (у черногорцевъ) пе́ня будетъ пиjена.

Справедливо, что въ связи съ вопросомъ объ изгнаніи ѣ естественно поставить вопросъ объ общемъ пересмотрѣ азбуки; но все-таки не слѣдуетъ отвергать изъ-за того частныхъ упрощеній: развѣ въ другихъ областяхъ всегда производится полная ломка, а не бываетъ незначительныхъ реформъ? Установленіе же вмѣсто теперешняго употребленія ѣ другого, правильнаго, весьма трудно (рекомендовать ли, напр., въ такомъ случаѣ написаніе лѣтать съ ѣ-темъ?) и едва ли можетъ удаться. При томъ это было бы улучшеніемъ орѳографіи съ этимологической точки зрѣнія, но не было бы упрощеньемъ. Что и за устраненіемъ ѣ-тя въ нашемъ письмѣ останутся разныя затрудненія—опять-таки справедливо, и я бы дѣйствительно считалъ идеальными написанія «по волИ», «видИть», изъ коихъ первое, можетъ-быть, даже представляетъ настоящее древнерусское и праславянское окончаніе мягкаго различія, никогда не примѣнявшееся къ твердому и не перенимавшее у него -е (-ѣ). Не настаивая на такомъ правописаніи, я однако настаиваю на положеніи, что выборъ между двумя начертаніями и и е будетъ легче, чѣмъ выборъ между тремя—и, е и ѣ.

Введенье при обученіи буквѣ ѣ какихъ-нибудь усовершенствованныхъ пріемовъ, понятное дѣло, тоже желательно, но тутъ можно надѣяться лишь на нѣкоторое облегченіе, легкимъ же это, по самому существу трудное, дѣло никогда не станетъ. Самъ я при обученіи письму держусь пріема знакомить съ корнями, представляющими букву ѣ, сначала въ такихъ производныхъ, гдѣ, передъ твердыми согласными, сохраняется слѣдъ ѣ-тя въ произношеніи, и вводить въ диктовку напр. сперва слова̀: сѣтка, дѣтки, а ужъ потомъ—сѣть и

дѣти. Но при этомъ пріемѣ пришлыя слова̀, какъ кадетъ, и книжныя, какъ предметъ, должны быть отмѣчаемы отдѣльно, да и туземныя, въ родѣ гордецъ--гордеца, гдѣ утратилась мягкость и даже е стало постояннымъ...

Весьма я сочувствую выставленной въ замѣткѣ С. Н. Прядкина мысли о необходимости ратовать противъ «смѣшенія французскаго съ нижегородскимъ»; но я не вижу въ ней препятствія къ упрощенію грамоты, а считаю вполнѣ возможнымъ дѣйствовать (да по мѣрѣ силъ и дѣйствую) одновременно въ обоихъ направленіяхъ.

Въ заключенье этого экскурса напомню читателю о томъ, что живая разговорная рѣчь, такъ же, какъ и письменная, имѣетъ свою стройную грамматику, а эта грамматика выступала бы всего яснѣе, если бы писали такъ, какъ говорятъ. Звуковыя же написанія XX го, XXI го и послѣдующихъ столѣтій дали бы дальнимъ потомкамъ вѣрное представленіе о ходѣ развитія русскаго языка, какого не даетъ современному русскому архаизующее письмо предковъ.

ПРИБАВЛЕНЬЕ.

Положенія о правописаніи.

1) Такъ какъ письмо существуетъ не для однихъ образованныхъ людей, а должно быть общимъ достояніемъ, то ему слѣдуетъ быть по возможности доступнѣе, то-есть проще.

2) Мы пишемъ для того, чтоб ы передать свои мысли, а не для того, чтобы блеснуть знаніемъ грамматики

3) Мы пишемъ вмѣсто того, чтобы говорить, слѣдовательно, естественно писать такъ, какъ говорятъ.

4) Разногласье письма съ выговоромъ обусловлено: 1) несовершенствомъ пришлыхъ, недостаточно приспособленныхъ къ даннымъ языкамъ азбукъ, 2) сохраненіемъ, по косности, начертаній соотвѣтствующихъ произношенію прежнихъ временъ, но противорѣчащихъ современному, и 3) мудрствованіемъ грамматистовъ.

5) Историческое развитіе словъ есть движеніе, а движеніе нельзя изобразить на письмѣ: ороографія можетъ уловить только одинъ какой-нибудь моментъ.

6) Естественно брать для изображенія настоящій моментъ, развѣ что считать современный языкъ искаженіемъ древняго.

7) Наше правописаніе, будучи преисполнено непослѣдовательностей и анахронизмовъ, не только затруднительно, но и не даетъ надежныхъ указаній ни по современной, ни по исторической грамматикѣ.

8) Этимологическій элементъ допустимъ въ ороографіи лишь постольку, поскольку сказывается въ живомъ литературномъ языкѣ, безъ справокъ съ его исторіей и діалектологіей, доступныхъ только немногимъ и дающихъ къ тому неразъ противорѣчивыя данныя.

9) Еще менѣе, чѣмъ съ языкомъ областнымъ и стариннымъ, слѣдуетъ справляться относительно правописанія съ языками иностранными.

10) Вопроса объ отношеніи орѳографіи къ нарѣчіямъ и говорамъ незачѣмъ и затрогивать, такъ какъ нельзя придумать правописанія, при коемъ безъ знанія литературнаго языка можно бы писать политературному.

11) Сокращеніе азбуки на 3—4 буквы не слѣдуетъ считать ничтожнымъ сокращеніемъ и малымъ облегченьемъ: и 3 изъ 36 довольно большой процентъ.

12) Отмѣна нѣсколькихъ произвольныхъ правилъ не есть искаженіе живого русскаго языка, а, напротивъ того, возстановленье его въ своихъ правахъ.

13) Упростивъ орѳографію и получивъ возможность сократить занятія по ней, мы въ школѣ выиграемъ время для другихъ занятій по языку и словесности.

14) Нѣтъ никакой надобности въ полномъ единствѣ орѳографіи: разнообразіе только не должно быть столь велико, чтобы затруднять пониманіе.

15) Въ вопросахъ правописанія нельзя руководствоваться чутьемъ: тутъ намъ кажется естественнымъ и хорошимъ то, къ чему мы привыкли, хотя бы оно было во всѣхъ отношеніяхъ дурно.

16) Для усвоившихъ уже ходячую грамоту измѣненье ея представитъ (временно, а можетъ-быть и навсегда) нѣкоторое затрудненіе: упрощенье предпринимается не для нихъ, а для будущихъ поколѣній.

Р. Брандтъ.

Эпитеты въ русскихъ былинахъ.

Эпитеты—одно изъ важнѣйшихъ условій изобразительности народнаго языка. На первыхъ ступеняхъ развитія языкъ обозначалъ предметы всегда по ихъ признакамъ. Съ теченіемъ времени въ кругозоръ человѣка входили все новые и новые предметы, требовавшіе для себя особыхъ наименованій. Новые предметы часто обладали такими признаками, которыми языкъ воспользовался уже раньше для обозначенія иныхъ предметовъ, уже получившихъ наименованіе. Въ такихъ случаяхъ новыя понятія часто облекались въ звуковыя формы прежнихъ понятій; отъ корня, указывающаго на извѣстный признакъ, производился рядъ новыхъ словъ для обозначенія цѣлаго ряда новыхъ предметовъ, объединенныхъ общимъ признакомъ. По мѣрѣ количественнаго роста языка первичный смыслъ словъ заслонялся, стушевывался, терялся въ новыхъ переходахъ. Утрата изобразительности и грамматической осмысленности словъ—самая рѣзкая черта историческаго развитія языка. Навстрѣчу этой разрушительной силѣ скоро пошла обратная, творческая сила. Народное творчество утраченный изъ сознанія первичный смыслъ слова стало возмѣщать, поддерживать сопоставленіемъ этого слова съ другимъ, имѣющимъ сходное съ нимъ основное значеніе. Отсюда—постоянные эпитеты, тавтологическія выраженія, символы и т. д. Первичные, наиболѣе древніе эпитеты воспроизводятъ и повторяютъ коренное, древнѣйшее значеніе даннаго наименованія; они наглядно воспроизводятъ то, что уже заключено въ корнѣ

слова, но со временемъ затемнилось, стало неяснымъ. Вторую группу составляютъ эпитеты, указывающіе на новый признакъ предмета, не отмѣченный въ его наименованіи, но столь же характерный и спеціальный для него. Въ этомъ случаѣ эпитетъ также является результатомъ семазіологическаго процесса; добавочнымъ обозначеніемъ признака усиливается яркость представленія. Третью категорію составляютъ эпитеты ornantia въ тѣсномъ смыслѣ: здѣсь признакъ уже не связанъ съ кореннымъ значеніемъ слова. Эпитеты—самое обычное явленіе во всѣхъ видахъ народной поэзіи. Рѣчь народныхъ произведеній отличается отъ книжной постоянствомъ, неизмѣнностью выраженій. Разъ облекши мысль въ извѣстную форму, народъ не мѣняетъ этой формы. При повтореніи мысли, цѣлой картины повторяется цѣликомъ и внѣшняя форма, способъ выраженія этой мысли и картины. Подобныя застывшія формы можно сравнить съ типами греческихъ божествъ, гдѣ каждая деталь, разъ создавшись, неизмѣнно и всегда входила въ общее цѣлое. Эпитеты третьей категоріи чаще фигурируютъ въ позднѣйшей, книжной рѣчи. Въ этомъ случаѣ они уже искусственны, безжизненны, служатъ цѣлямъ витіеватости, напыщенности. Чѣмъ древнѣе сюжеты народной поэзіи, тѣмъ болѣе въ немъ эпитетовъ органическихъ. Русскій эпосъ очень богатъ эпитетами и стоитъ въ этомъ отношеніи рядомъ съ Гомеровскимъ, хотя и уступаетъ ему въ разнообразіи эпитетовъ.

Область эпитетовъ довольно строго отграничена: они сопровождаютъ почти исключительно предметныя названія, особенно названія предметовъ осязаемыхъ. Отвлеченныя понятія утратили свою образность, а эпитеты мыслимы лишь тамъ, гдѣ названіе предмета вызываетъ реальный, живой образъ. Если отвлеченное

названіе мы встрѣчаемъ въ народной поэзіи съ эпитетомъ, то это значитъ, что названіе это въ устахъ народа является еще конкретнымъ, что съ словомъ связано представленіе образное,—представленіе о чемъ-то реальномъ и живомъ.

Такъ, «горе» въ былинахъ называется «лютымъ». «Лютый», происходя отъ санскр. lû=scindere, vellere, служитъ естественнымъ эпитетомъ волка (лат. lupus), льва (лит lutas) и т. п. Называя горе «лютымъ», народъ представлялъ себѣ его въ образѣ живого существа: стоитъ вспомнить «Повѣсть о горѣ-злосчастьи», гдѣ «горе» преслѣдуетъ молодца въ образѣ сѣраго волка, сокола и т. п. Припомнивъ, какъ неустанно преслѣдовало «горе» молодца, мы поймемъ и другой эпитетъ при словѣ «горе»—«горемычное»: горе приходится всегда «мыкать», за собою таскать по своимъ слѣдамъ. Называя «горе» «крутымъ», народъ очевидно сблизилъ слово «горе» съ «гора», хотя оно родственно съ «горѣть»: душа, жизнь, голодъ, жажда, желаніе, любовь, печаль, гнѣвъ—въ языкѣ изображались огнемъ (ср. печаль—отъ «печь»; малор. «журба пекуча», чеш. zuřiti—свирѣпѣть, областное «назола»=грусть; скорбь—скорблый=сухой; утолить (тлѣть) печаль); эпитетъ слезъ «горючія» или «горькія» (Г *) 477, 574,—Потебни «Символы народной поэзіи» 8). «Бѣда» въ былинахъ называется «неминучею»: представляется въ видѣ живого существа, которое, если суждено, непремѣнно встрѣтитъ человѣка. «Смерть» называется «престрашною» (народное воображеніе представляетъ ея олицетвореніе въ видѣ скелета съ косою), «прегроз-

*) Сокращенія: Г.=Гильфердингъ, Р.—Рыбниковъ, Кар.—Караджичъ, К.—Кирѣевскій.

ною» (поражаетъ мгновенно, какъ гроза), «скорою», «нещадною», «великою» (Г. № 118). Въ сербскомъ эпосѣ «смерть» называется «черною»: сравн. смерть, моръ, морокъ - мракъ; мара—злой духъ, у лужичанъ—богиня смерти; merekъ—чортъ, лат. mors atra, Гезіодъ: μέλας θάνατος. Иногда при отвлеченныхъ понятіяхъ эпитетъ представляетъ простое повтореніе понятія и корня слова опредѣляемаго, напр: «старость старая, чудо чудное, диво дивное, воля вольная, сила сильная». Повтореніе корня—одинъ изъ пріемовъ для усиленія его значенія, употребляемыхъ народной и книжной рѣчью (ср. едва-едва, очень-очень большой и т. п.). Для усиленія отвлеченныхъ понятій народный языкъ употребляетъ все одинъ и тотъ же пріемъ, напр. при самыхъ различныхъ словахъ ставится все одинъ и тотъ же эпитетъ «великій», какъ-то: служба, воля, кручина, радость, заповѣдь (Г. 56, 570, 877 стр), похвальба, слава, правда, невзгодушка великая обыскъ великій; а также при словахъ: бой (Г. 1171), драка, войско, затохаль (=затхлый запахъ, Р. Ш, 24), поле, пиръ, игра, торока (Г. 1107), сила, вельможи, храмъ поленица, закопань (ровъ), застава, дверь, ворота, конюшня, тоска-печаль. Такое обиліе всевозможныхъ оттѣнковъ и значеній эпитета «великій» (=трудный, тяжкій, крѣпкій, вѣрный, повсемѣстный, сильный, обширный, богатый, вмѣстительный, знатный, величественный, высокій и т. п.) показываетъ, что связь между нимъ и опредѣляемымъ словомъ чувствовалась слишкомъ мало; что онъ исполнялъ нѣчто въ родѣ функціи слова «очень» или «весьма» при прилагательныхъ. Эпитетъ «богатырскій» играетъ роли тоже очень различныя: онъ встрѣчается при словахъ: сердце (Г. 137,

182, 473, 644), плечи (Г. 70, 414), рука (Г. 410), ворота, дворъ, кабинетъ, палата, конь, палица, поспѣхи (=доспѣхи), мечъ, сбруя, бой, застава, гора, скрута, голосъ, сила, управа. Очевидно, во всѣхъ этихъ случаяхъ «богатырскій» означало сначала принадлежность предмета богатырю; послѣ качества богатыря—сила, величина, мощь—перешли и на предметы, ему принадлежащіе или даже встрѣчающіеся ему (какъ гора, застава, ворота).

Сопоставляя слова, сопровождаемыя однимъ и тѣмъ же эпитетомъ, мы можемъ прослѣдить постепенное развитіе значенія эпитета, отмѣтить болѣе древнія его функціи отъ позднѣйшихъ. Возьмемъ, напр., эпитеты, означающіе въ обычномъ смыслѣ извѣстную окраску, цвѣтъ предмета, каковы: **бѣлый, красный, синій, зеленый.**

Бѣлый по первичному смыслу=свѣтлый, ясный. Санскр. çvêta бѣлый—эпитетъ бога солнца (М. Мюллеръ, 88). Первичное значеніе имѣемъ въ соединеніи «бѣлый день» и «бѣлый свѣтъ». Здѣсь эпитетъ самаго древняго происхожденія. День въ умѣ первобытнаго человѣка являлся олицетвореннымъ, божествомъ свѣта. Гомеръ называетъ ἱερὸν ἦμαρ. Въ нѣмецкой миѳологіи Bäldäg (бѣл, tag)—богъ свѣта, бѣлаго дня, сынъ Одина, соотвѣтствуетъ славянскому Бѣлбогу (Аѳанасьевъ, I, 87). Въ сербскомъ эпосѣ также бијел данъ (Кар. II, 3, 61). Въ современномъ языкѣ «бѣлый день» получило въ иныхъ мѣстахъ спеціальное значеніе: всего, цѣлаго дня. Эпитеты дня «бѣлый» и «красный» первоначально были равны по значенію. Какъ χόσμος=міръ устроенный, mundus—украшенный, «свѣтлый», такъ и «свѣтъ» первоначально означало блистанье, освѣщенье и потомъ ужъ все открытое, подлежащее свѣту солнца.

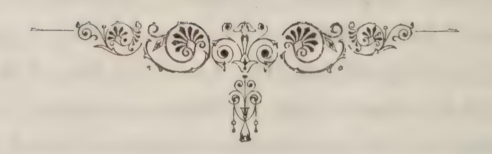
Лит. swietas, др.—пр. switai означаетъ міръ и стихію свѣта. Теперь «бѣлый свѣтъ» =вольный свѣтъ, свобода на всѣ четыре стороны (Ср. «Безъ правды жить, съ бѣла свѣта бѣжать»). Бѣлымъ называется и мѣсяцъ въ одной галицкой пѣснѣ (Аѳ. 86). Весною нимфы, эльфы, русалки, вилы являются подъ легкими покровами облаковъ, существами свѣтлыми, блестящими—отсюда: «бијела вила, bila pani». Такъ какъ въ стихіи свѣта первобытный человѣкъ видѣлъ высочайшее благо и красоту, то названіе «бѣлый» онъ перенесъ на обожаемые имъ предметы, имъ же сталъ означать красоту. Въ соединеніи «бѣлый царь»—эпитетъ божества перенесенъ на земного владыку; англ.—сакс. baeldor—baldor—князь, господинъ. Въ былинахъ есть соединеніе «бѣлъ людъ христіанскій», т.-е. сидящій подъ бѣлымъ царемъ. Лит. baltas, лет. balts, бѣлый,—красивый; въ заговорѣ: «какова бѣла рубашка, столь бы мужъ былъ свѣтелъ—бѣлъ» (Потебня, «Симв. нар. поэзіи», 42). Красоту обнаженныхъ частей тѣла русскій и сербъ видитъ въ бѣлизнѣ: лицо бѣлое (Г. 486), лице б'јело (К. III, 1, 109), рука бијела (II, 14, 300), руки бѣлыя (Г. 128, 156, 160), бѣлотѣльныя (Г. 1131), грло (шея, горло) бијело (II, 15, 297), брада (борода и подбородокъ) бијела (II, 15, 335), шея бѣлая, грудь (Г. 165, 168, 181). Эти эпитеты настолько неизмѣнны, что даже имѣемъ мѣсто: «стрѣла падаетъ кощею въ груди бѣлыя» (Р. 3, 116), гдѣ ожидали бы: «черныя». «Бѣлый» въ значеніи цвѣта не всегда означаетъ именно бѣлизну. Въ словарѣ Зизанія «багряница» толкуется черезъ «бѣль» (Потебни: «Симв. народ. поэзіи», 42); «бѣлка»—цвѣта краснаго или сѣраго; въ сербскихъ пѣсняхъ встрѣчается: «бѣла лоза, бел босиљак»,—хотя оба эти растенія зеленыя. Въ обыкновенной рѣчи «бѣлый»

противополагается то красному (вино, медъ), то черному (пиво, хлѣбъ, сливы), то зеленому (вино), то = чистый (платокъ, полъ, совѣсть). По цвѣту «бѣлыми» въ былинахъ называются—«снѣжки», сахаръ (Г. 1056), береза, капуста (Г. 1099—при томъ—лучшая), скурлатъ, полость, пшеница, заяцъ, жемчугъ (Кир. 9, 155), горносталь (Р. III, 137: старинное «гоностарь», Mustela erminea: лѣтомъ горностай бываетъ бурый, зимою бѣлый, съ чернымъ кончикомъ хвоста); кречетъ (кречень, кречетко - Р. 135. Кир. II, 85), лань, гоголь (въ «Словѣ о полку Игоревѣ»), шатеръ бѣлый (Г. 182, 449) хорошъ—бѣлъ, бѣлополотнянный, кавук бијел (чалма—Кар. II, 15, 207; 718), књига бијела (письмо, бумага, книга—II, 14; III, 1, 208), љеб бијел (II, 15, 464), тамјан б'јел (ладонъ, Кар. 527). Такъ какъ на югѣ чаще встрѣчаются каменныя постройки, при томъ въ обычаѣ зданія окрашивать въ бѣлый цвѣтъ, то въ сербскомъ эпосѣ обычнымъ эпитетомъ при названіяхъ зданій служитъ «бѣлый»: црква бијела, (Кар. I, 6, 2), кула (башня; въ Герцоговинѣ—всякое каменное строеніе) бијела (III, 1, 72), кућа била (домъ, кухня—II, 15, 123), град бијел (II, 14, 30), двор бијел (II, 14. 117; 15, 401). У сербовъ «дворъ» называется бѣлымъ очевидно по цвѣту стѣнъ, изгороди; въ нашихъ былинахъ «бѣлый дворъ» = чистый, обширный (ср. черный дворъ, черныя сѣни). По цвѣту же называется бѣлою и лебедь: здѣсь эпитетъ повторяетъ понятіе, лежащее въ основѣ опредѣляемаго. Имя «лебедь»—отъ бѣлаго цвѣта: др.-нѣм. albiz, англ.-сакс. elfet=cygnus, albus; alba—слав. лаба; серб. лабуд, чеш. labuť; чеш. lebediti se=ярко бѣлѣть; лит. balanda—лебедь отъ balti бѣлѣть (Аѳ. III, 786). Часто встрѣчается выраженіе: бѣлый, бѣленькій ка-

мень, бѣлъ-горючь (Г. 62), камен бијел (П, 15, 271); также—Бѣлатырь, бѣлый (а)латырь (Кир. 4, 1). Эпитетъ «бѣлый» объясняютъ тѣмъ, что камушекъ или камень тогда только замѣтенъ, когда бѣлѣетъ, выдѣляясь отъ черной земли; а «бѣлый» при «алатырь» означаетъ блескъ и свѣтъ янтаря,—то же, что и при «день», при чемъ также повторяетъ признакъ, лежащій въ основѣ опредѣляемаго: «алатырь» сходно съ греческимъ ἠλέκτωρ солнце, ἤλεκτρον—смѣсь золота и серебра; лак-тырь (τρα=τρον, trum) (Аѳ. 3, 800). Изъ этого основного значенія объясняется и эпитетъ «горючій», перенесенный послѣ и на всякій камень. У сербовъ при «камен» эпитетъ «хладен», «студен» (Кар. 2, 15, 625): на югѣ камень—мѣсто отдохновенія въ тѣни, окраина ключа и водоема (Кир. 4, 1).

П. Первовъ.

Продолженіе будетъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ—Державина: I. „БОГЪ", Лермонтова: II. „ПРОРОКЪ", и Жуковскаго: III. „ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ" и IV. „МОРЕ".

I.

Б о г ъ—Державина *).

Стихотвореніе: «Богъ», проникнуто высокимъ религіознымъ чувствомъ. Мысль написать это стихотвореніе возникла въ душѣ поэта во время пасхальной заутрени во Дворцѣ. Торжественное богослуженіе, великолѣпное пѣніе и вся обстановка храма возбудили въ поэтѣ то настроеніе, которое отразилось въ стихотвореніи. Первыя строфы стихотворенія написаны были поэтомъ по возвращеніи изъ церкви; окончаніе же его написано значительно позже, въ г. Нарвѣ. Насколько занималъ поэта предметъ стихотворенія, видно изъ слѣдующаго разсказа объ окончаніи стихотворенія. Занятый предметомъ своего произведенія, поэтъ уснулъ поздно. Вдругъ ему привидѣлось, что вся комната наполнилась какимъ-то неземнымъ свѣтомъ. Слезы полились изъ глазъ поэта, и онъ тутъ же, при свѣтѣ лампады, написалъ послѣднюю строфу стихотворенія.

Все стихотвореніе раздѣляется на три главныя части. Въ первой части, обнимающей первыя шесть строфъ, поэтъ силится раскрыть свойства Божіи.

Во второй части, обнимающей слѣдующія четыре строфы, говорится объ отношеніи человѣка къ Богу и о томъ положеніи, которое ему дано въ ряду другихъ твореній.

---

*) Объясненіе стихотворенія примѣнительно къ развитію учениковъ V—VI кл.

Наконецъ, въ третьей части, обнимающей послѣднюю строфу, выражено чувство религіознаго умиленія (молитва) поэта, вызванное размышленіемъ о Богѣ.

Въ первой строфѣ поэтъ обращается къ Богу и вкратцѣ перечисляетъ Его свойства: безпредѣльный («пространствомъ безконечный»), животворящій («живый въ движеньи вещества»), превѣчный («теченьемъ времени превѣчный»), единый въ трехъ лицахъ («безъ лицъ, въ трехъ лицахъ божества»), вездѣсущій («Духъ всюду сущій и единый, Кому нѣтъ мѣста и причины»), непостижимый («Кого никто постичь не могъ»), всеобъемлющій и всесохраняющій («Кто все собою наполняетъ, объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ»).

Въ слѣдующихъ пяти строфахъ раскрывается каждое изъ перечисленныхъ въ первой строфѣ свойствъ Божіихъ, именно:

во второй строфѣ поэтъ говоритъ о необъятности Творца. Это свойство онъ выражаетъ указаніемъ невозможности представить Бога посредствомъ числа и мѣры. Хотя просвѣщенный умъ и могъ бы «измѣрить океанъ глубокій, сочесть пески, лучи планетъ», но для представленія Бога нѣтъ ни числа, ни мѣры. Никто изъ «просвѣщенныхъ духовъ», рожденныхъ отъ свѣта Божія, не въ состояніи постигнуть своимъ умомъ своего Творца. «Лишь мысль къ Тебѣ (Творцу) взнестись дерзаетъ, въ Твоемъ величіи исчезаетъ, какъ въ вѣчности прошедшій мигъ».

Въ третьей строфѣ поэтъ говоритъ о безконечности Творца. Хаосъ, бывшій до сотворенія міра, вызванъ Творцомъ изъ безднъ вѣчности, а «вѣчность, прежде вѣкъ рожденну, въ Самомъ Себѣ Онъ основалъ». Міръ созданъ «единымъ словомъ» Творца, Который Самъ не

имѣетъ ни начала, ни конца: «Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ».

Въ четвертой строфѣ изображено всемогущество и творчество Бога. Всѣ существа въ мірѣ представляются звеньями одной цѣпи, которая держится и оживляется Творцомъ, чрезъ смерть дающимъ жизнь. Какъ искры сыплются изъ пламени, такъ отъ Бога происходятъ солнцы, и какъ пылинки инея въ ясный зимній день «сверкаютъ, зыблются, сіяютъ», такъ звѣзды въ безднахъ предъ Творцомъ.

Въ пятой строфѣ поэтъ изображаетъ славу Творца, сопоставляя ее со свѣтомъ свѣтилъ. Всѣ сотворенныя Богомъ свѣтила «въ неизмѣримости текутъ», т.-е. движутся въ неизмѣримомъ пространствѣ, и, исполняя свое назначеніе, распространяютъ свои «животворящіе лучи». Но всѣ источники свѣта: солнце, звѣзды, горящіе эѳиры, сверкающіе кристаллы, и въ отдѣльности и вмѣстѣ взятые, передъ Богомъ представляются, какъ «ночь предъ днемъ».

Въ шестой строфѣ раскрывается мысль о безпредѣльности Творца. Поэтъ выражаетъ свою мысль тоже посредствомъ сравненія. Вся твердь небесная со всѣми звѣздами, солнцами, планетами передъ Творцомъ то же, что капля въ морѣ. Но и это сравненіе не выражаетъ безпредѣльности Творца, и потому поэтъ исправляетъ его, говоря, что, если бы всѣ существующіе міры умножить во сто милліоновъ разъ, то и они въ сравненіи съ Творцомъ были бы лишь незамѣтною точкою.

Что же представляетъ собою человѣкъ, когда небо со всѣми свѣтилами передъ Богомъ есть только капля, опущенная въ море; когда всѣ міры, увеличенные во сто милліоновъ разъ, являются передъ Нимъ только точкою?—Человѣкъ передъ Богомъ—«ничто».

Сознаніемъ ничтожества человѣка передъ Творцомъ оканчивается первая часть стихотворенія и съ слѣдующей (седьмой) строфы начинается вторая часть.

Признавъ физическое ничтожество человѣка передъ Богомъ, поэтъ дальше замѣчаетъ другую сторону человѣка: въ немъ сіяетъ «величество Божіихъ добротъ», въ немъ отражается Богъ, сотворившій его по подобію и образу своему, подобно тому, какъ солнце отражается «въ малой каплѣ воды». Человѣкъ ощущаетъ въ себѣ жизнь духа, который, не удовлетворяясь ничѣмъ земнымъ, стремится въ высшія сферы («Несытымъ нѣкакимъ летаю всегда пареньемъ въ высоты»). Своимъ чувствомъ и вѣрою человѣкъ приближается къ Богу и сознаетъ, что онъ «вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ», т.-е. сознаетъ свое духовное бытіе,—сознаетъ, что онъ существуетъ; значитъ, существуетъ и Богъ, отразившій свое начало въ душѣ человѣка: «Я есмь,—конечно, есь и Ты».

Въ восьмой строфѣ поэтъ говоритъ, что о существованіи Бога «вѣщаетъ» и порядокъ (строй) въ природѣ, и голосъ сердца, и выводы разума. Такимъ образомъ несомнѣнно Богъ есть. И Онъ отразился въ душѣ человѣка. Слѣдовательно, человѣкъ уже не ничто. «И я ужъ не ничто», говоритъ поэтъ.

Какую же роль играетъ человѣкъ въ ряду другихъ твореній Бога?—Природа человѣка двойственная: матеріальная и духовная (тѣло и духъ); по тѣлу человѣкъ относится къ міру физическому, вещественному, по духу—къ міру высшему, духовному. Такимъ образомъ, онъ представляетъ собою какъ бы звено между міромъ физическимъ и міромъ духовнымъ. И поэтъ говоритъ: «Частица цѣлой я вселенной, поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной срединѣ естества я той, гдѣ кончилъ тварей

Ты тѣлесныхъ, гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ и цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной».

Въ девятой страфѣ поэтъ продолжаетъ развивать мысль о роли человѣка въ ряду другихъ твореній. Онъ говоритъ: «Я—связь міровъ, повсюду сущихъ, я—крайня степень вещества, я средоточіе живущихъ, черта начальна Божества. Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю, умомъ громамъ повелѣваю (примѣненіе тогда изобрѣтеннаго громоотвода). Я—царь (по независимому, свободному духу); я—рабъ (по тѣлу, подчиненному условіямъ и законамъ физической жизни), я—червь (по тѣлу); я—богъ (по духу).

Такое чудное сочетаніе въ человѣкѣ физическаго и духовнаго начала невольно вызываетъ въ поэтѣ вопросъ: «Будучи я столь чудесенъ, отколѣ происшелъ?»

Въ десятой строфѣ поэтъ самъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: «Твое созданье я, Создатель! Твоей премудрости я тварь, источникъ жизни, благъ податель, Душа души моей и Царь! Твоей то́ правдѣ нужно было, чтобъ смертну бездну проходило мое безсмертно бытіе; чтобъ духъ мой въ смертность облачился, и чтобъ чрезъ смерть я возвратился, Отецъ, въ безсмертіе Твое».

Въ послѣдней строфѣ поэтъ говоритъ: «Неизъяснимый, Непостижимый! Я знаю, что души моей воображенія безсильны и тѣни начертать Твоей!» Поэтъ, такимъ образомъ, сознаетъ, что человѣкъ не въ состояніи изобразить Бога. Но славословить Творца должно. Какъ же человѣкъ можетъ славословить Его?— «Слабымъ смертнымъ невозможно Тебя ничѣмъ инымъ почтить, какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться, въ безмѣрной разности теряться и благодарны слезы лить». Такимъ образомъ, человѣку остается стремиться своимъ духомъ къ Творцу, сознавать свое ничтожество передъ Нимъ и со слезами умиленія благодарить Творца.

Послѣ разъясненія содержанія стихотворенія, ученики составляютъ планъ стихотворенія:

- I. Свойства Бога:
  - 1) обращеніе къ Богу и перечисленіе свойствъ Его:
    - безпредѣльный,
    - животворящій,
    - превѣчный,
    - тріединый,
    - вездѣсущій,
    - непостижимый,
    - всеобъемлющій.
  - 2) разсмотрѣніе въ отдѣльности каждаго изъ свойствъ Творца:
    - 1) необъятность и безконечность,
    - 2) превѣчность,
    - 3) всемогущество и творчество,
    - 4) безконечная слава,
    - 5) безпредѣльность.
- II. Роль человѣка:
  - 1) человѣкъ «ничто», но
    - а) въ немъ отразился Творецъ,
    - б) онъ стремится къ Богу;
  - 2) человѣкъ постигаетъ Бога
    - а) изъ строя міра,
    - б) голоса сердца,
    - в) выводовъ разума;
  - 3) Богъ есть, и человѣкъ ужъ не «ничто»:
  - 4) человѣкъ — частица вселенной, поставленная Творцомъ между тѣлеснымъ и духовнымъ міромъ;
  - 5) человѣкъ по духу—«царь и богъ», а по плоти—«червь и рабъ»;
  - 6) безсмертное начало человѣка, по предназначенію Бога, проходитъ «смертну бездну».

III. Заключеніе. Невозможно изобразить Бога, но должно стремиться къ Нему и со слезами умиленія благодарить Его.

Слогъ стихотворенія, сообразно важности предмета, торжественный, возвышенный; поэтъ искусно употребляетъ слова и выраженія церковно-славянскія: «живый въ движеньи»;... «духъ всюду сущій и единый»;... «мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ»;... «хаоса бытность довременну»;... «создавый все единымъ словомъ»;... «въ мразный день»;... «вкупѣ всѣ свѣтящи міры»;... «какъ нощь предъ днемъ»;... «природы чинъ вѣщаетъ»;... «гласитъ мое мнѣ сердце»;... «повсюду сущихъ» и др.

Произведеніе, выражающее чувство благоговѣнія, восторга, вызванное предметомъ или явленіемъ, способнымъ вызвать такое чувство, называется одой. По предмету, вызвавшему означенное чувство, оды раздѣляются на религіозныя, философскія, похвальныя. Произведеніе: «Богъ»—религіозная ода.

Темы для письменной работы учениковъ: 1) Изложеніе содержанія стихотворенія: «Богъ»—Державина; 2) «Роль человѣка среди другихъ твореній Бога (по стихотворенію: «Богъ»—Державина).

Общіе вопросы, предлагаемые ученикамъ при веденіи объясненія стихотворенія: «Богъ»: Какія главныя части стихотворенія? Передайте содержаніе каждой строфы произведенія! Какія свойства Бога поэтъ силится изобразить? Находитъ ли поэтъ возможнымъ изобразить свойства Творца? Какое отношеніе человѣка къ Творцу? Въ какую роль поставленъ человѣкъ среди другихъ твореній? Какой слогъ стихотворенія? Выдѣлите церковно славянскія слова и выраженія! Почему произведеніе: «Богъ»—Державина относится къ религіознымъ одамъ?

II.

«Пророкъ» —стихотвореніе Лермонтова *).

Стихотвореніе: «Пророкъ»—Лермонтова по содержанію своему является какъ бы продолженіемъ одноименнаго же стихотворенія Пушкина. Стихотвореніе Пушкина оканчивается назначеніемъ пророка на высокое служеніе—проповѣдовать людямъ «правды чистыя ученья». Лермонтовъ изображаетъ, какъ отнеслись люди къ проповѣднику означеннаго ученія.

Получивши отъ Бога даръ прозорливости, всевѣдѣнія, пророкъ видитъ порочность и злобу людей; онъ читаетъ «въ очахъ ихъ страницы злобы и порока». Обличая людей, указывая имъ на ихъ пороки, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ провозглашаетъ имъ ученіе—любви и правды. Но людямъ не нравится грозное обличеніе («правда глазà колетъ), имъ непріятно ученіе, налагающее на нихъ серьезныя нравственныя обязанности. На горячія слова пророка они отвѣчаютъ ненавистью, «бросаютъ въ него каменьями». Не нашедши сочувствія среди людей, пророкъ съ печалью удаляется въ пустыню. Внѣшнимъ выраженіемъ сердечной печали, грусти въ ветхозавѣтное время служило посыпаніе пепломъ главы:

«Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій».

Въ пустынѣ пророкъ питается, какъ птицы: «даромъ Божьей пищи». Здѣсь, исполняя завѣтъ Творца, тварь земная ему покорна, онъ здѣсь—царь. «Здѣсь

*) Примѣнительно къ развитію учениковъ V—VI кл.

звѣзды слушаютъ его, лучами радостно играя». Такимъ образомъ, того, кого не пожелали слушать люди, слушаютъ звѣзды; кто былъ изгнанъ людьми, тому, хранящему «Предвѣчнаго завѣтъ», покорна тварь земная.

Но случается иногда пророку проходить городомъ, и здѣсь тѣ самыя лица, которымъ онъ проповѣдовалъ «правды чистыя ученья», и которымъ это ученіе было прямымъ укоромъ, теперь, видя его блѣдный, исхудалый видъ, его нищенское одѣяніе, въ полномъ самодовольствіи съ презрѣніемъ указываютъ на него дѣтямъ. Судя лишь по наружности и не понимая явленій высшей духовной жизни, они въ своемъ самообольщеніи полагаютъ, что они правы, а онъ не правъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, полагаютъ они, объяснить страдальческій видъ человѣка, устами котораго говоритъ Богъ? Развѣ Богъ могъ допустить своего пророка до такого тяжела го положенія? Бѣденъ пророкъ, страдаетъ—значитъ думаютъ они въ своемъ ослѣпленіи: Богъ отступился отъ него. И не только люди, но и Богъ наказалъ его за его гордость, неуживчивость... Вотъ почему они такъ самодовольно и съ такимъ злорадствомъ указываютъ дѣтямъ на пророка, говоря имъ, чтобы они не подражали ему, не слѣдовали за нимъ. Возникновенію такого чувства у старцевъ способствовало ихъ личное неудовольствіе къ пророку, какъ человѣку, который отличался по своему ученію, по образу своей жизни, отъ массы другихъ людей, и который не потакалъ ихъ порочной жизни, ихъ низменнымъ наклонностямъ, а проповѣдовалъ любовь, состраданіе и «правды чистыя ученья».

Хотя личныя чувства поэта и не выражены непосредственно въ стихотвореніи, однако изъ тона стихотворенія и изъ чертъ, которыми изображены пророкъ и старцы, нельзя не видѣть чувства глубокаго уваженія

поэта къ личности пророка, этого учителя любви и чистой правды, и негодованія его къ старцамъ, которые, не понявши пророка, бросали въ него каменья и затѣмъ, судя по его угрюмому, печальному виду, указывали на него, какъ на лицо, отъ котораго отступились не только люди, но и Богъ.

Для изображенія пророка и отношенія къ нему народа Лермонтовъ, подобно Пушкину, воспользовался чертами, взятыми изъ библіи.

Слогъ стихотворенія и языкъ его соотвѣтствуютъ важности содержанія его. Нѣкоторыя славянскія слова и формы («въ очахъ», «главу», «завѣтъ», «градъ», «гласить» и друг.) гармонируютъ съ тономъ и содержаніемъ стихотворенія.

Планъ стихотворенія:

I. Проповѣдь пророка:
- 1) пророкъ видитъ порочность и злобу людей,
- 2) учитъ ихъ любви и правдѣ;
- 3) люди изгоняютъ его каменьями.

II. Жизнь пророка въ пустынѣ:
- 1) уходъ изъ города въ пустыню;
- 2) условія его жизни въ пустынѣ:
  - а) пища его;
  - б) покорность ему твари земной;
  - в) звѣзды слушаютъ его.

III. Вторичное появленіе въ городѣ:
- 1) старцы съ улыбкой указываютъ дѣтямъ на пророка,
- 2) старцы поучаютъ дѣтей, указывая
  - на видъ пророка;
  - умозаключеніе старцевъ.

Стихотвореніе: «Пророкъ», относится къ лирической поэзіи (почему?) и можетъ быть названо одой (почему?).

Общіе вопросы, которые могутъ быть предложены ученикамъ при объясненіи стихотворенія: «Пророкъ» — Лермонтова: Изложите содержаніе стихотворенія. Какимъ изображенъ пророкъ? Откуда взяты черты, послужившія къ изображенію пророка? Какъ относятся къ пророку люди? За что они возненавидѣли его? Положеніе пророка среди людей и среди природы. Чему поучаютъ старцы дѣтей, указывая на пророка? Въ чемъ ихъ заблужденіе и чѣмъ оно вызвано? На сколько частей можно раздѣлить стихотвореніе? Содержаніе каждой части его. Обозначьте планъ стихотворенія. Съ какимъ чувствомъ поэтъ относится къ пророку, и къ старцамъ и изъ чего можно видѣть его чувство? Черты ветхозавѣтнаго быта, отразившіяся въ стихотвореніи. Слогъ стихотворенія. Выдѣлите славянскія слова и выраженія. Къ какому роду и виду произведеній относится стихотвореніе: «Пророкъ» — Лермонтова?

Темы для письменной работы учениковъ: 1) Содержаніе стихотворенія: «Пророкъ» — Лермонтова; 2) Жизнь пророка въ городѣ, среди людей, и въ пустынѣ (по стихотворенію: «Пророкъ» — Лермонтова); 3) Какъ относились къ пророку люди и отчего они такъ къ нему относились? 4) Сравненіе стихотвореній: «Пророкъ» — Лермонтова и «Пророкъ» — Пушкина.

III.

„Ивиковы журавли“ — стих. Жуковскаго.

Объясненіе стихотворенія: «Ивиковы журавли», можетъ быть ведено въ такомъ порядкѣ: послѣ чтенія всего стихотворенія, ученики чита

ютъ его по строфамъ и кратко передаютъ содержаніе каждой строфы, при чемъ учитель дѣлаетъ нужныя историческія поясненія. Затѣмъ ученики составляютъ планъ стихотворенія и по составленному плану излагаютъ содержаніе всего стихотворенія. Далѣе учитель ставитъ общіе вопросы или темы, отвѣчая на которые, ученики глубже вникаютъ въ произведеніе и сознательнѣе усваиваютъ его. Послѣ отвѣтовъ на поставленные вопросы выводится основная мысль стихотворенія.

Краткое изложеніе содержанія каждой строфы стихотворенія.

На Истмійскія игры, устраиваемыя въ честь бога морей Посейдона, идетъ Ивикъ, вдохновенный поэтъ, «скромный другъ боговъ». Въ одной рукѣ у него лира, а въ другой—посохъ (I ая строфа).

Онъ приближается уже къ мѣсту своего путешествія: виднѣется уже нагорная часть Коринѳа (Акрокоринѳъ)· Ему остается пройти только Посейдоновъ лѣсъ. Онъ входитъ въ него. Все тихо: листъ не колыхнется. Слышенъ только шумъ пролетающихъ на югъ журавлей (II-ая строфа).

По отзывчивости своей поэтической природы, Ивикъ, увидѣвши журавлей, обращается къ нимъ со своею рѣчью. Онъ находитъ сходство между собой и ими: онъ, подобно имъ, оставилъ родину и ищетъ пріюта въ чужой странѣ. Онъ проситъ ихъ быть ему «добрымъ знаменіемъ», а Зевеса молитъ «отвратить бѣду отъ страничьей главы» (Ш-ья строфа).

Въ надеждѣ на Зевеса, Ивикъ входитъ въ глубину лѣса и идетъ глухою тропинкой. Вдругъ убійцы нападаютъ на него. Онъ хочетъ сразиться съ ними, но не имѣетъ для этого достаточно силы: отдаваясь творче-

ской дѣятельности, онъ не развивалъ въ себѣ умѣнья къ физической борьбѣ (IV-ая строфа).

Видя, что ему не справиться съ убійцами, онъ взываетъ о помощи; но въ лѣсу никого нѣтъ. Сознаніе, что ему приходится погибнуть въ цвѣтѣ лѣтъ, истлѣть безъ погребенья (это считалось величайшимъ несчастіемъ, ибо души, тѣла которыхъ не погребены, по вѣрованію грековъ, обречены на вѣчное скитаніе), и что никто не отомститъ за него, вызываетъ въ Ивикѣ тяжелое чувство (V-ая строфа).

Отъ удара убійцы Ивикъ опускается на землю. Онъ доживаетъ послѣднія минуты: взоръ его уже угасъ, но слухъ еще воспринимаетъ звуки (у умирающаго зрѣніе гаснетъ ранѣе слуха). Вдругъ проносится съ шумомъ стая журавлей. Ивикъ слышитъ ихъ и призываетъ ихъ быть свидѣтелями святотатственнаго убійства и привлечь на убійцъ мщеніе боговъ: «Да грянетъ, привлеченный вами, Зевесовъ громъ на ихъ главу!» (VI-ая строфа).

Трупъ Ивика найденъ. Черты прекраснаго лица искажены ударами убійцъ. Коринѳскій другъ узнаетъ пѣвца и выражаетъ свое горе, которое тѣмъ сильнѣе, что онъ мечталъ уже увѣнчать пѣвца «сосновымъ вѣнкомъ» (VII ая строфа).

Горе друга находитъ полный откликъ у народа, собравшагося на праздникъ. Всѣ глубоко чувствуютъ невознаградимую потерю: «для всѣхъ сердецъ печаль одна». Народъ приступаетъ къ правителямъ страны и требуетъ, чтобы они нашли убійцъ и казнили ихъ (VIII-ая строфа).

Но какъ найти ихъ? какъ отличить ихъ среди огромной массы людей, собравшихся на праздникъ? какъ узнать причину убійства? Свидѣтелей не было. Одинъ

лишь богъ солнца (Геліосъ), «все озирающій съ небесъ», видѣлъ святотатственное дѣло и знаетъ причину его (IX-ая строфа).

Убійца, быть-можетъ, смѣло («съ подъятой головой») ходитъ среди скорбнаго и негодующаго народа; быть-можетъ, онъ въ храмѣ приноситъ жертву богамъ или тѣснится на ступеняхъ амфитеатра (X-ая строфа).

Въ амфитеатрѣ, достигавшемъ своими ступенями «до синевы небесъ», надъ рядомъ рядъ сидятъ народы, устремивъ взоръ на сцену. Всѣ переходы кишатъ людьми (XI-ая строфа).

Представители различныхъ греческихъ племенъ собрались въ амфитеатръ: тутъ есть жители и Аѳинъ, и Спарты, и Фокиды, и Микенъ, и Малоазійскихъ колоній, и многочисленныхъ острововъ. Всѣ они ожидаютъ представленія. Наконецъ, показывается хоръ Эринній (богинь—мстительницъ), и всѣ смолкли (XII ая строфа).

Медленнымъ, мѣрнымъ шагомъ выступаютъ Эринніи изъ-за сцены. Походка ихъ необыкновенная: такъ не могутъ ходить земныя женщины; ростъ ихъ гигантскій (XIII-ая строфа)

Лица богинь блѣдны, очи впалы, на головахъ, между волосъ, «эхидны движутъ жалы, являя страшный рядъ зубовъ»; въ тощихъ рукахъ ихъ факелы съ темнокраснымъ свѣтомъ. Видъ ихъ наводитъ ужасъ на зрителей (XIV-ая строфа).

Богини остановились, сверкая взоромъ, и дикимъ хоромъ запѣли гимнъ, наводящій страхъ на зрителей. Преступникъ, подъ вліяніемъ гимна, цѣпенѣетъ отъ ужаса, сознавая свое преступленіе. Звуки лиры, обык-

новенно сопровождающіе пѣніе, теперь не раздаются: они не согласовались бы съ возбуждающимъ ужасъ пѣніемъ Эринній)XV-ая строфа).

Эринніи поютъ, что душевнымъ спокойствіемъ пользуется тотъ, кто не знакомъ съ виною, кто чистъ младенчески душою: онѣ не дерзнутъ преслѣдовать его; но преступнику, убійцѣ, нѣтъ отъ нихъ пощады: онѣ, какъ тѣни, «съ грозою мщенія во взорѣ», вездѣ преслѣдуютъ его (XVI-ая строфа).

Ничто не спасетъ преступника отъ ихъ преслѣдованій; нигдѣ не скрыться ему отъ нихъ: онъ въ лѣсъ, онъ въ бездну—онѣ за нимъ; вездѣ мучатъ, терзаютъ его и растерзаннаго бросаютъ въ прахъ. Покаяніе, плачъ и стонъ его не ослабляютъ его мукъ. Самая смерть не избавляетъ его отъ страданій: «Терзать васъ будемъ до Коцита, но не оставимъ васъ и тамъ» (XVII-ая строфа).

Эринніи умолкли и медленно скрываются. Въ театрѣ гробовая тишина. Впечатлѣніе, произведенное хоромъ, невыразимо (XVIII-ая строфа).

Зрители недоумѣваютъ: видѣли ли они дѣйствительныхъ богинь-мстительницъ, или прекрасныхъ театральныхъ актеровъ; невольно помышляютъ о той страшной силѣ, которая невидима глазу, но чувствуется сердцемъ и подготовляетъ преступнику гибель: «вьетъ нити роковыхъ сѣтей» (XIX-ая строфа).

Среди гробовой тишины вдругъ съ верхней ступени раздается восклицаніе: «Парѳеній, слышишь?—крикъ вдали: то Ивиковы журавли!» И на небѣ показывается стая журавлей, пролетающихъ надъ амфитеатромъ (XX-ая строфа).

Народъ, услышавши имя Ивика, какъ бы очнулся. Вездѣ послышались восклицанія: «Что? Ивикъ?... Нашъ добрый Ивикъ! нашъ, сраженный врагомъ незнаемымъ, поэтъ!» Всѣ догадываются, что не напрасно произнесено имя Ивика, и что не безъ причины пролетаютъ журавли (XXI-ая строфа).

Всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье блеснула мысль: «убійца тутъ!» Всѣ сознали, что Эринніи сами открываютъ убійцу, заставивши его воскликнуть имя Ивика. Народъ привлекаетъ къ суду и того, «кто молвилъ слово», и того, «кѣмъ онъ внимаемъ былъ» (XXII-ая строфа).

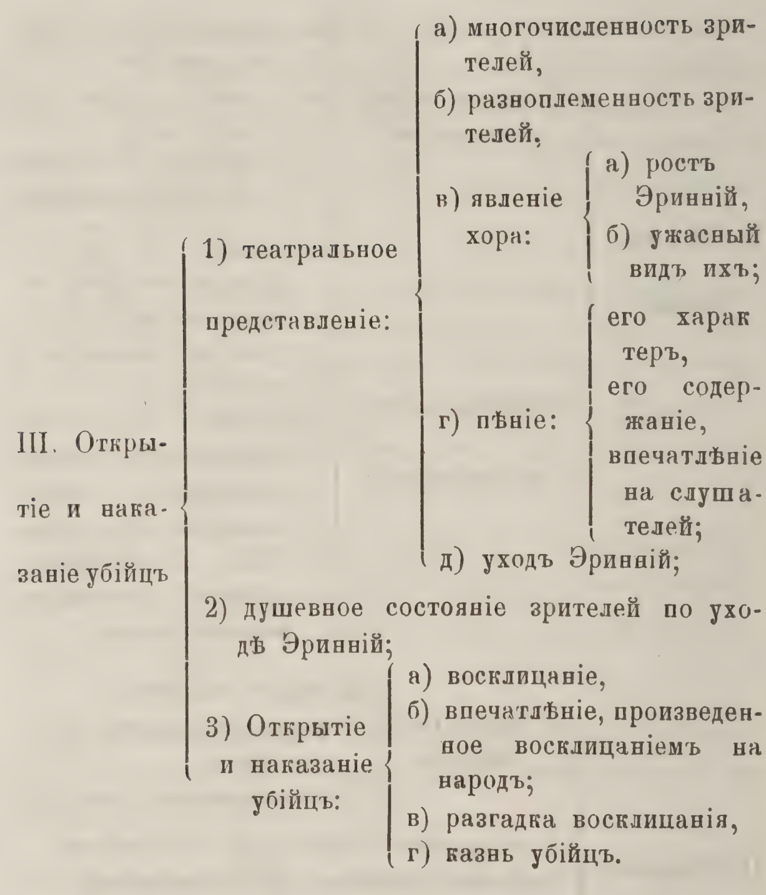
Внезапно уличенные, убійцы не оправдывались: «смущенный видъ, склоненный взоръ и тщетный плачъ былъ ихъ отвѣтомъ; и смерть была ихъ приговоръ» (XXIII ая строфа).

Познакомившись съ содержаніемъ каждой строфы, ученики прочитываютъ еще разъ все стихотвореніе и составляютъ планъ его.

Принимая во вниманіе главные моменты въ развитіи изображеннаго въ стихотвореніи событія, ученики дѣлятъ все стихотвореніе на три части: I—Убійство Ивика. II—Открытіе убійства. III—Открытіе и наказаніе убійцъ.

Каждую изъ этихъ частей ученики дѣлятъ на второстепенныя части, а эти послѣднія на третьестепенныя части. Такимъ образомъ получается слѣдующій планъ стихотворенія:

- I. Убійство Ивика:
  - 1) Ивикъ предъ нападеніемъ:
    - а) цѣль его путешествія,
    - б) его личность,
    - в) близость цѣли его путешествія,
    - г) обращеніе къ пролетающимъ журавлямъ;
  - 2) Ивикъ во время нападенія:
    - а) Ивикъ не въ состояніи побороть нападающихъ убійцъ,
    - б) тщетно взываетъ о помощи,
    - в) горькая жалоба на неожиданную смерть,
    - г) призывъ къ пролетающимъ журавлямъ быть свидѣтелями убійства и привлечь мщеніе боговъ.
- II. Открытіе убійства:
  - 1) вѣсть объ убійствѣ:
    - а) трупъ найденъ,
    - б) коринѳскій другъ узнаетъ пѣвца,
    - в) онъ выражаетъ свое горе;
  - 2) впечатлѣніе, произведенное вѣстью на народъ:
    - а) горе народа,
    - б) требованіе наказать убійцъ;
  - 3) отсутствіе слѣдовъ къ открытію убійцъ:
    - а) невозможность указать на опредѣленныхъ лицъ,
    - б) неизвѣстность причины убійства,
    - в) неизвѣстность мѣстонахожденія убійцъ.

III. Открытіе и наказаніе убійцъ
- 1) театральное представленіе:
  - а) многочисленность зрителей,
  - б) разноплеменность зрителей,
  - в) явленіе хора:
    - а) ростъ Эринній,
    - б) ужасный видъ ихъ;
  - г) пѣніе:
    - его характеръ,
    - его содержаніе,
    - впечатлѣніе на слушателей;
  - д) уходъ Эринній;
- 2) душевное состояніе зрителей по уходѣ Эринній;
- 3) Открытіе и наказаніе убійцъ:
  - а) восклицаніе,
  - б) впечатлѣніе, произведенное восклицаніемъ на народъ;
  - в) разгадка восклицанія,
  - г) казнь убійцъ.

По этому плану ученики передаютъ содержаніе стихотворенія. Затѣмъ учитель ставитъ общіе вопросы или темы для устнаго изложенія. Матеріалъ для своего изложенія ученики извлекаютъ изъ содержанія стихотворенія. Этого рода работа является особенно производительной для болѣе глубокаго усвоенія произведенія и для развитія мышленія и рѣчи учениковъ. Могутъ быть предложены, между прочимъ, такія темы или вопросы: 1) Роль поэта-пѣвца у древнихъ грековъ. 2) Обще-

ственныя празднества въ древней Греціи. 3) Устройство и значеніе театра въ древней Греціи. 4) Впечатлѣніе, произведенное видомъ и пѣніемъ Эринній на зрителей. 5) Чѣмъ объясняется восклицаніе убійцы? 6) Почему народъ призналъ, что воскликнувшій имя Ивика—его убійца или знаетъ объ убійствѣ? 7) Какъ были открыты убійцы? 8) Отчего убійцы не возражали противъ взводимаго на нихъ обвиненія? 9) Какая основная мысль стихотворенія?

1) Роль поэта-пѣвца у древнихъ грековъ.

Древне-греческій народъ признавалъ поэта-пѣвца «другомъ, избранникомъ боговъ.» Аполлонъ, богъ поэзіи и искусства, по вѣрованію грековъ, надѣляетъ пѣвца высшимъ даромъ творчества. Благодаря этому дару, поэтъ особенно отзывчивъ ко всѣмъ предметамъ и явленіямъ дѣйствительности: все будитъ его мысль и чувство. При своихъ высокихъ духовныхъ качествахъ, онъ скроменъ («скромный другъ боговъ»). Обладая духовными благами, онъ не обладаетъ матеріальнымъ богатствомъ: онъ пѣшкомъ идетъ на праздникъ Посейдона и несетъ съ собою все свое богатство—лиру, нужную ему для пѣсенъ. Поэтъ-пѣвецъ являлся на общественные праздники и своими произведеніями удовлетворялъ эстетической потребности народа, за что и былъ особенно дорогъ ему. Вѣсть объ убійствѣ Ивика поразила всѣхъ: «для всѣхъ сердецъ печаль одна». Весь народъ возсталъ за Ивика, какъ за самаго близкаго, дорогого человѣка, и требовалъ, чтобы правители нашли убійцъ и казнили ихъ.

2) Общественныя празднества въ древней Греціи.

Общественныя празднества въ древней Греціи имѣли большое значеніе: они объединяли всѣхъ грековъ. На

празднества собирались греки отовсюду: изъ Европы и Азіи, метрополіи и колоній. Разъединенные громаднымъ разстояніемъ, племенными особенностями, соперничествомъ, иногда открытой войною, они сознавали себя на празднествахъ однимъ народомъ. Празднества устраиваемы были въ честь боговъ, такъ, напр., истмійскія празднества посвящены были богу Посейдону. На празднествахъ физическія упражненія смѣнялись духовными: бѣгъ со щитомъ и безъ щита, скачки верхомъ и на колесницахъ, бросаніе диска, пляски и тому подобныя физическія упражненія смѣнялись слушаніемъ пѣнія или игры на инструментѣ, слушаніемъ поэтическихъ произведеній и прозаическихъ повѣствованій, совершеніемъ религіозныхъ обрядовъ, присутствованіемъ на драматическихъ представленіяхъ и т. п. Побѣдителей награждали лавровымъ, масличнымъ или сосновымъ вѣнкомъ. И такая награда особенно цѣнилась греками. Даже самые знатные изъ нихъ стремились заслужить ея, такъ какъ слава увѣнчаннаго распространялась и на весь городъ или на всю страну, изъ которой онъ прибылъ.

3) Устройство и значеніе театра въ древней Греціи.

Греки устраивали театръ большею частью на скатѣ горы, откуда открывался красивый видъ на море или на городъ. Крыши театръ не имѣлъ, почему зрители сидѣли подъ открытымъ небомъ. Центръ театра составляла круглая площадка, на которой помѣщался хоръ, исполнявшій во время представленій свои пѣсни и сопровождавшій ихъ соотвѣтственными тѣлодвиженіями. За площадкой находилась сцена; это была длинная, узкая платформа, имѣвшая видъ удлиненнаго четыреугольника и нѣсколько возвышавшаяся надъ площадкой

для хора. Противъ сцены находились мѣста для зрителей, отдѣленныя отъ сцены названною выше площадкою для хора. Мѣста для зрителей устраивались концентрическими полукругами, возвышавшимися одинъ надъ другимъ («всходя до синевы небесъ») и увеличивавшимися по мѣрѣ удаленія отъ центра. Съ площадки, отдѣлявшей сцену отъ зрителей, шли вверхъ радіусами «переходы», по которымъ зрители всходили для занятія мѣстъ. Такое устройство театра давало возможность тысячамъ зрителей видѣть и слышать, что говорятъ и дѣлаютъ актеры. Древне-греческій театръ могъ вмѣщать до 40 тысячъ зрителей. Костюмы и маски актеровъ доведены были до значительнаго совершенства: при появленіи, напр., Эринній зрители недоумѣвали, видятъ ли они настоящихъ богинь-мстительницъ или искусныхъ актеровъ, изображающихъ этихъ богинь.

Театръ имѣлъ религіозное значеніе, что еще болѣе усиливало впечатлѣніе, производимое хоромъ и актерами.

4) Впечатлѣніе, произведенное видомъ и пѣніемъ Эринній на зрителей.

Эринніи своимъ видомъ и своимъ пѣніемъ произвели на зрителей самое сильное, самое тяжелое впечатлѣніе. Слушая пѣніе ихъ, зрители цѣпенѣли отъ ужаса («цѣпенѣя, внемлетъ зритель»). По окончаніи пѣнія, «надъ внимавшими лежала, какъ надъ могилой, тишина». Тишина эта продолжалась нѣкоторое время и по уходѣ Эринній: каждый со страхомъ помышлялъ «о силѣ той, которая, во мглѣ густой скрываяся, неизбѣжима, вьетъ нити роковыхъ сѣтей, во глубинѣ лишь сердца зрима, но скрыта отъ дневныхъ лучей».

5) Чѣмъ объясняется восклицаніе убійцы?

Убійца, подъ вліяніемъ пѣнія Эринній, невольно вспомнилъ о совершенномъ имъ убійствѣ Ивика, вспомнилъ онъ и о журавляхъ, которые пролетали при кончинѣ убитаго, и объ обращеніи послѣдняго къ нимъ. Вдругъ онъ видитъ подлетающую стаю журавлей. Находясь въ смятеніи и не помышляя о томъ, гдѣ онъ и какое впечатлѣніе произведетъ на зрителей его восклицаніе, онъ, обращаясь къ товарищу, говоритъ: «Пареній, слышишь?—крикъ вдали: то Ивиковы журавли!»

6) Почему народъ призналъ, что произнесшій имя Ивика есть убійца, или знаетъ объ убійцѣ?

Весь народъ находился подъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ хоромъ Эринній. Каждый помышлялъ о томъ, что Эринніи, не будучи видимы, преслѣдуютъ преступника угрызеніемъ совѣсти, отуманиваютъ его умъ и душу и, наконецъ, такъ или иначе подводятъ къ наказанію. Вдругъ раздается восклицаніе: «Пареній, то Ивиковы журавли!» И невольно каждый подумалъ, что не безъ причины сдѣлано восклицаніе, что воскликнувшій знаетъ, какое отношеніе имѣютъ журавли къ Ивику. «И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье, какъ будто свыше откровенье, блеснула мысль: «убійца тутъ! то Эвменидъ ужасныхъ судъ!»

7) Какъ были открыты убійцы Ивика?

Рѣшеніе этого вопроса находится въ связи съ рѣшеніемъ послѣднихъ двухъ вопросовъ (5 и 6). Совпаденіе слѣдующихъ обстоятельствъ повело къ открытію убійцъ: во-первыхъ, настроеніе, которое вызвано было во всѣхъ зрителяхъ, въ томъ числѣ и въ убійцахъ, видомъ и пѣніемъ Эринній и, во вторыхъ, случайное появленіе пролетающихъ журавлей. Будь произнесено убійцей восклицаніе: «то Ивиковы журавли!»

не въ то время, когда всѣ находились подъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ Эринніями, а въ другое, навѣрно никто и не обратилъ бы вниманія на это восклицаніе. Теперь же всѣ подумали, что этимъ восклицаніемъ богини выдаютъ преступника. Если бы не пролетали въ это время журавли, убійца не имѣлъ бы повода произнести свое восклицаніе; онъ не произнесъ бы его и въ томъ случаѣ, если бы не находился въ такомъ смятеніи духа, какое невольно овладѣло имъ, съ одной стороны, подъ впечатлѣніемъ вида и пѣнія Эринній, а, съ другой—подъ вліяніемъ нахлынушихъ воспоминаній объ убійствѣ Ивика. Такимъ образомъ, театральное представленіе подготовило почву къ открытію убійцъ, и нужно было самое незначительное обстоятельство, чтобы таковые были открыты. Такимъ обстоятельствомъ и послужилъ случайный пролетъ журавлей.

8) Отчего убійцы не возражали противъ взведеннаго на нихъ обвиненія?

Застигнутые врасплохъ, убійцы не успѣли сообразить, какъ имъ слѣдуетъ поступать, что слѣдуетъ говорить, чтобы снять съ себя обвиненіе. Къ тому же они, находясь подъ впечатлѣніемъ пѣнія Эринній, полагали, что сами богини-мстительницы указали на нихъ, какъ на виновниковъ убійства. И они не въ состояніи были ничего сказать въ свое оправданіе. «Смущенный видъ, склоненный взоръ и тщетный плачъ былъ ихъ отвѣтомъ».

9) Какая основная мысль стихотворенія?

Основная мысль стихотворенія можетъ быть выражена словами: каждое преступленіе влечетъ за собою наказаніе (возмездіе), и искусство (въ данномъ случаѣ—драматическое), вліяя на душу человѣка, способствуетъ обличенію зла и торжеству правды.

Темы для письменной работы учениковъ: 1) Изло-

женіе содержанія стихотворенія: «Ивиковы журавли»; 2) Древне-греческія общественныя празднества и драматическія представленія на нихъ; 3) Какъ былъ открытъ убійца Ивика? 4) Сравненіе, по основной идеѣ и по способу выраженія ея, стихотвореній: «Ивиковы журавли»—Жуковскаго и «Утопленникъ»—Пушкина.

IV.

«Море»—стих. Жуковскаго.

Поэтъ, обращаясь къ морю, говоритъ, что онъ стоитъ очарованъ надъ бездной его. Слово «очарованъ» показываетъ душевное состояніе, вызванное въ поэтѣ моремъ. Въ состояніи «очарованія», поэтъ олицетворяетъ море, относится къ нему, какъ къ живому существу, проявляющему чувство и любовь:

«Ты живо, ты дышишь смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты».

Подобно тому, какъ при видѣ близкаго намъ человѣка, на лицѣ котораго отразились глубокое чувство и тревожная мысль, мы желаемъ узнать, что̀ волнуетъ, что̀ безпокоитъ его, такъ точно и поэтъ, при видѣ волнующагося моря, желаетъ узнать, къ чему оно относится съ «смятенной любовью», и какая «дума» тревожитъ его, и онъ обращается къ нему съ вопросами:

«Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышитъ твоя напряженная грудь?»

Не слыша отвѣта отъ «безмолвнаго», «лазурнаго» моря, поэтъ, замѣчая, что оно отражаетъ лазурь неба,

дѣлаетъ предположеніе, что «смятенная любовь» и «тревожная дума» вызваны небомъ и направлены къ нему:

«Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое свѣтлое небо къ себѣ?»

то-есть: или ты стремишься «изъ земныя неволи» къ далекому свѣтлому небу? (Аналогичное выраженіе: «огонекъ манитъ путника, который спѣшитъ отогрѣться»; очевидно, что не огонекъ «манитъ» путника, а послѣдній стремится къ нему, ибо нуждается въ немъ).

Остановившись на предположеніи, что море стремится «къ свѣтлому небу», что его чувство («смятенная любовь») и мысль («тревожная дума») направлены къ нему, поэтъ замѣчаетъ зависимость и связь между явленіями моря и явленіями неба. Небо ясно, и море, полное «таинственной, сладостной жизни», льется свѣтозарной лазурью; небо озарено утренней или вечерней зарей, и море горитъ этимъ же свѣтомъ; на небѣ появляются легкія золотистыя облачка, и море, лаская, отражаетъ ихъ въ своемъ лонѣ; небо ночью усѣяно миріадами звѣздъ, и море радостно блещетъ ими...

Такая зависимость или связь явленій неба и моря убѣждаетъ поэта въ истинности сдѣланнаго имъ предположенія, что море стремится къ небу, что его чувства и мысли направлены къ нему...

Но вотъ собираются темныя тучи и, закрывая небо, угрожаютъ отнять его у моря: море тогда «и бьется, и воетъ, и волны подъемлетъ, и рветъ и терзаетъ враждебную мглу». Борьба происходитъ отчаянная: море напрягаетъ всѣ усилія, чтобы возвратить себѣ небо... «И мгла исчезаетъ, и тучи уходятъ»; но море долго не можетъ успокоиться. Пережитая борьба не остается для него безслѣдной: оно, «полное прошлой тревоги своей, долго вздымаетъ испуганны волны, и сладостный блескъ

возвращенныхъ небесъ не вовсе къ нему тишину возвращаетъ». И даже тогда, когда море кажется покойнымъ, оно «въ безднѣ покойной скрываетъ смятенье»: любуясь небомъ, отражая его въ себѣ, оно «дрожитъ за него», боится, чтобы кто-нибудь не отнялъ его.

Итакъ, море, «небомъ любуясь, дрожитъ за него»: вотъ та «смятенная любовь» и та «тревожная дума», о которыхъ говорится въ началѣ стихотворенія: «Ты дышишь смятенной любовью, тревожною думой наполнено ты».

Во многихъ поэтическихъ произведеніяхъ изображеніе предметовъ и явленій природы служитъ лишь образомъ, аллегорической формой, для выраженія идеи, основной мысли произведенія. И разсматриваемое стихотвореніе является образомъ для болѣе живого, нагляднаго выраженія идеи, основной мысли его. Но этотъ образъ имѣетъ значеніе и самъ по себѣ, какъ художественное изображеніе моря въ различные моменты: въ тихую ясную погоду, во время бури и послѣ бури (Какъ изображено море въ каждый изъ этихъ моментовъ? Какая же основная мысль стихотворенія: «Море»?

Человѣкъ стремится къ высшему, духовному (небесному) благу. Обладаніе этимъ благомъ или по крайней мѣрѣ стремленіе къ нему составляетъ для него счастье. Высшее благо для человѣка—то же, что небо для моря.

Если ничто не мѣшаетъ человѣку обладать его высшимъ благомъ или стремится къ нему, онъ испытываетъ внутреннее довольство, счастье; онъ живетъ этимъ благомъ, отражаетъ его въ себѣ, какъ море отражаетъ небо.

Но вотъ что-нибудь угрожаетъ человѣку отнять

у него его лучшее благо, и онъ, чтобы отстоять свое благо, вступаетъ въ отчаянную борьбу: «и рветъ, и терзаетъ», точно море, вступившее въ борьбу съ «враждебною мглою», покрывшею небо.

И вотъ то, что угрожало человѣку опасностью отнять у него высшее благо, миновало; но человѣкъ, «полный прошлой тревоги своей», не можетъ вполнѣ успокоиться: минувшая борьба, минувшая тревога оставила на немъ свой слѣдъ, и онъ, наслаждаясь своимъ благомъ, «дрожитъ за него», боится, чтобы кто-нибудь не отнялъ его.

Невольно припоминается стихотвореніе Пушкина: «Туча», въ которомъ выражена тоже мысль, что пережитая человѣкомъ борьба, душевная мука, оставляетъ въ его душѣ свой слѣдъ, «наводитъ унылую тѣнь», «печалитъ ликующій день»..

Въ зависимости отъ различія духовнаго развитія людей, ихъ интересовъ, одни изъ нихъ признаютъ своимъ высшимъ благомъ одно, другіе—другое. Такъ, напр., одни признаютъ своимъ благомъ религіозно-нравственное усовершенствованіе, другіе—служеніе наукѣ, третьи—проявленіе такой дѣятельности, которая совпадаетъ съ ихъ душевными наклонностями, четвертые—удовлетвореніе личному тщеславію и т. п. Сообразно съ этимъ, основная мысль стихотворенія можетъ быть иллюстрирована множествомъ частныхъ примѣровъ, частныхъ случаевъ. Въ этомъ отношеніи стихотвореніе: «Море», имѣетъ сходство съ любою басней, основная мысль которой тоже можетъ быть иллюстрирована множествомъ частныхъ примѣровъ, частныхъ случаевъ.

При глубинѣ основной мысли и небольшомъ объёмѣ, стихотвореніе: «Море», отличается полнотой и законченностью содержанія. Планъ стихотворенія простъ

и естественъ: сначала поэтъ говоритъ о впечатлѣніи, производимомъ на него моремъ, а затѣмъ представляетъ картины моря въ тихую погоду, въ бурю и послѣ бури, при чемъ вездѣ указываетъ на зависимость явленій моря отъ явленій неба.

Стихотвореніе: «Море», заучивается учениками наизусть для выразительнаго произношенія.

Для письменной работы можетъ быть предложена одна изъ слѣдующихъ темъ: 1) Море въ тихую погоду, въ бурю и послѣ бури; 2) Основная мысль стихотворенія: «Море», и выраженія ея.

При объяснительномъ чтеніи стихотворенія: «Море», могутъ быть предлагаемы ученикамъ слѣдующіе вопросы, побуждающіе ихъ вникнуть въ стихотвореніе и уяснить себѣ какъ содержаніе, такъ и основную мысль его: въ какомъ душевномъ настроеніи поэтъ находится, стоя надъ моремъ? Чѣмъ вызвано очарованіе поэта? Чѣмъ объясняется олицетвореніе моря? На сколько и какія части раздѣляется стихотвореніе? Какимъ изображено море въ тихую погоду? какимъ изображено оно во время бури? какимъ изображено море послѣ бури? Какая связь между явленіями на небѣ (жизнью неба) и явленіями на морѣ (жизнью моря)? Какое явленіе въ душевной жизни человѣка изображено въ стихотвореніи? Какая основная мысль стихотворенія? Укажите образныя выраженія (олицетворенія, метафоры, сравненія, эпитеты и другія).

К. Ельницкій.

О постановкѣ внѣкласснаго чтенія въ реальныхъ училищахъ.

Курсъ русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ распадается на два отдѣла: пропедевтическій и старшій. Въ первомъ преобладаютъ элементы формальнаго обученія, второй имѣетъ цѣлью умственное и эстетическое развитіе учащихся. Основою занятій въ низшихъ и среднихъ классахъ служитъ грамматика, въ высшихъ словесность.

Формальная сторона обученія языку не имѣетъ, разумѣется, самостоятельнаго значенія и должна быть разсматриваема лишь, какъ подготовительная ступень для болѣе широкаго и сознательнаго знакомства съ произведеніями отечественнаго слова *). Этотъ взглядъ проводятъ такіе авторитетные педагоги, какъ Буслаевъ и Шереметевскій. «Обученіе языку», говоритъ Буслаевъ: «имѣетъ дѣло хотя съ внѣшнимъ, съ формами и плотью языка, однако никогда не должно забывать, что плоть жива только духомъ, что изученіе формъ самихъ по себѣ не имѣетъ никакой цѣны, и что онѣ не могутъ быть исключительнымъ предметомъ наблюденія». Еще опредѣленнѣе высказывается Шереметевскій: по его мнѣнію, на элементарную грамматику нужно смотрѣть, «какъ на справочное пособіе, наравнѣ съ словаремъ **).

Такая постановка вопроса вытекаетъ изъ самой сущности дѣла; генетическая метода въ обученіи

---

*) Трудно съ этимъ согласиться. *Ред.*

**) Шереметевскій. Страничка изъ методики элементарной грамматики роднаго яз. стр. 38.

языку можетъ основываться лишь на изученіи живого слова, а не мертвой абстракціи, мало доступной пониманію дѣтей.

Третій и четвертый классы средне-учебныхъ заведеній составляютъ подготовительную ступень обученія словесности: въ первомъ изъ нихъ проходится синтаксисъ, во второмъ, послѣ ознакомленія съ довольно сложнымъ механизмомъ древне-церковно-славянской грамматики, заканчивается формальное обученіе. Пріобрѣтенныя свѣдѣнія, несомнѣнно, важны, какъ средство для пониманія строя рѣчи, какъ матеріалъ для послѣдующаго, болѣе тонкаго и глубокаго изученія формы словесныхъ произведеній. Основа для подобныхъ работъ дается еще въ элементарномъ курсѣ, при объяснительномъ чтеніи. Общая постановка этого отдѣла преподаванія слишкомъ извѣстна, и нѣтъ необходимости распространяться о цѣнности тѣхъ или другихъ положеній объяснительнаго чтенія.

Важно указать на задачи, которыми оно руководствуется, а также—насколько послѣднія пригодны при дальнѣйшемъ разборѣ образцовъ, насколько онѣ способствуютъ развитію въ учащихся трезвой мысли, сжатаго и изящнаго слога, чуткости къ нравственной идеѣ и эстетической сторонѣ произведеній. Самое примѣненіе пріемовъ веденія объяснит. чтенія, въ предѣлахъ изучаемаго курса, не можетъ вызывать особыхъ замѣчаній, такъ какъ оно даетъ извѣстный запасъ свѣдѣній, оказываетъ несомнѣнное вліяніе на умственное развитіе учащихся и проч., но, если имѣть въ виду конечныя цѣли воспитанія въ средней школѣ, то вопросъ этотъ получаетъ иное значеніе.

Несомнѣнно, что уровень развитія въ низшихъ классахъ гимназіи, городскаго училища, даже въ бла-

гоустроенной начальной школѣ болѣе или менѣе одинаковъ; въ силу этого часто при постановкѣ объяснительнаго чтенія въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній происходитъ нежелательное смѣшеніе пріемовъ, пригодныхъ для послѣдующаго изученія литературныхъ произведеній, съ такими, которые умѣстны лишь въ низшей школѣ, разсчитаны на обогащеніе памяти воспитанниковъ разными свѣдѣніями. Отрицательные результаты, достигаемые при подобномъ веденіи дѣла, довольно распространенномъ даже въ крупныхъ педагогическихъ центрахъ, указаны въ трудахъ Л. И. Поливанова и въ талантливыхъ этюдахъ В. П. Шереметевскаго. Оба автора предостерегаютъ учителей русскаго языка отъ увлеченія катехизаціей, злоупотребленія формальной стороной при объясненіяхъ внесенія излишнихъ толкованій и т. п., рекомендуя имѣть въ виду одну цѣль: раскрытіе художественной стороны произведенія въ связи съ его основной идеей.

Всѣмъ памятна еще недавняя полемика, возникшая между «Филологическими Записками» и извѣстнымъ педагогомъ, г. Истоминымъ, по поводу хрестоматіи Барсова, въ которой предлагалась новая, совершенно оригинальная система веденія объяснительнаго чтенія въ низшихъ и среднихъ классахъ. Полемика эта, не разрѣшившая вопроса по существу, тѣмъ не менѣе поучительна: она указала, какъ мало разработаны еще въ нашей педагогической литературѣ основные вопросы школьной дидактики, по отношенію къ отечественному языку. При отсутствіи вполнѣ обработанныхъ, авторитетныхъ трудовъ по методикѣ объяснительнаго чтенія, эта важнѣйшая отрасль преподаванія всецѣло зависитъ отъ индивидуальныхъ качествъ преподавателя, принужденнаго постепенное улучшеніе методовъ покупать цѣ-

ною многолѣтняго опыта, единичныхъ, нерѣдко тяжелыхъ усилій. Положеніе учителя становится тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что противоположные полюсы этого неразрѣшеннаго вопроса слишкомъ отдалены другъ отъ друга. Какая существенная разница замѣчается, напр., во взглядахъ такихъ авторитетныхъ педагоговъ, какъ В. Стоюнинъ и Л. Поливановъ. Въ послѣднее время вопросъ о постановкѣ объяснительнаго чтенія еще болѣе усложнился по двумъ причинамъ: въ нашей школѣ получило право гражданства внѣклассное чтеніе, и въ значительной степени расширился матеріалъ для этого чтенія не только по отечественному языку, но и по другимъ предметамъ преподаванія. Расширеніе круга занятій естественно должно вліять и на постановку объяснительнаго чтенія. Разъ требуется извѣстное знаніе русскихъ писателей, и школа не можетъ расчитывать на самодѣятельность учащихся въ этомъ отношеніи и разумную помощь семьи, она сама должна взять это дѣло въ свои руки. Но какимъ образомъ можно ввести этотъ новый матеріалъ? Какъ обрабатывать его, чтобы онъ могъ служить насущнымъ воспитательно-образовательнымъ цѣлямъ, а не былъ лишь формальнымъ придаткомъ? Естественно, что руководя умственнымъ развитіемъ учащагося съ самаго нѣжнаго возраста, школа въ извѣстной степени является отвѣтственной и за складъ его личности, по крайней мѣрѣ той ея стороны, которая ближе соприкасается съ умственными и нравственными задатками питомца. Въ этомъ отношеніи давно сознана важность гуманитарнаго элемента обученія. Въ сферѣ отечественнаго языка что же можетъ въ большей степени воздѣйствовать на питомца, какъ не чтеніе авторовъ? оно ближе вліяетъ на сокровенныя стороны его индивидуальности, облагораживая

ихъ и вызывая къ плодотворной работѣ его душевныя силы. Конечно, мы имѣемъ въ виду чтеніе не случайное, облеченное въ скучную форму вопросовъ, мелочнаго анализа, а живое, непосредственно вліяющее на душу. Если даже въ высшихъ классахъ, гдѣ уровень развитія и самодѣятельность учащагося гораздо солиднѣе, не рекомендуется прибѣгать къ пріемамъ катехизаціи, чтобы не ослабить непосредственнаго вліянія произведенія на мысль и чувство, то еще необходимѣе это въ томъ возрастѣ, когда душевныя силы ребенка начинаютъ развиваться. Объяснительное чтеніе можетъ принести большую пользу въ дѣлѣ ознакомленія съ писателями, постепенно пріучая къ строгой системѣ. Пріемы группировки матеріала (устные и письменные планы), сжатый пересказъ, выясненіе основной мысли,— все это прекрасныя орудія умственной работы.

При постановкѣ внѣкласснаго чтенія авторовъ важно выяснить элементы его. Группировка ихъ необходима уже въ виду сложности самого дѣла и его новизны. Чтеніе авторовъ требуетъ и навыка, и осмысленнаго отношенія къ сюжету, и умѣнья уловить основную мысль произведенія и предполагаетъ рядъ подготовительныхъ работъ въ низшихъ классахъ. Еще до знакомства съ разборомъ образцовъ можно ввести въ курсъ извѣстное число наиболѣе яркихъ и доступныхъ мѣстъ изъ повѣствовательныхъ произведеній Пушкина, Гоголя, Жуковскаго, Тургенева, Григоровича, Л. Толстого, а также Майкова, Языкова, А. Толстаго и др. въ формѣ грамматическихъ примѣровъ, письменныхъ работъ, для устнаго изложенія и заучиванія наизусть.

Первая группа отрывковъ должна быть направлена къ тому, чтобы закрѣпить въ сознаніи учащихся наиболѣе знаменательные моменты отечественной исто-

ріи, каковы: татарское нашествіе (стих. Языкова: «Евгеній», Майкова: «Въ Городцѣ»); эпоху Іоанна Грознаго (отрывки изъ «Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ, изъ «Князя Серебрянаго, въ трилогіи А. Толстаго,—нападеніе Баторія на Псковъ), преобразовательную дѣятельность Петра Великаго (стихотв. Пушкина и отрывки изъ «Полтавы» и «Мѣднаго Всадника»), отечественную войну (относящіяся сюда стихотворенія Пушкина и Жуковскаго и проч. Отрывки изъ «Тараса Бульбы», «Севастопольскихъ разсказовъ» Л. Толстого, «Русская слава»—Жуковскаго; стихотворенія Лермонтова, Вяземскаго, Растопчиной и др. тоже дадутъ достаточный матеріалъ для знакомства съ историческими лицами и событіами. Разучиваніе отрывковъ со строгимъ фактическимъ содержаніемъ и интересно, и поучительно, и тверже закрѣпляется въ памяти учащихся: оно вноситъ нѣкоторое оживленіе въ однообразіе классныхъ занятій *).

Вторую группу образцовъ составляютъ тѣ, въ которыхъ преобладаетъ бытовая сторона; важнѣйшими являются «Записки охотника», «Семейная Хроника», «Дѣтство и отрочество», нѣкоторыя повѣсти Гоголя, Григоровича («Прохожій», «Свѣтлое Христово Воскресенье», «Пахарь» и др.), а также стихотворенія Кольцова и Никитина. По несложности сюжета, простотѣ изложенія, яркости образовъ они доступны пониманію дѣтей въ значительно большихъ отрывкахъ и требуютъ

---

*) Начало подобному изученію родной земли, несомнѣнно, имѣетъ большое значеніе. И преподаватели исторіи въ III кл. должны помочь преподават. родного языка, знакомя дѣтей съ патріот. стихотвор. Попытку собрать эти стих. сдѣлалъ П. И. Вейнбергъ въ книгѣ: «Русская исторія въ рус. поэзіи. Сборникъ стихотвореній». С.-ПБ. 1888 г.

Ред.

меньше технической обработки, въ сравненіи съ образцами, посвященными русской исторіи. Высшую ступень представляютъ тѣ произведенія, въ которыхъ изображается болѣе сложный бытъ, напр.: «Евгеній Онѣгинъ», «Мертвыя души», «Герой нашего времени», поэмы Пушкина, Жуковскаго, Лермонтова, А. Толстого, повѣсти Гоголя, Тургенева, а также повѣсти Григоровича, изображающія столичную жизнь, и др. Сложность сюжета и разнообразное изложеніе требуютъ при пользованіи ими въ низшихъ и среднихъ классахъ большей осмотрительности въ выборѣ мѣстъ, искусства въ группировкѣ матеріала, сжатыхъ и живыхъ характеристикъ, доступныхъ пониманію учениковъ.

Къ третьей группѣ слѣдуетъ отнести произведенія описательнаго характера, начиная съ несложныхъ стихотвореній и кончая обширными картинами въ поэмахъ, романахъ и повѣстяхъ. На ряду съ описаніями природы важное мѣсто занимаютъ изображенія внѣшняго быта человѣка, описаніе городовъ (Петербурга, Москвы, Воронежа—въ поэмѣ «Кулакъ»), разныхъ бытовыхъ сценъ и проч. Этотъ отдѣлъ весьма обширный по объему и сложный по группировкѣ матеріала. Въ среднихъ и отчасти высшихъ классахъ онъ служитъ предметомъ объяснительнаго чтенія; изъ него же почерпается значительная часть матеріала для ученическихъ сочиненій. Послѣдній, четвертый, отдѣлъ составляютъ тѣ произведенія, въ которыхъ изображается внутренній міръ человѣка, его духовная дѣятельность: сюда относятся прежде всего лирическія произведенія Жуковскаго и Батюшкова, Пушкина и Лермонтова, Баратынскаго, Майкова, Ал. Толстого и др. Сюжеты ихъ довольно разнообразны и обнимаютъ важнѣйшія стороны міросозерцанія этихъ писателей, ихъ взгляды на жизнь, назначеніе человѣка

(«Теонъ и Эсхинъ» —Жуковскаго), искусство, преимущественно поэзію, изображеніе добродѣтелей и свѣтлыхъ сторонъ человѣка и проч. Воспитательное вліяніе этого рода произведеній неоспоримо: помимо высокихъ мыслей, они увлекаютъ молодую душу своей чарующей формой. Слѣдующее мѣсто занимаютъ отрывки изъ сочиненій Карамзина и Гоголя, облеченные въ изящную форму періодовъ; наконецъ, къ этому отдѣлу слѣдуетъ причислить тѣ эпическія произведенія, которыя имѣютъ цѣлью не столько изобразить жизнь въ ея цѣломъ или въ отдѣльныхъ ея явленіяхъ, сколько вызвать извѣстное настроеніе въ читателѣ («Бѣдные люди», «Шинель», «Поликушка»).

Такова общая схема матеріала для чтенія въ низшихъ и среднихъ классахъ; она сохраняетъ свое значеніе и для старшаго возраста; но матеріалъ въ старшихъ классахъ расширяется и количественно, и качественно, а въ четвертый отдѣлъ вносятся болѣе сложныя формы драматическихъ произведеній и сатира. Въ задачи настоящей статьи не входитъ детальное разсмотрѣніе вопроса о пріемахъ разработки матеріала для изученія въ среднихъ классахъ; важно лишь указать нѣкоторыя болѣе существенныя его стороны. Прежде всего необходимо установить строгую послѣдовательность въ переходѣ отъ менѣе сложныхъ къ болѣе законченнымъ отрывкамъ *), начиная съ отдѣльныхъ предложеній строфъ въ стихотвореніяхъ; работа эта можетъ быть пріурочена къ двумъ низшимъ классамъ; болѣе серьёзный матеріалъ выпадаетъ, разумѣется, на долю третья-

*) Прекрасную попытку группировать матеріалъ для чтенія сдѣлалъ въ своей хрестоматіи (т. I—II) Г. Мартыновскій: «Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ». *Ред.*

го и четвертаго классовъ, въ которыхъ ученики въ достаточной мѣрѣ освоились съ формами языка. Необходимымъ условіемъ успѣшной постановки дѣла является строгая концентрація курса, сліяніе грамматическихъ работъ съ элементами объяснительнаго чтенія, какъ это рекомендуетъ въ своихъ трудахъ В. П. Шереметевскій, съ цѣлью поставить въ основѣ изученія живое слово. На урокахъ объяснительнаго чтенія необходимо въ широкой степени пользоваться методомъ аналогіи, проводя сближенія между объясняемымъ и тѣмъ, что уже прочитано, съ цѣлью вызвать нѣкоторую самодѣятельность учениковъ, пріучить ихъ къ конкретнымъ пріемамъ мышленія и развить въ дѣтяхъ умѣнье точно и изящно выражаться. Самый подборъ матеріала для объяснительнаго чтенія нужно поставить въ связь съ тѣмъ, что усвоено учениками подъ руководствомъ преподавателя, но что прямо не входитъ въ составъ курса. Дѣятельная помощь лучшей части класса облегчитъ преподавателю достиженіе его цѣли, вліяя примѣромъ и духомъ любознательности на менѣе развитыхъ товарищей. Внесеніе нѣкотораго оживленія въ уроки придастъ имъ на половину характеръ бесѣдъ, что такъ благотворно вліяетъ и на развитіе способностей учащихся, и на подъемъ ихъ душевнаго настроенія. Важнымъ подспорьемъ могутъ служить также уроки грамматики, особенно при повтореніи этого отдѣла. Каждое правило грамматики подтверждается примѣрами, которые полезно выбирать изъ матеріала для внѣкласснаго чтенія и время отъ времени освѣжать ихъ въ памяти учащихся. Запасъ усвоенныхъ этимъ путемъ мѣстъ и отрывковъ изъ писателей въ теченіе четырехлѣтняго курса можетъ оказаться довольно значительнымъ *).

---

*) Едва ли, особенно при маломъ числѣ уроковъ въ 4 кл.

При исполненіи письменныхъ работъ слѣдуетъ пользоваться случаями для увеличенія матеріала внѣклассснаго чтенія; такія письменныя работы несомнѣнно принесутъ большую пользу и прочнѣе удержатся въ памяти учащихся, чѣмъ малосодержательные диктанты и сухія изложенія, имѣющія въ виду лишь узкія грамматическія цѣли.—Существенную сторону разбираемаго вопроса составляетъ закрѣпленіе усвоеннаго какъ въ отдѣльныхъ его частяхъ, такъ и въ цѣломъ.

Оно достигается, разумѣется, частымъ повтореніемъ наиболѣе существенныхъ частей разученнаго матеріала, для чего представится много случаевъ въ теченіе учебнаго года внесеніемъ наиболѣе важнаго въ тетради, заучиваніемъ наизусть стихотворныхъ и даже прозаическихъ отрывковъ. Необходимо и общее повтореніе въ системѣ, каковое можетъ быть пріурочено къ часамъ объяснительнаго чтенія. При повтореніи полезно прибѣгать къ соотвѣтственнымъ обобщеніямъ и выводамъ примѣнительно къ свойствамъ прочитаннаго матеріала и развитію учащихся. Полезно также составленіе небольшихъ плановъ или схемъ, начиная съ третьяго класса, гдѣ имѣютъ мѣсто подобныя упражненія.

Веденіе учениками записей прочитаннаго можетъ принести пользу при условіи вполнѣ самостоятельнаго ихъ исполненія, что возможно не раньше четвертаго класса но вообще говоря эти записи даже въ высшихъ классахъ требуютъ довольно значительной затраты времени и не обнимаютъ всей совокупности усвоеннаго, а спорадическая обработка матеріала можетъ въ лучшемъ случаѣ имѣть лишь характеръ конспекта. Обыкновенно записямъ придаютъ значеніе контроля надъ внѣкласнымъ

по рус. яз. и трудности курсовъ слав. яз., исторіи, географіи. *Ред.*

чтеніемъ, но эта цѣль можетъ быть достигнута гораздо проще, напр., веденіемъ списковъ прочитанныхъ каждымъ ученикомъ образцовъ. При переходѣ въ пятый классъ воспитанникъ среднеучебнаго заведенія будетъ обладать довольно солиднымъ по объему и цѣннымъ по содержанію матеріаломъ. Сюда войдетъ значительная часть произведеній Пушкина, Лермонтова (кромѣ «Демона», «Маскарада» и второй половины «Героя нашего времени»), Гоголя (кромѣ «Ревизора» и большой части «Мертвыхъ душъ»), многое изъ произведеній Тургенева («Записки Охотника» и нѣкоторые разсказы), Григоровича, Льва и Ал. Толстыхъ («Дѣтство и отрочество», отрывки изъ романа «Князь Серебряный»), мелкія лирическія произведенія Жуковскаго, Майкова, Тютчева, Кольцова, Никитина (поэма: «Кулакъ»), въ отрывкахъ и проч. Матеріалъ этотъ представляетъ цѣнность и со стороны его обработки, болѣе тщательной, такъ какъ ознакомленіе съ образцами будетъ происходить постепенно, подъ руководствомъ преподавателя.

Все это составляетъ подготовительную ступень для дальнѣйшаго внѣкласснаго чтенія. Пробѣлы въ этомъ отношеніи подчасъ довольно ощутительны даже въ старшихъ классахъ. Они происходятъ отъ неправильной основы чтенія, въ которомъ многое незрѣло и случайно. Раннее ознакомленіе съ произведеніемъ научаетъ вчитываться въ него и лучше понимать его красоты и достоинства.

Въ слѣдующихъ двухъ классахъ, V и VI, имѣетъ мѣсто систематическое внѣкласное чтеніе художественныхъ произведеній. Оно тѣсно сближается съ курсомъ словесности. Сложный характеръ работы надъ образцами прозы и поэзіи требуетъ значительнаго запаса свѣдѣній, который можетъ дать чтеніе на дому. Классная

обработка матеріала дастъ возможность лучше освѣтить усвоенное, придать ему извѣстную стройность и глубину и, сверхъ того, развить въ ученикѣ здравыя эстетическія и нравстенныя понятія.

Указанный выше матеріалъ пополняется драматическими произведеніями и болѣе сложными образцами эпоса и лирики, романами Тургенева, Гончарова и Л. Толстого, а также тѣми произведеніями въ полномъ составѣ, которыя въ предыдущіе годы изучались въ отрывкахъ. Въ V классѣ, въ первомъ полугодіи, прочитываются слѣдующія эпическія произведенія: «Герой нашего времени», «Евгеній Онѣгинъ», «Обломовъ», «Дворянское гнѣздо», нѣсколько повѣстей Тургенева, («Яковъ Пасынковъ», «Затишье», «Переписка»), отрывки изъ «Войны и Мира», а также болѣе сложныя повѣсти Григоровича, напр: «Рыбаки». Во второмъ полугодіи изъ драматическихъ произведеній слѣдуетъ прочесть «Орлеанскую дѣву», «Козьму Минина», часть трилогіи А. Толстого, а изъ комедій: «Горе отъ ума», «Ревизора», «Доходное мѣсто» и «Свои люди—сочтемся». Въ отдѣлѣ лирическихъ стихотвореній должно быть обращено особенное вниманіе на Пушкина, Лермонтова и Майкова.

На этой ступени чтеніе становится приватнымъ, ученики читаютъ подъ руководствомъ преподавателя. Они должны хорошо усвоить сюжетъ произведенія и необходимую связь между его частями. Въ классѣ происходитъ обработка усвоеннаго матеріала, въ которой учащіеся принимаютъ дѣятельное участіе. Однородный характеръ теоретическаго курса и читаемаго на дому даетъ возможность достигнуть цѣли безъ особенной затраты времени. Кромѣ того, значительная часть читаемыхъ образцовъ прямо входитъ въ курсъ словесности.

При такихъ условіяхъ усвоеніе прочитаннаго будетъ отличаться извѣстной законченностью, что благопріятно отразится и на изложеніи прочитаннаго. Изложеніе можетъ быть устное и письменное. Помимо классной доски, письменное—дѣлается и въ тетрадяхъ. Чтобы не отнимать у учениковъ лишняго времени, записи слѣдуетъ дѣлать въ формѣ сжатыхъ конспектовъ, отмѣчая наиболѣе существенное. Образцы тетрадей для подобныхъ записей даны Педагогическимъ Обществомъ при Харьковскомъ университетѣ.

Въ концѣ года, при повтореніи курса, можетъ быть сдѣланъ общій сводъ прочитаннаго, примѣнительно къ пройденному изъ словесности; такой сводъ имѣетъ цѣлью тѣснѣе связать отдѣльныя произведенія другъ съ другомъ, указать ихъ сходныя черты какъ въ построеніи, такъ и въ отношеніи идеи и ея развитія.

Совокупность всѣхъ пріобрѣтенныхъ въ предыдущихъ классахъ свѣдѣній находитъ примѣненіе при изученіи дѣятельности важнѣйшихъ отечественныхъ писателей. Приватное чтеніе здѣсь заканчивается; нужно указать на нѣкоторыя драмы и комедіи Островскаго («Гроза», «Бѣдность не порокъ», Бальзаминовская трилогія), романы Тургенева: «Рудинъ» и «Наканунѣ»; Толстого: «Анна Каренина» (важнѣйшіе отрывки, имѣющіе отношеніе къ характеристикѣ Левина) и «Обрывъ» Гончарова (личность Райскаго и бабушки). Если присоединить сюда чтеніе нѣкоторыхъ критическихъ статей Бѣлинскаго (о Пушкинѣ), Гоголя (о русскихъ поэтахъ) и Гончарова (о «Горѣ отъ ума»), то весь матеріалъ для внѣкласснаго чтенія будетъ исчерпанъ.

Главною задачею внѣкласснаго чтенія въ VI классѣ является окончательная разработка образцовъ, усвоенныхъ въ предыдущіе годы, примѣнительно къ даннымъ

изъ исторіи отечественной литературы.

Въ этомъ классѣ болѣе подробно изучается художественная дѣятельность писателей XIX вѣка, начиная съ Карамзина и кончая Лермонтовымъ и Гоголемъ. Весь наличный матеріалъ внѣкласснаго чтенія слѣдуетъ пріурочить къ разбираемымъ авторамъ на основаніи сходства произведеній по содержанію и идеѣ. При строгой систематичности работы, точномъ анализѣ разныхъ сторонъ художественной дѣятельности писателя, внимательной оцѣнкѣ его заслугъ и значенія въ отечественной литературѣ, пріуроченіе это не представитъ особыхъ затрудненій. Мы представляемъ образцы такихъ сближеній въ окончательной формѣ, послѣ повторенія курса, по слѣдующимъ рубрикамъ.

А. Дѣятельность писателя.

Карамзинъ. «Письма русскаго путешественника» и отрывки изъ «Фрегата Паллады» — Гончарова. Образовательное значеніе путешествія. Черты для характеристики природы и быта у обоихъ авторовъ. Взглядъ Карамзина на художественныя произведенія Западной Европы и «Сикстинская Мадонна» Жуковскаго. Взглядъ Карамзина на значеніе Шекспира и стихотворенія Веневитинова и Майкова, посвященныя Шекспиру. Письмо Карамзина изъ Твери и отрывки изъ «Мертвыхъ душъ» (описаніе дороги);матеріалъ для характеристики личности писателя.

Разсужденіе Карамзина: «О любви къ отечеству и народной гордости». Группа аналогичныхъ по идеѣ стихотвореній Жуковскаго, Лермонтова, Тютчева, Плещеева и Никитина. Выраженіе тѣхъ же мыслей въ произведеніяхъ Пушкина и Гоголя.—Вліяніе разсужденія Карамзина на развитіе въ отечественной литературѣ духа

самобытности. Разсужденіе: «О счастливѣйшемъ времени жизни». Взглядъ на счастье и задачи жизни въ произведеніяхъ Тургенева, Гончарова («Обломовъ») и Л. Толстого («Война и миръ»). Характеристика наиболѣе важныхъ положительныхъ типовъ въ этихъ произведеніяхъ на основаніи данныхъ разсужденія Карамзина.

Мѣста изъ «Исторіи Государства Россійскаго». Художественная галлерея дѣятелей отечественной исторіи у Карамзина. Изображеніе историческихъ личностей у другихъ писателей. Іоаннъ III въ характеристикѣ Карамзина и въ романѣ Лажечникова: «Басурманъ». Іоаннъ Грозный и Борисъ Годуновъ у Пушкина, Лермонтова и А. Толстого. Козьма Мининъ въ драмѣ Островскаго. Взглядъ на личность Петра В. Карамзина и Пушкина. Характеристика «Стансовъ 1826 г.», «Полтава» и «Мѣднаго Всадника» съ точки зрѣнія основной идеи. Императоръ Николай I въ изображеніи Пушкина и Жуковскаго.

Гоголь, Грибоѣдовъ и Островскій, какъ драматурги. «Ревизоръ» и «Горе отъ ума» и кругъ явленій и лицъ, захваченныхъ ими.

Важнѣйшіе отрицательные типы и (по контрасту) идеалы писателей по этимъ комедіямъ. Положительный элементъ въ обѣихъ комедіяхъ. Задачи комедіи по «Театральному разъѣзду» Гоголя и статьѣ Гончарова: «Мильёнъ терзаній». Сравнительный обзоръ типовъ «Недоросля» и «Горе отъ ума» по статьѣ Гоголя въ «Перепискѣ съ друзьями». Сходство въ изображеніи личности Чацкаго и Жадова. Ревизоръ и чиновничій міръ въ комедіяхъ Островскаго. «Женитьба» Гоголя и «Бальзаминовская трилогія» Островскаго. Основная идея «Грозы» Островскаго.

Б. Характеристика отдѣльныхъ произведеній.

«Борисъ Годуновъ» Пушкина и «Трилогія» А. Толстаго. Важнѣйшія сцены, обусловливающія ходъ драматическаго дѣйствія. Изображеніе личности Годунова въ разные моменты его жизни. Общественные идеалы Бориса Годунова по его монологамъ и другимъ мѣстамъ. Сравненіе монолога: «Достигъ я высшей власти», съ мѣстомъ изъ «Трилогіи: «Высокая гора былъ царь Иванъ». Отношеніе къ герою драмы обоихъ авторовъ и степень зависимости ихъ отъ взгляда Карамзина на Годунова. Ирина и Иванъ Петровичъ Шуйскій, какъ положительные типы въ «Трилогіи». Характеристика языка въ обоихъ произведеніяхъ съ указаніемъ наиболѣе художественныхъ мѣстъ.

Выше указанныя схемы даютъ понятіе о пріемахъ и результатахъ сравнительнаго обзора произведеній; въ отдѣлѣ эпическихъ и лирическихъ образцовъ онъ производится на тѣхъ же основаніяхъ.

При характеристикѣ эпическихъ произведеній большаго объема, а также драматическихъ образцовъ, въ которыхъ обрисовка дѣйствующихъ лицъ довольно сложная, необходимо имѣть въ виду основныя произведенія этого рода, каковы: «Евгеній Онѣгинъ», «Герой нашего времени», «Мертвыя души», «Горе отъ ума» и «Ревизоръ». Всѣ они должны быть изучены вполнѣ обстоятельно, точно характеризованы со стороны ихъ художественнаго и историко-литературнаго значенія. При аналогіяхъ и характеристикахъ учащіеся будутъ имѣть въ нихъ надежную опору для сужденія о достоинствахъ и отдѣльныхъ сторонахъ другихъ произведеній отечественнаго слова. Въ концѣ года въ распоряженіи учениковъ будетъ вполнѣ законченная и довольно стройная

система, которая облегчитъ имъ подготовку къ устнымъ испытаніямъ и разумное исполненіе экзаменныхъ сочиненій на историко-литературныя темы. Необходимо коснуться еще одной стороны внѣкласснаго чтенія.

Въ «Опытѣ каталога ученическихъ библіотекъ» указано извѣстное число монографій и историко-литературныхъ сочиненій, предлагаемыхъ для чтенія воспитанникамъ старшихъ и даже среднихъ классовъ. Точно также распоряженіемъ г. министра народнаго просвѣщенія рекомендовано знакомство съ избранными статьями Бѣлинскаго и съ его біографіей, составленной А. Н. Пыпинымъ.

Чтеніе научныхъ сочиненій и знакомство съ наиболѣе солидными воззрѣніями отечественной критики весьма желательно, и въ цѣляхъ педагогическихъ оно должно начинаться съ элементовъ.

И здѣсь теоретическій курсъ словесности можетъ оказать существенную помощь. При выясненіи значенія произведеній и заслугъ писателей можно приводить наиболѣе характерные отрывки изъ выдающихся сочиненій историко-литературнаго содержанія. Для яснаго и прочнаго усвоенія эти отрывки должны быть невелики, вполнѣ закончены по содержанію и художественны по языку. Кромѣ афоризмовъ изъ VI и VIII тома сочиненій Бѣлинскаго матеріаломъ могутъ служить мѣста изъ сочиненій Плетнева, Ап. Григорьева *), Дружинина, Страхова, Алексѣя Веселовскаго и др. Уясняя и углубляя свѣдѣнія изъ исторіи отечественной литературы, эти отзывы могутъ служить прекраснымъ подспорьемъ для небольшихъ изложеній и задачъ по словесности. Наи-

*) Очень жаль, что до сихъ поръ не сдѣлано извлеченій изъ статей А. Григорьева, произведенія котораго учащимся почти неизвѣстны. *Ред.*

болѣе выдающіеся изъ нихъ по сжатости, точности и ясности изложенія полезно заставлять учениковъ заучивать наизусть, наравнѣ съ мѣстами изъ критическихъ статей Гоголя и Гончарова. Столь же высокую воспитательную цѣнность представляютъ и художественныя стихотворенія, посвященныя отечественнымъ писателямъ, для выясненія заслугъ которыхъ они во многихъ случаяхъ незамѣнимы. Таковы стихотворенія Майкова о Ломоносовѣ, Жуковскомъ и Пушкинѣ, Тютчева о Карамзинѣ и Жуковскомъ, Полонскаго о Пушкинѣ *). Розенгейма о Лермонтовѣ и мн. др. Разъясненіе и заучиваніе наизусть лучшихъ отрывковъ изъ нихъ такъ же полезно, какъ и заучиванье прозы. Внесеніе этихъ строфъ и цитатъ въ ученическія сочиненія можетъ оживить сухія схемы плановъ, составляемыхъ подчасъ довольно однообразно, а внесетъ нѣкоторое изящество въ текстѣ работы. Эти же отрывки могутъ служить хорошими темами для класснаго и домашняго изложенія.

Приведенныя выше соображенія имѣли цѣлью намѣтить задачи внѣкласснаго чтенія примѣнительно къ строю преподаванія отечественнаго языка въ одномъ изъ типовъ средне-учебныхъ заведеній. Правильно организованное чтеніе является лучшимъ средствомъ для развитія самодѣятельности учащейся молодежи. Отъ успѣшной постановки этой важной отрасли обученія много зависитъ и ростъ нашей средней школы, и широкое распространеніе просвѣтительнаго вліянія отечественной литературы, особенно на окраинахъ.

А. Круковскій.

*) Съ отзыв. поэтовъ о Пушкинѣ можно познакомить по книгѣ Каллаша: «Русскіе поэты о Пушкинѣ». М. ц. 1 р.
Ред.

Затруднительные случаи русскаго правописанія.

I.

Правописаніе нарѣчій.

Нарѣчіе въ отношеніи правописанія едва ли не наиболѣе затруднительная для учащихся часть рѣчи. Механическое заучиваніе нарѣчій съ буквами ѣ, е, ъ, ь не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ: всякое свѣдѣніе тогда только прочно залегаетъ въ памяти, когда усваивается сознательно. Ничто не содѣйствуетъ въ такой степени сознательному правописанію вообще, какъ разложеніе словъ по составу. Если ученикъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что нарѣчіе „наизусть" образовано изъ двухъ предлоговъ и стариннаго существительнаго „усть", поставленнаго въ винительномъ падежѣ по требованію перваго изъ нихъ, то безъ всякаго затрудненія напишетъ на концѣ этого слова ь. Точно также для правильнаго употребленія буквы ѣ въ нарѣчіяхъ ему достаточно знать, что она должна быть въ тѣхъ сложныхъ нарѣчіяхъ, которыя составлены изъ предлога и имени въ предложномъ (иногда и въ дат.) падежѣ

Имѣя въ виду облегчить трудъ изученія состава нарѣчій, помѣщаемъ ниже опытъ группировки ихъ по происхожденію.

Упражненіямъ въ разложеніи нарѣчій на составныя части должно предшествовать сообщеніе

теоретическихъ свѣдѣній о нихъ. Свѣдѣнія эти могутъ быть переданы, напримѣръ, въ такомъ видѣ.

Нарѣчія—это неизмѣняемыя слова *), выражающія различныя обстоятельства. Самое слово „нарѣчіе“ происходитъ отъ сущ. „*рѣчь*“ (по-латыни ad-verbum), которое встарину служило названіемъ глагола Слѣдовательно, нарѣчіе, или вѣрнѣе, „прирѣчіе“, есть слово, стоящее при глаголѣ. Правда, бываютъ случаи, когда нарѣчіе находится не при глаголѣ, а при имени существительномъ, но тогда оно имѣетъ уже значеніе предлога и потому называется *предложнымъ нарѣчіемъ*. Напримѣръ:

Возлѣ лѣса стоитъ избушка. Слѣдуетъ различать собственно нарѣчія и другія части рѣчи, перешедшія въ нарѣчія Особенно часто въ нарѣчія переходятъ имена существительныя, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ только временно становятся нарѣчіями, другія уже давно приняли форму извѣстнаго падежа и въ этой формѣ окаменѣли, застыли, утративши способность измѣняться по падежамъ, т.-е. навсегда превратились въ нарѣчія.

Имена прилагательныя переходятъ въ нарѣчія во-1) съ краткими окончаніями средняго рода (временно), во-2) съ окончаніемъ сравнительной степени (временно), въ-3) съ помощію предлога *по* (прилагательныя, произведенныя отъ существительныхъ), въ-4) соединяясь съ предлогомъ, принимаютъ форму косвеннаго падежа.

---

*) Указаніе на то, что нѣкоторыя нарѣчія измѣняются по степенямъ сравненія, другія (зимою, весною) по падежамъ, не имѣетъ силы: если данное способно измѣнять свое окончаніе, то это уже не нарѣчіе. «Онъ рисуетъ лучше меня»: здѣсь «лучше» нарѣчіе; но въ другой формѣ (луч-ш-ій, луч-ш-ую) оно перестаетъ быть нарѣчіемъ.

Глаголъ переходитъ въ нарѣчіе флексіей повелительнаго и неопредѣленнаго наклоненія, а также посредствомъ флексіи двойственнаго числа.

Такимъ образомъ, при встрѣчѣ съ какимъ-нибудь сложнымъ словомъ, можетъ возникнуть затрудненіе относительно того, къ какой части рѣчи его отнести: есть ли это существительное, прилагательное или нарѣчіе? Впрочемъ, рѣшить этотъ вопросъ нетрудно: если вторая часть сложнаго слова отдѣльно не употребляется, то безошибочно можно сказать, что это нарѣчіе; если же вторая часть сложнаго слова имѣетъ отдѣльное существованіе въ современномъ книжномъ языкѣ, то его слѣдуетъ принять за имя существительное или прилагательное только въ томъ случаѣ, когда возможно поставить падежный вопросъ, на который должно отвѣтить данное слово.

Когда нарѣчіе произошло отъ прилагательнаго краткаго въ среднемъ родѣ, то различить его легко по синтаксической роли, какую они играютъ въ предложеніи: прилагательное въ указанной формѣ служитъ въ предложеніи сказуемымъ, нарѣчіе—обстоятельственнымъ словомъ.

По своему происхожденію нарѣчія раздѣляются на *знаменательныя* и *служебныя*: первыя происходятъ отъ знаменательныхъ частей рѣчи (существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ, числительныхъ), вторыя—отъ служебныхъ (мѣстоименій, предлоговъ, союзовъ).

По составу нарѣчія бываютъ *простыя* и *сложныя*. Послѣднія составляются такъ:

1) изъ одного или двухъ предлоговъ и имени въ извѣстномъ падежѣ (с-начал-а, в-полн-ѣ, во-един-о на-из-уст-ъ),

2) изъ мѣстоименія и существительнаго (сегодня, сей-часъ, тот-часъ),

3) изъ союза и нарѣчія (не-уже-ли, так-же, все-таки),

4) изъ двухъ нарѣчій (давнымъ-давно, ранымъ-рано, просто-на-просто, чуть-чуть, опять-таки).

По значенію нарѣчія раздѣляются на *качественныя, количественныя* и *обстоятельственныя*. Въ отношеніи правописанія это послѣднее дѣленіе значенія не имѣетъ.

Группировка нарѣчій по происхожденію.

I. Нарѣчія знаменательныя.

1. Отглагольныя *).

би-шь (отъ глаг. ба-е-шь=говоришь)

---

*) Отглагольныя нарѣчія нельзя смѣшивать съ дѣепричастіями. Обычное опредѣленіе дѣепричастій, какъ отглагольныхъ нарѣчій, невѣрно: не всякое отглагольное прилагательное есть причастіе (пошлый, залежалый); не всякое отглагольное нарѣчіе—дѣепричастіе (чуть, почти). Вѣрнѣе слѣдующее опредѣленіе: причастіе есть глаголъ въ формѣ прилагательнаго (т.-е. необходимо, чтобы оно сохранило принадлежности глагола); дѣепричастіе есть глаголъ въ формѣ нарѣчія. При такомъ опредѣленіи не придется дѣлать тѣхъ оговорокъ, какія встрѣчаются въ грамматикахъ относительно свойства причастій и дѣепричастій выражать видъ, залогъ и время. Наши дѣепричастія, какъ извѣстно, есть остатокъ цер.-сл. краткаго причастія им. пад. ед. ч. муж. р. (чита-я, чита-в-ъ) или формы един. числа жен. рода (нес-ш-и, писа-в-ш-и). Цер.-сл. причастіе краткое, потерявши способность измѣняться по родамъ, числамъ и падежамъ, обратилось или въ наши дѣепричастія, или въ нарѣчія.

ви-шь (вид-и-шь)
де (дѣ-я-ть, образовалось изъ *дѣе*--*дѣе-тъ* = говоритъ (3 л. ед. ч.), отсюда—дѣй, а изъ *дѣй—деи* деј, откуда *де*. „Онъ де спрашиваетъ хозяина“.
де-ска-ть (де сказать)
мол-ъ (молвить)
пусть (пуст-и-ть)
по-чт-и (по-чес-ть, народн. по чит-а-й)
по-жал-у-й (по-жал-ова-ть)
чу-ть (чу-я-ть)
ни-чу-ть (не чуять)
зна-й (зна-ть)
не-бо-сь (не бой-ся)
ча-й (ча-я-ть)
вѣд-ь (отъ корня, что въ глаголѣ вѣд-а-ть).

Слѣдующія нарѣчія образовались при помощи старинной флексіи существит. двойств числа:

сто-й-мя (сто-я-ть)
леж-мя (леж-а-ть)
плаш-мя (пласт-а-ть)
лив-мя (ли-ть).
сид-ь-мя (сид-ѣ-ть)
торч-мя (торч-а-ть)
рев-мя (рев-ѣ-ть)

нѣтъ (отъ нѣсть = не есть)

2. *Отыменныя, имѣющія форму а) родительнаго падежа.*

близъ (въ отличіе отъ сущ. „близь“, слав. „близоу“).
за-втр-а (въ значеніи во время; *за*—предлогъ, *утр*—корень,—*у* перешло въ *в*)
до́м-а
с-на-руж-и (отъ сущ. „ружа“, корень котораго

сохранился въ глаголѣ „об-на-руж-ива-ть).
вчер-а (сокращено изъ „вечера")
с-на-ча-л-а (корень чѧ, въ глаг. съ рус. правопис. на-ча-ть, на-чин-а-ть, на-чн-у)

с-перед-и	с-раз-у	с-низ-у
с-зад-и	с-ряд-у	с-дур-у
с-бок-у	с-верх-у	с-про-сон-ок-ъ (род. мн. ч.)

с-по-за-ран-ок-ъ
с-пол-а-гор-я (два сущ. въ род. п.)
из-дѣт-ств-а
сыз(=съ+из)—дѣт-ств-а
из н-утр-и (кор. *утр*, откуда утр-оба)
из-стар-и (отъ сущ. „стар-ь")
ис-кон-и (кор. *кон*=предѣльная черта, начало)
ис-по-кон-ъ
ис-под-тиш-к-а (отъ неупотребит. сущ. „тишокъ")
ис-под-лоб-ь-я
ис-под-вол-ь (вм. „исподоволь, отъ сущ. „воля")
от-част-и
до-тл-а („тло"—встарину помостъ)
сего-дн-я (мѣстоим. и сущ. въ род. п.)

с-лѣв-а	с-прав-а	с-выс-ок-а
с-прост-а	сыз-нов-а **)	до-крас-н-а
с-гор-яч-а	с-молод-у	из-дав-н-а
с-лег-к-а	со-слѣп-а	из-дал-ек-а
с-нов-а	до-сыт-а	из-рѣд-к-а
со-общ-а *)	до-сух-а	из-желт-а
сыз-мал-а **)	до-чист-а	

Всѣ эти нарѣчія составлены изъ предлога и прилагательнаго краткой формы въ род. пад. ед. числа.

с-перв-а (изъ предлога и числит. порядк. въ р. п.)

---

*) Кор. *обт*—или *опт*—опт-ов-ый.

**) сыз=съ+из-

б) Имѣющія форму дательнаго падежа.

кром-ѣ (окаменѣвшая форма сущ. „крома“, кор. *кром* сохран. въ сл. „кром-к-а“, „у-кром н ый“)

дом-ой | первонач. формы: дом-ови, дол-ови, со-
дол-ой | кращ : дом-овь, дол-овь=дом-ой, дол-ой.

к-ста-т-и (отъ сущ. „стат-ь“. „Съ какой стати?“)

не-к-ста-т и	по-сред-ин-ѣ
по-не-вол-ѣ	по-сред-и (отъ сущ. „средь“)
по-ист-ин-ѣ	по-близ-ост-и
по-од-ин-оч-кѣ	по-латын-и

по-пол-амъ (дат. пад. мн. ч.)

по-дѣл-óмъ (цсл. форма дат. пад. мн. ч.)

по-доб-р-у (по-доб-ру—по-з-доров-у)

по-утр-у

по-н-утр-у

не-льз-я (древ. сущ *льга*, дат. п. -льз-ѣ, отрицаніе *не*, *я*—окончаніе имен. пад. ед. ч.)

по-сух-у	по-тих-оньк-у	по-лѣт-н-ему
по-ровн-у	по-пуст-у	по-зим-н-ему
по-на-прас-н-у	по-пуст-ому	по-преж-н-ему
по-не-мног-у	по-част-у	по-з-дѣ-ш-н-ему
по-мал-еньк-у	не-по-дал-ек-у	мало-по-мал-у

в) Нарѣчія въ формѣ винит. падежа.

межд-у (отъ сущ. „межа“, цсл. „межда“)

в-н-утр-ь	в-стар-ь
в-скач-ь	в-дал-ь
в-глуб-ь	

вс-пя-т-ь (кор. „пя“ въ глаг. „пя-т-и-ть-ся“)

о-пя-т-ь

в-плот-ь (плот-н-ый, у-плот-н-и-ть)

в-слас-т-ь (перв. кор. *слад*: *д* передъ *т* перешло въ *с*: слад-ок-ъ, сластена)

въ-яв-ь (отъ сущ. „явь“)
в-прям-ь (сущ. „прямь“)

в-кос-ь	в-скол-ь-з-ь	в-слѣд-ъ
в-крив-ъ	в-до-вол ь	в-слух-ъ
в-роз-н-ь	в-про-голод-ъ	в-миг-ъ
в-плав-ь	в ровен-ъ	

в-прах-ъ („прахъ“=порохъ, собраніе или совокупность мелкихъ частицъ),

во-слѣд-ъ	в-верх-ъ
во-круг-ъ	в-ряд-ъ
в-пере-дъ	во-вѣк-ъ
в-зад-ъ	во-вѣк-и
в-низ-ъ	на-вѣк-и

в-просак-ъ („просакъ“—веревочный станъ, нити, изъ которыхъ сучится веревка или канатъ)
в-тупик-ъ („тупикъ“—глухой переулокъ, безъ сквозного прохода)

в-за-мѣн-ъ	в-за-ше-й
в-про-бѣл-ь	в-за-пуск-и
в-про-черн-ь	в-дребезг-и

в-за-йм-ы, в-на-ймы (кор. *йм*=ѧ: за-н-ѧ-ти, за-йм-у, за-ем-ъ, по-н-я-ть, по-ем-н-ый)
в-пере-меж-к-у (попеременно, одинъ послѣ другого)

в-пере-мѣш-к-у (смѣшанно).	вс-мя-т-к-у
в-тих-о-мол-к-у	в-рас-плох-ъ

по-перек-ъ (на-перекор-ъ, перечить, поперечникъ)
во-прек-и (одного корня съ словами: у-прек-ъ, по-прек-ъ, у-прек-ать, по-прек-а-ть, поперек-ъ, переч-и-ть).

в-слѣд-ств-і-е	во́ врем-я
в-мѣст-о	во-ист-ин-у
на-зад-ъ	на-лиц-о
на-перед-ъ	на-кон-ец-ъ (слово „наконецъ“

въ значеніи времени есть нарѣчіе, въ значеніи мѣста — существит. съ предлогомъ)

на-в ряд-ъ

на-сквоз-ь (на-скроз-ь, *р* переход. въ *в*)

на-по-каз-ъ (кор. „каз", у-каз-к-а)

на-об ум-ъ на крест-ъ

на-от-рѣз ъ на-против-ъ

на-прям-ик-ъ на бекрен-ь (отъ глаг. „кренить", „накрениться"=нагнуться)

на-пере-рыв-ъ на у-гад-ъ

на-тощ-ак-ъ на-рас-пѣ-в-ъ

на-су-против-ъ на-по-вал-ъ

на-счетъ (въ знач. относительно) на-при-мѣр-ъ (когда вводное слово)

на по-слѣд-ок-ъ на-прям-ик-ъ на-у дa-ч-у

на-по-доб-і-е на-вѣр-н-як-а на-руж-у

на-вз-рыд-ъ на-сил-у на-ис-кос-ь

на-об-орот-ъ *) на-за-втр-а на-от-маш-ь

на-рас-хват-ъ на-рас-паш-к-у на-из-уст-ь (отъ сущ. „усть", поставленнаго въ вин. пад. по требованію предлога *на*)

на-вз-нич-ь (первонач. корень *ник*: ник-ну-ть, про-ник-ну-ть; „навзничь" знач. лицомъ вверхъ, противоположно *ницъ*, *ничкомъ*= лицомъ внизъ)

на-стеж-ь (стег-а-ть, за-стеж-к-а)

нá-зем-ь не-в-терп-еж-ъ

ó-зем-ь не-в-до-гад-ъ

не-в-по-пад-ъ не-в-до-мек-ъ

не-вз-на-ча-й (отъ стариннаго глаг. „начаяться", т.-е. надѣяться)

в-не-зап-н-о (вм. не-в-зап-у=не въ запу: „запа"—ожиданіе, почему „внезапно" значитъ неожиданно, быстро).

---

*) вм. на-об-ворот-ъ.

по-ка-мѣст-ъ (т. е. по какое мѣсто; старинныя выраженія: по ка—мѣста, по та—мѣста, по ся—мѣста „По ка укажутъ, по та и отрубишь“; „покамѣстъ живется, потамѣстъ и жить стану“. Максимовъ: „Крылатыя слова“)

по-за-вчер-а под-час-ъ

о-крест-ъ (=вокругъ, отсюда пере-крест-ок-ъ сущ. о-крест-н-ост-ь).

о-кол-о (корень *кол* сл. коло сохранился въ словахъ: кол-ес-о, кол-ьц-о)

через-чур-ъ („чуръ“ въ первоначальномъ значеніи—покровитель рода, оберегатель границъ поземельныхъ владѣній; въ позднѣйшемъ же значеніи—край, рубежъ, межа, граница, черта; поэтому „черезчуръ“ знач. чрезмѣрно, слишкомъ. Кор. „чур“ сохранился въ словѣ „пра-щур-ъ“)

сей-час-ъ

тот-час-ъ

точь-въ-точ-ь (точ-к-а, при-тък-ну-ть).

в-лѣв-о	на-крѣп-к-о
в-прав-о	на-строг-о
на-лѣв-о	на-скор-о
на-прав-о	на-вѣр-н-о
во-общ-е	за-долг-о
в-розн-ь (розн-ый)	за-прост-о
во-тщ-е	просто-на-прост-о
на-бѣл-о	в-плот-н-ую
на-черн-о	в-раз-сып-н-ую
на-глух-о	в-сплош-н-ую
на-гол-о	за-част-ую
на-долг-о	на-удал-ую
на-чист-о	тщ-е-т-н-о (тщ-ій=то-

щій, напрасный; кор. *тщ* въ словѣ „тщ-е-

-душ-н-ый, вм. „тощедушный“

чрез-в-ыч-а-й-н-о | ист-ин-н-о
вел-ик-о-лѣп-н-о | в-тор-ич-н-о

одн-о-крат-н-о
мног-о-крат-н-о
(„крат“—измѣн. слав. „*крак*“—шагъ, стопа, нога, откуда о-корачь, окорокъ, кукорачь корачки. *крат* гл. *разъ*);

един-ств-ен-н-о

об-о-ю-д-н-о (отъ слав. нар. **обоюдоу**, сохранившагося въ сл. „обоюдуострый“).

в-дв-ое | за-од-н-о
в-тр-ое | во-ед-ин-о
в-четв-ер-о | в-перв-ые

на-прасн-о | на-роч-н-о

искр-ен-н-о (отъ цер.-сл. „искрь“=близъ)

о-соб-ен-н-о (кор. виденъ въ сущ. „особа“, которое образовалось изъ древняго выраженія „особѣ“, вм. „о себѣ“, т.-е. по себѣ, само собою, отдѣльно отъ прочихъ; одного корня съ сущ. „особа“ глаг. „по-соб-и-ть“)

лиш-ь (вм. „лише“, ср. степ. отъ „лихъ“, „лихо“)

край-н-е | с выш-е
тиш-е | из-древ-л-е
дал-ь-ш-е | за ран-ѣе
бол-ь ш е | прежд е (сравн. степ. отъ *предъ*)
ин-ач-е |

Примѣчаніе. Нарѣчія съ окончаніемъ **о** и **е**, а также съ окончаніемъ сравнительной степени **ѣе**, **е** разсматриваются, какъ формы винит. падежа сред. р.

г) Нарѣчія, имѣющія форму творительнаго падежа.

верх-омъ | рядъ-омъ

верх-а̀ми	да̀р-омъ
пѣш-к-о̀мъ (отъ „пѣшокъ")	не-да̀р-омъ
полз-к-о̀мъ	за-да̀р-омъ
бос-ик-о̀мъ	не-на-ро̀к-омъ
бѣг-о̀мъ	за-по̀-емъ
мйг-омъ	рыс-ью
порож-н-як-о̀мъ	опт-омъ (корень *обт*, что въ словѣ общ-ій)
гус-ьк-о̀мъ	о̀-про-мет-ью (опрометчивый)
сто-йк-о̀мъ	плаш-мя̀ (плаха)
цѣл-ик-о̀мъ	у-кра̀д-к-ой
та-йк-о̀мъ	с-лйш-к-омъ
тиш-к-о̀мъ	со-вре-м-ен-емъ
мѐльк-омъ (глаг. мелька̀ть)	волей-не-вол-ей
круг-о̀мъ	
дав-н-ымъ-дав-н-о	по-еврей-ск-и
мал-о-мал-ь-ск-и	друж-е-ск-и
по-греч-е-ск-и	прі-я-тел-ь-ск-и
по-рус-ск-и, по-француз-ск-и,	брат-ск-и.
вс-яч-е-ск-и.	

Примѣчаніе. Все это славянскія формы творит. падежа мн. числа, при чемъ нѣкоторыя нарѣчія приняли представку по. какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ: по-рус-ски, вс-яч-е-ски и другихъ.

пят-ью шест-ью десят-ью и т. д.

д) Нарѣчія въ формѣ предложнаго падежа.

в-мѣст-ѣ в-тайн-ѣ въ-яв-ѣ (отъ неупотреб. сущ. „явъ": яв-и-ть, яв-н-ый)

в-на-ча-л-ѣ (нарѣчіе въ томъ случаѣ, когда послѣ него нѣтъ опредѣленія въ род. падежѣ)
в-близ-и (отъ сущ. „близь“)
в-дал-и
в-н утр-и (сущ. „нутрь“, „нутро“)

в-перед-и	в-низ-у
в-пол-пут-и	в-верх-у
в-за-перт-и	в-вечер-у
в-тороп-яхъ (оторопь)	на-яв-у (отъ сущ. „явъ“)
в-то-пых-ахъ	на-по-слѣд-яхъ
в-по тьм-ахъ	намедн-и („онаме́дни“ = оном дни, — мѣстный падежъ)
на-канун-ѣ	по-пол-у-дн-и
на-перед-и	по-пол-у-ноч-и
по-зад-и	гор-ѣ („онъ поднялъ очи горѣ“)
в-зад-и	

вн-ѣ, из-вн-ѣ (др. слав. **вънѣ**, другая форма **вънъ**, **вънoу**=вонъ).
по-слѣ (отъ „слѣдъ“: ц.-сл. „послѣди, послѣдь“)

во-оч-ію (мѣстн. пад. дв. числа=передъ глазами)
в-лѣв-ѣ
в-прав-ѣ (въ правой сторонѣ; но и мы въ правѣ такъ поступить)

в-нов-ѣ	в-чуж-ѣ
в-полн-ѣ	в-черн-ѣ
в-скор-ѣ	в-пуст-ѣ
в-дал-ек-ѣ	в-крат-ц-ѣ (отъ „крат-ок-ъ“)
в-двойн-ѣ	на-равн-ѣ
в-тройн-ѣ	на-легк-ѣ
на-готов-ѣ	со-бор-н-ѣ

нын-ѣ (мѣстн. пад.; слѣдуетъ отличать отъ разговорнаго нарѣчія *нынче*)

на-весел-ѣ	в-проч-емъ
в-дво-емъ	на-ед-ин-ѣ

в-тро-емъ во-перв-ыхъ
в-четвер-омъ во-в-тор-ыхъ (отъ числит. в-тор-ой, дв-тор-ой, при чемъ *д* отпадаетъ)

Примѣчаніе. Нарѣчіе *теперь* образовалось изъ древней формы *топерво*—теперво (средній родъ), откуда сначала получилась форма *теперьв*, потомъ, послѣ выпаденія *в*,—*теперь*.

II. Нарѣчія служебныя.

1. *Отъ мѣстоименій.*

г-д-ѣ (вм. к-д-ѣ: къ-то—къ-д-е)
ни-гдѣ
з-дѣс-ь (вм. с-дѣ-сь: сь=сей—сь-д-е; *сь* на концѣ—указательное мѣстоименіе, являющееся въ словахъ: вчерась, т.-е. сего вечера, лѣто-сь=прошлаго года, ближайшаго къ текущему)
с-ю-д-а (*с*—корень въ мѣст. *сь* си, се)
от-с-ю-д-а
вс-ю-д-у (*вс*—кор. въ мѣст. всякій: всюду=на всякомъ, во всякомъ мѣстѣ)
по-вс-ю-д-у ото-вс-ю-д-у
вез-д-ѣ (вм. вес-д-ѣ—вьсь-д-е)
все-гда (гда=годъ, година, время)
на-все-гда
ко-гда (въ какое время?)
ни-ко-гда (ни въ какое время)
ино-гда (въ иное время)
то-гда (въ то время)

ку-д-а (въ какое мѣсто?)	
от-к-уд-а	от-т-у-д-а
ни-к-у-д-а	до-к-у-д-а
ни-от-к-у-д-а	до-т-у-д-а
т-у-д-а (на то мѣсто)	по-к-у-д-а
по-ка (стар. по та, по ся)	
нѐ-к-у-д-а	не-от-к-у-д-а
не-ко-гда (нѣтъ времени)	нѣ-ко-гда (когда-то)
коль от-кол-ѣ	
толь до-кол-ѣ (долго-ли? какъ долго?)	
от-тол-ѣ	по-ч-ему (дат. пад.)
до-тол-ѣ	по-т-ому
от-сел-ѣ (сель)	от-чего (род. пад.)
до-сел-ѣ	от-т-ого
отнюдь (отнюдь=отнюду)	по-мо-ему (дат. пад.)
т-ак-ъ	по-тво-ему
ин-ач-е (ин-ак-о)	по-наш-ему
по-т-омъ (предл. пад.)	по-ваш-ему
за-т-ѣмъ (тв. пад.)	со-вс-ѣмъ (тв. пад.)
за-ч-ѣмъ	во-вс-е (вин. пад.)
во-своя-си (си=себѣ; „во своя си“—знач. къ себѣ)	
весь-ма (дв. число)	
сего-дн-я (мѣст. и сущ. въ род. пад.)	
сей-часъ (вин. пад.)	тот-час-ъ (вин. пад.)
все-таки	в-он-ъ („оный“: указаніе на дальнѣйшій предметъ)
во-т-ъ (указаніе на ближайшій предметъ)	

2. *Отъ предлоговъ.*

воз-л-ѣ (отъ „длѣ“, т.-е. долѣ)	раз-в-ѣ
под-л-ѣ	прежд-е

3. Отъ союзовъ

у-же (составлено изъ ц.-сл. нарѣчія оу—еще и союза же)

у-жъ (вм. у-жь)	не-у́ж-ли
у-же́-ли	не-уже-ли
у-же́-ль	не-уж-то
уж-ли́	у-жо

Обобщающія выраженія, равносильныя нарѣчіямъ.

1) Гдѣ ни на есть / Гдѣ бы ни было } вездѣ, всюду.

2) Куда ни на есть / Когда бы ни было } всегда.

3) Какъ ни на есть / Какъ бы то ни было } всячески

4) Гдѣ-нибудь=вездѣ
5) Когда-нибудь=всегда
6) Какъ-нибудь=всячески
7) Гдѣ угодно=вездѣ.

8) Не видно ни зги=ничего („зга“ образовалось изъ *стьга*—стезя, дорожка).

Д. Ѳоминъ.

Продолженіе будетъ.

Элементарные уроки по русской грамматикѣ *).

Краткая этимологія.

Для старшаго отдѣленія приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и вообще для тѣхъ классовъ различныхъ школъ, въ которыхъ изучается элементарная этимологія.

Урокъ 11.

Предложеніе полное и неполное, вопросительное и отвѣтное, восклицательное, повѣствовательное.

1. Предложеніе полное и неполное.

Для объясненія.

Рожь всѣхъ кормитъ, а пшеничка по выбору.

Скупой не для себя копитъ: помретъ, ничего съ собой не возьметъ

Не море топитъ корабли, а вѣтры.

Ржа желѣзо ѣстъ, а печаль сердце.

— „Гдѣ ты былъ?“—„Въ кунсткамерѣ, мой другъ.“—„А видѣлъ ли слона?“—„Да развѣ тамъ онъ?“—„Тамъ“.—„Ну, братецъ, виноватъ: слона-то я и не примѣтилъ“

Правило. *Полнымъ предложеніемъ называется такое, въ которомъ* **подлежащее и сказуемое находятся налицо; неполнымъ же**—такое, въ которомъ **опущены, но подразумѣваются**—или **подлежащее**, или **сказуемое**, или **то и другое** вмѣстѣ.

---

*) Продолж. Нач см. в.в. IV--V и VI 1900 г.

Задача 1.

Сказочныя чудеса.

„У лукоморья *) дубъ зеленый;
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ, и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ:
Идетъ направо,—пѣснь заводитъ,—
Налѣво,—сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ, передъ народомъ,
Черезъ лѣса, черезъ поля
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ бабою-ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!

---

*) Лукоморье—морской берегъ, имѣющій форму дуги, лука.

И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ".

А. Пушкинъ.

II

Предложенія вопросительныя и отвѣтныя, восклицательныя и повѣствовательныя.

I

Для объясненія.

I. Кто два раза на свѣтъ родится?—Птица.
Кто ходитъ безъ ногъ?—Часы.
Чего черезъ домъ не перекинешь?—Пера.
Чего съ земли не подымешь?—Тѣни.
О чемъ споръ?—Старикъ съ старухой на зиму печку дѣлятъ.

Правило. *Предложеніе, которымъ выраженъ вопросъ, называется* **вопросительнымъ.** *Послѣ вопросительнаго предложенія ставится знакъ вопросительный.*

Предложеніе, заключающее въ себѣ отвѣтъ на вопросъ, называется **отвѣтнымъ.**

Задача.

Слѣдующія предложенія обратить въ вопросительныя, прибавивши къ нимъ какой-либо изъ слѣдующихъ вопросовъ: [1]) что? какой? чей? куда?

---

[1]) Первый вопросъ прибавить къ первому предложенію, второй—ко второму и т. д.

гдѣ? когда? почему? для чего? зачѣмъ? Сказать, какой знакъ слѣдуетъ поставить послѣ каждаго предложенія.

Братъ читаетъ.—Бабушка разсказываетъ сказку.—Домъ проданъ.—Сегодня мы пойдемъ гулять.—Дѣти учатся.—Дѣдушка умеръ.—Вы не приготовили урока.—Вамъ нужны деньги.—Крестьяне везутъ рожь на базаръ.

II

Для объясненія.

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ! — Дивно хорошъ старый сосновый лѣсъ!—Умремъ за вѣру православную и за святую Русь!—Раззудись, плечо! Размахнись, рука! Ты пахни въ лицо, вѣтеръ, съ полудня! Зажужжи, коса, засверкай кругомъ! Зашуми, трава, подкошенная; поклонись, цвѣты, головой землѣ!

Правило. *Предложеніе, которымъ выражено какое-либо восклицаніе, называется* **восклицательнымъ**. *Послѣ него ставится знакъ восклицательный.*

Задача.

Слѣдующія предложенія обратить въ восклицательныя, прибавивши къ нимъ какое-либо изъ слѣдующихъ словъ: **какъ, какой**. Сказать, какой знакъ нужно поставить послѣ каждаго предложенія.

Великъ Божій міръ.—Сіяетъ безоблачный сводъ неба.—Стоитъ жара и тишина.—Весною чистъ воздухъ, и ясенъ небосклонъ.—Уныло вѣетъ вѣтеръ въ холодную дождливую осень.—Страшная масса снѣга сдвинулась съ горы.—Страшное и печальное зрѣлище—зимній буранъ.—Много приволья и про-

стора жизни среди степей.—Сладокъ воздухъ отъ сосенъ смолистыхъ и отъ черемухи младой.

III

Для объясненія.

Зимнее утро въ столицѣ.

„Встаетъ купецъ, идетъ разносчикъ;
На биржу тянется извозчикъ;
Съ кувшиномъ охтянка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный;
Открыты ставни; трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ;
И хлѣбникъ, нѣмецъ аккуратный,
Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ свой васъ-исъ-дасъ".

А. Пушкинъ.

Правило. *Предложеніе, въ которомъ спокойно разсказывается о чемъ-нибудь, называется* **повѣствовательнымъ.**

Задача.

Въ слѣдующей баснѣ указать предложенія вопросительныя, восклицательныя и повѣствовательныя.

Лисица и Оселъ.

„Отколѣ, умная, бредешь ты, голова?"
Лисица, встрѣтяся съ Осломъ, его спросила.
— „Сейчасъ лишь ото льва!
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила?

Бывало зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,
  И я безъ памяти, бѣгóмъ,
Кудá глаза глядятъ, отъ этого урода;
А нынѣ въ старости и дряхлъ, и хилъ,
  Совсѣмъ безъ силъ,
Валяется въ пещерѣ, какъ колода.
  Повѣришь ли, въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь прежній страхъ,
И поплатился онъ старинными долгами!
Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему
  По-своему:
Кто зубомъ, кто рогами"...
— „Но ты коснуться льву, конечно, не дерз-
нулъ?"
  Лиса Осла перерываетъ.
— „Вотъ-на!" Оселъ ей отвѣчаетъ:
„А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ:
Пускай ослиныя копыта знаетъ!"

Крыловъ.

Урокъ 12.

Повтореніе пройденнаго.

Разобрать предложенія въ слѣдующемъ стихотвореніи по вопросамъ:

1) Краткое или распространенное предложеніе?
2) Полное или неполное?
3) Утвердительное или отрицательное?
4) Повѣствовательное, вопросительное или восклицательное предложеніе?
5) Гдѣ подлежащее? Какой это предметъ?
6) Гдѣ сказуемое?
7) Какія второстепенныя части?
8) Къ какимъ словамъ онѣ относятся?
9) На какіе вопросы онѣ отвѣчаютъ?

10) Какъ назвать каждую изъ второстепенныхъ частей предложенія?

Солнце и мѣсяцъ.

„Въ колыбель младенца ночью
Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.
„Отчего такъ свѣтитъ мѣсяцъ?“
Робко онъ меня спросилъ.
Въ день деньской устало солнце,
И сказалъ ему Господь:
„Лягъ, засни! и за тобою
Все задремлетъ, все заснетъ“.
И взмолилось солнце брату:
„Другъ мой, мѣсяцъ золотой!
Ты зажги фонарь, и ночью
Обойди ты край земной:
Кто тамъ молится, кто плачетъ,
Кто мѣшаетъ людямъ спать,—
Все развѣдай и по утру
Приходи, и дай мнѣ знать“.
Солнце спитъ, а мѣсяцъ ходитъ,
Сторожитъ земной покой. .
Завтра жъ рано-рано къ брату
Постучится братъ меньшой.
Стукъ-стукъ-стукъ! Отворятъ двери—
„Солнце, встань! Грачи летятъ,
Пѣтухи давно пропѣли,
И къ заутренѣ звонятъ“.
Солнце встанетъ, солнце спроситъ:
„Что, голубчикъ, братецъ мой?
Какъ тебя Господь Богъ носитъ?
Что ты блѣденъ? Что съ тобой?“
И начнетъ разсказъ свой мѣсяцъ,
Кто и какъ себя ведетъ...
Если ночь была спокойна,—

Солнце весело взойдетъ;
Если жъ нѣтъ,—взойдетъ въ туманѣ;
Вѣтеръ дунетъ, дождь пойдетъ;
Въ садъ гулять не выйдетъ няня
И дитя не поведетъ".

Я. Полонскій.

Урокъ 13

Различеніе частей рѣчи. Имя существительное и глаголъ.

Для объясненія.

Дѣтство.

„Голову няня въ дремотѣ склонила,
На полъ съ лежанки чулокъ уронила.
Прыгаетъ котъ, шевелитъ его лапкой.
Свѣчка ужъ меркнетъ подъ огненной шапкой,
Движется сумракъ, въ глаза мнѣ глядитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.
Прогнали сонъ мой разсказы старушки:
Вотъ я въ лѣсу, у порога избушки;
Ждетъ къ себѣ гостя колдунья сѣдая:
Змѣй подлетаетъ, огонь разсыпая.
Замеръ лѣсъ темный: ни свиста, ни шума;
Смотрятъ деревья угрюмо, угрюмо!
Сердце мое замираетъ, дрожитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.
Няня встаетъ и лѣниво зѣваетъ,
На ночь постелю мою оправляетъ:
„Лягъ, мой соколикъ, съ молитвой святою,
Божія сила да будетъ съ тобою"...
Нянина шубка мнѣ ноги пригрѣла:
Вотъ ужъ въ глазахъ у меня запестрѣло,

Сплю и не сплю я... лампадка горитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ".

Никитинъ.

Правило. *Каждый предметъ и каждое дѣйствіе имѣетъ свое* **названіе** *или* **имя.**

Всѣ имена предметовъ, которыя мы употребляемъ въ своей рѣчи, составляютъ **часть нашей рѣчи, имя существительное.**

Всѣ названія дѣйствія или состоянія предметовъ составляютъ другую **часть нашей рѣчи, глаголъ.**

Задача.

Въ слѣдующемъ стихотвореніи указать имена существительныя и глаголы.

Ласточки.

„Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ,
Помятъ онъ, поломанъ и пустъ,
Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
Настурцій въ немъ огненный кустъ.
Взгляну ль по привычкѣ подъ крышу,
Пустое гнѣздо надъ окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу;
Солома обвѣтрилась въ немъ.
А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его:
Какъ прутики глиной скрѣпляли
И пуху таскали въ него;
Какъ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!
И цѣлый-то день говоруньи,

Какъ дѣти, вели разговоръ;
Потомъ полетѣли летуньи!.-
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ.
И вотъ ихъ гнѣздо одиноко!
Онѣ ужъ въ иной сторонѣ:
Далеко, далеко, далеко...
О, если бы крылья и мнѣ"!

А. Майковъ.

Урокъ 14

Различеніе частей рѣчи. Имя прилагательное.

Для объясненія.

Всенощная въ деревнѣ.

„Приди ты, немощный!
Приди ты, радостный!
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной.
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій
Въ поляхъ разносится.
Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
Естъ церковь новая:
Воздвигла Божій домъ
Сума торговая.
И службы Божіи
Богато справлены,
Иконъ подножія
Свѣчьми уставлены.
И старъ, и младъ войдетъ:
Сперва помолится,
Поклонъ земной кладетъ,

Кругомъ поклонится...
И стройно клирное
Несется пѣніе;
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣлъ
Густой отъ ладана.
И заходящими
Лучами сильными,
И вкось блестящими
Столбами пыльными
Отъ солнца Божій храмъ
Горитъ и свѣтится".

И. Аксаковъ.

Правило *Имена признаковъ предмета на вопросы:* **какой? чей?** *составляютъ* **особую часть нашей рѣчи, имя прилагательное.**

Задача 1.

Указать предметы въ комнатѣ, въ домѣ, на улицѣ, въ полѣ, въ лѣсу, на рѣкѣ... и присоединить къ каждому изъ нихъ имя прилагательное.

Задача 2.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ вторыя имена существительныя измѣнить на имена прилагательныя.

Темнота ночи.—Шумъ лѣса.—Игрушка дитяти.—Лапа медвѣдя.—Радость сердца.—Лучъ солн-

ца.—Заботы дня.—Зубы волка.—Ненастье осени.—Листъ осины.—Крыло гуся.—Ухо зайца.—Ласка матери.—Дѣло случая.—Шалость ученика.—Шинель солдата.—Нападеніе непріятеля.—Ружьё охотника.—Рубль изъ серебра.—Подсвѣчникъ изъ мѣди.—Косточка изъ вишни.—Вода изъ колодезя.—Мѣхъ изъ бѣлокъ.—Сюртукъ изъ сукна.—Подушка изъ пуха.

Задача 3.

Въ слѣдующей статьѣ указать имена существительныя, прилагательныя и глаголы.

Земля до сотворенія человѣка.

„Прекрасна была юная земля, только что явившаяся по слову Божію; но человѣка на ней еще не было, и некому было любоваться этой красотой. Днемъ яркое солнце всходило и лило на землю свѣтъ и тепло; ночью подымалась кроткая луна, и сверкали милліоны звѣздъ; голубой сводъ неба, убранный золотыми и серебряными облаками, высоко вздымался чуднымъ, ненагляднымъ шатромъ; волновалось и шумѣло безбрежное море; журчали сверкающіе ручьи, пробираясь въ душистой и сочной травѣ; высокія пальмы качали своими гордыми верхушками; тѣнистые лѣса говорили съ легкимъ прохладнымъ вѣтеркомъ; зеленыя поля, усыпанныя роскошными цвѣтами, благоухали; красивыя животныя прыгали и рѣзвились; ярко-пестрыя птицы и блестящія насѣкомыя, сверкая, какъ алмазы, носились въ воздухѣ; соловей пѣлъ свою громкую пѣсню; но человѣка еще не было, и некому было наслаждаться всею роскошью Божія міра.“

К. Ушинскій.

Урокъ 15.

Предлогъ.

Для объясненія.

Въ каждомъ предложеніи указать предметы и показать, въ какомъ положеніи другъ къ другу они находятся.

Въ нашемъ домѣ десять комнатъ: пять въ верхнемъ этажѣ, а пять въ нижнемъ; подъ нижнимъ этажомъ устроены еще просторные каменные погреба. За домомъ находится огромный дворъ, а за дворомъ обширный фруктовый садъ, который спускается къ самой рѣкѣ. Предъ домомъ разбитъ большой цвѣтникъ; въ цвѣтникѣ растутъ пахучіе цвѣты и красивый мелкій кустарникъ.

Будетъ ли въ этихъ предложеніяхъ смыслъ, и будетъ ли показано отношеніе между предметами въ нихъ, если мы представимъ предложенія въ слѣдующемъ видѣ:

... нашемъ домѣ десять комнатъ:

Въ нашемъ домѣ десять комнатъ:

пять... нижнемъ этажѣ, а пять ... верхнемъ=

пять **въ** нижнемъ этажѣ, а пять **въ** вернемъ;

.. нижнимъ этажомъ устроены еще просторные каменные погреба=

Подъ нижнимъ этажомъ устроены еще просторные каменные погреба.

. . домомъ находится огромный дворъ, а ... дворомъ обширный фруктовый садъ=

За домомъ находится огромный дворъ, а **за** дворомъ обширный фруктовый садъ,

который (т.-е. садъ) спускается... самой рѣкѣ=

который спускается **къ** самой рѣкѣ.

... домомъ разбитъ большой цвѣтникъ=
Передъ домомъ разбитъ большой цвѣтникъ;
... цвѣтникѣ растутъ пахучіе цвѣты и красивый мелкій кустарникъ=
въ цвѣтникѣ растутъ пахучіе цвѣты и красивый мелкій кустарникъ
Какія слова пропущены?
Для чего они нужны въ предложеніяхъ?

Правило. *Положеніе предметовъ другъ къ другу, или отношеніе между ними, показывается особыми словами, которыя называются* **предлогами**.

Если предлогъ стоитъ передъ именемъ существительнымъ—для того, чтобы показать, въ какомъ отношеніи находится предметъ, называемый этимъ именемъ, къ другому предмету, то такой предлогъ пишется отъ имени существительнаго **отдѣльно**.

Задача 1.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ указать, въ какомъ отношеніи находятся предметы другъ къ другу, и какими предлогами показывается это отношеніе.

Дѣти любятъ купаться въ рѣкѣ.—По рѣкѣ плаваютъ лодки и пароходы.—Надъ рѣкою летаютъ чайки.—У рѣки стоитъ деревня.—За рѣкою разстилаются луга.—Поѣздъ подошелъ къ станціи.—Изъ-за лѣса показалось солнышко.—Дорога шла черезъ лѣсъ.—Надъ лѣсомъ нависла черная туча.—Лѣтомъ пріятно гулять и отдыхать въ лѣсу.

Задача 2.

Въ слѣдующемъ разсказѣ указать предлоги. Какъ показано ими отношеніе между предметами? Какъ предлоги написаны?

Оселъ въ львиной шкурѣ.

„Ослу надоѣло работать. Онъ ушелъ отъ хозяина въ лѣсъ и по дорогѣ нашелъ львиную шкуру. „О, это мнѣ на руку!“ говоритъ оселъ. Обернулся онъ львиною шкурой и сталъ гулять по лѣсу: ни дать, ни взять—левъ! Дѣйствительно, всѣ звѣри, встрѣчаясь съ нимъ, принимали его за льва и со страхомъ бѣжали прочь. Оселъ и заважничалъ: „Дай-ка“, говоритъ: „я зарычу: вотъ разбѣгутся то! Тогда я одинъ въ лѣсу останусь, и мнѣ будетъ житье-раздолье“- И закричалъ Оселъ по-ослиному. Услыхали этотъ крикъ звѣри, поняли, кого они приняли за льва, и принялись вымещать на Ослѣ свой напрасный страхъ. Услыхалъ крикъ Осла и его хозяинъ: онъ пришелъ въ лѣсъ съ здоровой дубиной и съ побоями повелъ длинноухаго домой“.

Л. Толстой.

Урокъ 16.

Слитное употребленіе предлоговъ. Предлоги—представки.

Для объясненія.

Объяснить значеніе словъ.

Порядокъ	—**безпорядокъ**.	Крашеный	— **подкрашеный**,
Сыпь	— **насыпь**		**закрашеный**,
Возъ	— **перевозъ**,		**перекрашеный**,
	вывозъ...	Весёлый	— **развесёлый**,
Ходъ	— **приходъ**,	Бить	— **убить**,
	заходъ,	Копать	— **закопать**,
	выходъ,		**подкопать**,

		переходъ,	Горѣть	—	**сгорѣть,**
		расходъ.			**выгорѣть,**
Бой	—	**разбой.**			**угорѣть,**
Вредный	—	**безвредный,**	Лить	—	**залить,**
Полезный	—	**безполезный,**			**пролить,**
Зрѣлый	—	**перезрѣлый,**	Летѣть	—	**улетѣть,**
Земной	—	**подземный,**			**долетѣть.**
		надземный,			

Правило. *Предлоги ставятся впереди, въ началѣ словъ: именъ существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ, для того, чтобы дать этимъ словамъ другое значенiе. Эти предлоги называются* **представками.** *Представки—предлоги съ словами пишутся* **слитно.**

Задача 1.

Указать представки—предлоги въ слѣдующихъ словахъ и выраженiяхъ: престолъ, связка, подвалъ, безлѣсный, подводный, загорѣлый, поддѣлать, передѣлать, докинуть, закинуть; безсрочный закладъ, чрезмѣрный разливъ рѣки, подневольная работа, безчисленные изгибы рѣки.

Въ звѣринецъ пускаютъ за плату —Начерно написанное переписано.—Найдена находка.—Сдѣлана изъ бумаги вырѣзка.—Переѣздъ исправленъ.—Плотникъ работалъ-работалъ и заработалъ одинъ рубль.

Задача 2.

Къ слѣдующимъ словамъ подыскать предлоги -представки.

Сказка—? Явленiе—? Сѣвъ—? Велѣнiе—? Спросъ—? Возка—? Лазъ—? Кладка—? Конечный—? Дутый—? Мятый—? Опасный—? Битый—?

Жатый—? Тертый—? Покойный—? Успѣшный—? Толковый—? Бѣжать—? Искать—? Одѣть—? Обѣдать—? Сѣять—? Гнать—? Зябнуть—? Работать—? Играть—? Сыпать—? Вѣять—? Колоть—? Рыть—?

Задача 3.

Въ слѣдующей статьѣ указать предлоги, поставленные отдѣльно; найти слова, въ которыхъ есть представки—предлоги. Объяснить употребленіе предлоговъ.

Осеннее ненастье.

„Осень. На дворѣ холодно Частый дождь превратилъ улицу въ грязную лужу. Густой туманъ затянулъ село, и едва виднѣются ветхія лачуги и обнаженныя нивы. Рѣзкій вѣтеръ раскачиваетъ ворота и мечетъ по полямъ съ какимъ-то заунывнымъ воемъ груды пожелтѣвшихъ листьевъ.

Улица пуста: ни живой души. Сизый дымокъ, вьющійся изъ низенькихъ трубъ избушекъ, свидѣтельствуетъ, что никого нѣтъ въ разбродѣ, что всѣ хозяева—дома и расправляютъ на горячей печкѣ продрогшіе члены.

Все живущее прячется, кто куда можетъ, лишь бы укрыться отъ холода и ненастья. Куры и голуби пріютились на своихъ жердочкахъ подъ навѣсомъ, завернувъ голову подъ тепленькое крылышко; воробей забился въ мягкое гнѣздо свое. Даже неугомонныя шавки и жучки комкомъ свернулись подъ телѣгами. Каждому готовъ пріютъ, каждому и хорошо, и тепло“.

Д. Григоровичъ.

Урокъ 17.

Мѣстоименіе.

Для объясненія.

I.

Отецъ посадилъ дикую яблоньку. „Зачѣмъ ты это дѣлаешь?“ спросилъ сынъ отца: „я бы не далъ мѣста въ саду такому деревцу“.

— „Оно мало и незавидно“, сказалъ отецъ: „но въ немъ скрывается большая сила: оно со временемъ можетъ вырасти и приносить плоды: только нужно позаботиться о немъ“.

Отецъ посадилъ дикую яблоньку.

Указать подлежащее и сказуемое въ предложеніи.

Какими частями рѣчи они выражены?

„Зачѣмъ ты это дѣлаешь?“ спросилъ сынъ отца.

Сколько здѣсь предложеній?

Кто здѣсь говоритъ и кто слушаетъ?

Прочитать первое предложеніе.

Какимъ словомъ выражено подлежащее? а сказуемое?

Кого нужно разумѣть здѣсь подъ словомъ **ты**?

Есть ли у какого-нибудь предмета названіе или имя **ты**?

Какой же предметъ замѣненъ здѣсь словомъ **ты**?

Какая часть рѣчи **отецъ**?

Значитъ, вмѣсто какой части рѣчи поставлено слово **ты**?

„Я бы не далъ мѣста въ саду такому деревцу“.

Кто здѣсь лицо говорящее?

Какимъ словомъ въ предложеніи выражено подлежащее?

Вмѣсто какого слова поставлено **я**?

Какая часть рѣчи **сынъ**?

Слѣдовательно, вмѣсто какой части рѣчи поставлено слово **я**?

„Оно мало и незавидно“, сказалъ отецъ: „но въ немъ скрывается большая сила: оно со временемъ можетъ вырасти и приносить плоды; только о немъ нужно позаботиться“.

Гдѣ первое предложеніе?

Кто сказалъ эту мысль? Кто лицо говорящее?

О какомъ предметѣ сказалъ здѣсь отецъ?

Какая часть рѣчи **деревцо**?

Какимъ словомъ въ этомъ предложеніи замѣнено имя существительное?

Спрашиваетъ ли и отвѣчаетъ ли въ разговорѣ отца съ сыномъ **деревцо**?

Можно ли **деревцо** назвать лицомъ говорящимъ или слушающимъ?

Въ разговорѣ отца съ сыномъ деревцо не принимаетъ участія: оно для нихъ предметъ посторонній; но, такъ какъ деревцо имъ обоимъ извѣстно, то они и говорятъ про него.

Указать въ остальныхъ предложеніяхъ слова, которыя поставлены вмѣсто имени существительнаго **деревцо**!

Мы ловили бабочекъ. Вы хорошо рисуете Они нарвали въ саду яблокъ.

Измѣнить эти предложенія такъ, чтобы подлежащее и сказуемое въ нихъ были въ единственномъ числѣ.

Стоятъ ли здѣсь вмѣсто именъ существительныхъ слова: мы, вы, они?

Въ какомъ числѣ замѣняются имена существительныя словами: я, ты, онъ? въ какомъ числѣ словами: мы, вы, они?

Правило. *Вмѣсто именъ существительныхъ часто мы говоримъ слова*: **я—мы, ты—вы, онъ—они**. *Эти слова составляютъ особую часть рѣчи и называются* **мѣстоименіями**.

Мѣстоименія: **я—мы** замѣняютъ имя лица говорящаго; **ты - вы** замѣняютъ имя того лица, которому говорятъ; **онъ - они** замѣняютъ имя того лица, про которое говорятъ. Эти мѣстоименія называются **личными**: **я—мы**—1-го лица, **ты—вы**—2-го лица, **онъ—они**—3-го лица.

II.

Для объясненія.

У льва и тигра когти кривые; у кошки такіе же. - Сестрины цвѣты хорошо растутъ, а мои завяли.- -Всякій куликъ свое болото хвалитъ.—Не мой возъ, не мнѣ его и везть. — Наши войска часто побѣждали непріятелей.—На вашихъ лугахъ растетъ густая трава.

Правило. *Имена прилагательныя такъ же, какъ и имена существительныя, замѣняются мѣстоименіями.*

Слѣдовательно, **мѣстоименіе есть такая часть рѣчи, которая замѣняетъ собою или имя существительное, или имя прилагательное.**

Задача.

Въ слѣдующей статьѣ указать мѣстоименія.

Дѣтство.

„Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства!. Какъ не любить и не лелѣять воспоминаній о ней!..

Набѣгавшись досыта, сидишь бывало за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно; давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ; сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста: сидишь и слушаешь. И какъ не слушать! Мама говоритъ съ кѣмъ-нибудь, а звуки голоса такъ сладки, такъ привѣтливы. Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ она вся сдѣлалась маленькая, маленькая: лицо ея не больше пуговки, но оно мнѣ все такъ ясно видно: вижу, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такой крошечкой. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ; но я пошевелился, и очарованіе разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно. Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсъ на кресло.

— „Ты опять заснешь, Николенька“, говоритъ мнѣ мама: „ты бы лучше шелъ наверхъ“.

— „Я не хочу спать, мама“, отвѣтишь ей: „но здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь бывало впросонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко прижмешь ее къ губамъ“.

Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостиной; мама сказала, что она сама разбудитъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю; своей чудесной нѣжной ручкой провела по волосамъ,

и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый, знакомый голосъ: „Вставай, моя душечка: пора итти спать“.

Послѣ этого бывало придешь наверхъ и станешь передъ иконами въ своемъ восточномъ халатцѣ Какое чудесное чувство испытываешь, говоря: „Спаси, Господи, папеньку и маменьку!“

Послѣ молитвы завернешься въ одѣяльце; на душѣ легко свѣтло и отрадно. Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Ивановичѣ и его горькой участи, единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастнымъ, и такъ жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы текутъ изъ глазъ, и думаешь: „Дай Богъ ему счастья, дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить его горе! я всѣмъ готовъ для него пожертвовать!“ Потомъ любимую фарфоровую игрушку, зайчика или собачку, уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы далъ Богъ счастье всѣмъ, чтобы всѣ были довольны, и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья; повернешься на другуй бокъ и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ“.

Л. Толстой.

Урокъ 18.

Имя числительное.

Для объясненія.

Сколько мнѣ лѣтъ? *).
Какимъ словомъ названо число лѣтъ?
Сколько лѣтъ моему папѣ? мамѣ?
Сколько дней въ недѣлѣ? въ мѣсяцѣ? въ году?

---

*) Эти вопросы читаютъ ученики и на нихъ отвѣчаютъ.

Какой теперь идетъ годъ?

Какое число мѣсяца?

Какими словами названы числа?

Правило. *Различныя числа имѣютъ свои названія. Названія чиселъ составляютъ особую часть рѣчи, которая называется* **именемъ числительнымъ.**

Имена числительныя отвѣчаютъ на вопросы: сколько? какой? или который?

Задача

Въ слѣдующей статьѣ указать имена числительныя и другія извѣстныя части рѣчи.

Смоленскъ и его стѣны.

Смоленскъ—одинъ изъ самыхъ старинныхъ русскихъ городовъ. Названіе свое онъ получилъ отъ **смолы**, которую въ изобиліи гнали въ окрестныхъ лѣсахъ.

Смоленскъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. При Борисѣ Годуновѣ Смоленскъ окруженъ былъ стѣнами, которыя до сихъ поръ поражаютъ своею прочностію: „Словно литыя изъ желѣза", говорятъ о нихъ смоляне. Стѣны, вышиною въ семь, толщиною въ двѣ съ половиною сажени, тянутся на пять верстъ въ окружности, съ тридцатью шестью башнями, бойницами, зубцами. Теперь стѣны полуразрушены: во многихъ мѣстахъ видны проломы; изъ тридцати шести башенъ уцѣлѣло только семнадцать. Особенно много пострадали стѣны отъ двадцатимѣсячной осады крѣпости польскимъ королемъ Сигизмундомъ въ 1609—1611 г. и въ 1812 году—отъ Наполеона.

Двадцать мѣсяцевъ осаждалъ Смоленскъ польскій король. Смоляне, подъ начальствомъ воеводы Шеина, гибли, но не сдавались, пока ни нашелся

измѣнникъ, который указалъ врагу слабое мѣсто въ стѣнѣ. Въ полночь ворвались враги въ городъ... Это происходило третьяго іюля 1616 года.

Пятаго августа 1812 года, въ восемь часовъ утра, войска Наполеона явились подъ стѣнами Смоленска. Русскіе въ этотъ день отстояли грудью Смоленскъ; но полученъ былъ приказъ очистить городъ. До разсвѣта городъ опустѣлъ. Утромъ, въ день Преображенія, Наполеонъ въѣхалъ въ испепеленный городъ.

Двадцать втораго октября Наполеонъ возвращался назадъ черезъ Смоленскъ, спасаясь бѣгствомъ съ жалкими остатками своей арміи. Ней (французскій маршалъ) отдалъ приказаніе разрушить башни. Тотчасъ по уходѣ непріятелей, раздался громъ отъ взрыва минъ. Городъ дрогнулъ, но только восемь башенъ были разрушены.

На площади, неподалеку отъ Королевской крѣпости, стоитъ памятникъ 1812 года, чугунный, въ видѣ колонны, съ вызолоченнымъ крестомъ на вершинѣ. На немъ икона Смоленской Божіей Матери.

Изъ „Родины" Радонежскаго.

Урокъ 19.

Нарѣчіе.

Для объясненія.

Бѣда не по лѣсу ходитъ, а по людямъ.—Съ радостію мы прослушали напутственный молебенъ; дружными взрывами прогремѣло многолѣтіе, и счастливое учащееся племя разсыпалось во всѣ стороны.—Ночью въ колыбель младенца мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.—Весною въ лѣсу, съ утра и до вечера, раздаются веселыя пѣсни птичекъ.—На Тро-

ицу церковь внутри и снаружи убираютъ березками.—Издали доносились до насъ пѣсни косарей.—Нѣкогда Кіевъ былъ столицею Россіи.—Нижній-Новгородъ издавна славится своею знаменитою ярмаркою.—Молись Богу втайнѣ, и Онъ воздастъ тебѣ въявѣ.—Про доброе дѣло говори смѣло.—Тихо ночь ложится на вершины горъ.—Высоко стоитъ солнце на небѣ, горячо печетъ землю-матушку!

Правило. *Обстоятельственными словами бываютъ имена существительныя въ косвенныхъ падежахъ, но большею частію обстоятельственныя слова выражаются особою частью рѣчи, которая называется* **нарѣчіемъ**.

Нарѣчія отвѣчаютъ на всѣ вопросы обстоятельственныхъ словъ.

Задача 1.

Отыскать нарѣчія въ слѣдующихъ примѣрахъ.

Нынѣ на ногахъ, а завтра въ могилѣ.—Прибѣжали въ избу дѣти, второпяхъ зовутъ отца.—Сначала молись, а потомъ смѣло за дѣло берись.—Всѣ деревья сверху донизу были увѣшаны хлопьями снѣга.—Мягко стелетъ, да жестко спать.—Вся страна поголовно вооружилась противъ непріятелей.—Говоръ смолкъ,—лишь изрѣдка собачій слышенъ лай.—Всюду, всюду, вблизи, вдали не позабуду я родной земли.—Исподоволь ольху согнешь, а вкрутѣ и вязъ переломишь.—Вдали поле съ рожью огнемъ горитъ, да рѣка ярко блеститъ и сверкаетъ на солнцѣ.—Недавно вставшее солнце затопило всю рощу сильнымъ свѣтомъ; вездѣ блестѣли росинки, кой-гдѣ внезапно загорались и рдѣли крупныя капли; все дышало свѣжестью и жизнью.—Вправо отъ дороги неоглядно желтѣли поля, слѣва тянулись крестьянскія гумна.—Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впе-

реди возвышалась огромная лѣсистая гора, за нею находилась крѣпость; кругомъ нея видны слѣды разрушеннаго аула.—Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась, кругомъ конюшенъ тамъ и кухонь наслонялась; въ сору́, въ навозѣ навалялась; въ помояхъ по уши досыта накупалась и изъ гостей домой пришла свинья-свиньей.

Задача 2.

Въ слѣдующей статьѣ указать обстоятельственныя слова; найти нарѣчія.

На всемъ лежалъ холодный матовый покровъ еще падавшей, неосвѣщенной солнцемъ росы. Востокъ незамѣтно яснѣлъ. Ни одна травка внизу, ни одинъ листъ на верхней вѣтви дерева не шевелились. Только изрѣдка слышавшіеся звуки крыльевъ въ чащѣ дерева или шелестъ по землѣ нарушали тишину лѣса. Вдругъ странный, чуждый природѣ, звукъ разнесся и замеръ на опушкѣ лѣса Но снова послышался звукъ и равномѣрно сталъ повторяться внизу, около ствола одного изъ неподвижныхъ деревьевъ. Одна изъ макушъ необычайно затрепетала; сочныя листья ея зашептали что-то, и малиповка, сидѣвшая на одной изъ вѣтвей ея, со свистомъ перепорхнула два раза и сѣла на другое дерево. Топоръ низомъ звучалъ глуше и глуше; сочныя бѣлыя щепки летѣли на росистую траву. Дерево вздрогнуло всѣмъ тѣломъ, погнулось и быстро выпрямилось, испуганно колеблясь на своемъ корнѣ. На мгновеніе все затихло, но снова погнулось дерево: послышался трескъ въ его стволѣ, и оно рухнулось макушей на сырую землю. Звуки топора и шаговъ затихли.

Первые лучи солнца блеснули въ небѣ и пробѣжали по землѣ и небу. Туманъ волнами сталъ

переливаться по лощинамъ; роса заблистала на зелени; прозрачныя побѣлѣвшія тучки разбѣгались по синѣвшему своду. Птицы гомозились въ чащѣ и щебетали что-то счастливое; сочные листья радостно и спокойно шептались въ вершинахъ, и вѣтви живыхъ деревъ медленно, величаво зашевелились надъ мертвымъ, поникшимъ деревомъ.

Урокъ 20.

Союзъ.

Для объясненія.

Отецъ пріѣхалъ.

Отецъ и мать пріѣхали.

Я отправляюсь въ лѣсъ.

Я, братъ и три товарища отправились въ лѣсъ.

На столѣ лежатъ книги.

На столѣ лежатъ книги, карандаши и бумага.

Сверкнула молнія. Грянулъ громъ.

Сверкнула молнія, и грянулъ громъ.

День склонялся къ вечеру. Путники рѣшились переночевать на берегу рѣки.

День склонялся къ вечеру, и путники рѣшились переночевать на берегу рѣки.

Сестра играла на роялѣ. Мы слушали.

Сестра играла на роялѣ, а мы слушали.

Учитель учитъ. Ученики учатся.

Учитель учитъ, а ученики учатся.

Всѣ ждали грозы. Туча прошла мимо.

Всѣ ждали грозы, но туча прошла мимо.

Весна красна. Весна голодна.

Весна красна, да голодна.

Правило. *Слова и предложенія между собою связываются, или соединяются. Часть рѣчи, связывающая, или соединяющая слова и предложенія, называется* **союзомъ**.

Задача 1.

Соединить слова и предложенія союзами: и, да, а, но.

Лѣтомъ лѣса... рощи даютъ прохладную тѣнь.

Растенія питаютъ .. одѣваютъ насъ.

Густой туманъ затянулъ село, .. едва виднѣются ветхія лачуги .. обнаженныя нивы.

На море ложился мракъ ночной, .. небо синее усѣялось звѣздами.

А Мишка на часахъ,... онъ и не безъ дѣла.

И все закупилъ бы,... денегъ нѣтъ.

Пила пилитъ,... топоръ рубитъ.

Дождь мочитъ,. . солнце сушитъ.

Снѣгъ уже стаялъ,... легкіе морозцы держались еще по утрамъ

Воръ перелѣзъ было уже черезъ ограду, .. сторожъ замѣтилъ его... поднялъ тревогу.

Задача 2.

Въ слѣдующемъ стихотвореніи указать предлоги и союзы.

Мой садикъ.

„Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!
Распустилась въ немъ сирень;
Отъ черемухи душистой
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь...
Правда, нѣтъ въ немъ блѣдныхъ лилій,
Горделивыхъ георгинъ,
И лишь пестрыя головки
Возвышаетъ макъ одинъ;
Да подсолнечникъ у входа,
Словно вѣрный часовой,
Сторожитъ себѣ дорожку,
Всю поросшую травой;

Но люблю я садикъ скромный:
Онъ душѣ моей милѣй
Городскихъ садовъ унылыхъ
Съ сѣтью правильныхъ аллей,
И весь день въ травѣ высокой
Лежа слушать бы я радъ,
Какъ заботливыя пчелы
Вкругъ черемухи жужжатъ".

А. Плещеевъ

Урокъ 21.

Междометіе.

Для объясненія.

О, Боже, даруй родинѣ моей тепло и урожай!

Чу! къ заутренѣ звонятъ!

О, какъ хорошо ты, море ночное!

„Ну, мертвая!" крикнулъ малюточка басомъ, рванулъ подъ уздцы и быстрѣй зашагалъ.

Эй, пошелъ, ямщикъ!

Отъ выстрѣла поднимались такія тучи утокъ, что охотникъ невольно брался за фуражку и протяжно говорилъ: „фу-у!"

Колокольчикъ динь-динь-динь...

Летятъ гуськи, дубовы носки; летятъ-говорятъ: то-то-ты, то-то-ты!

Правило. *Краткія восклицанія выражаются особыми словами, которыя называются* **междометіями**.

Подражанія различнымъ звукамъ называются **звукоподражаніями**. Они относятся къ междометіямъ.

Задача 1.

Въ слѣдующихъ примѣрахъ указать междометія.

„Ге, ге!" сказалъ червячокъ самъ себѣ: неуже-

ли мнѣ цѣлый вѣкъ лежать въ постелькѣ да смотрѣть на занавѣску?

Ой-ой-ой! какъ морозъ всѣ окошки занесъ!— Эхъ, братцы, это все не такъ!—Ну тащися, сивка!— Ахъ, батюшка! ахъ, благодѣтель мой!—Ай Моська! знать, она сильна, что лаетъ на слона!—Съ возомъ— бухъ въ канаву!—И, царевна! дѣвица плачетъ—что роса падаетъ.—Гей вы, ребята удалые, гусляры молодые!—Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!—Ей Богу, кумушка, такъ бѣжалъ засвидѣтельствовать почтеніе, что не могу духу перевесть.—О, плуты! слонъ кричитъ: какое преступленье!—Тьфу! какая противная рожа!—Ну-съ, такъ ѣдетъ нашъ Иванъ за кольцомъ на океанъ—Ну ну! а самъ ни съ мѣста.—Ахти, ребята, воръ!

Задача 2.

Указать междометія.

Лиса и тетеревъ.

Бѣжала лисица по лѣсу, увидала на деревѣ тетерева и говоритъ ему:„ Терентій, Терентій! я въ городѣ была.—Бу-бу-бу! была, такъ была.— Терентій, Терентій! я указъ добыла.—Бу-бу-бу! добыла, такъ добыла.—Чтобы вамъ тетеревамъ, не сидѣть по деревамъ, а все бы гулять по зеленымъ лугамъ.—Бу-бу-бу! гулять, такъ гулять.—Терентій, кто тамъ ѣдетъ?“ спрашиваетъ лисица, услышавъ конскій топотъ и собачій лай.—„Мужикъ“.—„Кто за нимъ бѣжитъ?“—„Жеребенокъ“.—„Какъ у него хвостъ-то?“—„Крючкомъ“—„Ну, такъ прощай, Терентій! мнѣ дома недосугъ“.

Народная сказка.

Ворона и ракъ.

Летѣла ворона надъ озеромъ; смотритъ: ползетъ ракъ. Цапъ его! сѣла на вербѣ и думаетъ закусить. Видитъ ракъ—дѣло плохо, и говоритъ: „Ай, ворона, ворона! зналъ я твоего отца и мать: что за славныя были птицы!"

— „Угу!" говоритъ ворона, не раскрывая рта.— „И сестеръ, и братьевъ твоихъ зналъ: отличныя были птицы!"—„Угу!" опять говоритъ ворона.—„Да хоть хорошія были птицы, а все же далеко до тебя".—„Ага!" каркнула ворона во весь ротъ и уронила рака въ воду.

Народная сказка.

Урокъ 22.

Въ слѣдующей статьѣ сказать о каждомъ словѣ, къ какой части рѣчи оно относится.

Изъ жизни воробьевъ.

Дѣтки выросли, оперились, вылетѣли изъ гнѣздышка. Веселой кучкой сидятъ они на заборахъ, въ аллеяхъ садика, между грядокъ огорода; чирикаютъ безумолку, а увидятъ отца или мать, откроютъ желтые рты, зачирикаютъ еще пуще,—значитъ, пожалуйте червячка!

Хитрые старики заведутъ воробьятъ въ такое мѣстечко, гдѣ они легче всего могутъ избѣгнуть враговъ. А для этого нѣтъ имъ лучше притона, какъ песчаная дорожка въ садикѣ, окаймленная кустами акаціи. Заведутъ они туда своихъ воробьятокъ, а сами начнутъ промышлять кормъ для нихъ.

Молодые воробушки беззаботно чиликаютъ, купаются въ пескѣ, прыгаютъ по дорожкѣ, а старый

воробей усядется на самую высокую вѣтку акаціи и зорко смотритъ во всѣ стороны; въ это время прочіе воробьи торопливо таскаютъ гусеницъ и кормятъ своихъ дѣтенышей.

Воробей—сторожъ—самый примѣрный часовой. Его и слушаются всѣ. Закричитъ онъ: чр ррр... чр-ррр!.. и все, что беззаботно скакало по дорожкѣ, чиликало и прыгало, съ шумомъ бросается въ самую чащу кустовъ акаціи или сирени. Въ минуту все смолкнетъ. Часовой увидалъ врага и слѣдитъ за нимъ А этотъ врагъ лютый, злой, безпощадный—ястребъ-перепелятникъ. Давно запримѣтилъ его воробей, еще тамъ вдали, когда онъ неслышнымъ полетомъ вывернулся изъ-за крайней избы и направился по задворкамъ. Ястребъ ближе, ближе; воробей все сидитъ. Воробьята ни гугу, какъ будто и нѣтъ ихъ; а часовой все сидитъ на вѣткѣ. Замѣтилъ его ястребиный глазъ, взмахнулъ лѣсной разбойникъ крыльями: разъ, два...—анъ воробья уже нѣтъ. Камнемъ упалъ онъ въ кусты акаціи, а на его мѣстѣ очутился ястребъ. Сидитъ дуракъ-дуракомъ; вцѣпились когти въ зеленую вѣтку и замерли. Досада гложетъ хищника, а ласточки еще издѣваются: чивитъ.. чивитъ... и одна за другой подлетаютъ къ нему. Зло смотрятъ на нихъ и кругомъ желтые глаза; знаетъ ястребъ, что тутъ цѣлая сотня воробьевъ сидитъ въ чащѣ вѣтвей, да гдѣ же ихъ достать? Встряхнулся и полетѣлъ дальше. На его мѣстѣ опять сѣлъ часовой-воробей, а на дорожку съ шумомъ высыпала изъ зеленой листвы цѣлая толпа воробьятъ.

М. Львовъ.

Продолженіе будетъ.

Наши новѣйшія руководства для юношества:

Какъ писать сочиненія?

(Рецензія).

С. Р. М. «Сборникъ сочиненій на темы по русскому языку съ приложеніемъ перечня темъ, бывшихъ на конкурсныхъ экзаменахъ въ институтахъ: Путей Сообщенія, Технологическомъ и Горномъ». Вып. I. Спб. 1900. Цѣна 1 руб.

А. Ѳ. Булгаковъ. «Руководство къ конкурснымъ темамъ по русскому языку поступающимъ въ Институты: Технологическій, Путей Сообщенія, Горный, Лѣсной, Электротехническій, Гражданскихъ Инженеровъ, Московское Техническое Училище, а равно и для самообразованія и усовершенствованія въ способѣ изложенія сочиненій домашнихъ и классныхъ ученикамъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ». Вып. 1 Спб. 1899. Цѣна 1 руб.

Наша учебная литература продолжаетъ обогащаться различными сборниками сочиненій на темы по русскому языку и руководствами къ конкурснымъ темамъ. Насколько въ дѣйствительности полезны эти изданія, это другой вопросъ.

Къ первому изъ сборниковъ, заглавія которыхъ выписаны выше, приложенъ перечень темъ, для конкурсныхъ экзаменовъ въ 3-хъ институтахъ; но относительно почти половины этихъ темъ (о 44 изъ 91) не сказано, предлагались ли онѣ на экзаменахъ въ какомъ-либо изъ названныхъ институтовъ. Поэтому и интересъ къ этимъ темамъ со стороны преподавателей русскаго

языка, по моему мнѣнію, долженъ быть не великъ. Сборникъ темъ, бывшихъ на конкурсныхъ экзаменахъ въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, былъ бы для преподавателей русскаго языка интересной, а, пожалуй, даже и полезной въ практическомъ отношеніи книгой. Да и не для нихъ однихъ онъ былъ бы любопытенъ, а и вообще, какъ показатель тѣхъ требованій, какія предъявляются къ лицамъ, желающимъ поступить въ высшія спеціальныя учебныя заведенія. Но въ такомъ случаѣ должно перечислить темы за болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени, конечно, съ указаніемъ года, въ которомъ та или другая тема предлагалась на экзаменѣ въ какомъ-либо изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Впрочемъ, мои слова не могутъ служить упрекомъ для составителя настоящаго сборника, такъ какъ онъ, прилагая перечень темъ, не имѣлъ въ виду той цѣли, о которой я только что говорилъ. Поэтому и указанное мною обстоятельство не является особеннымъ недостаткомъ разбираемой книги.

У даннаго сборника есть однако такіе недостатки, которые дѣлаютъ его совершенно безполезнымъ. Такъ, напр., много сочиненій составлено на избитыя темы. Многія изъ разработанныхъ здѣсь темъ можно найти въ другихъ сборникахъ, напр., Гаврилова, гдѣ тѣ же самыя темы, правда, иногда иначе выраженныя, разработаны гораздо обстоятельнѣе. Таковы темы: «Взглядъ Пушкина на поэзію», «Воззрѣніе Пушкина на поэта, его призваніе и служеніе обществу». Срав. у Гаврилова (темы, расположенія и матеріалы. Изд. 2-е Спб. 1887): «Поэтъ по воззрѣнію Пушкина». Далѣе «значеніе фотографіи» —одна и та же тема въ разбираемомъ сборникѣ и у Гаврилова. «Не бойся ѣдкихъ осужденій, но упоительныхъ похвалъ» —то же самое. «Корень ученія

горекъ, но плоды его сладки» — одна и та же тема въ обоихъ сборникахъ. «Конецъ вѣнчаетъ дѣло» — у г. С. Р. М. а у Гаврилова: «Добрый конецъ всему дѣлу вѣнецъ», и нѣкоторыя другія темы.

Необходимой принадлежностью сборника, подобнаго разбираемому, должны быть планы сочиненій. Неизвѣстно, чѣмъ руководился г. С. Р. М., не приложивъ ихъ почти къ половинѣ всего числа разобранныхъ имъ темъ (къ 45 изъ 100). Трудно также понять, кому могутъ быть полезны планы, подобные тому, который приложенъ къ сочиненію на тему: «Взглядъ Крылова на образованіе». Привожу его. Вступленіе: Взглядъ современниковъ Крылова на образованіе. Изложеніе: Взглядъ Крылова на образованіе. Заключеніе: Значеніе басенъ Крылова. Или же возьмемъ планъ къ сочиненію: «Насколько въ произведеніяхъ Державина отразился вѣкъ и современный человѣкъ?» Вступленіе: Державинъ — пѣвецъ Екатерины II. Изложеніе: Насколько въ произведеніяхъ Державина отразился вѣкъ и современный человѣкъ? Заключеніе: Державинъ вѣрный сынъ своего вѣка. Такого же рода «планы» приложены къ сочиненіямъ на темы: «Опытъ—дорогой наставникъ», «Стародумъ (характеристика)», «Удобство и неудобство жизни въ большихъ городахъ», «Изобразительныя средства языка». Составленіемъ плановъ имѣется въ виду научить учениковъ разрабатывать тему до мельчайшихъ подробностей. Изъ приведенныхъ выше плановъ и имъ подобныхъ учащійся можетъ почерпнуть лишь свѣдѣніе о томъ, что въ сочиненіи бываютъ три знаменитыя части: вступленіе, изложеніе и заключеніе, напоминающія собою не менѣе знаменитыя три единства ложно-классической драмы. Такимъ образомъ, и съ этой стороны сборникъ неудовлетворителенъ.

Также мало полезными окажутся и нѣкоторыя изъ сочиненій разбираемаго сборника, представляющія собою не что иное, какъ простое изложеніе соотвѣтствующихъ литературныхъ произведеній. Таковы: «значеніе трехъ штилей Ломоносова», «О любви физической» (изложеніе отрывка изъ разсужденія Карамзина: «О любви къ отечеству и народной гордости»), «Типъ кулака по «Мертвымъ душамъ» —Гоголя (главнымъ образомъ на основаніи типа Собакевича») и друг. Должно еще замѣтить, что заглавіе: «О любви физической», не точно, такъ какъ въ сочиненіи говорится о физической любви *къ отечеству,* а не вообще о физической любви. Точно также сочиненіе—«Типъ кулака по «Мертвымъ душамъ»— «Гоголя» представляетъ собою простую характеристику Собакевича. Правда, Собакевичъ—кулакъ, но не всѣ черты, характеризующія его, принадлежатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всякому другому кулаку. Такъ, напр., внѣшность Собакевича: развѣ всѣ кулаки, подобно ему, должны походить по внѣшнему своему виду на медвѣдей? развѣ у нихъ у всѣхъ должны быть чрезвычайно широкія спины и ноги, похожія на чугунныя тумбы? развѣ всѣ они для довершенія сходства съ медвѣдемъ должны носить фраки «медвѣжьяго цвѣта»? Такимъ образомъ, характеризуя типъ кулака, на основаніи литературнаго портрета Собакевича, не должно включать въ характеристику чертъ, надобныхъ указанной, такъ какъ онѣ могутъ и не принадлежать этому, составляя, напр., въ данномъ случаѣ индивидуальную особенность Собакевича. А разъ въ сочиненіи указаны подобныя черты, получается простая характеристика Собакевича, а вовсе не какого-то отвлеченнаго типа кулака.

Подобно тому, какъ шаблонны нѣкоторые планы сочиненій въ книгѣ г. С. Р. М, такъ же шаблонны и

заключенія иныхъ изъ этихъ сочиненій: по большей части это—только «выводъ изъ всего сказаннаго». Такой характеръ «сочиненій» можетъ пріучить лицъ, пользующихся этой книгой, къ шаблону, къ рутинѣ, что едва ли желательно для учащихся, если имѣть въ виду дѣйствительную пользу для ихъ умственнаго развитія.

Перехожу теперь къ языку разбираемаго сборника. И съ этой стороны сборникъ оставляетъ желать много лучшаго. Встрѣчаются погрѣшности противъ синтаксиса. Напр.: «Въ своей элегіи «Сельское кладбище» Жуковскій показываетъ намъ общее равенство передъ смертію, и что мраморная доска или памятникъ свидѣтельствуютъ только о людской надменности» (стр. 62). Невозможное соединеніе союзомъ «И» придаточнаго дополнительнаго предложенія съ простымъ дополненіемъ. Вѣроятно, недосмотромъ объясняется такое неправильное выраженіе:... «если бы пришлось въ немногихъ словахъ охарактеризовать Карамзина, то трудно найти *лучшаго эпитета* для его краткой характеристики, какъ «чувствительный» (стр. 149).

Гораздо многочисленнѣе ошибки автора противъ ясности и точности выраженія. Такъ, напр., возьмемъ слѣдующій отрывокъ: «Помимо своихъ примѣненій въ различныхъ отрасляхъ наукъ, она (фотографія) сдѣлалась могущественнымъ средствомъ въ искусствѣ,—особенно въ архитектурѣ, такъ какъ даетъ возможность копировать на бумагу прекрасныя произведенія пластики, *чтобы впослѣдствіи перенимать ихъ самимъ, ловя на глазахъ одинъ только точный снимокъ*» (стр. 35). Что такое значитъ: «ловить на глазахъ точный снимокъ»? Или другое мѣсто: «Такъ погибъ Шибановъ, полный самоотверженія, которое является выдающейся чертой его характера, но эта черта не рѣдкое явленіе среди

русскаго народа. Она часто проявляется и въ обыденной жизни, въ выдающихся событіяхъ описывается же она, какъ въ литературѣ, такъ и въ исторіи» (Стр. 136.). Опять не совсѣмъ понятно, что хотѣлъ сказать авторъ второй половиной послѣдняго сложнаго предложенія. Еще примѣръ на стр. 75. «Каждый человѣкъ, выбирая карьеру, сообразуется съ тѣмъ, къ чему онъ имѣетъ любовь и призваніе, такъ какъ только тогда онъ можетъ всею душою отдаться своему любимому предмету и добросовѣстно исполнить возложенную на него обязанность». Снова неточность выраженія: не «сообразуется», а «долженъ сообразоваться», потому что не всегда выбираютъ карьеру по призванію, а иногда и по другимъ соображеніямъ. И самъ авторъ это понимаетъ, что видно изъ его же дальнѣйшихъ словъ: «Выборъ карьеры, впрочемъ, не всегда всецѣло зависитъ отъ насъ, *иногда люди съ огорченіемъ принуждены бываютъ отказаться отъ своихъ надеждъ и плановъ* вслѣдствіе того, что не были въ состояніи во время пріобрѣсти подходящей подготовки въ умственномъ развитіи, *и еще чаще матеріальное положеніе заставляетъ насъ избирать занятіе, приносящее больше денежныхъ выгодъ*» (76 стр.).

Иногда неточность выраженія соединяется у г. С. Р. М. съ непониманіемъ. Напр., онъ говоритъ: «Итакъ, мы видимъ, что Пушкинъ сознавалъ свои заслуги, и не разъ онъ высказывалъ, что смотрѣлъ на свое призваніе, какъ на жречество, но онъ не ждалъ наградъ при жизни, «не требуя вѣнца», и *безсмертіе казалось ему лучшею цѣлью его бытія,* что и высказалось въ его словахъ:

«Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній,
Что предпочелъ бы я скорѣй

Безсмертію души моей
Безсмертіе своихъ твореній» (123 стр.).

Ясно, что Пушкину «лучшею цѣлью бытія казалось» безсмертіе его твореній. Очевидно, что г. С. Р. М. не понимаетъ, о какомъ безсмертіи идетъ рѣчь у Пушкина, иначе онъ выразился бы точно.

На слѣдующей 124 стр. мы читаемъ слѣдующее: «Онъ (Фамусовъ) смотрѣлъ на замужество своей дочери, какъ на средство для достиженія высшей должности, а не какъ хорошій отецъ, который желаетъ осчастливить свою дочь». Мнѣ не приходилось еще ни читать, ни слышать болѣе нелѣпаго замѣчанія.

Въ сочиненіи на тему: «Знаніе—сила» (28—29 стр.), г. С. Р. М. пишетъ: «Это изреченіе было впервые произнесено французскими и нѣмецкими писателями, а затѣмъ стало общимъ достояніемъ, обратившись въ обыденную поговорку». Невольно является вопросъ, кѣмъ же это изреченіе произнесено ранѣе—французскими или нѣмецкими писателями? Ну, да это еще пустякъ сравнительно съ дальнѣйшимъ. Подъ «силою» здѣсь разумѣется всякое съ нашей стороны умственное напряженіе, потребное для преодолѣнія различныхъ препятствій (29 стр.). Совершенно ложное толкованіе. Стоитъ только сопоставить это изреченіе хотя-бы съ выраженіемъ: «этотъ человѣкъ—сила», т.-е. «этотъ человѣкъ имѣетъ значеніе», чтобы видѣть, что словомъ «сила» здѣсь указывается на значеніе знанія для человѣка. Поэтому и въ сочиненіи на данную тему приходится говорить о томъ, какое значеніе имѣетъ знаніе, т.-е. говорить о пользѣ и вредѣ знанія, что дѣлаетъ и самъ г. С. Р. М., лишь неправильно толкуя понятіе «сила».

Другой подобный примѣръ неправильнаго толкованія находится у г. С. Р. М. въ сочиненіи: «При какихъ

условіяхъ трудъ становится легокъ?» «Подъ трудомъ мы разумѣемъ вообще все то, что вызываетъ съ нашей стороны нѣкоторое усиліе, какъ физическое, такъ и умственное, которое можетъ быть или очень велико, или же незначительно» (63 стр.). Итакъ, если у г. С. Р. М. явилось какое-нибудь желаніе, и для исполненія его онъ долженъ сдѣлать «нѣкоторое усиліе, какъ физическое, такъ и умственное», то выходитъ, что это желаніе г. С. Р. М. есть трудъ, такъ какъ «вызываетъ у него нѣкоторое усиліе». Поздравляемъ автора съ такимъ трудомъ, хотя, повидимому, нашъ авторъ уже начинаетъ заговариваться.

Откроемъ 23-ю стран, «Нужно считаться», читаемъ мы тамъ: «съ мнѣніемъ общества, касающимся правилъ морали, и съ мнѣніемъ о разныхъ недостаткахъ нашего характера. Человѣкъ долженъ подчиняться правиламъ морали, касающимся чести и лжи, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ не будетъ пользоваться уваженіемъ общества и даже можетъ подвергнуться изгнанію изъ его среды». Слѣдовательно, правъ былъ Евг. Онѣгинъ, убивъ на дуэли своего друга Ленскаго, такъ какъ онъ «подчинялся правиламъ морали, касающимся чести и лжи», нарушивъ которыя онъ «не пользовался бы уваженіемъ общества и могъ бы даже подвергнуться изгнанію изъ его среды». Снова разсужденія г. С. Р. М. приводятъ къ нелѣпому выводу. «Но руководствоваться въ жизни правиломъ: «а что скажутъ?» въ такихъ вопросахъ, какъ научныхъ, политическихъ и религіозныхъ и различнаго рода предубѣжденіяхъ и предразсудкахъ, никакъ не слѣдуетъ. Дѣйствительно, общественное мнѣніе такъ же ошибочно, какъ и частное, вслѣдствіе недальновидности и незнакомства съ дѣломъ» (24 стр.). А руководствоваться

этимъ правиломъ въ вопросахъ, «касающихся чести и лжи», можно, даже, по словамъ г. С. Р. М., должно, какъ будто правила морали, «касающіяся чести и лжи», не составляютъ продукта общественнаго мнѣнія, которое можетъ быть «такъ же ошибочно, какъ и частное». Это противорѣчіе въ словахъ нашего автора можно, по моему мнѣнію, объяснить лишь тѣмъ, что онъ заботился только о томъ, чтобы что-нибудь написать, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ пишетъ.

А вотъ другой примѣръ подобнаго противорѣчія. «Очень часто случается», говоритъ г. С. Р. М.: «что человѣкъ и безъ всякаго содѣйствія достигаетъ умственнаго развитія. Примѣромъ можетъ послужить *Ломоносовъ, который только благодаря своей энергіи въ высшей степени развилъ свои умственныя способности и пробилъ себѣ путь»* (49 стр.). А на стр. 22 мы читаемъ слѣдующее»: Кромѣ того, богачъ можетъ помогать бѣднякамъ, и, обезпечивая ихъ въ матеріальномъ отношеніи, способствовать ихъ образованію и развитію. Примѣромъ этому можетъ служить извѣстный въ Римѣ богачъ—меценатъ, покровительствовавшій искусству и и просвѣщенію, или же русскій меценатъ, *Шуваловъ, благодаря которому Ломоносовъ получилъ возможность продолжать начатое имъ образованіе: не будь Шувалова, можетъ-быть, мы не имѣли бы этого великаго писателя»*. Итакъ, чему же мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ такого писателя, какъ Ломоносовъ, энергіи ли самого Ломоносова, или же просвѣщенному уму Шувалова?

Въ своихъ историко-литературныхъ познаніяхъ авторъ разбираемаго нами сборника, повидимому, нейдетъ далѣе учебниковъ Орлова и Незеленова. Такъ, напр., онъ еще продолжаетъ дѣлить богатырей на стар-

шихъ и младшихъ *),—взглядъ, не только отвергнутый наукой, но уже изгоняемый нѣкоторыми преподавателями и изъ школы. См. книжку А. Алферова и А. Грузинскаго: «Сборникъ вопросовъ по исторіи русской литературы (Курсъ средней школы»). Москва. 1900. Въ предисловіи къ ней на стр. 8 читаемъ: «Другая особенность отдѣла народной поэзіи состоитъ въ устраненіи совершенно ненаучнаго дѣленія богатырей на старшихъ и младшихъ». Конечно, большинство преподавателей продолжаетъ держаться этого не научнаго взгляда, но вѣдь это не оправданіе для г. С. Р. М.

Остановимся еще на разсужденіи нашего автора о романтизмѣ. Сентиментализмъ, будучи одностороннимъ въ томъ отношеніи, что только описывалъ сердечную жизнь человѣка, а другую сторону его внутренней жизни, а именно духовную, оставлялъ безъ вниманія, не былъ достаточно силенъ для борьбы съ ложноклассицизмомъ, окончательный ударъ которому былъ нанесенъ тогда, когда нѣкоторые нѣмецкіе писатели, задумавъ обновить зараженную ложноклассицизмомъ литературу, стали заимствовать сюжетъ для своихъ произведеній изъ средневѣковаго быта. Произведенія этихъ писателей, имѣвшія отношеніе къ среднимъ вѣкамъ, получили названіе романтическихъ: поэтому образовалось новое направленіе въ литературѣ-романтизмъ, который представляетъ болѣе сильное и глубокое чувство, чѣмъ сентиментализмъ, потому что изображаетъ внутренній міръ человѣка, его стремленія къ возвышенному, но неопредѣленному идеалу, раскрываетъ несовершенство здѣшней жизни» (17 стр.). Вотъ какъ легко рѣшается вопросъ

---

*) См. тема LXXIX: «Черты русскаго быта по былинамъ», стр. 112.

о «возникновеніи и сущности романтизма», а ученые ломаютъ головы, чтобы объяснить это сложное явленіе.

Въ заключеніе остановлюсь на стилистическихъ промахахъ автора. Приведу три неравныхъ отрывка для сужденія о слогѣ г. С. Р. М.

1) «Изъ германскихъ писателей этого (сентиментальнаго) направленія упомянемъ Геллерта, который своею «Жизнью шведской графини Г» пересадилъ на нѣмецкую почву сентиментально поучительный семейный романъ Ричардсона, *на* (?) Іоганна Гермеса, написавшаго 5-ти томный романъ въ письмахъ: «Путешествіе Софіи изъ Мелика въ Саксонію», въ которомъ *сдѣлалъ длинноту Ричардсона еще длиннѣе*, далѣе на Генти, на Іоганна Миллера, автора повѣсти Зигвартъ, *въ безконечной слезливости которой собрались всѣ ингрегенты* тогдашней чувствительности и мечтаній о добродѣтели и дружбѣ» (60 стр.).

2) «*Твореніе произведеній искусства* требуетъ отъ производителя любви къ нимъ, потребности созданія и не можетъ быть вызвано принужденіемъ, и является только по желанію самого производителя и въ этомъ смыслѣ оно—«свободно» (69 стран.).

3) «*Для дѣла развитія военнаго дѣла* усовершенствованные способы передвиженія незамѣнимы» (135 стр.).

Бѣдные читатели сборника г. С. Р. М.!

Этимъ я и закончу свой разборъ. Сказаннаго, полагаю, достаточно для того, чтобы видѣть, съ какого рода изданіемъ мы имѣемъ дѣло. Книга эта не можетъ принести пользы ни преподавателямъ, ни тѣмъ болѣе учащейся молодежи. Это — одна изъ тѣхъ спекуляцій, которыхъ почему то особенно много появилось за послѣднее время. Поэтому, конечно, не можетъ быть и рѣчи о сочувствіи, «съ глубокой надеждой» на которое г. С. Р

М. выпустилъ въ свѣтъ свой сборникъ. На обложкѣ этого изданія стоитъ: Выпускъ I; слѣдовательно, грозитъ опасность, что будетъ продолженіе, можетъ-быть, въ количествѣ нѣсколькихъ выпусковъ. Остается убѣдительно просить автора не издавать ихъ и сохранить себѣ на память въ рукописномъ видѣ, если только продолженію суждено быть въ томъ же родѣ, что и увидавшее свѣтъ начало.

Перехожу къ руководству А. Ѳ. Булгакова.

На обложкѣ его читаемъ: «Предполагается выпустить еще 6 выпусковъ «Руководства» съ изложеніемъ темъ изъ бытовой жизни, описаній, литературы русской и иностранной, исторіи древней, средней, новой и русской, темъ на разсужденіе и логическое мышленіе:

Во всѣ выпуски войдутъ темы, до сей поры не вошедшія и не изложенныя ни въ одномъ изъ сборниковъ. Кромѣ того, если тема потребуетъ указанія на литературу предмета, то будутъ приведены подробно источники и пособія иностранныя и отечественныя». Дѣйствительно, въ настоящемъ, I мъ выпускѣ при нѣсколькихъ темахъ сдѣланы такія указанія на литературу предмета, что составляетъ хорошую сторону этой книги. Однако, одно обстоятельство дѣлаетъ, по моему мнѣнію, излишними всякія рѣчи о «Руководствѣ». Несмотря на громкое заявленіе, что во всѣ выпуски войдутъ темы, до сихъ поръ не вошедшія и не изложенныя ни въ одномъ изъ сборниковъ», какъ разъ въ I-мъ же выпускѣ мы находимъ совершенно обратное. Такъ, тема: «Вліяніе бѣдности и богатства на нравственность» (стр. 10—12) представляетъ мѣстами дословную перепечатку, а мѣстами переработку того, что говорится въ упоминавшемся мною выше сборникѣ Гаврилова на тему: «Бѣдность и богатство по ихъ вліянію на нрав-

ственность» (И. Гавриловъ «Темы, расположенія и матеріалы» Изд. 2 е. 1887, стр. 54—55).

Далѣе, тема: «Какое преимущество Европы передъ Америкой?» (стр. 34—35)—дословная перепечатка изъ сборника же Гаврилова того, что тамъ говорится на тему: «Европа и Америка», подъ рубрикой А (56 стр.). Прибавлено въ началѣ слово «условія», а въ концѣ «Заключеніе: Европа имѣетъ свою вѣковую исторію».

Тема: «Конецъ вѣнчаетъ дѣло» (40 стр.)—плохая переработка того, что находимъ у Гаврилова на тему: «Добрый конецъ всему дѣлу вѣнецъ» (9—10 стр.).

Тема: «Любопытство съ положительной и отрицательной стороны разработана не безъ помощи Гаврилова. Сравн. у послѣдняго «Любопытство и любознательность» (51 стр.).

Тема: «Надежда и воспоминаніе» (45—46 стр.) представляетъ мѣстами дословную перепечатку, мѣстами переработку того, что говорится на ту же тему въ «Сборникѣ темъ и плановъ для сочиненій» С. Весина. Изд. 2-е. Спб. 1887. Стр. 49—51.

Наконецъ тема: «Поэтъ по воззрѣніямъ Пушкина» (стр. 70)—дословная перепечатка изъ сборника Гаврилова («Поэтъ по воззрѣнію Пушкина») даже съ соблюденіемъ его ошибки. У Гаврилова на стран. 151 читаемъ цитату изъ Пушкина съ указаніемъ источника:

«Въ глуши звучнѣе голосъ лирный,
Живѣе творческіе сны». («Ев. Онѣг». I, 35).

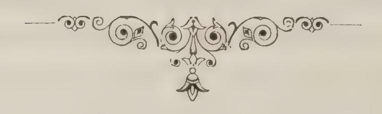
То же самое у г. Булгакова на стр. 74. На самомъ дѣлѣ эти два стиха находятся не въ 35-й строфѣ

I-й главы: «Евгенія Онѣгина», а въ 55-й. См. «Соч. Пушкина», Изданіе Литературн. Фонда, 1887 г., т. III, стран. 257.

На этомъ мы и покончимъ съ «Руководствомъ» г. Булгакова.

Н. Кашинъ.

Тула, 1900. VIII, 29.

„ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ"

ИЗДАТЕЛЯ

Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Съ 2,224 политипажами, въ томъ числѣ 813 портретовъ и 37 географическихъ картъ, гравированныхъ въ Парижѣ. Цѣна въ каленкор. переплетѣ 3 руб. С.-Петербургъ. 1899.

Появленіе этого словаря вызвало уже отзывы періодической печати. Послѣдовавшая же въ скоромъ времени смерть автора-издателя дала поводъ многимъ журналамъ и газетамъ останавливаться не только на издательской дѣятельности покойнаго, но въ общихъ чертахъ и на его произведеніяхъ и въ томъ числѣ на «Энцик. Слов.». Послѣдній, такимъ образомъ, обратилъ на себя должное вниманіе. Но нельзя сказать, чтобы критика встрѣтила новый трудъ единодушными одобреніями. Достаточно для этого сравнить отзывы, помѣщенные въ журналахъ: «Историч. Вѣстникъ» 1899, сентябрь; «Вѣстникъ Воспитанія» 1900, апрѣль; «Извѣстія» изд. Вольфа, годъ III, № 5; «Нива» 1899, № 9 (Ежемѣсячное приложеніе) и проч. Въ общемъ однакожъ сокращенная энциклопедія, какъ можетъ быть названъ словарь, заслужила похвалы и привѣтствуется многими съ удовольствіемъ и благими пожеланіями, съ одной стороны, широкаго распространенія и, съ другой—усовершенствованія въ дальнѣйшихъ изданіяхъ, на которыя можно разсчитывать.

«Энцикл. Слов.» представляетъ очень толстый томикъ, въ 16-ю д. л., въ 2,920 страницъ (столбцовъ); изъ нихъ «Добавленіе» занимаетъ съ 2,871 й по 2,884 стр. и «Слова и выраженія, сохраняющія въ русской печати свое иностранное написаніе» съ 2,885 до конца. Текстъ расположенъ въ два столбца, по которымъ и идетъ пагинація. Шрифтъ мелкій и убористый, при чемъ названія и термины напечатаны болѣе крупнымъ, жирнымъ шрифтомъ. Рисунки хотя и мелкіе, но настолько ясные и отчетливые, что вполнѣ удовлетворительно иллюстрируютъ соотвѣтствующее содержаніе. Нѣкоторые изъ рисунковъ, напр.: Гомеръ, Эзопъ и др., собственно говоря, ничего не даютъ, и они могли бы быть умѣстны развѣ только въ дѣтской книжкѣ и то съ какими-либо характерными особенностями или принадлежностями времени.

Довольно изящная внѣшность словаря (въ переплетѣ), хорошая бумага, исправная корректура и проч. производятъ вообще благопріятное впечатлѣніе, хотя по изяществу и рисункамъ это изданіе нѣсколько и уступаетъ извѣстному «Иллюстрированному Словарю общеполезныхъ свѣдѣній». Подъ ред. Эльпе. Изд. А. С. Суворина.

Особой полноты отъ словаря требовать нельзя; онъ называется просто краткимъ. Самъ авторъ говоритъ, что «имѣлъ въ виду главнымъ образомъ практическія требованія обыденной жизни и вносилъ въ издаваемый словарь только то, что считалъ необходимымъ для средняго интеллигентнаго читателя», подъ которымъ разумѣлъ преимущественно учителя начальной школы, какъ это видно изъ объявленій и нѣкоторыхъ некрологовъ. «За составъ словаря» авторъ всецѣло беретъ на себя «нравственную отвѣтственность»,

хотя «въ составленіи и пересмотрѣ... принимали болѣе или менѣе дѣятельное участіе» и др. лица, отмѣченныя въ самомъ оглавленіи. Само собой разумѣется, что эти стороны, т.-е. полнота и составъ, опредѣленные и ограниченные при томъ чисто личными субъективными соображеніями, могутъ вызвать болѣе всего возраженій, что уже отчасти и сдѣлано періодическою печатью. Мы съ своей стороны ограничимся приведеніемъ нѣкоторыхъ такихъ данныхъ, которыя предоставятъ возможность самому читателю «смѣть свое сужденіе имѣть». Въ словарѣ, напр., нѣтъ словъ а) изъ области церковно-славянской: архимагиръ, анѳипатъ, архисинагогъ, афедронъ, аѳанимъ, батъ, бема, бориѳъ, брашно, Булъ или Вулъ, веліаръ, вербіи, воанергесъ, Гаввааѳа, газофилакія, гера (зерно), гомола, давиръ, Елогимъ, Елулъ, енколпій, епендитъ, епигонатій, еремиты, еродій, ефа, ефодъ, житарь, житомѣріе, запортокъ, звонцы, Зифъ, избытцы, иктинъ, илектръ, илитонъ, иматисма, индитія, искони, истесы, кабъ, кананиты, кидаръ, кинамонъ, киноникъ, кинсонъ, книгочій, котва, кустодія, лентіе, лавида, параеккизіархъ, параманъ,—идъ, пентикостія, подиръ, подкапокъ, подкеларь, подлинникъ, подобны, подризникъ, покоинъ, полиставріонъ, поліелей, рефаимы, ритина, Саватъ, сата, свѣтиленъ, севастъ, сиванъ, сикеръ, сикль, скименъ, скнипа, стамна, степенны, стогна, столпникъ, стража, струфъ, тоболецъ, трихаптонъ, цата (тогда какъ встрѣчаются—вельми, виѳезда, власяница, вонмемъ, вскую, втуне, егда, жупелъ и друг.); б) старинныхъ терминовъ изъ русской исторіи: жиковина, жильцы, дѣти боярскія, изорники, ключникъ и пр.; в) изъ другихъ областей: агіографія, агіасма, агонъ, алфавиты, амфиктіоніи, аналавъ, анафора, анноминація, антеридіи, антецессоръ, антинаціональный, антипасха,

антистрофа, антитринитаріи, апагогическій, аподозисъ, апокопа, апрѣль, ансида, арзисъ, аррадикація, артаба, архіатеръ, ассенизація, астереометръ, ателланы, атемпера, аффиксъ, Базиліанскій, балконъ, бахрама, бахтерцы, беатификація, бегарды, берсекеръ, бестія, бирема, богородичень, браслетъ, буераки, вайделоты, валетъ, ватерпруфъ, винегретъ, волокита, воскомастихъ, втора, гафъ, гзымсъ, гипсометрія, гіады, гномы (краткія изреченія), годометръ, гомериды, гоплиты, горологій, дарикъ, деблокировать, деисусъ, деиктическій, декагонъ, декастеръ, демархія, демественный, демферъ, денница, децимація, диглифъ, дикастерія, дикиріи, диптихи, дисперсія, дифтонгъ, діаволъ, діаріушъ, діасмосъ, довбышъ, дока, докеты, дѣтинецъ, екзапостиларій, желѣзная корона, закулисный, зильбергрошъ, златое число, Ибнъфадланъ, изагогика, изобразительны, индиктіонъ, инсигніи, ирмологій, киріопасха, коливо, кукуль, куличъ, курортъ, кустодія, кушиты, ливрея, лириды, мора и мн. др.

Дальнѣйшее перечисленіе считаемъ излишнимъ: оно потребовало бы еще около двухъ и болѣе страницъ. Такимъ замѣчаніемъ мы вовсе не думаемъ настаивать, чтобы въ словарѣ помѣщены были всѣ названія и термины; мы даже далеки отъ этой мысли; но, намъ кажется, уже самъ читатель можетъ опредѣлить, какія, напр., хотя бы изъ приведенныхъ словъ могли бы имѣть мѣсто въ словарѣ и какія—нѣтъ. Здѣсь, слѣдоват., идетъ рѣчь исключительно объ умѣломъ и цѣлесообразномъ подборѣ словарнаго матеріала.

Кромѣ того, встрѣчается много неполныхъ, неточныхъ и даже невѣрныхъ опредѣленій, каковы: всадники, гетерія, гибриды, интерполяція, интонація, иподіаконъ, источники, катаракта (—ъ?), корифей, курень, ливанъ, лига, систра, строфа и пр. При сл.—декада

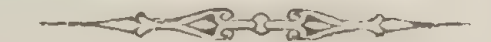
сдѣлана ссылка на республиканскій календарь, между тѣмъ тамъ этого слова нѣтъ. Значеніе декады въ древнегреческомъ календарѣ, откуда оно попало и въ республ., повидимому, авторомъ совсѣмъ не имѣлось въ виду. Совершенно неправильно сказано: «Каѳизма—такъ называется небольшое отдѣленіе псалтири, заключающее въ себѣ отъ 12 до 16 псалмовъ. Во всей псалтири 20 каѳизмовъ» (?). Слѣдов., въ псалтири нужно считать minimum 240 псалмовъ, тогда какъ ихъ на самомъ дѣлѣ 150.

Между «дѣятельными участниками въ составленіи и пересмотрѣ словаря» какъ будто не было филологовъ. Къ такому предположенію приводитъ прежде всего полное отсутствіе этимологическихъ объясненій словъ, хотя это отсутствіе и входило въ планъ словаря, а затѣмъ—допущеніе этимологически неправильныхъ начертаній (слѣд., и производствъ) словъ—мизогалія, мизогенія, мизогенъ, ѵсполать и др.; или, напр., объясненіе, что «Іота—слово, употребляемое иногда въ смыслѣ нуля»... (тогда какъ іота первонач. означаетъ—буква греч. алфавита, маленькая, ничтожная по виду, въ родѣ черточки, ушка—ὠλίον).

Въ заключеніе замѣтимъ, что «Энц. Сл.» въ общемъ очень удобенъ для легкихъ, летучихъ и неглубокихъ справокъ и въ этомъ отношеніи можетъ быть рекомендованъ, какъ лучшее пособіе. Но весьма желательно, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ онъ былъ пересмотрѣнъ возможно тщательнѣе и пополненъ.

Н. Рамзевичъ.

10 мая 1900 г.

Вѣнокъ на могилу А. А. Хованскаго.

Въ день кончины редактора-издателя „Филологическихъ Записокъ“ Алексѣя Андреевича Хованскаго, послѣдовавшей 29 января 1899 г., между почитателями покойнаго возникла мысль увѣковѣчить память его учрежденіемъ фонда имени Хованскаго стипендіи въ одномъ изъ учебныхъ заведеній города Воронежа. Сборъ пожертвованій для означенной цѣли принялъ на себя законоучитель Михайловскаго Воронежскаго кадетскаго корпуса, въ которомъ нѣкогда свыше 20 лѣтъ учительствовалъ почившій (1845—1867).

Воронежцы весьма сочувственно отозвались на доброе дѣло въ память Хованскаго, и многіе внесли свою лепту. Затѣмъ стали поступать пожертвованія „на стипендію имени А. А. Хованскаго“ и изъ другихъ городовъ, такъ какъ покойный своими „Филологическими Записками“ служилъ всей Россіи.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ *на стипендію имени Алексѣя Андреевича Хованскаго въ одномъ изъ учебныхъ заведеній г. Воронежа поступили отъ слѣдующихъ лицъ:*

Отъ: А. Н. Безрукова 100 р., Е. Л. Маркова 5 р., А. П. Киселева 5 р., П. Г. Дерибезова 5 р., А. А. Кордюкова 1 р., К. А. Веретенникова 5 р., А. Г. Боргестъ 3 р., И. Т. Алисова 10 р., П. И. Макарова 3 р., К. В. Федяевскаго 3 р., А. П. Клочкова 10 р., И. В. Воробьевскаго 1 р., А. Ф. Комарова 3 р., В. М. Долгополова 3 р., А. В. Стрижевскаго 5 р., Н. А. Рѣпина 5 р., А. І. Калишевскаго 3 р., К. А. Смирнова 2 р., П. Л. Андреева 2 р., С. А. Ситникова 2 р., В. П. Ефремова 2 р., Г. М. Еременко 1 р., Н. С. Зацѣпина 2 р., С. И. Славатинскаго 3 р., И. И. Щербова 2 р., И. И. Черникова 2 р., П. П. Брзобогатаго 2 р., М. А. Кирика 1 р., А. И. Орлова 1 р., В. Л. Лепельтье 1 р., Н. Н. Лебедева 1 р., С. П. Гулевича 1 р., А. А. Бабченко 1 р., А. А. Корнилова 1 р., И. М. Бокова 1 р., Л. С. Герстъ 1 р., Г. Г. Лѣпнева 1 р., А. А. Мацкова 1 р., Н. И. Поликарпова 1 р., В. И. Колюбакина 5 р., Г. А. Майзель 2 р., С. П. Буренина 1 р., Ф. А. Щербины 3 р., С. Н. Сто-

роженскаго 1 р., С. С. Розенберга 1 р., Ф. П. Халютина 1 р, И. Е. Сазонова 1 р., С. В. Мартынова 1 р., В. М. Якимова 5 р., Г. С. Вашкевича 3 р., М. Н. Былова 2 р., П. С. Лебедева 1 р., А. М. Дядькова 1 р., Г. А. Новочадова 2 р., М. А. Фомишкина 1 р., Э. Ф. Магена 1 р,, В. Ф. Сольскаго 2 р., А. Н. Ваулина 1 р., І. Н. Ступина 1 р., К. Р. Поль 1 р., А. А. Орла 2 р., В. И. Исаева 100 р., М. Н. Эриной 1 р., Д. Г. Тюменева 1 р., С. В. Григорьева 1 р., Г. А. Жукова 3 р., В. Ф. Матвѣева 1 р, Д. Д. Турова 1 р., И. П. Баранова 1 р, С. Н. Трубченинова 1 р., М. М. Красовскаго 3 р., В. М. Яковлева 2 р., Л. В Ачкасова 1 р., В. В. Бушнева 2 р., К. М. Сконечнаго 3 р., бар. А. А. Сталь-фонъ-Гольстейнъ 5 р., В. Ф. Спримонъ 3 р., N. N. 1 р., Р. І. Анвельдтъ 3 р., Н. Г. Бѣлотѣлова 1 р, С. С. Иноземцева 2 р., Ф А. Уварова 1 р., И. А. Прозоровскаго 1 р., С. Н. Прядкина 3 р., М. И. Успенскаго 1 р., А. В. Алексѣевскаго 1 р., А. Х. Сабинина 3 р., В. Г. Лазорина 1 р., К. Е. Анохина 50 к., А. А. Рехакъ 50 к., К. И. Бухонова 5 р., С. А. Степанцева 1 р., И. Е. Агафонова 2 р., Дмитріева 1 р., Ф. Н. Сотенскаго 3 р., А. С. Суворина 100 р., В. Я. Страдомскаго 2 р., М. П. Григоровскаго 3 р., М. И. Высоцкаго 2 р, Я. П. Рябоконева 2 р., Л. П. Горбункова 1 р., М. А. Чубинскаго 1 р., С. Н. Николаева 2 р., В. В. Шиллера 3 р., И Е. Сазонова 1 р., Ю. В Жендзянъ 1 р., Б. О. Гаазе 2 р., И. Ѳ. Керсека 1 р., І. М. Васильева (свящ.) 1 р. Протоіерея А. М. Спасскаго 2 р., протоіерея В. П. Борисоглѣбскаго 1 р., священника В. И. Базилевича 1 р., священника Ѳ. К. Склобовскаго 3 р., протоіерея М. И. Романовскаго 1 р., И. С. Орлова 1 р., В. М. Милованова 50 к., В. А. Боголюбскаго 1 р, С. А. Алферова 1 р., Н. А. Палецкаго 50 к., С. В. Беневскаго 1 р., К. В. Федяевскаго 1 р., И. Я. Каминскаго 50 к., Ф. И. 50 к., С. Н. Милютина 50 к., Г. Ѳ. Запольскаго 50 к., А. В. Ковалевскаго 1 р., П. В. Никольскаго 1 р., А. Л. Дольскаго 1 р., М. Ф. Мартынова 1 р.. Г. А. Цевловскаго 1 р., іероманаха Ѳеодосія 50 к., Д. А. Ткаченко 1 р., Г. Ф, Овсянко 1 р., П. А. Назарова 1 р., священ. В. А.

Бучнева 1 р., свящ. Е. И. Сабинина 1 р., К. Н. Гравировскаго 50 к., А. М. Кирика 1 р., Д. Ф. Викулина 50 к., К. К. Шуринова 3 р., М. А. Веневитинова 25 р., N. N. 5 р., С. М. Карпинскаго 3 р., В. А. Владимірова, М. Е. Обыденнаго, г. Бѣлаго—по 1 р., В. Назарова, Ф. С. Шаповалова, протоіерея І. А. Иванова—по 50 к., Д. С. Кузнецова, А. М. Правдина, священ. Г. Т. Алферова, протоіерея І. В. Адамова, прот. П. Ѳ. Иванова, священ. Н. И. Егорова, прот. В П. Дорошевскаго, Н. С. Богородицкаго—по 1 р., В. И. Кутепова и В. Н. Захарьевскаго—по 2 р., М. М. Петропольскаго, В. А. Нестеренко, С. М. Ублинскаго, В. И. Станкевича, П. Ѳ. Вележева, А. П. Донецкаго—по 1 р., Е. И. Алексѣевскаго 2 р., С. Е. Попова, Д. М. Болховитинова, М. М. Романовскаго, Г. В. Снѣсарева, Е. С. Котова, свящ. Т. И. Донецкаго, Н. П. Осетрова—по 1 р., священ. І. А. Ингеницкаго 3 р., Н. В. Русина 1 р., И В. Титова 20 р. отъ начальницы и служащихъ въ Воронежской Николаевской женской прогимназіи 6 р. 50 к.; свящ. І. Шиповича 1 р.; Д. П. Миллера 1 р.; К. А. Линовскаго 1 р., А. Т. Васильева 1 р., Н. П. Чулкова 1 р., В. Р. Фохта 1 р., В. П. Канышина 1 р., П. Тиховскаго 50 к., А. І. Длуского 1 р., проф. А. П. Никифорова 1 р. И. В. Денисенко 2 р., В. П. Пелина 1 р., Е. И. Леонова, В. В. Житкова и А. Д. 1 р. 50 к., Г. И. Можарова 3 р., В. В. Вяхирева 2 р., Г. И. Недѣтовскаго 2 р., М. В. Попова 1 р., священника Т. А. Крутикова 1 р., И. А. Козакова 1 р., В. К. Смирнова 1 р., А. М. Дядькова 1 р., И. П. Мирошникова 1 р., N. N. 50 к. *Варшавы:* отъ профессора И. П. Филевича 1 р.; изъ *Вслынской губ.*: отъ А. А. Волянскаго 1 р.; изъ *Вѣны*: отъ проф. доктора М. М. Мурко 1 р.; изъ *Казани:* Д. В. Васильева 1 р., проф. И. М. Покровскаго 1 р; *Калиша*: Н. И. Теодоровича 1 р.; *Калуги*: В. М. Кашкарова 1 р.; *Каменецъ-Подольска*: свящ. Е. І. Сѣцинскаго 1 р.; станицы *Каменской*, обл. В. Донскаго: полковника А. П. Чекрыжева 3 р.; *Кіева:* проф. П. В. Владимірова 2 р., проф. В. Б. Антоновича 2 р., проф. протоіерея І. Н. Королькова 3 р., В. Ф. Кистяковскаго 1 р., Е. А. Кивлицкаго 50 к., проф. Н. И. Петрова 1 р.,

А. Ф. Пастернака 1 р., проф. В. С. Иконникова 2 р., проф. М. Н. Ясинскаго 1 р, проф. Т. Д. Флоринскаго 1 р., проф. В. З. Завитневича 1 р., А. М. Лободы 1 р.; *Коротояка*: Л. М. Савелова 5 р.; *Кременчуга*: М. И. Павловскаго 1 р.; *Луцка*: Л. К. Житынскаго 1 р.; *Могилева на Днѣпрѣ*: М. П. И—на 1 р.; *Москвы*: проф. Д. Н. Анучина 2 р, Н. В. Рождественскаго 1 р., В. И. Сизова 1 р., М. В. Довнаръ Запольскаго 1 р., А. П. Бахрушина 10 р.; *Нѣжина*: проф. М. Н. Бережкова 2 р., проф. М. Н. Сперанскаго 3 р., проф. В. К. Пискорскаго 1 р.; *Одессы*: проф. А. И. Маркевича 1 р., проф. П. А. Лаврова 1 р.; *Петербурга*: проф. А. И. Соболевскаго 3 р., А. В. Половцева 2 р., А. С. Раевскаго 2 р., проф. Н. В. Волкова 2 р., проф. Д. И. Абрамовича 2 р., проф. А. К. Бороздина 1 р., В. В. Майкова 3 р., проф. В. И. Ламанскаго 3 р., Б. А. Долячко 1 р., N. N. 1 р.; *Праги*: (Австрія): проф. Ю. И. Поливки 1 р.; *Сергіевскаго посада*: проф. А. Д. Бѣляева 2 р.; *Софіи* (Болгарія): проф. В. Н. Златарскаго 1 р., проф И. Д. Шишмарева 1 р., проф. Л. Милетича 50 к.: *Таганрога*: М. Ѳ. Петропавловскаго—3 р., г. Филевскаго 3 р., Е. Ѳ. Лонткевича 1 р., М. С. Карташева 1 р., г. Казанскаго 1 р., г. Житомірскаго 1 р.; *Умани:* Х. П. Ящуржинскаго 1 р.; *Харькова*: проф. Д. И. Багалѣя 1 р. 50 к.—*Орла*: И. М. Бѣлоруссова 3 р. *Петербурга*: Камергера Высочайшаго Двора В. З. Коленко 15 р, Ѳ. И. Стравинскаго 5 р., В. И. Симонова 25 р. А. А. Чебышова 10 р *Варшавы*: С. Н. Брайловскаго 5 р., *Кіева*: проф. Н. П. Дашкевича 2 р., А. Ч. Степовича 2 р., Г. В. Александровскаго 1 р., *Омска*: К. В. Ельницкаго 2 р. 50 к., А. И. Муратовскаго 2 р. 50 к., *Острогожска:* А. П. Рощиной 5 р., *Валуекъ*: Т. И. Симоновой 1 р., г. *Ливенъ*: А. И. Динтеръ 5 р. Отъ продажи брошюры: „Памяти А. А. Хованскаго“ разнымъ лицамъ 9 р. 50 к. Итого по 15 марта сего года, считая и проценты на капиталъ 920 р. 60 к.

Законоучитель Михайловскаго Воронежскаго кадетскаго корпуса священникъ *Ст. Звѣревъ.*

(Сборъ пожертвованій продолжается).

Содержаніе I—VI вып. „Фил. Зап.“ за 1900 г.

Содержаніе I и II выпусковъ.

Содержаніе III выпуска.

Содержаніе IV—V выпусковъ.

Объяснительное чтеніе нѣкоторыхъ басенъ и стихотвореній — *К. В. Ельницкаго.*

Элементарные уроки по русской грамматикѣ для приготов. кл. средн. учеб. завед. и низш. школъ — *М. М. Львова.*

Объявленія.

При этой книгѣ прилагается „Указатель“ статей „Ф. З.“ за 13 лѣтъ.

Содержаніе VI выпуска.

Объ изданіи „Филологическихъ Записокъ“ въ 1901 году

Очерки изъ исторіи европейской драмы (окончаніе) — *А. А. Чебышева.*

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ (продолженіе) — *Н. В. Шеметовой.*

Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ (окончаніе) — *И. И. Замотина.*

Д. В. Григоровичъ, какъ народный писатель — *П. Н. Щукина.*

Группировка литературныхъ образцовъ, изучаемыхъ въ гимназіяхъ (съ Ломоносова) — *А. В. Барсова.*

Памяти П. В. Шейна — *Н. Н. Вакуловскаго.*

† И. М. Желтовъ — *С. Н. Прядкина.*

Элементарные уроки по русской грамматикѣ. Краткая этимологія для приготов. кл. среднихъ учебныхъ заведеній и низшихъ школъ (продолженіе) — *М. М. Львова.*

Объявленія.

Вновь поступившіе въ продажу оттиски статей и научныхъ изслѣдованій, напечатанныхъ въ „Филологическихъ Запискахъ“.

Прядкинъ С. Н. Памяти А. А. Хованскаго: I. послѣдніе годы жизни, болѣзнь и смерть его. II. вѣнокъ на могилу его. Ворон. 1899 г. Цѣна (съ пересылкой) брошюры съ портретомъ 50 к., безъ портрета 40 к., на лучшей бумагѣ съ портретомъ 65 к.

Вся выручка отъ продажи этой брошюры предназначена на увеличеніе фонда имени А. А. Хованскаго.

Того же автора:

„Двѣ преждевременныхъ жертвы смерти (В. Г. Васильевскій и Н. Я. Гротъ)“. Цѣна съ перес. 10 к., безъ перес. 7 к. 1899 г.

„Памяти А. С. Пушкина“. Цѣна съ перес. 20 к., безъ пер. 15 к. 1899 г.

„Памяти Ивана Саввича Никитина“. Ц. съ перес. 30 к, безъ пер. 25 к. 1899 г.

„Критико-библіографическія статьи и замѣтки“ (разборъ изслѣдованій о Некрасовѣ, Никитинѣ и др.). Ц. съ пер. 25 к., безъ перес. 20 к. 1899 г.

„Критико-библіографич. статьи и замѣтки“ (Замѣтки объ учебникахъ г.г. Смирновскаго и Бородина“ и др.) Ц. съ пер. 25 к. безъ пер. 20 к. 1899 г.

„Къ вопросу о дѣленіи глаголовъ на два спряженія и о правописаніи глагольныхъ формъ“. Ц. съ пер. 10 к., безъ пер. 7 к. 1899 г.

† М. А. Дикаревъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Нѣсколько словъ о положеніи преподавателя русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Ѳоминъ Д. Н. и Прядкинъ С. Н. Въ защиту буквы „ять“ 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

В. М. Г. Въ вопросу о положенiи преподавателя русскаго языка въ гимназiяхъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Бунаковъ Н. Ѳ. Сто лѣтъ со дня рожденiя Пушкина 1899 г. Ц. 15 к., съ перес.

Будде Е. Ѳ. проф. Я. П. Полонскiй, какъ поэтъ. 1899 г. Ц. 25 к. съ пересылкой.

Барсовъ А. В. „Живое Слово“ для изученiя родного языка. Практич. курсъ 4-го класса. 1899 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Хованскiй А. А. Живое слово и живые факты. 1899 г. Ц. 10 к. съ перес.

Солоникiо А. И. Введенiе въ миѳологiю Рима. 1899 г. Ц. 50 к. съ перес.

Солоникiо А. И. Кризисъ въ дух. жизни древней Эллады конца V в. до Р. Хр. этико-историческiй очеркъ. 1900 г. Ц. съ пер. 40 к.

Шишмаревъ В. Ѳ. О научныхъ задачахъ исторiи литературы. Ц. 20 к. съ перес.

Козловскiй П. С. 1) нѣсколько словъ о Бѣлинскомъ 2) о нацiон. значенiи литер. дѣятел. А. С. Пушкина. 3) древне и ново-цер.-слав. языкъ, какъ предметъ преподаванiя. 1899 г. ц. 20 к. съ перес. 25 к.

Быстровъ М. Ѳ. Педагогическiе взгляды В. Г. Бѣлинскаго. 1898 г. Ц. съ пер. 10 к.

Романовскiй В. Е. Объ отношенiи географiи и исторiи къ преподаванiю словесности. 1895 г. Ц. съ пер. 25 к.

Дроздовъ М. А. Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина. 1899 г. Ц. съ пер. 25 к.

Ѳоминъ. Д. Н. Значеніе поэтической дѣятельности Пушкина. 1899 г. Ц. 15 к. съ пер. 20 к.

Ѳоминъ Д. Н. Буква Ѣ въ началѣ словъ (сборникъ фразъ съ буквою Ѣ въ коренныхъ словахъ—для списыванія). Ц. съ пер. 30 к.

Ѳоминъ Д. Н. О нѣкоторыхъ практическихъ работахъ по рус. языку. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Стефановскій И. Н. Языкъ произведеній Пушкина и Лермонтова. 1899 г. Ц. 10 к. съ пер. 15 к.

Рамзевичъ Н. К. 1) Правильное производство слова „человѣкъ". 2) Замѣтка о словѣ „Русь" *одобрены Учен. Ком. Мин. Нар. Прос. и допущены въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній*. Ц. съ пер. 15 к.

1) Правильное производство слова „человѣкъ", 2) замѣтка о словѣ „русь" 3) къ объясненію выраженія въ словѣ о полку Игоревѣ „дорыскаше до куръ тмуторокане" 1899 г. Ц. 20 к. съ пер.

Ивановскій В. И. 1) Народный учитель сто лѣтъ назадъ. 2) Методы и предметы ученія при Имп. Екатеринѣ II-й. 1899 г. Ц. 15 к. съ пер. 20 к.

Гороховъ А. Е. Пора изгнать букву „ѣ" изъ рус. алфавита. 1899 г. Ц. 5 к. съ пер. 10 к.

Добровскій В. М. О взаимодѣйствіи плавныхъ фонемъ и дифтонговъ въ созначащихъ корняхъ (новое наблюденіе въ славянскомъ звукословіи. 1899 г. Ц. 20 к. съ пер. 30 к.

Смѣльницкій И. Н. А. С. Пушкинъ, какъ воспитатель русскаго общества. 1899 г. Ц. 25 к. съ пер. 35 к.

Смѣльницкій И. Н. Къ вопросу объ эпосѣ сербскомъ и болгарскомъ. Гайдуцкій эпосъ: значеніе его; причины гайдучества и время возникновенія его. Гайдучество по

сербскимъ и болгарскимъ пѣснямъ. 1899 г. Ц. 40 к. съ пер. 50 к.

Вакуловскій Н. Н. Ученые труды Н. П. Кондакова. 1899 г. Ц. 15 к. съ пер.

Вакуловскій Н. Н. Критико-библіографическія статьи и замѣтки. 1898 и 1899 г.г. Ц. съ пер. 10 к.

Ельницкій К. В. Объяснительное чтеніе стихотв. Лермонтова. 1898 г. Ц. съ пер. 10 к.

Ельницкій К. В. Объяснительное чтеніе стихотвореній и басенъ. 1898 и 1899 г.г. Ц. съ пер. 20 к.

Четыркинъ И. Д. Памяти А. А. Хованскаго. 1900 г. съ пер. 10 к.

Четыркинъ И. Д. Начальныя свѣдѣнія изъ русской грамматики. 1900 г. Третье изданіе. *Первое изданіе одобрено Ученымъ Комит. Мин. Нар. Прос. какъ руководство и занесено въ каталогъ учебныхъ книгъ.* Цѣна съ пер. 30 к.

Дроздовъ М. А. Памяти Д. В. Григоровича. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Рыбинскій В. С. О „Фаустѣ“ Гёте. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Цвѣтаевъ Д. В. проф. Варшавское Общество любителей наукъ. 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

П. К. Г. Темы испытаній зрѣлости по рус. языку предложенныя въ учебныхъ Округахъ М. Н. Пр. въ 1894 по 1897 годъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Горбунковъ Л. П. Проектъ организаціи ученич. библіотекъ при средн. учебн. заведеніяхъ на новыхъ началахъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Мышецкій С. В. „Критонъ“ или „объ обязанностяхъ гражданина„—этическій діалогъ Платона. Переводъ. 1900 г. Ц. съ пер. 15 к

„Указатель“ статей напечатанныхъ въ „Фил. Зап.“ за послѣдніе 13-ть лѣтъ. Цѣна съ пер. 25 к.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ Семинарій и Училищъ. На Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Коммиссіей присужденъ журналу похвальный отзывъ.

ГОДЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

ВЫПУСКЪ III.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.

Типографія В. И. Исаева.

1901.

СОДЕРЖАНІЕ III ВЫПУСКА.

Звуки рѣчи, какъ результаты работъ органовъ.

Всякій звукъ человѣческой рѣчи есть прежде всего результатъ работъ и происходящихъ отъ нихъ движеній (артикуляцій) нашихъ органовъ произношенія Движеніе же органовъ при произношеніи звуковъ, какъ и всякое другое произвольное движеніе частей нашего тѣла, происходитъ единственно благодаря работамъ мускуловъ и исключительно только въ сторону сократившихся одной или нѣсколькихъ мышцъ.

Изъ этого ясно, что тому, кто рѣшается приписывать въ своихъ работахъ по антропофоникѣ тому или другому звуку опредѣленное уложеніе или же артикуляцію, необходимо прежде всего освѣдомиться, имѣются ли для даннаго движенія мускулы, и, значитъ, возможно ли вообще это движеніе; а, такъ какъ безъ ближайшаго знакомства съ мускулами сдѣлать это невозможно, то отсюда прямо вытекаетъ необходимость знакомства антропофонистовъ прежде всего съ мускулатурой органовъ произношенія.

Хотя это такъ просто и понятно, однако у насъ до сихъ поръ рѣдко кто изъ трактующихъ по вопросамъ антропофоники имѣетъ хотя поверхностное знакомство съ указанной мускулатурой, а отсюда то грустное явленіе, что почти въ любой работѣ по антропофоникѣ вы найдете такія вещи, которыя составляютъ простыя выдумки авторовъ.

Указывать на эти промахи не входитъ въ задачи

настоящей работы, но, чтобы наши слова не показались кому голословными, укажу хотя на такой примѣръ: почти двѣ страницы филологическаго журнала (см. «Русск. Фил. Вѣстн»., 1892, 4; стран. 288—289) посвящены только вопросу о томъ, существуютъ ли продольные желобки по длинѣ языка при произношеніи j, или же ихъ не бываетъ... Вопросъ тамъ оставленъ открытымъ «впредь до болѣе тщательныхъ изслѣдованій». На самомъ же дѣлѣ въ этихъ изслѣдованіяхъ не было бы и надобности, если бы авторъ указанныхъ страницъ прежде, чѣмъ указывать на «ясное и наглядное описаніе отдѣловъ мускулатуры», на которое онъ указываетъ въ томъ же журналѣ (1892, 1; стр. 67), самъ познакомился съ этимъ описаніемъ: тамъ не указано мускуловъ, которые могли бы образовать спорный желобокъ, потому что ихъ нѣтъ у человѣка.

Есть и помимо этого много другихъ поводовъ, по которымъ антропофонистамъ необходимо близкое знакомство съ мускулатурой органовъ рѣчи, но укажу только на болѣе важные изъ нихъ.

Кому не извѣстна долгая и упорная борьба антропофонистовъ противъ отождествленія звука и буквы, много и долго тормозившаго выработку болѣе правильныхъ взглядовъ на звуковыя явленія рѣчи,—борьба, не прекратившаяся до сихъ поръ: и теперь можно зачастую слышать о «свистящихъ буквахъ» и полугласныхъ **ъ** и **ь**.

Кажется, освободиться отъ подобныхъ взглядовъ, а тѣмъ болѣе не расширять и не распростронять ихъ слѣдовало бы прежде всего самимъ антропофонистамъ, такъ строго требовавшимъ различать звукъ отъ буквы; на дѣлѣ же вышло совсѣмъ иное: появились большіе трактаты, въ которыхъ математически точно указано,

какое уложенiе органовъ принадлежитъ такому-то звуку (опять-таки соотвѣтствующему вполнѣ той или другой буквѣ), и какое—иному, какъ будто произносимое слово состоитъ изъ такихъ же ясно отдѣленныхъ другъ отъ друга звуковъ a, b, c..., какъ и эти буквы, и будто органы при произношенiи не постепенно переходятъ отъ одного уложенiя къ другому, а дѣлаютъ моментальные (безъ времени) скочки съ уложенiя a на b, съ b на c и т. д.

Если странно было распредѣлять звуки по признакамъ буквъ, то не менѣе странно кроить артикуляцiи по слуху, а не на основанiи признаковъ, имъ самимъ принадлежащихъ. Немудрено, что несоотвѣтствiе артикуляцiй звукамъ вноситъ такую же путаницу въ изслѣдованiя рѣчи, какъ вносило ее несоотвѣтствiе звуковъ буквамъ.

Непосредственное изученiе органовъ рѣчи и ихъ артикуляцiй независимо отъ того, какое онѣ даютъ ощущенiе нашему уху, или какъ это ощущенiе принято обозначать на бумагѣ, могло бы, кажется, послужить къ выясненiю многихъ темныхъ сторонъ звуковыхъ явленiй рѣчи по слѣдующимъ соображенiямъ.

Произнесенное слово исчезаетъ навсегда, умираетъ, а живутъ лишь органы произношенiя, измѣненiе которыхъ или ихъ работъ и можетъ дать намъ то или другое измѣненiе звука. Слѣдовательно, мы можемъ говорить лишь объ измѣненiяхъ органовъ и ихъ работъ, а никакъ не звуковъ, какъ обыкновенно принято говорить въ филологiи. Только упуская это изъ виду, мы такъ легко и охотно объясняемъ звуковыя измѣненiя «ослышками», «описками» и другими подобными факторами, у которыхъ больше враговъ, чѣмъ сторонниковъ, и совсѣмъ забываемъ, что органы и ихъ артикуляцiи имѣ-

ютъ свои причины и свои законы измѣненія, въ результатѣ проявленія которыхъ и получаются звуковыя измѣненія рѣчи.

Каждый языкъ имѣетъ свои особенности, напр.: русскій—полногласіе, чешскій—суженіе гласныхъ, сербо—хорватскій—*а* и т. д., рядомъ съ которыми мы находимъ и много другихъ.

Все это большею частью такого рода явленія, которыя (какъ на нихъ ни посмотри съ тѣхъ точекъ зрѣнія, съ какихъ на нихъ обыкновенно смотрятъ), кажутся въ большинствѣ случаевъ совершенно необъяснимыми. Нѣсколько иное можетъ оказаться, если мы посмотримъ на нихъ съ другой точки зрѣнія.

Каковы бы ни были особенности языковъ, по крайней мѣрѣ индо-европейскихъ, у каждаго лица, говорящаго на одномъ изъ этихъ языковъ, нѣтъ спеціальныхъ органовъ или мускуловъ, работающихъ исключительно только эти особенности: безъ сомнѣнія, работа ихъ распредѣляется между тѣми же мускулами, какіе находятся и у другихъ людей. Между тѣмъ извѣстно, что всякій мускулъ отъ упражненія развивается, становится сильнѣе, отъ уменьшенія же работы—слабѣетъ. Поэтому, если въ языкѣ явится какая-либо особенность, хотя на первое время незначительная, она неминуемо породитъ и новое распредѣленіе работъ между мускулами, а, слѣдовательно, и неравномѣрное ихъ развитіе, которое во всякомъ случаѣ должно сказаться не только на данной особенности, но такъ или иначе отразиться на всей его фонетикѣ.

Существуетъ ли такая разница на самомъ дѣлѣ, это можно подтвердить только путемъ анатомическихъ изслѣдованій органовъ у разныхъ народовъ, а пока настоящая работа имѣетъ цѣлью указать, что большин-

ство особенностей языковъ, по крайней мѣрѣ славянскихъ, указываетъ именно на то, что въ однихъ языкахъ развивались и работали сильнѣе одни мускулы, а въ другихъ другіе, и что большинство особенностей того или другого языка, повидимому, не имѣющихъ между собою ничего общаго, сводится къ одной причинѣ, именно, къ усиленію или ослабленію одного или нѣсколькихъ мускуловъ у лицъ, говорящихъ на этомъ языкѣ.

Понятно, что прежде, чѣмъ приступить къ такому объясненію звуковыхъ особенностей, намъ необходимо познакомиться съ этими мускулами.

Мускулы и основныя движенія при произношеніи.

Выше было уже сказано, что движеніе частей нашего тѣла происходитъ не иначе, какъ только въ сторону работающей мышцы, что можетъ произойти какъ отъ усиленія сокращенія ея самой, такъ равно и отъ ослабленія ея антагониста. Въ покоѣ же органъ будетъ находиться только тогда, когда оба мускула-антагониста будуть работать съ одинаковою силою и именно работать, потому что въ живомъ тѣлѣ мускулы напряжены во все время его жизни.

Ниже мы увидимъ, какъ важно намъ знать указанное здѣсь свойство мышцъ, почему мы прежде всего на него и обратили вниманіе.

Кромѣ того, намъ необходимо знать, что тотъ конецъ мышцы, который при обыкновенныхъ условіяхъ остается относительно спокойнымъ, называется его началомъ, а болѣе подвижной конецъ—прикрѣпленіемъ, т.-е. отъ работы мускула двигается мѣсто прикрѣпленія.

Начало и прикрѣпленіе мышцы опредѣлено и строго различается въ работахъ по анатоміи. А такъ какъ начала и прикрѣпленія перечисляемыхъ ниже мышцъ во всѣхъ работахъ по анатоміи указаны одинаково и именно такъ, какъ здѣсь, то споровъ относительно назначенія той или другой мышцы, а также движенія, которое она даетъ, быть не можетъ.

Прежде всякаго произношенія намъ необходимо раскрыть ротъ. Посмотримъ же, какъ совершается это движеніе, и какія уложенія звуковъ и ихъ измѣненія оно можетъ дать.

Подъ корнемъ языка и почти прямо надъ гортанью, на границѣ передней отвѣсной стѣнки шеи и горизонтальнаго дна полости рта находится подъязычная кость (см. схем. рис. № 1, b).

Подъязычная кость имѣетъ видъ дуги; средняя часть ея расширена горизонтально и называется тѣломъ подъязычной кости, а концы обращены назадъ и называются большими рожками подъязычной кости.

Есть еще два малыхъ рожка подъязычной кости, которые находятся на верхней и задней поверхности тѣла, на мѣстахъ соединенія его съ большими рожками, и обращены косо вверхъ и въ стороны (по направленію къ тому и другому уху).

Подъязычная кость не прикрѣплена къ скелету сухожиліями, а, такъ сказать, виситъ на мускулахъ и можетъ двигаться во всѣ стороны; а, такъ какъ на ней виситъ все дно полости рта, и прикрѣпленъ сверху языкъ, то движеніе ея занимаетъ первенствующее мѣсто въ артикуляціяхъ звуковъ, а не языка (какъ обыкновенно думаютъ), который работаетъ собственными мускулами лишь въ исключительныхъ случаяхъ (напр., въ русск. только при *ж*, *ч*, *ш*), а въ нѣкоторыхъ языкахъ

(напр., латинск., греческ.) работы его, кажется, развились уже послѣ (см. «Изъ лекцій по латинской фонетикѣ» —И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. «Филологич. Зап.» 1886, VI).

Отъ нижней поверхности подъязычной кости идетъ внизъ по передней сторонѣ шеи пара мускуловъ, и мускулу правой стороны соотвѣтствуетъ такой же мускулъ лѣвой стороны. Каждый такой мускулъ называется грудино-подъязычнымъ (см. de), потому что начинается у верхняго конца грудной кости и прикрѣпляется къ тѣлу подъязычной кости. Пара этихъ мускуловъ идетъ вертикально и почти параллельно одинъ другому. Если они будутъ сокращаться, то подъязычная кость будетъ опускаться внизъ, а съ нею опустится все дно полости рта и языкъ.

Для краткости изложенія послѣдующаго будемъ называть это движеніе—движеніемъ къ твердости (звука), или вокализаціи, или же просто движеніемъ къ **а**.

Нѣсколько повыше, кпереди и въ стороны отъ подъязычной кости находится нижнечелюстная кость; она также имѣетъ видъ дуги или подковы, какъ и подъязычная кость, но только здѣсь расширена вся кость и по направленію сверху внизъ; оба конца нижнечелюстной кости болѣе подъ тупымъ, чѣмъ подъ прямымъ угломъ, загибаются кверху и назадъ и оканчиваются каждый двумя отростками; каждый задній отростокъ находится близко къ отверстію уха съ передней его стороны, входитъ въ небольшое углубленіе височной кости и соединяется съ ней сочлененіемъ. Если положить руку такъ, чтобы пальцы приходились какъ разъ впереди и рядомъ съ отверстіемъ уха, а потомъ раскрывать и закрывать ротъ, то легко будетъ ощупать движеніе взадъ и впередъ этого отростка нижней челюсти. Другіе ея отрост-

ки достигаютъ высоты первыхъ, находятся впереди отъ нихъ и приблизительно на такомъ же разстояніи, какова высота тѣла нижней челюсти вмѣстѣ съ зубами

Къ этимъ переднимъ отросткамъ нижней челюсти съ той и другой стороны головы отъ височныхъ поверхностей черепа направляется по мускулу внизъ и впередъ, при чемъ волокна этихъ мускуловъ сходятся въ плоское сухожиліе, которое и обхватываетъ передній отростокъ нижней челюсти (см. mn).

Назначеніе этихъ мускуловъ состоитъ только въ томъ, чтобы закрывать ротъ, т -е. подымать челюсть.

Будемъ это движеніе называть движеніемъ къ лабіализаціи, или же просто движеніемъ къ в, подразумѣвая подъ в артикуляцію губныхъ согласныхъ, поскольку они всѣ похожи другъ на друга.

Если положить палецъ нѣсколько позади и пониже уха, то можно ощупать отростокъ височной кости, направленный книзу и нѣсколько впередъ. Отъ небольшого углубленія, находящагося рядомъ съ этимъ отросткомъ, который называется сосцевиднымъ, съ внутренней стороны ихъ обоихъ идетъ по мускулу внизъ, впередъ и внутрь (дугообразно) къ подъязычной кости, а отъ нея почти горизонтально и прямо впередъ, къ подбородку, и прикрѣпляется къ внутренней и нижней сторонѣ подбородочнаго края нижней челюсти въ небольшихъ углубленіяхъ, находящихся приблизительно на разстояніи полувершка другъ отъ друга; каждый такой мускулъ называется двубрюшнымъ (см. abc), потому что состоитъ изъ двухъ брюхъ, соединенныхъ между собою сухожиліемъ, которое находится надъ подъязычной костью и держится при ней крѣпко даже при сокращеніи мышцы отчасти вслѣдствіе сухожильнаго прикрѣпленія, отчасти вслѣдствіе того, что поддерживается другимъ мускуломъ.

Изъ расположенія этихъ мускуловъ видно, что при ихъ работѣ или опускается подбородокъ, или же поднимается подъязычная кость вмѣстѣ съ дномъ полости рта и языкомъ, при чемъ, если ротъ работою mn *) закрытъ, то при равномѣрной работѣ abc и de языкъ свободно прилегаетъ къ нёбу,—это обыкновенное покойное положеніе нашихъ органовъ произношенія.

Когда послѣ этого начнемъ говорить, то заставляемъ работать abc, чтобъ опустить челюсть, а затѣмъ и de, чтобъ опустить дно полости рта; mn ослабѣваютъ.

При такой равномѣрной работѣ abc и de челюсть опускается нѣсколько больше, чѣмъ дно полости рта, и органы приходятъ въ уложеніе гласнаго э (*e*), а затѣмъ получается широкій проходъ по всей длинѣ рта, что составляетъ уложеніе *a*.

Такое движеніе челюсти и дна полости рта внизъ къ уложенію *a*, которое мы будемъ называть недифтонгическимъ, надобно, какъ увидимъ ниже, возможно строже отличать отъ движенія этихъ частей нашего тѣла вверхъ, отъ уложенія *a*, которое мы назовемъ дифтонгическимъ (Болѣе подходящихъ терминовъ не нахожу).

Это движеніе можетъ быть только двухъ видовъ: или движеніе челюсти къ в работою mn, на которое

---

*) Для краткости изложенія будемъ называть мускулы тѣми буквами, какими они обозначены на рисункахъ, т.-е. грудинно-подъязычные – de, височные (и другіе, какъ напр., жевательные, которые также подымаютъ челюсть)—mn и двубрюшные abc; а, когда будемъ говорить «дно полости рта и языкъ» или просто только «дно полости рта», то надобно подразумѣвать также и подъязычную кость, потому что, какъ мы видѣли выше, движеніе дна полости рта и языка и зависитъ отъ движенія подъязычной кости, за исключеніемъ кончика языка, о чемъ будетъ сказано еще ниже.

указано выше, или же когда работою abc дно полости рта подымается къ нёбу.

Это послѣднее мы назовемъ движеніемъ къ мягкости (звука), палятализаціи, или просто движеніемъ къ **й**, такъ какъ при прикосновеніи средины языка къ переднему нёбу и получается уложеніе этого звука, который или встрѣчается отдѣльно, или же артикуляція его соединяется съ артикуляціями другихъ согласныхъ, и тогда онъ дѣлаетъ звуки этихъ артикуляцій мягкими, палятальными.

Если послѣ уложенія **а** мускулы abc будутъ ослабѣвать, то mn и de начнутъ работать, отчего челюсть будетъ подыматься вверхъ къ *в* и образуетъ по пути уложенія гласныхъ сперва **о**, потомъ **у**.

Если же послѣ уложенія **а** начнется не ослабленіе, а работа abc, то дно полости рта, двигаясь вверхъ и впередъ, къ **й**, образуетъ по пути уложенія гласныхъ—сперва широкаго **э** (*ѣ*), а затѣмъ **и**.

Необходимо обратить вниманіе на то, что при этомъ движеніи mn должны быть ослабленными, т.-е. челюсть ощущенною, а при такихъ условіяхъ мы не будемъ въ состояніи дотянуть работой abc дно полости рта до уложенія **й**, т.-е. до полнаго прикосновенія языка къ нёбу, а лишь до **и**, потому что при этомъ положеніи челюсти, abc, приближаясь къ **и**, принимаютъ уже направленіе прямой линіи (см. рис.) и не могутъ тянуть дно полости рта вверхъ, а лишь еще болѣе опускаютъ челюсть и, слѣдовательно, дѣлаютъ **й** еще болѣе невозможнымъ и превращаютъ его въ **и**.

Уложеніе **й** можетъ получиться только при нѣкоторомъ подъемѣ челюсти, и, чѣмъ болѣе этотъ подъемъ, тѣмъ яснѣе выступаетъ уложеніе **й**, и тѣмъ болѣе этотъ звукъ приближается къ согласному.

Такимъ образомъ выступаетъ существенное различіе между **й** и **и**, а также **е** и **ѣ**: первые, **й** и **е**, получаются при ослабленіи abc, откуда и является работа mn и нѣкоторый, необходимый для нихъ, подъемъ челюсти, а другіе, **и** и **ѣ**, —при работѣ abc и опущеніи челюсти, почему и не могутъ быть йотированными.

Убѣдиться въ этомъ не трудно, если привести органы въ уложеніе **й** и потомъ опускать понемногу челюсть (лучше передъ зеркаломъ): тогда будетъ видно, что даже незначительное опущеніе челюсти превращаетъ **й** въ **и**, а потомъ дѣлаетъ эти артикуляціи совершенно невозможными.

Собственно говоря, этотъ, какъ и большинство послѣдующихъ опытовъ и обобщеній, указанныхъ въ настоящей работѣ, не были нарочито для того придуманы, а ихъ даетъ самъ языкъ, т.-е. мы, произнося слова, сами продѣлываемъ подобные же опыты, или ихъ продѣлывали наши предки.

Такъ и здѣсь: что **й** при усиленіи работы abc и опущеніи челюсти превращается въ **и**, подтверждается цѣлымъ рядомъ слѣдующихъ фактовъ.

1) бью—бить...

крашу—красить...

ловлю—ловить... *).

Здѣсь **ь**, **ш**, **л** указываютъ на **й**, или, какъ чаще пишутъ, j, потому что послѣ нихъ тотчасъ же должно

---

*) Какъ здѣсь, такъ и ниже примѣры приводятся въ самомъ ограниченномъ числѣ и часто, во избѣжаніе типографскихъ затрудненій, безъ точныхъ фонетическихъ написаній, потому что задача работы заключается не въ новыхъ филологическихъ изысканіяхъ, а въ объясненіи фактовъ, давно уже всѣмъ извѣстныхъ, какіе можно найти въ любыхъ работахъ по языкознанію.

слѣдовать уложеніе **у** (ю), т.-е. наименьшее опущеніе челюсти при гласныхъ, чего не только нѣтъ послѣ **и**, но даже есть мягкость, т.-е. продолженіе, а, слѣдовательно, и усиленіе работы abc.

2) бьрать—убирать, жьдать—ожидать, дьрать—раздирать...

Здѣсь **и** на мѣстѣ **ь** (j) вызвано уложеніями предшествующихъ имъ **у**, **о**, **а**, при которыхъ дно полости рта опущено больше, чѣмъ обыкновенно въ началѣ произношенія, а потому для послѣдующей мягкости требуется усиленная работа abc, т.-е. дифтонгическое движеніе къ **й**, тогда какъ **ь** здѣсь недифтонгическое, потому что артикулируется ослабленіемъ abc и движеніемъ отъ **й** къ **а**:

3) лити—прѣлијати, бити—убијати...

Вызванное по предыдущей причинѣ **и** даетъ послѣ себя j, потому что далѣе идетъ опущеніе дна полости рта для **а**, т.-е. ослабленіе abc, а потому и работа mn, при чемъ этотъ подъемъ можетъ дать не только j, какъ въ указанныхъ примѣрахъ, но даже **в**:

переливать, убивать...

Сравнить также:

4) судоустройство--судостроительство...

кровь—кровиѭ, божьи—божии...

ѣ=**иje** въ сербск.

О подобныхъ же явленіяхъ см. въ § 25 «Старо-слав. грамм.» А. Лескина.

Работы органовъ. Долгота и удареніе.

Когда мы опускаемъ дно полости рта отъ **й** или челюсть отъ **в** къ уложенію **а**, т.-е. дѣлаемъ движеніе недифтонгическое, то намъ на это не

требуется никакихъ усилій и никакихъ мускульныхъ работъ: органы могутъ двигаться внизъ, т.-е. просто падать, единственно въ силу своей тяжести.

Когда же органы отъ **а** или уложеній другихъ гласныхъ двигаются по направленіямъ къ **й** или **в**, то намъ приходится ихъ уже подымать, т.-е. заставлять мускулы работать, и, слѣдовательно, только дифтонгическія движенія совершаются работой мускуловъ.

Такая разница въ работахъ можетъ показаться несущественной, такъ какъ рѣчь идетъ о такихъ сравнительно маловѣсныхъ частяхъ нашихъ органовъ, какъ челюсть и дно полости рта, однако это мнѣніе придется перемѣнить, если мы всмотримся въ условія, при которыхъ совершается подъемъ этихъ частей.

Кто знакомъ, хотя бы по опыту, съ законами рычага (см. курсы физики), тотъ легко можетъ понять, какую тяжесть будетъ имѣть какой либо пустякъ, если привязать его къ срединѣ длинной веревки и затѣмъ тянуть ее за концы, стараясь придать ей въ воздухѣ направленіе прямой линіи. Точно также извѣстно, какъ тяжело поднять палку, держа ее за конецъ.

Именно въ такія условія движенія и поставлены указанныя части нашего тѣла: дно полости рта виситъ на срединѣ abc, какъ грузъ на веревкѣ, а челюсть подымается mn, прикрѣпленными къ заднимъ ея концамъ.

Вслѣдствіе такихъ условій движенія этихъ частей мы прежде всего замѣчаемъ, что дифтонгическія артикуляціи даютъ гласные звуки болѣе долгіе, чѣмъ недифтонгическія,—по той простой причинѣ, что легче и скорѣе можно опустить всякое тѣло, чѣмъ поднять его.

Но это еще не главная причина долготы дифтонгическихъ артикуляцій: главное усиліе мускульныхъ работъ требуется не на то, чтобъ двигать органы по на-

правленію хотя бы и вверхъ, но—такому, по которому тѣло уже двигалось и ранѣе,—а главнымъ образомъ на то, чтобъ остановить падающее тѣло и потомъ заставить его двигаться снизу вверхъ. А такъ какъ моментъ смѣны движенія и есть уложеніе первой части дифтонгической артикуляціи, то понятно, почему мы въ дифтонгахъ находимъ долгимъ обыкновено первый гласный звукъ, тогда какъ второй обыкновенно кратокъ и нерѣдко переходитъ въ простой согласный, **й** или **в**.

Наконецъ, долгота гласнаго при дифтонгическихъ артикуляціяхъ должна зависѣть и отъ того, насколько низко опускаются челюсть и дно полости рта, и на какое разстояніе ихъ приходится потомъ подымать: чѣмъ больше паденіе и подъемъ, тѣмъ дольше будетъ и гласный, потому что во все это время ротъ бываетъ раскрытымъ.

Такое отношеніе между звуками и ихъ артикуляціями существовало бы постоянно и безъ исключеній на самомъ дѣлѣ, если бы рѣчь состояла только изъ гласныхъ, согласныхъ губныхъ и **й**, что бываетъ сравнительно рѣдко. Въ большинствѣ же случаевъ во время уложеній гласныхъ артикулируются еще язычные согласные, работа которыхъ совершается особыми мускулами, на которые будетъ указано ниже. Эти язычные, передніе и задніе, артикулируются, а, слѣдовательно, и произносятся въ одно время съ гласными, вполнѣ, такъ сказать, на ихъ счетъ паразитствуютъ, при чемъ или сокращаютъ долготу ихъ звука, совсѣмъ его уничтожаютъ, или же разбиваютъ на нѣсколько отдѣльныхъ гласныхъ, обозначаемыхъ отдѣльными буквами.

На этомъ основаніи при опредѣленіи уложеній и артикуляцій гласныхъ совсѣмъ не слѣдуетъ принимать въ расчетъ уложенія и артикуляціи передне—и зад-

не-язычныхъ, а смотрѣть лишь на движенія къ й или в отъ уложеній всѣхъ гласныхъ, или же отъ й и в тоже ко всѣмъ уложеніямъ гласныхъ, не исключая, конечно, и и, потому что и при немъ челюсть можетъ быть опущена не менѣе, чѣмъ, напр., при а, а потому и это уложеніе можетъ дать также очень долгій гласный и.

На этомъ основаніи, напр., въ словѣ «Богородица» до самой мягкости д имѣемъ одно только уложеніе и артикуляцію о, хотя они обозначены тремя буквами о и даютъ также три отдѣльныхъ звука о.

Имѣя въ виду здѣсь сказанное, мы легко опредѣлимъ, гдѣ гласный по условіямъ артикуляціи долженъ быть дольше и гдѣ короче: напр., въ словѣ «такъ» а кратко, потому что оно не дифтонгическое и, кромѣ того, сокращено артикуляціями т и к, а въ словѣ «забавить» дольше второе а, такъ какъ первое, хотя и дифтонгическое, какъ и второе, но сокращено артикуляціей з, а второе вполнѣ дифтонгическое, съ наиболѣе продолжительнымъ движеніемъ органовъ: отъ б къ а и отъ а къ й (мягкости *в*) и къ в.

Сокративши второе а вставкой язычнаго д на мѣсто губного б, мы получаемъ слово «задави́ть», гдѣ двѣ буквы а стали обозначать одно уложеніе а, но звукъ его сокращенъ звуками артикуляцій з и д, почему оказывается всего дольше и, которое послѣ себя имѣетъ еще мягкость, т.-е. дальнѣйшее усиленіе работы abc съ наибольшимъ опущеніемъ челюсти. Уничтоживши эту мягкость, мы получаемъ краткое и, но болѣе долгое ав: зада́витъ.

Существованіе такой разницы въ долготѣ гласныхъ можно подтвердить цѣлымъ рядомъ фактовъ, найти которые не трудно, а потому приведемъ только нѣсколько примѣровъ изъ русскаго языка, гдѣ удареніе и нахо-

дится обыкновенно тамъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть по условіямъ артикуляціи.

Такъ, полу́чка—получи́ть, полуразва́лина—полуразвали́вшійся, короно́ванъ—короннова́ніе, судоустройство—судостройтельство (см. выше объ *и*), остано́вка—останови́ться,—остано́вится—станово́й, око́лица—околи́чностей, я́вка—появле́ніе—новоя́вленный, деру́—приди́рчивый, карака́тица, пу́сто—пусто́е—пустова́ть—пустопоро́жній—густорасполо́женый, пойма́й—по́йманъ...

Подъемъ физическій и фонетическій.

Такъ какъ наши работы по произношенію звуковъ ничѣмъ не отличаются отъ другихъ нашихъ мускульныхъ работъ, которыя, какъ извѣстно, дѣйствуютъ на самые мускулы развивающимъ образомъ, т.-е. дѣлаютъ ихъ по мѣрѣ упражненій способными производить данную работу быстрѣе и сильнѣе, то поэтому и въ языкахъ мы встрѣчаемъ такіе факты, которые также указываютъ на ускореніе и усиленіе мускульныхъ работъ при произношеніи.

Прежде всего сюда слѣдуетъ отнести такъ называемое суженіе гласныхъ, которое состоитъ въ томъ, что уложенія гласныхъ приближаются къ уложеніямъ **й** и **в**, даютъ эти уложенія послѣ себя, переходятъ въ нихъ, а иногда и совсѣмъ исчезаютъ, оставляя, и то не всегда, лишь мягкость на мѣстѣ **й** и твердость на мѣстѣ **в**.

Происходитъ это вслѣдствіе того, что мускулы abc и mn, работа которыхъ только въ томъ и состоитъ, чтобы притягивать дно полости рта къ **й** или челюсть къ **в**, пріобрѣтаютъ постепенно способность притяги-

вать ихъ въ эти уложенія скорѣе и прежде, чѣмъ они успѣютъ опуститься до уложенія требуемаго гласнаго.

Что же касается направленія и быстроты сокращенія, то оно, конечно, зависитъ отъ того только, какіе въ данномъ случаѣ работаютъ мускулы, и насколько сильна требуемая работа; напр., если слово начинается съ твердаго губного согласнаго, а послѣ него слѣдуетъ гласный, при которомъ дно полости рта опущено, т.-е. тоже твердый, то приходится работать abc, чтобъ раскрыть ротъ, и мы находимъ сокращеніе этого гласнаго по направленію къ й, т.-е. ускореніе и усиленіе работы abc.

Такъ: matar (старо-инд.), mater (лат.), μήτηρ (греч.), mathir (старо-иранск.), мати, мать (Относительно mote (лит.), mutter (нѣм.) будетъ ниже); бур-а (сравн. же-на)—буря, пол-о (сравн. село)—поле; вар-у (сравн. несу)—варю... Другіе примѣры см. въ «Р. Ф. В.» 1889, 3, 15.

Въ малор.: богъ—бігъ (сравн. сонъ), печь—піч (сравн. день), онъ—вонъ—вінъ..

Такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ abc работаетъ очень сильно, то и движеніе къ й даетъ усиленную артикуляцію й, а также и того согласнаго, который его сопровождаетъ. Усиленная же артикуляція согласныхъ ведетъ вовсе не къ усиленію и долготѣ звука, какъ мы видѣли при гласныхъ, а наоборотъ: чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе смыканіе органовъ, тѣмъ вѣрнѣе ослабленіе и даже полное исчезновеніе согласнаго. Въ такихъ случаяхъ изъ узкаго гласнаго можетъ получиться согласный, изъ длительнаго мгновенный и даже изъ звонкаго—глухой, такъ какъ запертый смыканіемъ органовъ во рту воздухъ прекратитъ выходъ воздуха изъ легкихъ и, слѣдовательно, сдѣлаетъ звонкость, т. е. дрожаніе голосовыхъ связокъ, невозможною. И это можетъ

распространиться не только на моментъ размыканія органовъ, т.-е. на согласный, который оттого сдѣлается глухимъ или даже совсѣмъ исчезнетъ, но и на слѣдующій за нимъ гласный, что уже поведетъ къ полному его исчезновенію: matar—мать, bhaga — богъ —богъ (бохъ).

Но такъ возможно преимущественно на концѣ слова, когда далѣе нѣтъ произношенія. Если же требуется говорить и далѣе, то прежде намъ необходимо будетъ опустить дно полости рта отъ й, т.-е. сдѣлать работу, обратную предыдущей, такъ какъ при й ротъ бываетъ закрытъ, обратное же движеніе возможно только при ослабленіи abc, которое, какъ мы знаемъ, вызываетъ работу своихъ антагонистовъ—de и mn. И, чѣмъ сильнѣе была передъ этимъ работа abc, тѣмъ большее усиліе потребуется со стороны de, чтобъ опустить дно полости рта; а, такъ какъ оно при этомъ опускается внизъ, то естественно, что мы находимъ еще скорѣйшее расширеніе гласнаго послѣ й и измѣненіе его по направленію къ в.

Поэтому, если въ началѣ произношенія требуется работа abc, то мы замѣчаемъ вслѣдствіе усиленія и ускоренія работъ этихъ мускуловъ, что уложеніе й (мягкость, или і) какъ бы двигается къ началу слова, и по пятамъ за нимъ немедленно же нарастаетъ твердость и в:

bharami (старо-инд.), berim (кельтск.), baira (гот.), bier (алб.), fero (лат.), φέρω (греч.), беру (б=б+й), biorę (польск.), berem (арм.), берем (сербск.); vakaras (лит.), вечеръ, wieczor (польск.).

Здѣсь указаны измѣненія подъ вліяніемъ собственной или предшествующей артикуляціи измѣняемаго гласнаго, но понятно, что оно еще скорѣе можетъ быть въ томъ случаѣ, когда и послѣдующія уложенія требуютъ тоже работы abc.

Такъ: bharami—беру, φέροι—бери, но bharas—боръ, возъ—везу, вези, ноша—несу, неси; gailus (лит.) зѣло *), marja (m) —море, marjai—мори **), бури, бурѣ (*и*, *ѣ* изъ ai, oi), боги, богѣ *и*, *ѣ* изъ oi, ъi), реку—рѣчь—нарицать, гнетѫ — угнѣтати, бодѫ — избадати, лъжѫ —облыгати; сѣсть, дѣло (*ѣ* изъ ē); ѥдинъ, ѩсти; veju—вью—вить; бодръ—бьдѣти...

---

*) Хотя вопросъ о звукѣ *ѣ* до сихъ поръ считается спорнымъ, тѣмъ не менѣе какъ изъ приведенныхъ здѣсь фактовъ, такъ и изъ другихъ, которые имѣютъ отношеніе къ ѣ, его уложеніе, артикуляція и исторія измѣненій выступаютъ совершенно ясно: уложеніе его отличалось отъ ѥ большимъ опущеніемъ челюсти, что происходило главнымъ образомъ вслѣдствіе разницы въ артикуляціяхъ: *ѣ* получался, какъ было указано и выше, при дифтонгическомъ движеніи къ й, а ѥ—при обратномъ ему недифтонгическомъ, почему *ѣ* породило опущеніе челюсти, а ѥ подъемъ, хотя разстояніе между нёбомъ и языкомъ при томъ и другомъ уложеніи могло быть одинаково.

Отъ разницы въ артикуляціяхъ зависятъ и особенности *ѣ* и *е*: *ѣ*, составляя результатъ работы abc, былъ поэтому близокъ къ *и* и *а*, былъ дологъ, т.-е. имѣлъ продолжительную артикуляцію, хотя, какъ мы выше видѣли, могъ давать и краткій звукъ, и, наконецъ, не могъ быть йотированнымъ, какъ и *и*. Только со временемъ, стянувшись совсѣмъ къ *й* и давши послѣ себя *е*, онъ изъ дифтонгическаго сталъ недифтонгическимъ и потому сдѣлался сходнымъ съ *е*, которое, составляя результатъ ослабленія abc и движенія дна полости рта книзу, есть и было кратко, измѣняется по направленію къ *в* (е—ё) и потому же подверглось йотаціи.

Сравнить, напр: **гнетѫ**, є—недифтонгическое, потому что артикулируется прямо отъ уложенія закрытаго рта, но **оугнѣтати** (*е* стало послѣ **оу** дифтонгическимъ, т.-е. *ѣ*).

**) См. «Русск. Ф. Вѣстн.» 1881, 3, стр. 12.

Точно такимъ же образомъ происходило и стяженіе къ **в** работою de, но, конечно, въ направленіи обратномъ стяженію къ **й**. Такъ: asztrus—острый—востеръ—завастривать; заутра—завтра, удить—завудить, наука—навыкъ, νέος—новъ, κλέϝος - слово, несу—нёсъ, ель—ёлка, ѥдинъ—одинъ, зовъ—звать...

Оба вида стяженія: онъ—вонъ—вінъ, жѫѧ—вязать, прѣліяти—переливать, wiara—wierze (но mowić), як--jеки...

Нельзя не замѣтить, что при сравненіи фактовъ общеславянскаго языка съ другими индо-европейскими сильно выступаетъ стяженіе къ **й**, и, слѣдовательно, работа abc, хотя для полнаго установленія этого факта необходимы болѣе подробныя сопоставленія работъ въ различныхъ языкахъ, а потому, хотя здѣсь и поставлены основными виды корня съ *a*, въ родѣ «bhar», но этимъ еще не предрѣшается вопросъ о томъ, что первоначальнѣе: bhar или bher, такъ какъ и изъ bher можетъ получиться bhar, если въ языкѣ наступитъ такое же усиленіе de, на какое мы укажемъ ниже въ сербскомъ.

Артикуляціи дна полости рта.

При произношеніи звуковъ рѣчи участвуютъ въ работахъ еще слѣдующіе мускулы—мускулы шиловидно-подъязычные (см. рис. № 2, fg); отъ шиловидныхъ отростковъ той и другой височной кости, которые находятся рядомъ съ сосцевидными отростками, нѣсколько внутрь и впередъ отъ нихъ, съ той и другой стороны головы, идутъ оба эти мускула внизъ и впередъ и прикрѣпляются къ соотвѣтствую-

щимъ имъ большимъ рогамъ подъязычной кости, при чемъ тотъ и другой мускулъ переходятъ на тѣло кости двумя порціями (частями), которыя обхватываютъ сухожилія мускуловъ abc.

Назначеніе этихъ мускуловъ двигать подъязычную кость, дно полости рта и языкъ назадъ и вверхъ, при чемъ при слабой ихъ работѣ получаются уложенія согласныхъ длительныхъ **г** (h)—звонкаго и **х**—глухого, а также уложенія такъ называемыхъ придыханій (h); при болѣе же сильной работѣ **г** и **х** превращаются въ мгновенные **г** и **к**, когда корень языка на мгновеніе совсѣмъ закроетъ отверстіе въ задней части рта.

Антагонистами этихъ мускуловъ служатъ мускулы подбородочно—подъязычные (см. hi), изъ которыхъ тотъ и другой начинаются на внутренней передней части нижней челюсти, повыше мѣста прикрѣпленія мускуловъ abc, и прикрѣпляются къ передней сторонѣ подъязычной кости, т. е. ниже мускуловъ abc.

Мускулы эти, служа антагонистами мускуламъ fg, въ же время двигаютъ подъязычную кость, дно полости рта и языкъ впередъ и нѣсколько вверхъ, при чемъ если въ это время дно полости рта поднято, а челюсть опущена (уложеніе **и**, **ѣ**), то получаются уложенія передне-язычныхъ длительныхъ: **з**—звонкаго и **с**—глухого, если между языкомъ, съ одной стороны, и переднимъ нёбомъ съ верхними зубами, съ другой—образуется узкій проходъ; если же работа указанныхъ мускуловъ будетъ сильнѣе, и языкъ на мгновеніе совсѣмъ закрываетъ своимъ концомъ проходъ для воздуха, то вмѣсто **з** получается уложеніе мгновеннаго **д**, а вмѣсто **с**—**т**.

Если же отъ уложенія **з** (с) дно полости рта будетъ опускаться, и ротъ будетъ приходить въ уложеніе **е**, то между среднимъ нёбомъ и языкомъ разстояніе бу-

детъ увеличиваться, при чемъ языкъ окажется въ положеніи звучащихъ пластинокъ въ духовыхъ инструментахъ, почему и образуетъ дрожащій звукъ **р**.

Наконецъ, когда дно полости рта будетъ опускаться не съ **з** (с), а съ **д** (т), при чемъ кончикъ языка опирается о зубы или нёбо, то по бокамъ языка образуются узкіе проходы для воздуха, которые получатся тѣмъ скорѣе, чѣмъ дно полости рта, а, слѣдовательно, и корень языка, опустятся ниже. Эти проходы составляютъ уложеніе **л**.

Что такова именно природа этихъ звуковъ, видно изъ многихъ фактовъ языка, гдѣ съ подъемомъ дна полости рта переднеязычные измѣняются по направленію отъ **л** къ **з**, а при обратномъ движеніи—обратно.

Такъ: **велблоудъ**—верблюдъ, silubr (гот)—серебро, Меркулъ (Меркурій), лыцарь (рыцарь), колдунъ—кудесникъ... (см. ниже отдѣльные факты изъ славянскихъ языковъ).

Мускулы gf и hi, артикулируя передне-и заднеязычныя уложенія звуковъ, при упражненіи могутъ, конечно, также усиливать и ускорять свои работы, какъ и abc; но, кромѣ того, ихъ работа можетъ быть вызвана работою abc слѣдующимъ образомъ.

Когда челюсть при работѣ abc опускается, тогда переднія половины мускуловъ abc ослабляются прежде заднихъ, почему при каждомъ опущеніи челюсти заднія половины этихъ мускуловъ оказываются напряженными болѣе переднихъ, а потому и будутъ оттягивать дно полости рта въ свою сторону нѣсколько далѣе средины abc, почему и можетъ явиться движеніе дна полости рта отдѣльно отъ движенія челюсти, что и составляетъ результатъ работы gf и hi. И, чѣмъ быстрѣе будетъ опущеніе челюсти работою abc, тѣмъ больше будетъ и раз-

ница въ напряженіяхъ между двумя половинами (брюхами) этихъ мышцъ, а также между gf и hi, которые соотвѣтствуютъ этимъ половинамъ, а потому, чтобы привести дно полости ура снова на средину abc, и потребуется болѣе сильная работа gf и hi.

Все это можно прослѣдить на слѣдующемъ простомъ опытѣ: если взять резиновый шнурокъ, привязать къ срединѣ его неподвижно какой-либо грузъ, затѣмъ прикрѣпить одинъ конецъ шнурка къ полу или стѣнѣ, а другой взять въ руку и потомъ подымать и опускать руку, напрягая шнурокъ, то можно замѣтить, что при медленномъ движеніи руки грузъ будетъ придерживаться средины шнурка, несмотря на его напряженіе или ослабленіе. Но, какъ только мы начнемъ опускать и подымать руку быстрѣе, хотя и на то же самое разстояніе, какъ и при медленномъ движеніи, то грузъ уже не будетъ держаться средины шнурка, а съ увеличеніемъ быстроты движенія руки онъ будетъ опускаться каждый разъ все ниже и ниже къ полу, такъ что можетъ, наконецъ, его коснуться.

Кто имѣетъ хотя слабое понятіе объ инерціи тѣлъ, тому понять причину указаннаго явленія не трудно. Необходимо только замѣтить, что грузъ по инерціи будетъ переходить средину шнурка и при самомъ медленномъ движеніи руки, только меньше: его не было бы совсѣмъ тогда, когда можно было бы опускать и потомъ подымать руку или безконечно долго, или же моментально (безъ времени),—тогда въ первомъ слу- случаѣ грузъ все время держался бы средины шнурка, несмотря на измѣненіе его длины, а во второмъ онъ не двинулся бы съ мѣста. Но, такъ какъ ни того, ни другого быть не можетъ, то всякое опущеніе челюсти неминуемо вызываетъ увеличеніе задне-язычныхъ, а при

подъемѣ—передне-язычныхъ артикуляцій, т. е. работу gf и hi, потому что подъязычная кость, дно полости рта и языкъ, висящіе на мускулахъ, такія же физическія тѣла, какъ и грузъ на резинѣ.

Появленіе задне-язычныхъ артикуляцій мы дѣйствительно наблюдаемъ въ языкахъ хотя бы первоначально только въ видѣ придыханій, которыя и могутъ положить начало движеніямъ дна полости рта въ сторону gf, а, слѣдовательно, и обратно въ сторону его антагониста hi, т. е. превратиться въ артикуляціи задне-и передне-язычныхъ согласныхъ.

Если общеславянскій языкъ дѣйствительно имѣлъ усиленіе abc, то мы должны на основанія сказаннаго ожидать въ немъ также усиленія и ускоренія язычныхъ артикуляцій; и дѣйствительно, постановка язычныхъ согласныхъ впереди гласнаго, въ родѣ: akmu—камень и даже губного: budh—dbać (польск.), составляетъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ славянскихъ языковъ. Однако постановку задне-язычныхъ согласныхъ впереди гласныхъ можно видѣть сравнительно рѣдко, потому что усиленіе работъ abc ведетъ за собою также переходъ задне-язычныхъ артикуляцій въ передне-язычные и именно по слѣдующей причинѣ.

Всякая задне-язычная артикуляція можетъ дать звукъ только въ томъ случаѣ, если послѣ нея слѣдуетъ хотя слабое ощущеніе дна полости рта, потому что только тогда воздухъ можетъ пройти черезъ раскрытый ротъ и дать звукъ задне-язычнаго уложенія.

Если же вслѣдъ за задне-язычнымъ уложеніемъ слѣдуетъ работа abc, въ результатѣ которой только и можетъ явиться это уложеніе, то достаточно взглянуть на направленіе этихъ мускуловъ, чтобы видѣть, что вмѣстѣ съ движеніемъ къ й должно слѣдовать и передне-

язычное суженіе между концомъ языка и переднимъ нёбомъ, а потому, если бы задне-язычная артикуляція и произошла, она не дастъ звука, такъ какъ послѣ нея ротъ будетъ тотчасъ же закрытъ уложеніемъ **й**, и потому звукъ можетъ получиться только послѣ обратнаго движенія языка назадъ и внизъ, т.-е. уже звукъ передне-язычнаго уложенія.

Что же касается артикуляціи этого звука, то она зависитъ также отъ послѣдующихъ артикуляцій, при чемъ могутъ быть слѣдующіе случаи.

Переднеязычныя артикуляціи.

Если послѣ уложенія задне-язычнаго звука и **й** работа abc продолжается, т.-е. слѣдуютъ уложенія **и** или **ѣ**, или же органы прямо приходятъ въ эти уложенія, какъ было указано выше, то вмѣстѣ съ опущеніемъ челюсти для этихъ уложеній опускается съ дномъ полости рта и языкъ, который поэтому и не можетъ дать сильнаго передне-язычнаго смыканія, а получается приблизительно такое же суженіе, какое было между корнемъ языка и заднимъ нёбомъ. Такъ: Богъ—богъі—бози, о бозѣ... духъ—духъі—дуси, – о дусѣ... но: пророкъ—пророкъі—пророци, о пророцѣ... потому что при дифтонгическихъ **и**, **ѣ** и языкъ медленно отходитъ отъ нёба, отчего получается соединеніе мгновеннаго согласнаго съ длительнымъ (**ц**, а не **т**). Кромѣ того, мы имѣемъ: дѣвица, отьцъ, лице, словьце (послѣ: отецъ, лицо, словцо...), потому что, хотя далѣе и слѣдуютъ *а*, *е* (о), но передъ ними все-таки были артикуляціи **и**, **ь**, т.-е. во время ихъ уложеній дно полости рта было поднято, а челюсть опущена.

Сравнить еще: кликать—восклицать, двигать—подвизаться..., потому что послѣ предшествующаго *о* требуется болѣе усиленная работа abc для **и** (см. выше объ артикуляціи **и**).

Не такъ бываетъ въ томъ случаѣ, если послѣ передне-язычнаго уложенія и **й**, для котораго, какъ мы знаемъ, необходимъ нѣкоторый подъемъ челюсти, слѣдовала не работа, а ослабленіе abc. Въ такомъ случаѣ это ослабленіе вызывало не только работу de и опущеніе дна полости рта, но въ то же время давало mn возможность подымать челюсть, а потому у языка опускался больше корень, кончикъ же его задерживался у передняго нёба. Затѣмъ, для движенія дна полости рта назадъ необходима была работа fg, а, слѣдовательно, ослабленіе hi, которое такъ же, какъ и abc, давало mn возможность еще выше подымать челюсть, а, слѣдовательно, еще дольше задерживать кончикъ языка у нёба. Естественно, что при такой комбинаціи работъ, когда языкъ не могъ двинуться назадъ, чтобъ артикулировать звукъ, явилась необходимость для такой артикуляціи прибѣгать къ работамъ собственныхъ мускуловъ языка. Мускулы эти слѣдующіе: отъ шиловидныхъ отростковъ височныхъ костей съ той и другой стороны головы входятъ въ корень языка и по краямъ его идутъ до его верхушки мускулы шиловидно—язычные (см. рис. № 3, fk). Они главнымъ образомъ тянутъ языкъ назадъ и вверхъ, способствуютъ его укорачиванію, а также загибаютъ кончикъ и края его вверхъ, особенно при работѣ мускуловъ подбородочно—язычныхъ (см. ор.). Оба эти мускула лежатъ тѣсно одинъ около другого, начинаются отъ внутренней передней части нижней челюсти, нѣсколько повыше подбородочно—подъязычныхъ мускуловъ и входятъ въ языкъ сни-

зу, такъ что нижніе пучки этихъ мышцъ идутъ почти горизонтально назадъ и вверхъ, а передніе почти прямо вверхъ, но до самаго кончика не доходятъ. Эти мускулы выдвигаютъ языкъ наружу, тянутъ средину его внизъ, а при работѣ предыдущихъ мускуловъ, когда они загнутъ конецъ и передніе края его вверхъ, образуютъ уложенія **ж**—звонкаго и **ш**—глухого, а также сложныхъ: **ч**, **щ**, **жд**, **зж**... Такимъ образомъ имѣемъ: Боже, душе, пророче... божекъ (—окъ), душекъ (—окъ)... божусь, душу, пророчу... Сравнить: стучу—стучать, стужу—остужать, но стяжу—состязаться, пророчу—прорицать; слышу—слушать, но: пишу—писать... gailùs (лит)—зѣло, gèltas (лит)—желтъ.. вълсви—вълшве, цвѣтъ, звѣзда, (ѣ—ai)—четвертъ (ketvirtas).

Скорѣйшее исчезновеніе мягкости при **ж**, **ш** сравнительно съ **з**, **с** легко объясняется какъ тѣмъ, что при первыхъ abc ослабѣвали, а при вторыхъ работали; такъ и тѣмъ, что **ж**, **ш** вслѣдствіе указанныхъ здѣсь условій артикуляціи получились позднѣе, когда уже органы приходили въ уложеніе твердыхъ согласныхъ.

Особенности славянскихъ языковъ.

После усиленія въ общеславянскомъ языкѣ мускуловъ abc, а затѣмъ fg и hi, на которое мы здѣсь указали, произошло, какъ увидимъ изъ нижеслѣдующихъ фактовъ, прежде всего выдѣленіе русскаго языка дальнѣйшимъ усиленіемъ мускуловъ fg и hi и, какъ увидимъ, вслѣдствіе этого ослабленіемъ abc, тогда какъ другіе продолжали прежнее усиленіе abc, и только уже потомъ выдѣлился изъ нихъ сербо—хорватскій

языкъ противоположнымъ этому усиленіемъ мускуловъ de и отчасти mn, тогда какъ чешскій остался все при томъ же усиленіи abc.

Что же касается другихъ славянскихъ языковъ, то звуковыя особенности ихъ обыкновенно указываютъ на то, что и по развитію мускуловъ они занимаютъ такіе же переходы между этими крайними: русскимъ (великорусское нарѣчіе), чешскимъ и сербо — хорватскимъ (штокавское нарѣчіе), какіе они занимаютъ по своему географическому положенію.

Факты эти слѣдующіе.

Если посмотримъ на рис. № 2 и сравнимъ положеніе abc съ положеніемъ fg и hi, а затѣмъ припомнимъ, что выше было сказано относительно подъема челюсти и дна полости рта, то легко заключить, что fg и hi могутъ при своемъ сокращеніи скорѣе и легче выполнять работу abc, чѣмъ сами abc. Слѣдовательно, если въ русскомъ языкѣ мы предполагаемъ усиленіе fg и hi, то въ немъ какъ подъемъ дна полости рта, такъ и его опущеніе и движеніе къ в должно совершаться быстрѣе, что мы при сравненіи его съ другими славянскими языками и находимъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ долгихъ гласныхъ, какія имѣются въ сербскомъ и чешскомъ

Но, если fg и hi, дѣйствительно, могутъ выполнять и выполняютъ работу abc, то, значитъ, они должны быть такъ же антагонистами для mn и de, какъ и abc, а потому естественно, что усиленіе ихъ можетъ итти не иначе, какъ на счетъ abc, т. е., чѣмъ abc сравнительно съ mn и de сильнѣе, тѣмъ должны быть слабѣе fg и hi, и, чѣмъ сильнѣе fg и hi, тѣмъ слабѣе abc.

Такое соотвѣтствіе мы тоже находимъ въ русскомъ языкѣ, потому что въ немъ при совмѣстной работѣ abc, fg и hi получается усиленная мягкость (вить, бить—

вью, бью), а при раздѣльной работѣ fg и hi отъ abc получается такая твердость и движеніе къ в, какихъ также нѣтъ въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Отдѣльная работа мускуловъ fg и hi бываетъ, конечно, тогда, когда имъ приходится для артикуляцій передне-и задне-язычныхъ двигать дно полости рта или въ сторону fg, или же въ сторону hi. Тогда, конечно, они уже не могутъ совмѣстно съ abc подымать дно полости рта и опускать челюсть, а потому abc остаются, такъ сказать, безъ помощи, и уже не могутъ достаточно сильно противодѣйствовать своимъ антагонистамъ mn и de, отчего и является въ такихъ случаяхъ усиленное измѣненіе гласнаго къ твердости и в.

Понятно, что, чѣмъ продолжительнѣе артикуляція язычныхъ, тѣмъ долѣе abc остаются безъ помощи fg и hi, а потому и движеніе къ твердости и в будетъ сильнѣе, такъ:

berg – брегъ — brzeg — берегъ,

milch — млѣко mleko — молоко.

Очевидно, усиленіемъ abc превзошелъ всѣхъ нѣмецкій языкъ, а потому въ немъ fg и hi такъ слабы, что артикулируютъ r, l послѣ уложеній гласныхъ.

Старо-славянскій (и другіе славянскіе, кромѣ польскаго и русскаго) усилилъ abc, но вмѣстѣ съ тѣмъ и fg и hi, отчего р, л стали получаться впереди гласнаго.

Понятно, что пока и, ѣ были дифтонгическими, движенія къ в получиться не могло.

Въ недифтонгическіе і, ѣ стали превращаться въ польскомъ языкѣ, а потому, кромѣ указаннаго измѣненія *ѣ* въ *е* (здѣсь польское *е*—*е*, а не *ѣ*), мы имѣемъ и такіе факты, какъ: bart, брада—broda, brzoza.

Усиленіе fg и hi въ русскомъ началось еще ранѣе, а потому на мѣстѣ нѣмецкихъ і, е, но никакъ не

изъ нихъ, получились **е** (йэ) и **о**, какъ результатъ ослабленія abc.

Но, такъ какъ при ослабленіи abc дно полости рта, опускаясь внизъ и назадъ, тянетъ за собою и языкъ, то поэтому, несмотря на усиленную работу fg и hi и сильное движеніе къ **л**, **р**, уложенія этихъ звуковъ стали запаздывать и появились какъ бы въ срединѣ **е**, **о**: берегъ, борода, береза.

Точно такія же явленія возможны, конечно, и въ тѣхъ случаяхъ, когда fg и hi артикулируютъ и другія язычныя, но только рѣже: частью потому, что ихъ артикуляціи менѣе продолжительны, какъ, напр., артикуляціи задне язычныхъ, а частью потому, что имъ свойствено болѣе высокое положеніе дна полости рта (см. выше объ артикуляціяхъ **д**, **т**, **з**, **с**), такъ:

witwe, widhava — вдова, katras (лит.) — ktery (польск.) — который, menge, managas — многъ, **ѥзе**ро — озеро, axis — ось, akmu — камень, agni — **огнь** — огонь... *)

Сравнить также въ польскомъ измѣненія **ѣ — а**, **е — о** передъ всѣми передне-язычными, при которыхъ работаютъ fg и hi.

То же самое явленіе, но, вѣроятно, въ другіе періоды, было присуще и другимъ языкамъ, какъ, напр.: matar — mote — muotar.

Такъ какъ всѣ подобныя явленія суть результатъ ослабленія abc, то понятно, что этого или совсѣмъ не происходитъ, или происходитъ рѣже, если передъ или послѣ, а тѣмъ болѣе и передъ и послѣ этихъ уложеній

*) Сравн: — taja — togo — tovo («Р. Ф. В.»., 1895, стр. 228); здѣсь на g и h можно смотрѣть, какъ на результатъ экскурсіи t.

приходится работать abc. Въ подобныхъ случаяхъ возможно даже обратное измѣненіе по направленію къ й, такъ: время, древесный, соромъ—срамиться, ровный—равняется, уравненіе, ростъ—растеніе, хромъ—храмлешь, воротъ—поворачивать, коротокъ—окорокъ—окорака—карячиться, молодка—младенецъ, солодъ—сладкій, голосъ—согласіе, лодка—ладья, дологъ—длиненъ, слово—славяне—славить, голова—голавль, смола—засмаливать; зовъ—созывать, засохъ—засыхать; рыжій—рожа, руда; духъ—дышешь—дыханіе, муха—мошька, niosl—nesli. .

Сюда же надобно отнести и такіе примѣры, какъ: галава, барада... которые встрѣчаются въ акающихъ говорахъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи и являются простымъ переходомъ къ западнымъ славянскимъ языкамъ съ ихъ усиленіемъ abc.

Русскому языку при его ослабленіи abc болѣе свойственны обратныя явленія, гдѣ при отсутствіи работы abc, т.-е. й являются не только такіе факты, какъ: нести—нёсъ, но даже полное движеніе къ в: сѣдаго—сѣдова, того—тово... гдѣ и г исчезло вслѣдствіе усиленнаго опущенія дна полости рта.

Кромѣ указаннаго здѣсь измѣненія гласныхъ по направленію къ й въ случаѣ послѣдующей работы abc, мы находимъ также и сокращеніе этихъ гласныхъ, такъ какъ это движеніе ускоряетъ слѣдующую язычную артикуляцію, такъ:

Середа—серде, беру—брать, волокъ—валка, потолокъ—потолка, дологъ—долгота, огонь—огня, бодръ—бдительный...

Кромѣ того, сокращенію гласнаго можетъ способствовать также и ускореніе движенія къ в, которое, какъ мы выше видѣли, будетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ gf и hi долѣе заняты работой отдѣльно отъ в. При этомъ

количество гласнаго сокращается постепенно: напр., въ словѣ «корова» мы имѣемъ удареніе на **ов**, тогда какъ въ словѣ «голова» на **а**, потому что хотя **ов** здѣсь дифтонгическое, какъ и съ словѣ «корова», но артикуляція **л** дольше **р**, а потому mn настолько ускорили артикуляцію **ов**, въ словѣ «голова», что **а** стало дольше.

Усиленная артикуляція **л** сравнительно съ **р** сказалась также на фактахъ и другихъ языковъ, какъ напр.: чешск. dluh, tlupa; chléb, mléko... (é изъ *ѣ* вмѣсто обыкновеннаго въ чешскомъ i), но čerpati, červ... Польск. dług, czołn... но targ, kark...

Уложенія **ж**, **ш**, **ч**... хотя, какъ мы видѣли выше, артикулируются особыми мускулами, но, такъ такъ они получаются при уложеніи **й**, а послѣ нихъ слѣдуетъ ослабленіе abc, то поэтому полногласіе хотя послѣ нихъ и появляется, но задерживается въ своемъ развитіи, напр.: железа, желедьба, шеломъ—ошоломить, желобъ—жолобъ...

Доказательствомъ того, что **ж**, **ш**, **ч**... получаются дѣйствительно работою особыхъ мускуловъ, а также и того, что причина полногласія лежитъ въ отдѣльной работѣ gf и hi отъ работы abc, могутъ служить такіе факты: жаръ, рожанъ, множайшій, слышать, обычай, печаль, кричать... гдѣ на мѣстѣ *ѣ* (первонач. ē) не появилась **е** или ё (о), а **а**, такъ какъ gf и hi здѣсь, очевидно, не были заняты отдѣльной работой, а потому и не дали mn измѣнить **ѣ** въ **е**. Подобное же явленіе мы находимъ въ польскомъ и болгарскомъ, гдѣ **ѣ = я** (**йа**), потому что усиленіе gf и hi тамъ меньше, чѣмъ въ русскомъ. На то же указываютъ и такіе примѣры, какъ: польск. targ—русск. торгъ, wilk—волкъ. Сравн. также: дѣл**авъ**... но: пиш**а**, дрож**а**, уч**а**...

Такъ какъ въ русскомъ ослабленіе abc и усиленіе

gf и hi началось ранѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ, когда еще ai, oi не были стянуты къ й, то поэтому вмѣсто обычныхъ въ славянскомъ: з, с, ц вмѣсто г, х, к предъ и и ѣ, мы находимъ въ русскомъ: г, х, к безъ измѣненія (пророки, пророкѣ, помоги... *).

Къ числу особенностей русскаго языка, хотя и не ему одному принадлежащихъ, относятъ еще такія явленія, какъ: любить—люблю, купить—купля...

Причина появленія въ данныхъ случаяхъ артикуляціи л совершенно тождественна указанной выше причинѣ появленія задне-язычныхъ артикуляцій; разница только въ томъ, что тамъ задне-язычныя артикуляціи получались вслѣдствіе опущенія челюсти и движенія дна полости рта назадъ, здѣсь же какъ разъ обратно: передне-язычныя артикуляціи получаются вслѣдствіе движенія челюсти вверхъ, къ уложенію губныхъ согласныхъ, почему и движеніе дна полости рта вызывается вверхъ и впередъ. Кромѣ того, тамъ въ уложеніе й сперва приходило дно полости рта, и потомъ уже подымалась челюсть; здѣсь же, наоборотъ: сперва подымалась челюсть, а за нею и дно полости рта, почему языкъ, двигаясь отъ наименьшаго опущенія дна полости рта, и давалъ уложеніе л (см. выше объ улож. л), а не ж, ш, ч; при дифтонгическомъ же движеніи къ и, и ѣ—л совсѣмъ не получалось, потому что челюсть опускалась раньше, чѣмъ языкъ касался передняго нёба. Сравн.: вожу—люблю, слушать—употреблять, боже—употребленіе... возить—любить, висѣть—говѣть...

На особенное усиленіе русскихъ gf и hi указыва-

*) Сравн. также въ болгарскомъ, гдѣ получаются ки, ги, хи, если они ранѣе были кы, гы, хы. Т. Флоринскій. «Лекціи по славянскому языкознанію». Стр. 93.

етъ также и измѣненіе дј—ж, тј—ч, потому что только усиленная работа fg и hi могла образовать такое передне язычное уложеніе, для котораго, чтобъ отодвинуть языкъ назадъ, потребовалось прибѣгать къ собственнымъ мускуламъ языка. Сравн.: люблю, хожу, хожалый, хожено; возить, говѣть—ходить, сидѣть и—даже: служить (—жыть), шить (шыть)... когда рядомъ съ усиліемъ fg и hi началось ослабленіе abc, а потому переходъ дифтонгическаго **и** въ недифтонгическій **ы**.

На слабую работу fg у hi и усиленіе abc въ сербскомъ и чешскомъ указываетъ прежде всего существованіе въ этихъ языкахъ долгихъ гласныхъ, что можно объяснить тѣмъ, что при подъемѣ дна полости рта и челюсти тамъ прибѣгаютъ болѣе къ работамъ abc и ихъ антагонистовъ mn и de.

Чтобъ опредѣлить, какіе изъ этихъ мускуловъ сильнѣе въ томъ или другомъ языкѣ, возьмемъ для сравненія такіе факты долготъ изъ этихъ языковъ, которые находились бы между собою въ противорѣчіи, напр., плавно—чистыя созвучія, въ которыхъ, какъ извѣстно, сербской долготѣ соотвѣтствуетъ чешская краткость, и наоборотъ: гдѣ у сербовъ краткость, тамъ у чеховъ долгота. Въ словѣ «корова» мы находимъ въ русскомъ удареніе на *ов*, по причинѣ, которая указана выше. Такъ какъ у чеховъ здѣсь долгота (krāva), а у сербовъ краткость, слѣдовательно, чехамъ труднѣе артикулировать **ов**, т.-е. подымать челюсть, чѣмъ сербамъ, а потому у чеховъ mn слабѣе и сильнѣе abc; у сербовъ же наоборотъ: abc слабѣе, а сильнѣе ихъ антагонисты, т.-е. mn и de.

Если мы попробуемъ провѣрить это на другихъ фактахъ, то окажется то же самое, а именно, что въ сербскомъ уложенія звуковъ измѣняются по направленію

къ **а** и **в**, артикуляціи согласныхъ ослабѣваютъ, при чемъ это выражается не только ихъ исчезновеніемъ, но и запаздываніемъ, а потому появленіемъ передъ ними даже новыхъ гласныхъ; въ чешскомъ всѣ эти измѣненія совершаются обратно, такъ: танак (тънъкъ), таман (тьмьнъ), са мном... дијело (дѣло), гнијездо, био (бѣлъ), Биоградъ... мисао (мысль), дао (далъ), дуг (долгъ)... карв, парст, даржати... нају (насъ), ере (еже)... црево (чрево), рани (храни)... рођен, rojen (рожденъ, роженъ)... берем (беру), бере (беретъ), беру (берутъ)... береш (берешь), а не бере, потому что *ш* артикулируется особыми мускулами (см. выше).

Изъ этихъ же фактовъ, а также изъ такихъ, какъ: удовица (вдовица), уторникъ... видно, что de въ сербскомъ работаютъ сильнѣе, чѣмъ mn, т.-е. сильнѣе опущеніе дна полости рта, чѣмъ подъемъ челюсти.

На усиленіе въ сербскомъ работы de указываетъ также существованіе въ немъ восходящихъ и нисходящихъ удареній, потому что дно полости рта имѣетъ связи съ хрящами гортани, къ которымъ прикрѣплены голосовыя связки, и подъемъ его напрягаетъ ихъ, а опусканіе—ослабляетъ (извѣстно, что уложенію **и** свойственны болѣе высокія ноты, а **у** низкія); поэтому значительное опущеніе дна полости рта, какія бываютъ въ сербскомъ, и могло породить указанное разнообразіе въ удареніяхъ.

Къ тому же усиленію de можно свести и извѣстную въ сербскомъ оттяжку ударенія.

При такомъ усиленіи опущеніе дна полости рта должно начинаться раньше и сильнѣе, при чемъ, какъ мы видѣли выше, опускается также и языкъ, а потому для артикулированія язычныхъ согласныхъ ему потребуется двинуться больше, чѣмъ при высокомъ положе-

ніи дна полости рта, поэтому, хотя вмѣстѣ съ усиленіемъ опущенія дна полости рта работы и движенія для язычныхъ и усилятся, но самыя уложенія вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ запаздывать, что и поведетъ къ удлиненію и усиленію гласнаго предъ язычнымъ и къ сокращенію послѣдующаго; такъ: мȁгла (мьгла, мгла), пȍток, рéка, дýша...

Такое же явленіе можно наблюдать не въ одномъ сербскомъ, а и въ другихъ языкахъ, гдѣ условія артикуляцій совпадаютъ съ сербскими, напр., въ русскомъ работы fg и hi при язычныхъ, вызывая такое же движеніе къ **а** (къ твердости) и къ **в**, вызываютъ запаздываніе уложенія согласнаго и также удлиняютъ предыдущій гласный на счетъ послѣдующаго: sunús—сынъ, tamé—о томъ, двора, дворами—дворъ *)...

Сравн. еще: женá—женý, червá—червý, челó—челý... но: рукá—рýку, доскá дóску, цѣнá—цѣ̂ну... потому что **ж**, **ч**, **ш**... артикулируются fk и ор (сравн. выше: жѣ—жа... шеломъ... корóва—головá), а потому движеніе къ **а** и **в**, подъ вліяніемъ слѣдующаго **у**, задерживается и не переходитъ на предыдущій гласный. Подобныя же явленія, но при обратныхъ условіяхъ: конь (kuinas, лит.), слуга... род. ед.: коня́, слуги́, (сравн.: νεανίου, χώρᾱς, ὁδοῦ), но им. множ.: кóни, слýги, (сравн.: νεανῖαι, χῶραι, ὁδοί)... потому что въ род. ед. гласный корня недифтонгическій, и язычный только начинаетъ давать движеніе къ **в**, т.-е. превращаетъ его сперва въ дифтонгическій (сравн. въ старо-слав. род. ед. **сына** и. **сыноу**, въ русск.: фунтъ сахару), тогда какъ въ именит.

---

*) См. Р. Брандтъ: «Начертаніе славянской акцентологіи», стр. 220 и А. Соболевскій: «Лекціи по истор. русск языка» стр. 243.

множ. конечное і, вызывая работу славянскихъ сильныхъ abc, дало стяженіе **oi** и **ai** въ **i** и тѣмъ превратило гласный корня въ дифтонгическій, а гласный окончанія, наоборотъ, въ недифтонгическій, почему удареніе и перешло съ окончанія на корень. Также: рука́—ру́чка, слуга́—слу́жка... Сравнить еще: жена́, окно́, село́... но бу́ря, по́ле, мо́ре... гдѣ, какъ было указано выше, уложеніе **й** (мя́гкость **н**, **л**, **р**) дали **б**, **п**, **м**, т.-е. не послѣдующая, а предыдущая артикуляція.

Формы же: поля́, моря́... вѣроятно, остатокъ отъ формъ: пол-аі, мор-аі...

Что же касается чешскаго языка, то помимо его главной особенности, именно приближенія (суженія, перегласовки) всѣхъ уложеній гласныхъ по направленію къ *i* на усиленіе въ немъ abc указываютъ и всѣ другія его особенности сравнительно съ сербскимъ и русскимъ, о которыхъ говорится, напр., въ «Лекціяхъ по славянск. языкознанію», Т. Флоринскаго, къ числу которыхъ принадлежатъ хотя бы слѣдующія: moře, žebro, mydlo, padl... объяснять которыя здѣсь особо значило бы только повторять сказанное выше, почему мы этого и не дѣлаемъ.

Выше было указано, что для подтвержденія сдѣланныхъ здѣсь заключеній относительно причинъ звуковыхъ измѣненій рѣчи необходимо приступить къ изученію самыхъ органовъ произношенія и главнымъ образомъ—ихъ мускулатуры, а потому нельзя не пожелать, чтобъ кто-либо изъ имѣющихъ на то возможность и занялся такимъ изученіемъ. И если бы сдѣланное здѣсь

предположеніе оправдалось, можно было бы наглядно показывать происхожденіе звуковыхъ особенностей на приборахъ, что не составило бы большихъ затрудненій, такъ какъ устройство нашихъ органовъ произношенія, особенно мускулатуры, крайне просто, что можно видѣть и изъ приложенныхъ при семъ схематическихъ рисунковъ.

Кромѣ того, помимо изученія буквъ, звуковъ и ихъ уложеній выступаетъ безусловная необходимость изученія работъ, движеній и артикуляцій органовъ рѣчи при произношеніи словъ, потому что, сколько бы мы ни уснащали буквы различными звѣздочками, цыфрами и другими значками, и какъ бы ихъ ни разсаживали по различнымъ клѣткамъ, мы необходимо приходимъ къ тому выводу, что всякій звукъ можетъ родиться отъ всякаго, даже изъ ничего, и превратиться во всякій. А такъ какъ это очевидная нелѣпость, то мы часто вынуждены бываемъ впадать въ другую крайность и готовы отрицать родство не только такихъ словъ, какъ bis и дважды, но даже unus и одинъ, потому что въ нихъ и сходны-то только двѣ буквы, да и то обѣ не на мѣстѣ.

Далеко не такъ обстоитъ дѣло съ изученіемъ движеній органовъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, попробуемъ сдѣлать сравненіе артикуляцій уже указанныхъ нами словъ unus и одинъ.

Уложеніе русскаго **о** слова одинъ отчичается отъ уложенія *u* слова unus тѣмъ, что при **о** челюсть опущена ниже, а дно полости рта немного выше, чѣмъ при u, а такъ какъ это составляетъ результатъ усиленія abc, то отсюда и дѣлаемъ заключеніе, что русскіе abc сильнѣе, чѣмъ были у латинянъ (конечно, только сравнительно съ ихъ антагонистами mn и de). Провѣ-

ряемъ это на слѣдующихъ артикуляціяхъ. Въ словѣ unus послѣ u стоитъ n, а въ словѣ одинъ—д; оба уложенія передне-язычныя, значитъ, работы однѣ, но д мягкое, а n твердое, а такъ какъ мягкость есть результатъ работы abc, слѣдовательно, у русскихъ abc работаютъ сильнѣе.

Смотримъ на другое отличіе: д не сопровождается носовымъ оттѣнкомъ, какъ n; но это не должно насъ смущать, потому что мы его въ словѣ одинъ находимъ при слѣдующей артикуляціи, а такой переходъ носового оттѣнка съ одной артикуляціи на другую далеко не рѣдкость, что можно видѣть хотя бы на слѣдующихъ примѣрахъ:

centum—сотня—сотенъ, dens—десна—десенъ, nomen—имя, сж—имъ—съ нимъ, занималась (сравн. завивалась)—имати—займалась...

Причина такого перехода носового оттѣнка съ одного звука на другой заключается въ томъ, что мускулы нёбной занавѣски, отъ работы которыхъ она опускается и такимъ образомъ даетъ возможность воздуху пройти черезъ носъ, еще менѣе связаны съ работами abc, fg и hi, чѣмъ fg и hi съ abc, а потому работы ея могутъ совпадать съ какимъ-угодно уложеніемъ рта.

Переходъ его въ славянскомъ съ предыдущаго уложенія на послѣдующій происходилъ, надо полагать, постепенно, такъ что было время, когда онъ сопровождалъ и гласный, находящійся между этими согласными.

Такой переходъ носоваго оттѣнка происходилъ не иначе, какъ опять-таки по причинѣ усиленія и ускоренія работъ abc, fg и hi, потому что подъемъ дна полости рта, какъ мы выше видѣли, ускоряетъ язычныя артикуляціи, тогда какъ опущеніе его ведетъ къ ихъ запаздыванію, такъ что опущеніе нёбной занавѣски при

артикуляціи слова unus стало совпадать съ запоздавшей первой язычной артикуляціей, а въ словѣ одинъ со второй. Такимъ образомъ, при усиленіи и ускореніи работы abc носовой оттѣнокъ какъ бы двигался къ концу слова, тогда какъ й двигалось, какъ мы видѣли выше, къ началу слова.

Далѣе, при д языкъ сильнѣе опирается о нёбо и зубы, чѣмъ при n, а потому д указываетъ также на усиленіе fg и hi.

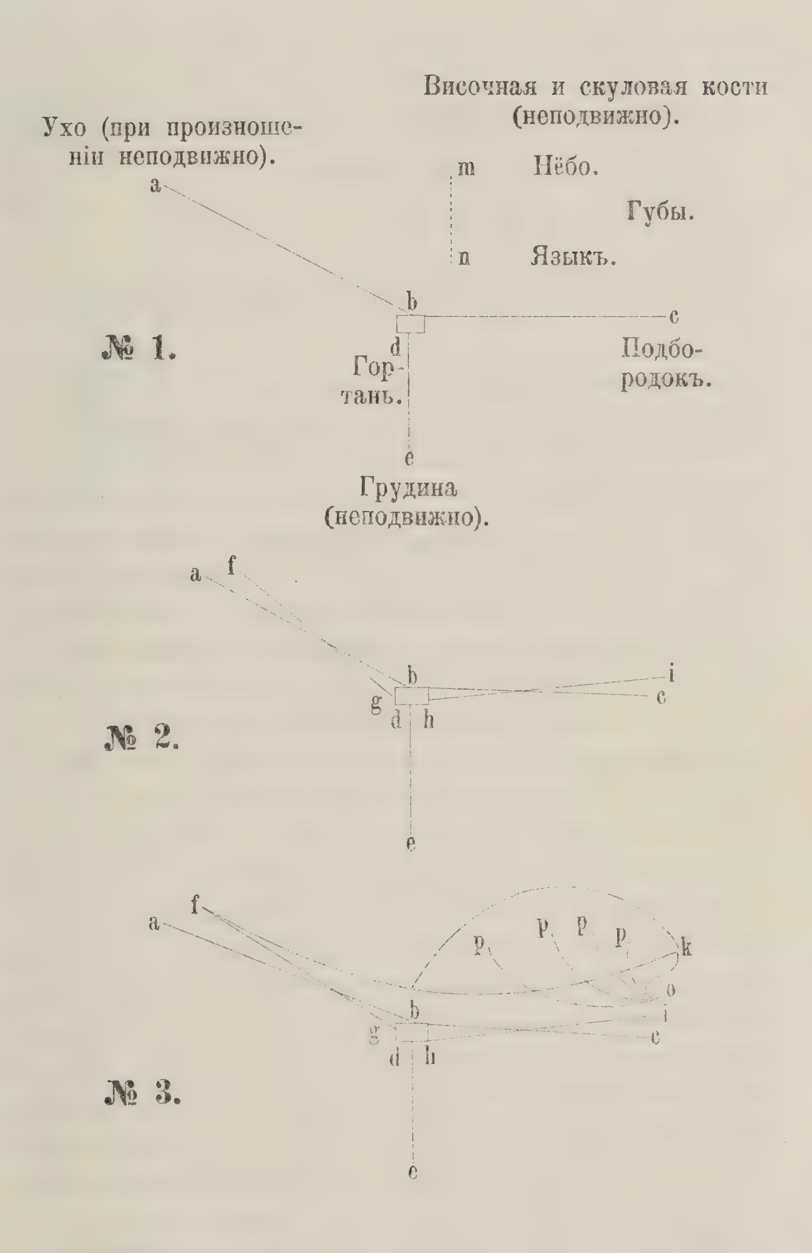
Затѣмъ, сравнивая и слова «одинъ» съ u слова «unus», мы находимъ въ первомъ случаѣ дальнѣйшее усиленіе работы abc, тогда какъ во второмъ попрежнему ея ослабленіе.

Наконецъ, о носовомъ оттѣнкѣ н въ словѣ одинъ было сказано, а при н языкъ опять сильнѣе опирается о нёбо и зубы, чѣмъ при s.

Если мы теперь точно такимъ же образомъ сопоставимъ слова unus и одинъ съ словами: адинъ (акающ говор.), jeden и jedon (западн. слав), jèdan (сербск.) и eins (нѣм.), то мы получимъ новое подтвержденіе сдѣланнаго въ настоящей работѣ предположенія.

С. Рогозинъ.

Височная и скуловая кости
(неподвижно).
Ухо (при произноше-
ніи неподвижно).
a
m
Нёбо.
Губы.
n
Языкъ.
b
c
№ 1.
d
Гор-
тань.
Подбо-
родокъ.
e
Грудина
(неподвижно).
a
f
b
i
g
c
d
h
№ 2.
e
f
a
p
p
p
p
k
o
i
b
g
c
d
h
№ 3.
e

Оглавленіе.

Стр.

Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ *).

6.

Свидѣтельство былинъ о древнѣйшихъ формахъ брака.

Какой же выводъ относительно общаго характера семейныхъ отношеній, установившихся въ древнерусскомъ обществѣ, и ихъ вліянія на положеніе женщины можно сдѣлать на основаніи того матеріала, который представляютъ дошедшія до насъ былины? Выводъ этотъ уже сдѣланъ всѣмъ предыдущимъ изложеніемъ, и здѣсь остается его только кратко резюмировать. — Тотъ складъ семьи, который существовалъ въ древней Руси, съ современной намъ точки зрѣнія отнюдь не можетъ быть названъ высокимъ. Конечно, къ древнѣйшему языческому періоду подобная точка зрѣнія абсолютно не приложима, и къ такой отдаленной исторической эпохѣ нужно подходить съ инымъ критеріемъ, разсматривая извѣстное историческое явленіе съ полнымъ объективизмомъ, стараясь отыскать въ немъ самомъ нѣкоторое мѣрило для опредѣленія его цѣнности. За таковое мѣрило, подходящее какъ разъ къ оцѣнкѣ именно подобнаго чисто бытоваго явленія, какова семья и всѣ вытекающія изъ нея многообразныя человѣческія связи, можетъ быть принята, какъ намъ кажется, та степень благополучія, которою должны были пользоваться члены ея, испытавшіе на себѣ всѣ послѣдствія этихъ связей.

---

*) Продолж. См. в.в. IV—VI за 1900 г. и I—II за 1901 г.

Тѣ данныя въ былинахъ, которыя мы уже приводили, и которыя идутъ изъ этой отдаленнѣйшей еще до-христіанской эпохи, указываютъ на малую еще крѣпость семейныхъ связей. Бракъ не успѣлъ еще выработаться въ прочный институтъ; не могла, слѣдовательно, отличаться прочностью и семья. Герои былинъ разъѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, полякуютъ, довольствуются случайными связями съ разными встрѣчными женщинами. Любимый герой былинъ, Илья Муромецъ, даже прямо отказывается отъ женитьбы, не хочетъ связывать своей свободы, но онъ же не отказывается отъ всякихъ случайныхъ связей. Прекрасная, но коварная королевична, жена Святогора, баба Латыгорка, мать Сокольщика, Збута Королевича—все это близкія знакомыя Ильи. Правда, въ одной былинѣ у Кирѣевскаго является Савишна, молода жена Ильи Муромца, которая одѣвается въ платье богатырское и ѣдетъ сражаться вмѣсто мужа съ Тугаринымъ (I, 56); но болѣе она нигдѣ не встрѣчается, и, вѣроятно, этотъ эпизодъ явился скорѣе, какъ подражаніе разсказамъ о женѣ Ставра и Данилы Ловчанина. Рисуя подобный непрочный характеръ связей между мужчиною и женщиною, былины говорятъ совершенно то же самое, что и наши лѣтописи и другіе источники о древнѣйшемъ времени. „Браци не бываху, но живяху звѣриньскимъ образомъ“. Сегодня одна женщина, завтра другая. Семьи нѣтъ. Дитя остается на попеченіи матери и отца часто не знаетъ. Дочь литовской колачницы выросла храброю поленицею и ѣдетъ разыскивать своего батюшку; она вступаетъ въ бой съ Ильею Муромцемъ и только случайно открываетъ, что борется съ своимъ собственнымъ отцомъ. Сыномъ же Ильѣ приходится „Збутъ Королевичъ“. То обстоятельство, что этотъ общераспространенный мотивъ о борьбѣ отца съ сыномъ относится къ числу бродячихъ и, слѣд., могъ проникнуть въ нашъ эпосъ извнѣ, отнюдь не препятствуетъ намъ

взять его для характеристики русской дѣйствительности. Если, напр., жители Ирана за много вѣковъ до нашей эры переживали ту стадію развитія, при которой извѣстный бой Рустема съ Зорабомъ могъ войти въ эпическую поэзію, какъ отголосокъ живой дѣйствительности, это, конечно, не мѣшаетъ тому, чтобы много столѣтій послѣ народъ, населявшій восточную половину Европы, среди иной природы, въ иныхъ историческихъ условіяхъ, не переживалъ той же самой культурной стадіи.

Отсутствіе прочныхъ брачныхъ связей никогда не можетъ быть выгодно для женщины. Отъ такого положенія выигрываетъ только мужчина, остающійся вполнѣ свободнымъ и независимымъ; но этого мы коснемся болѣе подробно, когда будемъ разбирать бракъ въ христіанское время. Здѣсь пока мы имѣемъ дѣло съ отраженіемъ семейныхъ отношеній въ былинахъ, которыя повѣствуютъ намъ и о томъ позднѣйшемъ времени, когда семья уже окрѣпла и держится прочно; ею управляютъ, живучія родовыя, съ одной стороны, въ высшей степени традиція, съ другой—она вложена въ тѣ новыя рамки, которыя даны ей были христіанствомъ. Но былины, рисуя и эту позднѣйшую семью, даютъ намъ мало отраднаго какъ въ изображеніи самой семьи, такъ и въ описаніи способовъ ея возникновенія.

Былины донесли изъ глубокой древности хотя отрывочныя, но ясныя указанія на первобытные, еще до-христіанскіе способы заключенія брака, которыя совершенно согласуются съ лѣтописными повѣствованіями о томъ же предметѣ. Насиліе со стороны мужчины, употреблявшееся въ самой глубокой древности, съ теченіемъ времени смѣнилось болѣе мягкими пріемами, параллельно съ общимъ смягченіемъ нравовъ. Когда укрѣпились уже родовыя связи, и дѣвушка считалась принадлежностью рода, и безъ согласія родичей ее нельзя было получить,—входитъ въ употребле-

ніе выкупъ, устраивается формальное сватовство, во время котораго идутъ переговоры о цѣнѣ невѣсты. Мы видѣли въ былинахъ указаніе на легкость заключенія брачныхъ связей, на ту пресловутую „свободу женщины“, которая выдвигается нѣкоторыми изслѣдователями. Но это еще не бракъ, это случайная связь, которая легко порывается (Илья и колачница и проч.). Бракъ—дѣло уже прочное, и хотя въ языческое время (да и въ первое время по принятіи христіанства) онъ легко разрывается, но все-таки вступающіе въ него имѣли намѣреніе вести общую жизнь и основать прочную семью. Браки, о которыхъ говорится въ былинахъ, именно зиждутся на этихъ основахъ. Дѣйствующія лица засылаютъ большею частью къ родителямъ сватовъ, которые должны выяснить всѣ стороны брачнаго вопроса и привести его къ благополучному окончанію. Ор. Ѳ. Миллеръ, видящій въ свидѣтельствахъ о захватѣ невѣсты лишь „насиліе, по основѣ своей миѳическое“, исправляетъ натянутость этого заключенія замѣчаніемъ, что въ явленіяхъ небесныхъ отражались земныя явленія, и что „насильственный захватъ небесной невѣсты могъ быть только возможенъ при существованіи у людей, создавшихъ миѳы, насильственнаго захвата невѣстъ на самомъ дѣлѣ, и говоритъ даже, что бытовая сторона въ этихъ сказаніяхъ особенно выдается. Онъ дѣлаетъ цѣнное замѣчаніе, что, хотя отнятіе невѣсты и возникло раньше, чѣмъ выкупъ, но что они оба вмѣстѣ существовали долгое время рядомъ, употребляясь то тотъ, то другой, смотря по надобности. Потомъ появляется и приданое („Илья Муромецъ“, 337—340). На такіе ходячіе способы заключенія брака въ древности указываютъ слова былинъ: „намъ не войскомъ брать невѣсту и не дракой брать, не купить безсчетной золотой казной“. Но первобытный человѣкъ медленно поддается смягчающему вліянію цивилизаціи, и часто въ рѣшительные моменты жизни всплы-

ваютъ наружу въ немъ такіе инстинкты, которые, казалось, отошли уже въ глубь прошлаго; тогда онъ поступаетъ подъ вліяніемъ страсти и готовъ нарушить уже выработавшіяся формы общежитія, сдерживающія болѣе или менѣе произволъ отдѣльныхъ лицъ. Такъ поступаютъ часто и дѣйствующія лица былинъ въ вопросѣ о женитьбѣ. Если ихъ желаніе рискуетъ остаться неудовлетвореннымъ, если на свое сватовство герой получаетъ отказъ, то немедленно онъ готовъ прибѣгнуть къ старому способу добыванія невѣсты и отнять ее силою: „буде въ честь не даютъ, такъ ты силой возьми“; „Ужъ ты честно не дашь,—за боёмъ возьму“ „Авдотья-Лебедь бѣлая, доставшаяся такимъ путемъ Ивану Годиновичу, укоряетъ своего отца: „не умѣлъ меня, батюшка, замужъ выдать безъ того кроволитвица великаго“. Тотъ же тонъ, достойный истаго полудикаря, слышится въ словахъ Хотина, оскорбленнаго въ своемъ мужскомъ достоинствѣ отказомъ матери той дѣвушки, за которую онъ сватался: „въ честь я Офимью за себя возьму, а не въ честь возьму за своего паробка“. И Хотинъ дѣлаетъ настоящее разбойническое нападеніе на теремъ своей невѣсты. Отъ удара его палицы въ теремѣ окошки разсыпались, маковки на немъ покривились; онъ выламываетъ двери и врывается въ самый теремъ. Завладѣвши такимъ способомъ женщиною, мужчина уже смотритъ на себя, какъ на полнаго ея повелителя, и считаетъ себя въ правѣ распоряжаться ея судьбою по собственному благоусмотрѣнію. Былина о женитьбѣ Дюка Степановича является совершеннымъ повтореніемъ былины о Хотинѣ съ измѣненіемъ лишь нѣсколькихъ подробностей, но поведеніе мужчины тутъ еще грубѣе: Дюкъ срубилъ головы девяти братьямъ своей невѣсты и завладѣлъ ею (Рыбниковъ). Какъ же онъ обращается съ тою дѣвушкою, которая досталась ему, какъ плѣнница? Онъ привязалъ ее ко стременамъ своимъ и привезъ своей матери, какъ работницу, портомой-

ницу. Только мать заступилась за обездоленную дѣвушку и посовѣтовала Дюку взять её за себя замужъ: „не работницей, не портомойницей, она будетъ слыть у насъ барыней“: „Молодой бояринъ матушки послушался“. Былина оканчивается свадебнымъ пиромъ.—Проявляя глубокій тактъ въ пониманіи человѣческихъ отношеній въ архаическомъ обществѣ, Ор. Ѳ. Миллеръ говоритъ, что, взятая съ бою у отца или сама побѣжденная въ боѣ, жена можетъ являться только военно плѣнною, невольницею, рабою; что такою именно представляется она до сихъ поръ въ цѣломъ множествѣ свадебныхъ пѣсенъ; что всѣ тѣ мѣста въ былинахъ о сватовствѣ, гдѣ говорится объ умѣ невѣсты, о томъ, чтобы мужу можно было съ нею думу думати—являются позднѣйшими наслоеніями („Илья Муромецъ“, 348, 349). Такимъ насильственнымъ образомъ мужчины пріобрѣтали себѣ не только дѣвушекъ, но и готовы были отнять женъ у мужей, если къ этому представлялась возможность. Подобные факты не разъ упоминаются въ былинахъ (напр., Калинъ царь хочетъ отнять у Владимира княгиню Опраксію, самъ Владимиръ — жену у Данилы Ловчанина). Первыя страницы лѣтописей повѣствуютъ о подобныхъ же дѣйствительныхъ фактахъ въ семьѣ княжеской. При подобномъ добываніи женщинъ пускалась въ ходъ, смотря по обстоятельствамъ, не только сила, но и хитрость: „съ хитрою хитростью увозили женъ, со великою со мудростью“.

Съ теченіемъ времени насиліе отходило болѣе и болѣе въ область преданія. Бракъ правильный, заключаемый на всю жизнь, могъ совершаться не иначе, какъ съ согласія родителей. Это неизбѣжное вмѣшательство родителей влекло для дѣвушки свои неудобныя послѣдствія. Съ развитіемъ родовыхъ связей, дочь, подобно всѣмъ младшимъ членамъ рода, лишена всякой самостоятельности, и въ такомъ существенно важномъ для нея вопросѣ, каковъ бракъ, она обязана безпре-

кословно подчиниться рѣшенію родителей и заглушить въ себѣ всякіе порывы собственной воли.

7.

Неудовлетворительное состояніе семьи, построенной на одномъ авторитетѣ мужчины. Приниженность женщины.

Въ семью, окончательно организованную на началѣ авторитета мужчины, вносится недовѣріе и подозрительность къ подчиненной ему женщинѣ. Тѣ связи, единственнымъ нравственнымъ основаніемъ которыхъ можетъ служить лишь полное равенство и совершенное взаимное довѣріе, не могутъ безнаказанно опираться на чувства, прямо противоположныя. Сознаніе женщиною собственной приниженности, постояннаго недовѣрія къ ея честности приводило къ результатамъ, прямо противоположнымъ, и дѣйствовало на семью разлагающимъ образомъ. Мы видѣли картинки семейныхъ столкновеній между мужемъ и женою, какъ онѣ изображены въ былинахъ; мы видѣли, къ какимъ часто кровавымъ драмамъ приводили эти столкновенія. Въ этихъ собственно супружескихъ отношеніяхъ главенство мужа поддерживалось искреннимъ вѣрованіемъ въ его нравственное и умственное превосходство, не говоря уже о физическомъ. Какъ же проявляетъ себя это привилегированное существо по отношенію къ тѣмъ, которые отъ него зависятъ? Отношенія отца къ дѣтямъ подробнѣе изображаются въ пѣсняхъ семейныхъ, былины же дадутъ намъ еще нѣсколько характерныхъ чертъ для отношеній между мужемъ и женою. Мужъ въ былинахъ называется „милой ладушкой“, „крѣп

кой содержавушкой“, жена называется „семеюшкой“. Жена относится къ мужу со всѣми внѣшними знаками почтенія. Съ матерью своею онъ совѣтуется, женѣ же объявляетъ рѣшенія, имъ принятыя. Рѣшенія эти облекаются въ форму приказаній, протестовать противъ которыхъ не должно прійти въ голову ни одной добродѣтельной супругѣ. Обращаясь къ отъѣзжающему мужу съ вопросомъ о времени его возвращенія, жена подходитъ къ его стремени и униженно ему кланяется.

„Поклонъ воздала до шелкова до пояса,
Правой рукой до сырой земли“.

Возвращеніе Добрыни домой и благополучное разрѣшеніе непріятнаго для его жены вопроса о предполагавшемся ея второмъ бракѣ съ Алешею Поповичемъ вызываетъ съ ея стороны проявленіе искренней радости. Сцена ея встрѣчи съ давно ожидаемымъ мужемъ, который прибылъ неузнаннымъ и, наконецъ, открылся, проникнута искреннею нѣжностью. Она быстро вскакиваетъ съ мѣста, беретъ Добрыню за ручушки за бѣлыя, цѣлуетъ въ уста сахарныя, прижимаетъ къ ретивому сердечушку, прикладываетъ ко бѣлому ко личушку. Но и въ этомъ трогательномъ и нѣжномъ описаніи ласковой встрѣчи супруговъ сейчасъ же появляется нота, которая не даетъ намъ заблуждаться относительно истиннаго характера ихъ отношеній. Равенства тутъ, несмотря на взаимную любовь и нѣжность, все-таки нѣтъ; положеніе жены все-таки подчиненное: она исполняетъ обязанности, обыкновенно возлагаемыя на слугъ:

„Скорешенько снимала съ него одежицы дорожныя
И одѣвала-то одежицу драгоцѣнную, что наилучшую“.

Когда же мужу и случалось въ чемъ-нибудь посовѣтоваться съ женою, то она должна была остерегаться, какъ бы не подать мнѣнія, нежелательнаго для ея супруга: иначе съ нею могло случиться то же, что было съ турецкою ца-

рицею Панталовной (въ былинѣ о Вольгѣ). Она рѣшилась предостеречь своего мужа отъ опаснаго похода на Русь, но царь Турецъ-Санталъ отъ такого противорѣчія пришелъ въ ярость; онъ не только выбранилъ её „старымъ чортомъ", но еще

„Ударилъ её по бѣлу лицу,
И повернется,—по другому,
И кинетъ царицу о кирпиченъ полъ,
И кинетъ ю во второй разъ".

За вполнѣ разумный, полный осторожности совѣтъ, поданный женою, царь Вахрамей безъ церемоніи плюетъ ей въ глаза. Такое кроткое обращеніе часто ожидало тѣхъ женъ, которыя возымѣли бы ни съ чѣмъ несообразную мысль стать умнѣе своихъ мужей и учить ихъ. Самъ народъ сознавалъ, что кровь, пролитая такимъ образомъ, „кровь напрасная, безповинная", но такъ ужъ испоконъ вѣковъ повелось (и не въ одной Руси), что мужья считали себя въ правѣ проливать её. Изъ этихъ примѣровъ видно, на что въ дѣйствительной жизни сводилась широковѣщательная формула, повторявшаяся въ началѣ нѣкоторыхъ юридическихъ актовъ: „князь совѣтовавъ со своею княгинею"... и какъ осуществлялись мечты задумавшаго взять себѣ жену Владимира:

„И было бы мнѣ, князю, съ кѣмъ жить да быть,
Думу думати, долгіе вѣки коротати".

Это были мечты, которыя едва ли осуществлялись въ десятой части супружествъ.

Если въ древне русской семьѣ мужъ такъ часто злоупотреблялъ своимъ привилегированнымъ положеніемъ и склоненъ былъ величаться надъ младшими членами семьи и надъ женою включительно; если плевки въ лицо, тасканье за волосы, пинки ногою были явленіемъ обыденнымъ и уже никого не возмущали, то каково же было поведеніе мужа, ко-

гда онъ имѣлъ право чувствовать себя оскорбленнымъ? Казнь, самая безпощадная, одна могла искупить вину жены. Читая былину о Дунаѣ, удивляешься той изобрѣтательности народной фантазіи, съ которою она придумываетъ различныя мученія для наказанія только непокорной (но вполнѣ вѣрной мужу) жены. Настасья, чтобы избавиться отъ смерти, молитъ мужа подвергнуть её, какимъ угодно, истязаніямъ и сама въ длинномъ монологѣ даетъ перечень подходящихъ къ случаю наказаній. Она предлагаетъ мужу, во-1-хъ, плеточку шелковую смочить въ горячую смолу и бить её по нагому тѣлу; во-2-хъ, привязать её за волосы за женскія къ стременамъ и гонять коня по чисту полю; въ-3-хъ, на перекресткѣ вкопать ее по грудь во сыру землю, бить клиньями дубовыми, засыпать песками рудожелтыми, голодомъ морить, овсомъ кормить. Волосъ становится дыбомъ отъ представленія о всѣхъ этихъ мукахъ, достойныхъ испанской инквизиціи. Откуда возникли онѣ въ воображеніи незлобиваго русскаго пахаря? Тутъ, конечно, мы имѣемъ дѣло съ поэтическимъ преувеличеніемъ или скорѣе—съ поэтическою концентраціею въ одномъ образѣ того, что въ разрозненномъ видѣ усматривалось въ дѣйствительной жизни. И плетка, и дубовые клинья, и голодъ—развѣ все это совершенно отошло даже и въ наше время въ область преданій между нашимъ простымъ народомъ? Даже закапыванье въ землю не было вовсе поэтической причудой, а цѣликомъ взято изъ дѣйствительности. Постановленія законодательства на этотъ счетъ были весьма опредѣленны. (Смотри Уложеніе, глава 22, статья 14). Если дѣло не доходило до суда, то оскорбленный мужъ самъ расправлялся на мѣстѣ съ невѣрной женою, и расправа эта была дикая, кровавая расправа, на какую способенъ только человѣкъ или совсѣмъ некультурный, не умѣющій устоять противъ перваго порыва страсти, или же человѣкъ съ психикой, вполнѣ извращенной, гдѣ уже приходится считаться съ патологіею. Иванъ

Годиновичъ не хуже мясника распластываетъ свою невѣрную жену Марью Дмитріевну: отсѣкъ онъ ей бѣлы рученьки, отсѣкъ уста сахарныя, отсѣкъ рѣзвы ноженьки. Казнь совершается медленно, методически; мужъ рѣжетъ жену и приговариваетъ, за какія именно вины онъ лишаетъ её того или другого члена тѣла. Въ этомъ эпизодѣ суровый, чуждый всякой идеализаціи взглядъ на женщину, какъ на полную принадлежность мужчины, доходитъ до своего апогея и глубоко возмущаетъ душу. Она почти ничѣмъ не отличается отъ любой вещи, которою онъ владѣетъ на правахъ собственности и которую всегда можетъ по своему желанію, по простому, наконецъ, капризу, уничтожить.

„Этыхъ мнѣ рученекъ не надобно:
Обнимали поганаго татарина;
Этыхъ мнѣ губушекъ не надобно:
Цѣловали поганаго татарина".

Въ другомъ варіантѣ Иванъ Годиновичъ отсѣкъ ея губы и еще вытянулъ языкъ изо рта и искалѣченную, но еще живую женщину бросилъ со страшною ироніею: „хоть замужъ пойди, хоть вдовой живи, а мнѣ ты теперь ненадобна" (Рыбниковъ, I, 197—205, II, 52—57). Интересна та уловка, къ которой прибѣгнулъ извѣстный идеалистъ, нарисовавшій заманчивую картинку блестящаго положенія женщины въ древней руси, Константинъ Аксаковъ, когда ему пришлось столкнуться съ только что описанною ужасною расправою мужа съ женою. О казни, которой Добрыня подвергъ Марину съ такими же приговорами, какъ и Ив. Годиновичъ, Аксаковъ говоритъ, что она не можетъ кидать на Добрыню обвиненія въ жестокости. Это обычай всѣхъ богатырей того времени; будучи не личнымъ дѣломъ, а обычаемъ, подобный поступокъ лишенъ злобы и свирѣпости, вытекающихъ уже изъ личнаго ощущенія (Полное собраніе т. 1, 327). Тѣмъ менѣе, скажемъ мы, основаній для особенно лест-

ныхъ заключеній о положеніи женщины въ томъ обществѣ, гдѣ держатся такія „наученьица“, гдѣ такъ „мужья женъ учатъ“.—Первобытной суровостью воззрѣній вѣетъ отъ былины объ Ив. Годиновичѣ, въ которой незамѣтно никакого смягчающаго вліянія христіанства. Жена есть полная собственность завладѣвшаго ею мужчины. При ея попыткѣ избавиться отъ него, уйти изъ-подъ его власти, если у нея не хватило силъ довести это до счастливаго конца, её ждетъ грозная кара со стороны властителя. Онъ можетъ съ нею сдѣлать все и будетъ правъ и передъ богами, и передъ людьми. Она вся—собственность своего повелителя; самые члены ея тѣла принадлежатъ ему и имѣютъ право на существованіе только до тѣхъ поръ, пока служатъ для его удовольствія. Добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей по отношенію къ мужу—вотъ единственное назначеніе женщины, единственный raison d'être самаго ея существованія. Самостоятельной цѣнности личность ея въ древнѣйшее время не имѣла.

Н. Шеметова.

Продолженіе будетъ.

Д. В. Григоровичъ, какъ народный писатель *).

III.

Но насколько созданные Григоровичемъ народные типы соотвѣтствуютъ дѣйствительности? Обладалъ ли онъ такимъ знаніемъ народной жизни, чтобы изображать ее? Это вопросъ чрезвычайно важный: отъ того или иного рѣшенія его зависитъ взглядъ на художественное значеніе произведеній Григоровича. Между тѣмъ, послѣ появленія первыхъ же повѣстей Григоровича изъ народнаго быта, на него посыпались упреки въ незнаніи изображаемой крестьянской жизни. «Въ изображеніи типовъ и нравовъ крестьянскаго быта Григоровичъ не только что не мастеръ, а рѣшительно заѣзжій иностранецъ» **), писалъ А. Григорьевъ. По рѣзко выраженному мнѣнію этого критика, въ людяхъ, знающихъ народный бытъ не по слуху, дѣятельность нашего писателя на этомъ поприщѣ должна возбуждать «нѣкоторое отвращеніе». «Это пейзанская, а не народная литература». Самъ Григоровичъ въ своихъ воспоминаніяхъ приводитъ другой рѣзкій отзывъ Писемскаго относительно направленія его литературной дѣятельности. «Оставили бы, право, писать о мужикахъ, — гдѣ вамъ, джентльменамъ, заниматься этимъ? Предоставьте это намъ; это же наше дѣло: я самъ мужикъ» ***). По-

*) Продолж. Нач. см. въ VI в. 1900 г.

**) Собр. сочин. т. 1-й.

***) Восном. гл. XII-я.

добные упреки по адресу Григоровича въ томъ, что онъ изображалъ незнакомый ему бытъ, были повторены и послѣ смерти нашего писателя. Нѣкоторые и теперь считаютъ Григоровича чисто случайнымъ гостемъ въ области простонародной литературы и направленіе его писательской дѣятельности объясняютъ удачей первой повѣсти, которая написана была просто на подвернувшійся случайно подъ руку сюжетъ *).

Но, судя по воспоминаніямъ автора, обращеніе къ изображенію народной жизни нельзя объяснить одной случайностью. Изъ этихъ воспоминаній мы видимъ, что начало народническаго направленія литературной дѣятельности совпадаетъ у Григоровича съ его внутреннимъ переворотомъ подъ вліяніемъ Бекетовскаго кружка. А вліяніе этого кружка было именно таково, что оно побуждало попробовать свой писательскій талантъ надъ тѣмъ, что возбуждало бы «мысли грустныя и важныя», какія, по убѣжденію Бѣлинскаго, нашему писателю и удалось скоро возбудить у своихъ читателей—изображеніемъ безправности и тяжелаго положенія крѣпостного мужика. Народное рабство было ужъ черезчуръ бросающимся въ глаза и бьющимъ по нервамъ явленіемъ, чтобы отдѣльныя картины его проявленія могли пройти незамѣченными даже для лица, стоящаго вдали отъ интимной мужицкой жизни. И въ памяти Григоровича онѣ были. Онъ самъ разсказываетъ изъ своихъ дѣтскихъ воспоминаній о нѣкоемъ помѣщикѣ, который для того, чтобы собрать денегъ на поѣздку жены въ Москву, приказывалъ сдѣлать наѣздъ на деревни, забрать тамъ «лишнихъ» дѣтей и дѣвокъ и продать ихъ **).

*) Михайловскій. «Памяти Григоровича». «Русск. Богатство» 1900 г. Кн. 1-я.

**) Воспомин. гл. I-я.

Общеніе съ Бекетовскимъ кружкомъ воскресило въ памяти эти картины и дало имъ новое освѣщеніе, оно же заставило пристальнѣе вглядѣться въ народную жизнь.

Для этого онъ ѣдетъ въ деревню и здѣсь со всею добросовѣстностью изучаетъ народную жизнь. Онъ цѣлые часы проводитъ на мельницѣ, бесѣдуя съ помольцами; разговариваетъ съ крестьянами, стараясь прислушаться къ складу ихъ рѣчи, записываетъ характерныя выраженія. Плодомъ такого знакомства съ народною жизнью и явилась первая повѣсть Григоровича изъ народнаго быта: «Деревня». Сюжетомъ этой повѣсти, какъ мы уже упоминали, взято дѣйствительное происшествіе изъ деревенской жизни *).

Акулину, героиню этой повѣсти, нельзя назвать лицомъ типическимъ: ей не достаетъ для этого достаточной опредѣленности; предъ нами только какъ бы ходячее людское страданіе. Правда, у автора видно намѣреніе познакомить насъ и съ психикой своей героини, и отдѣльныя черты въ этомъ отношеніи ему удаются: намъ понятна любовь къ одиночеству забитой сиротки, сильное вліяніе на нее минутъ, пережитыхъ на могилѣ матери, и т. п., но цѣльнаго художественнаго образа все-таки авторъ не создаетъ. Еще менѣе могутъ быть названы типическими другія лица этой повѣсти. Очевидно, для этого у автора не было еще достаточно наблюденій. Но зато такихъ наблюденій было уже совершенно достаточно для изображенія вполнѣ народныхъ и живыхъ отдѣльныхъ сценъ, разсыпанныхъ по повѣсти.

Едва ли кто назоветъ, напр., неестественною такую сцену.—«На скотномъ дворѣ... затѣялся жаркій споръ между Домною и Голиндухою. Здѣсь дѣло было

*) Воспоминан. гл. VIII.

вотъ въ чемъ: кто-то изъ ребятъ скотницы стянулъ лапоть Голиндухи, прислоненный къ печкѣ для просушки и, привязавъ къ нему бичевку, сталъ возить его по полу. Голиндуха, занимавшаяся въ то время выпариваньемъ квасной кадушки, неоднократно кричала на ребенка, приказывая ему тотчасъ же поставить обувь на прежнее мѣсто; ребенокъ не слушался и, какъ бы на зло, началъ колотить лаптемъ во всѣ углы избы. Выведенная, наконецъ, изъ терпѣнія, баба бросила работу, отвѣсила озорнику добрую затрещину и, вырвавъ обувь, положила ее на печку». Домна, видѣвшая это и еще прежде чѣмъ-то раздосадованная, не вынесла выходки Голиндухи.—«Куда лапоть-то поганый свой ставишь?» сказала она, выглянувъ вдругъ изъ за перегородки: «мѣста ему, небось нѣту? ..

— Эка нашлась какая прыткая... словно барыня,—драться вздумала...

— А что, невидаль что ли такая?.. барскія дѣти то твои, что ль?..

Вѣстимо, бить стану, коли балуются...

— А ну тка, сунься...

— Тебя, небось, послушаюсь?..

— Ахъ ты, собака этакая...

Сама съѣшь...—чтобъ тебѣ подавиться лаптями-то.

— Эй, Домна, не доводи до грѣха; у тебя уста, у меня другія.

— Плевать мнѣ... А вотъ только тронь еще разъ Ванюшку, такъ посмотришь...

— Да ты въ самомъ-то дѣлѣ,—что ты тычешь мнѣ своими ребятами-то?..

— А ты что?...

— Да... побирушка проклятая!... и мать-то твоя чужой хлѣбъ весь вѣкъ ѣла, да и тебя-то Христа ради

кормятъ, да еще артачится, да туда же лѣзетъ... Ахъ ты, песъ бездомный! нутка, сунься, тронь, тронь...

Домна и Голиндуха съ раскраснѣвшимися лицами, вылупившимися глазами и поднятыми кулаками подступали другъ къ другу» *)...

Жизненностью дышетъ въ этой повѣсти сцена, изображающая крестьянскую свадебную пирушку; чисто простонароднымъ языкомъ изложены разсказы бабъ въ зимній вечеръ о дѣйствіи недобраго слова, о смерти пономарихи отъ нечистой силы... Это первое произведеніе Григоровича изъ народнаго быта, по мѣткому выраженію А. Григорьева, вполнѣ можно сравнить съ мозаичною картиною. Дѣйствительно, это искусная мозаика изъ отдѣльныхъ наблюденій надъ народною жизнью, но мозаика, проникнутая единствомъ идеи, заключенная въ рамку образцовыхъ, художественныхъ описаній природы.

Вторая повѣсть изъ народнаго быта: «Антонъ Горемыка», написана Григоровичемъ также въ деревнѣ, подъ живымъ впечатлѣніемъ деревенскихъ наблюденій. По собственному сознанію автора, онъ въ то время уже «съ простонароднымъ языкомъ и бытомъ успѣлъ ближе познакомиться» **). Это, конечно, отразилось и на содержаніи повѣсти. Предъ нами цѣликомъ встаетъ фигура крѣпостного мужика, вполнѣ зависящаго отъ произвола управляющаго, который можетъ его согнуть «въ бараній рогъ», обездолить и разорить его хозяйство, — мужика, который даже мимо полуразрушеннаго и не обитаемаго барскаго дома проходитъ со снятой съ головы шапкой... Угнетаемый

*) Собр. соч. Маркса, т. 1, стр. 91—92.

**) Воспомин. гл. IX я.

рабствомъ, онъ въ то же время много терпитъ и отъ другихъ золъ,—больныхъ наростовъ на его невѣжествѣ и темнотѣ: отъ разныхъ побирушекъ-воровокъ, конокрадовъ, цыганъ и т. п. И Антонъ, какъ Акулина въ «Деревнѣ», подавленъ несчастіями и находится подъ вліяніемъ одного господствующаго чувства—тяжести жизни: пропажа единственнаго его достоянія—Пѣгашки совсѣмъ нравственно убиваетъ его. Несмотря на это, личность Антона поставлена авторомъ уже гораздо шире, чѣмъ личность героини первой повѣсти: она очерчена болѣе всесторонне. Этотъ несчастный бѣднякъ—любящій семьянинъ, при своемъ убожествѣ берущій на свои руки братнину семью, и вообще человѣкъ добрый.

«Ужъ такой-то добрый, простой... Бывало, какъ жилъ-то хорошо, всякаго готовъ уважить, простыня—мужикъ», отзывается о немъ фабричный Митроха *).

Антонъ въ то же время мужикъ честный, готовый постоять за правду: онъ рѣшился написать жалобу на управляющаго барину, за что жестоко и пострадалъ. Доведенный до крайности, онъ не ропщетъ на свою судьбу, пока только хватаетъ силъ переносить несчастія. Эта личность изображена вполнѣ правдиво.

При изображеніи своего героя, даже въ самые трагическіе моменты его жизни, авторъ не впадаетъ въ преувеличенія, въ мелодраматизмъ. Художественное чутье и мѣра чувствуются въ самыхъ сильныхъ сценахъ, воспроизводимыхъ Григоровичемъ. Чтобы не быть голословными, выписываемъ сцену, когда Антонъ узнаетъ о пропажѣ своей Пѣгашки.

«Время подходило уже къ самому разсвѣту, когда толстоватый ярославецъ былъ внезапно пробужденъ шу-

---

*) Собраніе соч. Маркса 1 т. 221 стр.

момъ въ избѣ. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ столъ опрокинутымъ; изъ-подъ него выползалъ на корячкахъ Антонъ, крестясь и нашептывая: «Господи благослови, Господи помилуй, съ нами крестная сила» ...

— Что̀, братъ, съ тобою?.. Эй, что̀ ты?» спросилъ мужичокъ, соскакивая съ наръ и принимаясь трепать Антона по плечу.—Экъ ты меня испужалъ; словно «комуха» *), такъ вотъ и трясетъ меня всего...

— Господи благослови... охъ!.. насилу отлегло» ... выговорилъ Антонъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ: «ишь, какой сонъ пригрезился... а ничего, ровно ничего не припомню... только добре что-то страшно... такъ вотъ къ самому сердцу и подступило; спасибо, родной, что подсобилъ подняться... Пойду-ка... охъ, Господи, благослови! пойду погляжу на лошаденку свою... стоитъ ли она, сердешная... Антонъ снова перекрестился и поспѣшно вышелъ изъ избы. Мужикъ сѣлъ на нары и началъ мотать онучи. Шумъ, произведенный Антономъ, разбудилъ не одного толстоватаго ярославца: съ полатей послышались зѣвота, оханье, потягиванье; нѣсколько босыхъ ногъ свѣсилось также съ печки. Вдругъ на дворѣ раздался такой пронзительный крикъ, что всѣ ноги разомъ вздрогнули и повскакали на̀земь вмѣстѣ съ туловищами. Въ эту самую минуту дверь распахнулась настежь, и въ избу вбѣжалъ, сломя голову, Антонъ... Лицо его было блѣдно, какъ известь; волосы стояли дыбомъ, руки и ноги дрожали, губы шевелились безъ звука: онъ стоялъ посередь избы и глядѣлъ на всѣхъ страшными, блуждающими глазами.

— Что̀ тамъ? отозвалась хозяйка, просовывая голову между перекладинами полатей.

---

*) Лихорадка по-ярославски.

— Что ты?.. ей, сватъ!... мужичокъ... дурманомъ прихватило, что ли?.. Экъ его разобрало... заговорили въ одно время мужики, окружая Антона.

— Что̀ ты всѣхъ баламутишь? произнесъ грубо хозяинъ, оттолкнувъ перваго стоявшаго передъ нимъ мужика и хватая Антона за рубаху.—Да-ну, говори!... что̀ буркулы-то выпучилъ...

— Увели!.. могъ только вскрикнуть Антонъ.—Лошаденку... ей-Богу... кобылку пѣгую увели!...

— Ой ли?... братцы... ишь, что баитъ... долго ли до грѣха... э! э! э!...

И всѣ, сколько въ избѣ ни было народу, не исключая даже Антона и самого хозяина,—всѣ полетѣли стремглавъ на дворъ. Антонъ бросился къ тому мѣсту, куда привязалъ вечоръ Пѣгашку, и, не произнося слова, указалъ на него дрожащими руками... Оно было пусто: у столба болталась одна лишь веревка...

— Взаправду увели лошадь! ишь, вотъ, вотъ и веревка-то разрѣзана, ножомъ разрѣзана... и... и... и... слышалось отовсюду.

Антонъ ухватился обѣими руками за волосы и зарыдалъ на весь дворъ.

— Братцы, говорилъ бѣдный мужикъ задыхающимся голосомъ,—братцы! что̀ вы со мною сдѣлали?... куды я пойду теперь?... Братцы, если въ васъ душа есть, отдайте мнѣ мою лошаденку... куды она вамъ?.. ребятишки, вишь, у меня махонькіе... пропадемъ мы безъ нея совсѣмъ... братцы, въ Христа вы не вѣруете!» *). Это сцена въ высшей степени драматическая; неопытному писателю она грозила бы опасностью увлечься трагическою важностью момента для героя, увлечься

*) Сочин. Григоровича т. I, 200—201 стр.

изображенiемъ его чувствъ и впасть въ крайности. Григоровичъ съ чутьемъ крупнаго художника избѣгаетъ этихъ крайностей. Проявленiе мужицкаго отчаянiя въ его изображенiи просто и естественно. Несмотря на то, что авторъ не много строкъ посвящаетъ воспроизведенiю горя Антона и не тратитъ усилiй изобразить его внутреннее состоянiе, этотъ, совершенно сбитый съ толку внезапно обрушившимся на него несчастьемъ, мужикъ, бѣгущiй отыскивать, невѣдомо куда, уведенную лошадь,—глубоко для насъ психологически понятенъ и возбуждаетъ истинное сочувствiе къ своему горю. Фонъ народной жизни, на которомъ рисуется печальная исторiя Антона-Горемыки,—рельефный и характерный, носящiй явные признаки несомнѣннаго знакомства автора съ изображаемою сферою. Предъ читателемъ вереницей проходятъ фигуры плутоватой воровки—старухи Архаровны, зажиточнаго мельника, балагуровъ—странствующихъ портныхъ, цыганъ съ ихъ воровскимъ языкомъ, мужиковъ на постояломъ дворѣ. Въ ихъ разговорахъ и разсказахъ не чувствуется ничего неестественнаго. Описанiе ярмарки въ повѣсти—это прекрасная сценка съ натуры.

Еще несравненно шире рамки народной жизни раздвигаются въ романѣ: «Рыбаки». Въ первыхъ двухъ произведенiяхъ Григоровича мужикъ изображается въ зависимости отъ крѣпостного права; послѣднее является силой, подъ дѣйствiемъ которой складывается судьба героевъ,—силой, подавляющей личную жизнь ихъ, опредѣляющей эту жизнь независимо отъ ихъ индивидуальныхъ качествъ и характеровъ.

Въ «Рыбакахъ» крестьянскiй бытъ рисуется независимо отъ крѣпостного права: здѣсь дѣйствiе романа свободно развивается среди однихъ крестьянскихъ инте-

ресовъ; проявленіе характеровъ совершается независимо отъ посторонней силы. Авторъ ставитъ своей задачей изобразить крестьянскую жизнь въ ея самобытныхъ основахъ, въ ея внутреннемъ укладѣ. Здѣсь мы въ правѣ искать уже цѣльныхъ художественныхъ народныхъ типовъ. И это произведеніе можетъ служить пробнымъ камнемъ при оцѣнкѣ Григоровича, какъ народнаго писателя.

Идея этого романа не результатъ кабинетныхъ умозрѣній, а плодъ личныхъ наблюденій автора надъ жизнью Приовскаго края; рыбакъ Глѣбъ имъ списанъ съ натуры *). Авторъ беретъ жизнь деревни въ любопытный моментъ столкновенія старыхъ вѣковыхъ устоевъ народной жизни съ новыми вѣяніями, земледѣльческаго патріархальнаго быта съ фабричнымъ.

Представителями стараго уклада жизни въ романѣ являются рыбаки Глѣбъ Савиничъ и Кондратій

Фигура Глѣба нарисована авторомъ широко, живо и сочно. Это—типичнѣйшій носитель старины, энергичный охранитель патріархальнаго строя семьи, неутомимый работникъ, человѣкъ, сросшійся съ жизнью природы. Онъ не доросъ еще до сознанія пользы грамоты, но крѣпокъ своимъ природнымъ умомъ, живетъ преданіями отцовъ и дѣдовъ, придавая имъ значеніе непреложныхъ законовъ; рѣчь его полна присловій и поговорокъ—это цѣлый складъ пріобрѣтенной вѣковымъ опытомъ народной мудрости.

Рядомъ съ нимъ авторъ поставилъ другого рыбака, Кондратія,—типъ смиреннаго старика—грамотея, степеннаго, богомольнаго и незлобиваго. По характе-

---

*) Воспомин. XI-я гл.

рамъ эти рыбаки совершенно различны, но есть между ними нѣчто и общее, что связываетъ ихъ взаимной дружбой: это-зависимость ихъ отъ земли, вѣрнѣе—отъ рѣки, отъ природы. Связь эта предъявляетъ къ человѣку строгія обязательства: она требуетъ отъ него упорнаго труда, крѣпости мышцъ и мускуловъ. Но разъ она нарушена, крестьянинъ — теряетъ подъ собой почву, онъ пропалъ. Такимъ «пропащимъ» человѣкомъ является въ романѣ мужикъ Акимъ, который боится упорнаго труда и потому осужденъ влачить жалкое существованіе никому и нигдѣ ненужнаго человѣка да весь вѣкъ жаловаться на свою долю.

Семья рыбака Глѣба представляетъ изъ себя отдѣльный патріархальный мірокъ, въ которомъ царствуетъ одинъ законъ—воля отца: ей безпрекословно должны повиноваться взрослые и семейные сыновья рыбака; женская половина семьи совершенно обезличена, даже старшая изъ женщинъ, жена Глѣба, подавлена авторитетомъ мужа, а жены сыновей рыбака несутъ уже двойное иго: онѣ зависятъ и отъ мужей, и отъ свекра съ свекровью.

Поддерживать подобный семейный строй могли только сильные характеры стариковъ, съ ихъ умомъ и житейскою опытностью. Онъ большою тяжестью ложился на членовъ семьи и оправдывался въ ихъ глазахъ только своею исконностью и высокимъ авторитетомъ стариковъ. Молодое поколѣніе, даже связанное съ этимъ строемъ воспоминаніями дѣтства, выросшее въ преданіяхъ семьи, уже тяготилось такимъ строемъ. Старшіе сыновья рыбака Глѣба смотрятъ вонъ изъ семьи и, дѣйствительно, уходятъ изъ нея со своими семействами.

Авторъ, выводя этихъ лицъ, нѣсколькими штрихами и сценами мастерски очерчиваетъ ихъ характеры:

и упрямый, съ желѣзной волей и жесткимъ сердцемъ, угрюмый Петръ, и добродушный здоровякъ, подпадающій вліянію брата Василій—равно личности вполнѣ реальныя, чуждыя въ обрисовкѣ и тѣни дѣланности и неестественности, чтобы назвать ихъ не чистокровными русскими мужиками, а «пейзанами».

Если тяжелымъ казался патріархальный строй семьи даже людямъ, органически связаннымъ съ ней, то для лицъ, лишенныхъ этой непосредственной связи, онъ являлся прямо невыносимымъ.

Пріемышъ—Гришка не можетъ слиться съ пріютившей его семьей и ея жизненнымъ строемъ: напротивъ, онъ глубоко враждебенъ ея интересамъ. Подобный неустойчивый элементъ семьи долженъ былъ прежде всего испытать на себѣ натискъ фабричнаго быта.

Бытъ этотъ заключалъ въ себѣ массу элементовъ, которые дѣлали его опаснымъ для семейнаго патріархальнаго уклада жизни. Оторванность съ молодыхъ лѣтъ отъ семьи, ранняя самостоятельность къ разгулу, свобода въ отношеніяхъ между полами, отвыканіе отъ земледѣльческаго труда,—все это дѣлаетъ крестьянина, вкусившаго фабричной жизни, рѣшительно неспособнымъ къ тихой семейной земледѣльческой жизни, которую вели отцы и дѣды. Немудрено, что фабричный бытъ явился грозой крестьянской семьи: онъ поколебалъ ея устои, внесъ въ ея среду распущенность.

Яркимъ представителемъ фабричнаго быта въ «Рыбакахъ» является работникъ Глѣба—Захаръ. Это типичный питомецъ фабрики. Авторъ всѣ результаты своихъ наблюденій надъ отрицательнымъ вліяніемъ фабричной жизни на крестьянина—сумѣлъ соединить въ выпуклый, художественный образъ. Захаръ—щеголь, пропивающій при первомъ случаѣ послѣднюю рубаху съ себя, чело-

вѣкъ, уже съ презрѣніемъ смотрящій на трудъ пахаря, балагуръ и любитель прекраснаго пола, съ глубоко развращенною душой.

Послѣдующіе писатели изъ народнаго быта мало что прибавили къ этой характеристикѣ фабричнаго. Такимъ, какъ изобразилъ его Григоровичъ, фабричный въ своемъ большинствѣ остается и до настоящаго времени. Нося въ себѣ гибель для патріархальнаго строя семьи, этотъ типъ имѣлъ въ себѣ и притягательную силу для молодого поколѣнія. Нравилась свободная жизнь фабрики, молодечество и разгулъ представителей фабричной жизни, такъ рѣзко разнящіеся отъ замкнутой скромной семейной жизни хлѣбопашца съ безусловной зависимостью отъ главы семьи. Григоровичъ прекрасно иллюстрировалъ это столкновеніе фабричнаго и землепашескаго элемента въ лицѣ Гришки и Захара въ XIX главѣ разсматриваемаго нами романа. Вотъ сцена первой ихъ встрѣчи.— «Гришка явственно различилъ движущуюся точку на Комаревской дорогѣ. Онъ поспѣшно вскочилъ на ноги и принялся махать шапкой. Точка замѣтно между тѣмъ приближалась, и вмѣстѣ съ этимъ до слуха пріемыша стали долетать звуки пѣсни. Вскорѣ фигура Захара обрисовалась на дорогѣ. Гришка не могъ еще разсмотрѣть черты незнакомца, но ясно уже различалъ розовую рубашку, пестрый жилетъ, съ свѣтящимися на солнцѣ пуговками, и синіе широчайшіе шаровары; ему невольно бросились въ глаза босыя ноги незнакомца и пышный, стеганый картузъ, какой носятъ обыкновенно фабричные. Выступая шагъ за шагомъ по травѣ и нимало не торопясь, будущій батракъ тянулъ тоненькимъ, дребежащимъ дискантомъ пѣсню, подыгрывая на гармоніи. Такимъ образомъ Захаръ подошелъ къ берегу.

— Захаромъ тебя звать? спросилъ Гришка, устремляя на незнакомца тотъ жадно любопытный взглядъ, какимъ встрѣчаютъ обыкновенно человѣка, осужденнаго жить съ вами подъ одною и тою же кровлей.

— Отъ рыбака, что ли? небрежно произнесъ Захаръ вмѣсто отвѣта.

— Отъ него: прислалъ за тобою.

— Причаливай лодку! вымолвилъ Захаръ, едва удостоивая взглядомъ собесѣдника.

Онъ расположился на палубѣ и, подпершись локтемъ, закричалъ: «Отчаливай!» такимъ рѣзкимъ тономъ, который скорѣе могъ принадлежать купеческому сыну, совершающему водяную прогулку для потѣхи и при томъ на собственныя свои деньги, чѣмъ бобылю-работнику, отправляющемуся по скудному найму къ хозяину. Какъ только челнокъ покинулъ берегъ, Захаръ вынулъ изъ кармана шароваръ коротенькую трубку съ мѣдной оковой и ситцевый кисетъ; изъ кисета появились въ свою очередь сѣрый скомканный табачный картузъ изъ бумаги, нѣсколько пуговицъ, мѣдный гребешокъ и фосфорныя спички, перемѣшанныя съ какимъ то неопредѣленнымъ соромъ.

— Что глаза выпучилъ? трубки что-ли не видалъ? полунасмѣшливо произнесъ Захаръ, обращая впервые соколиные глаза свои на собесѣдника, который съ какой то особенною хвастливою лихостью работалъ веслами.

— Какъ не видать! хоша самъ не пробовалъ, что̀ за трубка за такая, а видалъ не однова, возразилъ словоохотливо Гришка, продолжая грести.—У насъ, вѣстимо, въ диковинку: никто этимъ не занимается; знамо, занятно!.. У тебя и табакъ-то, какъ видно, другой: не тѣмъ дымомъ пахнетъ; у насъ коли куритъ кто, такъ все больше вотъ эти корешки... Я ча̀й, и это тѣ же ко-

решки, только ты чего-нибудь подмѣшиваешь?..

— Да, много видалъ ты такихъ корешковъ!

— А то что же?

— Мериканскій, настоящій, Мусатова фабрики, отвѣчалъ, не безъ значенія, Захаръ и отплюнулъ при этомъ на сажень, производя губами шипѣніе, похожее на фырканье осердившейся кошки.

Послѣдовало молчаніе.

— Что жъ ты вчера не приходилъ? началъ опять Гришка.

— Я прождалъ тебя почитай цѣлое утро, да и старикъ тоже.. Ужъ онъ ругалъ тебя, ругалъ...

Захаръ прищурилъ глаза, поглядѣлъ на собесѣдника, пустилъ струю дыма, плюнулъ и небрежно отвернулся.

— Я, говоритъ, съ него за прогулъ, говоритъ, возьму, подхватилъ пріемышъ.

— Эка важность! мы и сами счетъ знаемъ, сказалъ Захаръ тономъ глубочайшаго равнодушія.—Великъ больно форсъ беретъ на себя—вотъ что! Да нѣтъ, со мной немного накуражится!

Гришка засмѣялся.

— Чего ты? спросилъ Захаръ.

— То-то, думаю, не худо ему наскочить на зубастаго: такой-то бѣдовый, и Боже упаси! такъ тебя и крутитъ...

— Стало ты ему не родня? перебилъ Захаръ.

— Нѣтъ, я имъ чужой, сухо отвѣчалъ Гришка.

— Въ наймахъ живешь?

— Нѣтъ, изъ одежи... изъ хлѣба, съ явнымъ принужденіемъ проговорилъ Гришка.

— Ну, что, каковъ хозяинъ? спросилъ Захаръ, далеко уже не съ тѣмъ пренебреженіемъ, какое обнару-

живалъ за минуту; голосъ его и самые взгляды сдѣлались какъ будто снисходительнѣе. Всякій работникъ, мало-мальски недовольный своимъ положеніемъ, съ радостью встрѣчаетъ въ семействѣ своего хозяина лицо постороннее и также недовольное. Свой братъ, слѣдовательно! а свой своего разумѣетъ; къ тому же двѣ головы нигдѣ не сироты.

— А вотъ, погоди, отвѣчалъ, посмѣиваясь, пріемышъ,—самъ увидишь; коли хорошихъ не видалъ, авось, можетъ—статься, и понравится.

— Что жъ, собака?

— Собака! отвѣчалъ Гришка, молодцовато тряхнувъ волосами: но тутъ же проворно оглянулся назадъ.

Захаръ засмѣялся.

— Ну, должно-быть, задалъ же онъ тебѣ страху, сказалъ онъ.

— А что?

— Слово скажешь да оглянешься! «такой, сякой», а самъ все туда, на берегъ, посматриваешь...

— Вотъ! я нешто изъ страха? хвастливо вымолвилъ Гришка.—Того и гляди просмотришь пристань: отнесетъ быстриной... Что мнѣ его бояться? я ему чужой,—власти никакой не имѣетъ...

— Маленько что, я и самъ маху не дамъ!

Не зная Глѣба и отношеній его къ домашнимъ, можно было въ самомъ дѣлѣ подумать, взглянувъ въ эту минуту на Гришку, что онъ въ грошъ не ставилъ старика и на волосъ его не боялся: молодецкая выходка пріемыша показывала въ немъ желаніе занять выгодное мѣсто въ мнѣніи новаго товарища. Даже щеки его разгорѣлись: такъ усердно добивался онъ этой цѣли.

— Вонъ никакъ старикъ—атъ идетъ намъ навстрѣчу: давно, знать, не видались! сказалъ Захаръ.

Съ именемъ Глѣба пріемышъ невольно выпрямился и принялся работать веслами не въ примѣръ дѣятельнѣе прежняго. Захаръ, въ своей стороны, также измѣнилъ почему-то свою величественную позу: онъ опустилъ ноги въ отверстіе челнока, поправилъ картузъ и сталъ укладывать въ кисетъ табакъ и трубку.

— Какое у тебя все приглядное, какъ посмотрю, сказалъ Гришка, понижая голосъ,—вишь мѣшочекъ-то, куда табакъ кладешь, словно у купца; а что дорого далъ?

— Кисетъ-то? отвѣчалъ Захаръ, небрежно запрятывая его въ карманъ,—нѣтъ, дешево обошлось; подарили... мы мало что покупаемъ: у насъ есть пріятели!...

Гришка скоро поддается всецѣло вліянію Захара: въ душѣ перваго слишкомъ много было элементовъ, благопріятствующихъ этому вліянію.

Незаконный сынъ слабовольнаго, безхарактернаго Акима, избалованный съ дѣтства, рано привыкшій къ злымъ продѣлкамъ, онъ никакъ не могъ органически слиться съ пріютившей его семьей рыбака Глѣба, проникнуться ея началами и навсегда остался волкомъ, глядящимъ въ лѣсъ, какъ его ни корми. Испорченность натуры дѣлала его родственнымъ по духу съ Захаромъ. Захаръ былъ опытнѣе въ жизни,—не мудрено, что онъ сдѣлался для Гришки авторитетомъ. Пріемышу Глѣба, вдохновляемому Захаромъ, выпало на долю быть однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ; вотъ почему это одна изъ наиболѣе выпукло и психологически вѣрно обрисованныхъ фигуръ въ романѣ.

Онъ—разрушитель строя семьи, такъ свято и мудро оберегавшагося рыбакомъ Глѣбомъ. Строй этотъ прежде всего покоился на сознаніи авторитета главы--семьи. Гришка признавалъ этотъ авторитетъ лишь въ его гру-

бо-матеріальномъ проявленіи, но въ своей нравственной основѣ онъ былъ чуждъ ему. Затѣмъ строй семьи покоился на полной чистотѣ отношеній между полами. И въ этомъ отношеніи пріемышъ рыбака, подъ вліяніемъ Захара, явился нарушителемъ его, соблазнивши дочь Кондратія Дуню. Старики поправляютъ дѣло и даютъ торжество принципу семьи: Гришку женятъ на Дунѣ. Вліяніе семьи громадно: оно начинаетъ проявляться и на Гришкѣ, въ отсутствіе Захара. «День ото дня Гришка дѣлался сговорчивѣе, переставалъ хмуриться и буянить. Наступившая зима подѣйствовала еще благодѣтельнѣе на отношенія молодыхъ. .

Видно, надоѣло Гришкѣ кипятиться попусту; зима въ избѣ, что тихое, семейное житье худому не научитъ,—совѣтчица добрая» *).

Но возобновленіе вліянія возвратившагося Захара и смерть Глѣба снова развязали Гришкѣ руки: онъ издѣвается надъ женой, предается разгулу, пропиваетъ скопленный годами достатокъ рыбацкой семьи, доводитъ ее до нищенства, а когда пропивать уже стало нечего, вмѣстѣ съ Захаромъ пускается на воровство и находитъ конецъ въ волнахъ Оки.

Все это явленія, ничуть не чуждыя русской почвы. Нѣтъ ничего здѣсь и утрированнаго «чужестраннаго».

Итакъ, семья Глѣба разорена, несчастная жена Гришки, Дуня, изгоняется старшими сыновьями Глѣба изъ дома.

Но принципъ семьи не погибъ: на развалинахъ старой семьи возникаетъ новая. Въ семьѣ Глѣба остался хранитель ея завѣтовъ.

---

*) Сочинен. Григоровича т. 5-й, 288—290 стр.

Это—младшій сынъ его Ваня. Авторъ не жалѣетъ радужныхъ тоновъ для обрисовки этой личности. Ваня—это въ полномъ смыслѣ рыцарь благородства, у котораго подъ серьмягой бьется любящее и всепрощающее сердце, склонное къ безконечному самопожертвованію. Онъ съ самоотверженіемъ уступаетъ своему сопернику Гришкѣ горячо любимую имъ Дуню. «Господь съ вами; я вамъ не помѣха! А насчетъ то есть злобы, либо зависти какой я ни на нее, ни на тебя никакой злобы не имѣю; живите только по закону, какъ Богомъ показано», говоритъ онъ Гришкѣ *). А затѣмъ онъ идетъ въ солдаты вмѣсто своего соперника. Онъ же возстановляетъ рыбацкую семью, возвратившись изъ военной службы.

Натура Вани, какъ она очерчена авторомъ, слишкомъ тонка и духовна по своей организаціи, и мало понятна въ той средѣ, въ которую ее авторъ поставилъ. Конечно, и въ крестьянской средѣ есть люди самоотверженные и съ глубоко чувствующей душой, но у Григоровича самое проявленіе указанныхъ свойствъ изображено въ такихъ чертахъ, которыя дѣлаютъ это лицо мало естественнымъ. Введеніе ея въ романъ кладетъ и на все произведеніе отпечатокъ идеализаціи крестьянской жизни, съ рискомъ обратить правдивую исторію въ прикрашенную идиллію. Самъ авторъ чувствовалъ это. «Найдется много людей, которые обвинятъ меня въ излишней сентиментальности, излишнихъ, ни къ чему не ведущихъ, изліяніяхъ», 2) говоритъ онъ: «обвинятъ въ неестественности и стремленіи къ идеаламъ, изъ которыхъ всегда «не вѣсть что такое выходитъ» **).

---

*) «Рыбаки» гл. XX-я.

**) «Рыбаки», гл. XIII.

Дѣйствительно, послѣ этого именно романа поднялись упреки въ неестественности изображенія Григоровичемъ народнаго быта. Но идеализація одного типа не лишаетъ жизненности и естественности другихъ и не отнимаетъ всѣхъ достоинствъ у романа.

Менѣе выпукло изображены авторомъ женскія лица романа. Центральнымъ женскимъ лицомъ въ «Рыбакахъ» является Дуня, дочь рыбака Кондратія, сначала предметъ соперничества сына и пріемыша рыбака Глѣба, потомъ подневольная жена Григорія. Въ первой половинѣ романа, гдѣ долженъ бы быть просторъ для обнаруженія характерныхъ свойствъ влюбленной женщины, авторъ тщательно обходитъ изображеніе развитія ея чувства и отношеній къ любимому человѣку. Онъ только, такъ сказать, констатируетъ фактъ, не входя въ его подробности, ограничиваясь лишь небольшой сценой между Дуней и Гришкой въ IX главѣ романа,—сценой, подслушанной Ваней. Это, съ одной стороны, служитъ лишнимъ доказательствомъ добросовѣстности автора, избѣгающаго изображать стороны деревенскаго быта, скрытыя отъ наблюденія, но, съ другой—много отнимаетъ въ отношеніи законченности типа, цѣльности впечатлѣнія отъ него. Во второй половинѣ романи Дуня—вѣрная жена безшабашнаго, испорченнаго мужика, существо безотвѣтное, всецѣло пассивное, подавленное массою страданій. Это та же Акулина «Деревни», только болѣе тѣсно связанная съ окружающею ее обстановкой. Во всякомъ случаѣ, Григоровичъ этими двумя типами достаточно освѣтилъ тяжелое положеніе женщины въ крестьянской семьѣ, не гарантированное отъ самаго грубаго произвола и издѣвательства надъ человѣческой личностью со стороны мужа.

Чрезвычайно правдива въ романѣ личность жены

Глѣба, добросердечной и хлопотливой старушки Анны, весь вѣкъ трепещущей мужа.

Жены старшихъ сыновей Глѣба—лица второстепенныя въ романѣ. Своихъ индивидуальныхъ свойствъ онѣ ничѣмъ не заявляютъ. Но это вина не автора, а уклада патріархальной крестьянской семьи, не дававшей, какъ мы уже сказали, простора для проявленія индивидуальныхъ чертъ женщины. Противъ дѣйствительности здѣсь авторъ отнюдь не погрѣшилъ.

Отдѣльныя сцены изъ народнаго быта въ романѣ: «Рыбаки», обнаруживаютъ въ авторѣ близкое знакомство съ народною жизнью. Прочитайте его описаніе «заведенія» чахлаго и вялаго, но вмѣстѣ пронырливаго плута, кабатчика Герасима, представителя темной силы деревни; обратите вниманіе на главу XI-ю романа: «Прохожіе», живую картинку, иллюстрирующую народное міросозерцаніе, на изображеніе авторомъ жизни фабричной деревни, вы поймете, что по наслышкѣ такъ писать нельзя: для такого живого изображенія требуется непосредственнное и основательное наблюденіе надъ деревенскою жизнью. Даже въ нѣкоторыхъ сценахъ интимнаго характера чувствуется въ изображеніи автора свѣжесть непосредственнаго знакомства съ изображаемой средой, художественное пониманіе ея, способствующее сильному впечатлѣнію описываемыхъ сценъ на читателя. Таковы сцены: проводы Вани на военную службу и смерть рыбака Глѣба, его прощаніе съ семьей и кормилицей Окой. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести первую изъ этихъ сценъ, какъ характеризующую высоту художественнаго изображенія, до которой могъ подниматься нашъ авторъ. Рано утромъ Ванюша прощался съ своимъ семействомъ. Окрестность нарочно, казалось, приняла самый тусклый, сѣренькій

видъ, чтобы возбудить въ сердцѣ молодого парня, какъ можно, меньше сожалѣнія при разставаньи съ родимыми мѣстами. Семейство рыбака стояло на дворѣ; оно теперь немногочисленно (Петръ, Василій, ихъ жены и дѣти ушли наканунѣ). Тутъ находятся всего-навсе: Глѣбъ, его старуха, сынъ пріемышъ и дѣдушка Кондратій, который пришелъ провожать Ванюшу. Мы застаемъ ихъ въ самую роковую, трудную минуту. Уже ворота, выходящія на площадку, отворены: уже дѣдушка Кондратій отнесъ въ избу старую икону, которою родители благословили сына, Остается только сказать: «Пойдемте»!.. Но старый Глѣбъ все еще медлитъ. Гришка между тѣмъ простился уже съ товарищемъ своей юности; онъ отошелъ немного поодаль; голова его опущена, брови нахмурены; но темные глаза, украдкой устремляющіеся то въ одну сторону двора, то въ другую, ясно показываютъ, что печальный видъ принятъ имъ по необходимости, для случая; что самъ онъ слабо раздѣляетъ семейную скорбь. Никто, впрочемъ, изъ присутствующихъ не думаетъ въ эту минуту о пріемышѣ. Тетка Анна крѣпко охватила обѣими руками шею возлюбленнаго дѣтища; лицо старушки прижимается еще крѣпче къ груди его; слабымъ, замирающимъ голосомъ произноситъ она безсвязное прощальное причитаніе. Передъ ними стоитъ Глѣбъ; глаза его сухи, не произноситъ онъ ни жалобъ, ни упрековъ, ни жестокихъ укорительныхъ словъ; но скрещенныя на груди руки, опущенная голова, морщины, которыхъ уже не перечтешь теперь на высокомъ лбу, достаточно показываютъ, что душа стараго рыбака переноситъ тяжкое испытаніе. Напрасно дѣдушка Кондратій, котораго Глѣбъ всегда уважалъ и слушалъ,—напрасно старается онъ уговорить его, призывая на помощь душеспасительныя слова: слова старичка теперь безсильны; они дѣйствуютъ на Глѣба, какъ на

полоумнаго человѣка: онъ слышитъ каждое слово дѣдушки, различаетъ каждый звукъ его голоса, но не удерживаетъ ихъ въ памяти. Глѣбъ до сихъ поръ не можетъ еще собраться съ мыслями: въ эти три дня старикъ перенесъ столько горя! Поступки дѣтей его изгладили изъ его памяти цѣлыя шестьдесятъ лѣтъ спокойной, безмятежной, можно даже сказать, счастливой жизни......... Но сколько ни думай, сколько ни сокрушайся, ничего этимъ не возьмешь—время только проходитъ.

— Пойдемте! говоритъ Глѣбъ.

Дѣдушка Кондратій бережно разнимаетъ тогда руки старушки, которая почти безъ памяти, безъ языка, виситъ на шеѣ сына; тетка Анна выплакала вмѣстѣ съ послѣдними слезами послѣднія свои слезы. Ваня передаетъ ее изъ рукъ на руки Кондратію, торопливо перекидываетъ за спину узелокъ съ пожитками, крестится и, не подымая заплаканныхъ глазъ, спѣшитъ за отцомъ, который уже успѣлъ обогнуть избы.

Отчаянный, раздирающій крикъ, раздавшійся позади, приковываетъ на мѣстѣ молодого парня.

— Ваня!... Ваня!...

— Полно.... Матушка.... Не убивайся.... Богъ милостивъ! говоритъ онъ, обнимая старуху, которая, какъ безумная, охватила его руками.

Но увѣщеванія тутъ напрасны! Дѣдушка Кондратій и Ваня, поддерживая Анну, продолжаютъ путь.

Вотъ уже миновали огородъ, вотъ уже перешли ручей. Этотъ ручей, свидѣтель младенческихъ лѣтъ, служитъ послѣднимъ порогомъ родительскаго дома. Вотъ ступили уже на тропинку и стали уже подыматься въ гору. Воспоминанія тѣснятся въ душѣ молодого парня; съ каждымъ шагомъ впередъ предстоитъ новая разлука.... Какъ ни

подкрѣплялъ себя молодой рыбакъ мыслью, что поступкомъ своимъ освободилъ старика—отца отъ неправаго дѣла, освободилъ его отъ грѣха тяжкаго; какъ ни тверда была въ немъ вѣра въ Провидѣніе, со всѣмъ тѣмъ онъ не въ силахъ удержать слезъ, которыя сами собою текутъ по молодымъ щекамъ его.... Тяжко вѣдь разставаться впервые съ домомъ родительскимъ: тутъ съ сердцемъ уже не совладаешь: не слушаетъ оно разсудка и не обольщается мечтами и надеждами....

Достигнувъ вершины высокого берегового хребта,— вершины, съ которой покойный дядя Акимъ боязливо спускался когда—то вмѣстѣ съ Гришкой къ избамъ стараго рыбака, Глѣбъ остановился. Но не быстрая ходьба въ гору утомила его: ему, напротивъ, хотѣлось бы пройти еще скорѣе, подняться еще выше: страшная тяжесть висѣла на сердцѣ старика; ему хотѣлось пройти теперь сто верстъ безъ одышки: авось—либо истома угомонитъ назойливую тоску, которая гложетъ сердце.

Когда Ваня и дѣдушка Кондратій, все еще поддерживавшіе Анну, поднялись на гору, Глѣбъ подошелъ къ нимъ.

— Зачѣмъ вы привели ее сюда? нетерпѣливо сказалъ онъ.

— Легче отъ эвтаго не будетъ.... Ну, старуха, полно тебѣ.... простись да ступай съ Богомъ. Лишніе проводы лишнія слезы... Ну, прощайся!

— Прощай, матушка! произнесъ сынъ и въ первый разъ не могъ хорошенько совладать съ собою, въ первый разъ зарыдалъ горько, зарыдалъ, какъ мальчикъ.

При этомъ старуха вдругъ встрепенулась: забытье исчезло, силы воскресли. Откинувъ исхудалыми руками платокъ, покрывавшій ей голову, она окинула безумнымъ

взглядомъ присутствующихъ, какъ бы все еще не сознавая хорошенько, о чемъ идетъ рѣчь, и вдругъ бросилась на сына и перекинула руки черезъ его голову. Крикъ, сопровождавшій это движеніе, надрѣзалъ, какъ ножомъ, сердца двухъ стариковъ. Въ лѣта дѣдушки Кондратія уже не плачутъ: слезы всѣ выплаканы: давно уже высохъ и самый источникъ. Но Глѣбъ мало еще вѣдалъ горя: онъ не осилилъ. Сколько Глѣбъ ни крѣпился, сколько ни отворачивалъ голову, сколько ни жмурилъ брови, крупныя капли слезъ своевольно брызгами изъ очей его и серебрили и безъ того уже посѣдѣвшую его бороду. Онъ махнулъ рукою и еще скорѣе пошелъ впередъ. Ваня вырвался изъ объятій матери и побѣжалъ за нимъ, не переставая креститься.

— Ваня! Ваня!

Старуха бросилась было за сыномъ: но ноги ея ослабли. Она упала на колѣни и простерла впередъ руки. Ваня продолжалъ между тѣмъ слѣдить за отцомъ. Разъ только онъ обернулся: избушка, площадка, ручей, лодки, сѣти,—все исчезло. Надъ краемъ горы, которая закрывала углубленіе берега, замѣнявшее ему цѣлую родину, онъ увидѣлъ только бѣлую голову дѣдушки Кондратія, склоненную надъ чѣмъ-то распростертымъ посреди дороги.

За ними дальше, въ безпредѣльной глубинѣ, увидѣлъ онъ дальнюю луговую мѣстность. Съ этой высоты маленькое озеро дѣдушки Кондратія виднѣлось, какъ на ладони. Бѣлая подвижная точка какъ словно мелькала недалеко отъ зелени, окружавшей темною каймою озеро. Ваня какъ будто пріостановился, но тотчасъ же отвернулъ голову, перекрестился и пошелъ еще скорѣе. Очутившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отца, онъ не выдержалъ и опять—таки обернулся назадъ; но на этотъ

разъ глаза молодого парня не встрѣтили уже знакомыхъ мѣстъ: все исчезло за горою, темный хребетъ которой упирался въ тусклое, сѣрое безъ просвѣта небо.... Прощай, мать! прощай, родина, дѣтство, воспоминанія,—все прощай! *).

П. Н. Щукинъ.

Продолженіе будетъ.

*) Собр. сочин.—изд. Маркса, т. V, стр. 259—263.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ:

I. „ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ“—Пушкина, II. „ЛѢСНОЙ ЦАРЬ“—Жуковскаго, III. „БѢСЫ“, IV. „ТУЧА“ и V. „КЪ МОРЮ“—Пушкина.

I

«Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ»—Пушкина.

Стихотвореніе: «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», состоитъ изъ двухъ главныхъ частей, отличающихся одна отъ другой мѣстомъ и временемъ изображаемыхъ дѣйствій и, тѣмъ не менѣе, тѣсно связанныхъ между собою единствомъ основной мысли произведенія.

Первая часть начинается разсказомъ о сборѣ Олега отомстить хозарамъ за ихъ набѣгъ и о выступленіи съ дружиной въ походъ. Князь ѣдетъ невдали отъ темнаго лѣса. Изъ лѣса выходитъ кудесникъ, предсказатель будущаго. Олегъ подъѣзжаетъ къ нему.

Отправляясь въ походъ, гдѣ представляются тысячи случаевъ лишиться жизни, князь естественно пожелалъ узнать у кудесника, скоро ль онъ умретъ: «Скоро ль на радость сосѣдей враговъ могильной засыплюсь землею?» Сознавая, что не всякій рѣшится сказать могучему князю непріятную истину, Олегъ говоритъ кудеснику: «Открой мнѣ всю правду, не бойся меня». Въ награду за предсказаніе онъ обѣщаетъ ему въ даръ луч-

шаго коня. Въ отвѣтъ на это предложеніе кудесникъ говоритъ, что волхвы, покорные одному Перуну, не боятся могучихъ владыкъ и не нуждаются въ княжескомъ дарѣ, и что предсказанія ихъ всегда правдивы, согласны съ волею боговъ. Затѣмъ, взглянувъ на чело князя, онъ сказалъ: «Запомни же нынѣ ты слово мое», желая этими словами увѣрить князя въ истинности своихъ предсказаній и обратить на нихъ его вниманіе. Въ самомъ предсказаніи кудесникъ сначала говоритъ, что Олегъ прославится и во всѣхъ битвахъ останется побѣдителемъ; затѣмъ онъ перечисляетъ всѣ причины смерти, могущія быть во время похода и битвы; но ни одна изъ нихъ не имѣетъ мѣста по отношенію къ князю; потомъ онъ перечисляетъ всѣ достоинства княжескаго коня и заключаетъ свое предсказаніе словами: «Но примешь ты смерть отъ коня своего». Бросающаяся на первый взглядъ несообразность между перечисленными кудесникомъ достоинствами княжескаго коня и сообщеніемъ, что этотъ самый конь послужитъ причиной смерти князя, естественно вызвала улыбку послѣдняго. Но мысль, что предсказаніе сдѣлано кудесникомъ, «вѣщій языкъ котораго правдивъ и съ волею небесною друженъ», заставила князя нахмуриться. Какъ ни дорогъ ему конь, но жизнь каждому дороже. И князь слѣзаетъ съ коня, ласкаетъ его, прощается съ нимъ и приказываетъ отрокамъ увести его, а самъ садится на другого коня.

Во второй части изображается исполненіе предсказанія кудесника. Дѣйствія, изображенныя въ этой части, отдѣлены отъ дѣйствій, изображенныхъ въ первой части, большимъ промежуткомъ времени, что видно изъ того, что въ этотъ промежутокъ времени и князь, и дружина посѣдѣли: «И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній

снѣгъ». Эта часть по мѣсту дѣйствія въ свою очередь раздѣляется на двѣ второстепенныя части. Въ первой изъ этихъ частей изображенъ пиръ князя и дружины въ княжескихъ палатахъ. Во время пира «они вспоминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они». При воспоминаніяхъ о минувшихъ битвахъ, князь невольно вспомнилъ о своемъ славномъ конѣ, на которомъ онъ совершалъ походы и битвы до встрѣчи съ кудесникомъ. Онъ спросилъ дружинниковъ о своемъ конѣ. Тѣ отвѣтили ему, что онъ уже давно палъ. Услышавъ этотъ отвѣтъ, князь подумалъ, что предсказаніе кудесника оказалось ложнымъ, и напрасно онъ повѣрилъ ему: любимый конь и донынѣ носилъ бы его. Князь хочетъ видѣть кости коня. Онъ съ дружиной выѣзжаетъ со двора. Во второй (второстепенной) части мы видимъ князя и дружину на холмѣ, гдѣ лежатъ кости коня. Князь наступилъ на его черепъ и сталъ выражать сожалѣніе о бывшемъ другѣ. Онъ вскрикнулъ: «Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!»... Оканчивается стихотвореніе изображеніемъ тризны по умершемъ Олегѣ.

Попутно съ выясненіемъ содержанія стихотворенія объясняется ученикамъ значеніе словъ и выраженій, не вполнѣ понятныхъ имъ: «Какъ нынѣ сбирается» — употреблено для картинности изображенія настоящее время вмѣсто прошедшаго. Вѣщій—мудрый, знающій то, чего другимъ не дано знать; корень вѣт. Хозары—кочевой народъ, жившій на югѣ Россіи. Броня—панцырь, кольчуга. Кудесникъ—волхвъ, или жрецъ, приносившій жертвы богамъ и предсказывавшій будущее; корень куд=чуд. Перунъ—славянскій языческій богъ грома и молніи. Жребій—судьба, удѣлъ. «Твой щитъ на вратахъ Цареграда»; въ лѣтописи сказано: «Повѣси щитъ свой на вратахъ на показаніе

побѣды». Валъ (обманчивый)—волна. Пращь—ручное орудіе для бросанія камней. Отроки—слуги. Игорь—племянникъ Олега, впослѣдствіи князь кіевскій. Ковыль—степная трава. Курганъ—древняя могила, высокій холмъ. Тризна—языческія поминки по усопшемъ; по древнимъ обычаямъ на тризнѣ князя убивали коня.

Послѣ выясненія ученикамъ содержанія стихотворенія, слѣдуетъ прочитать имъ отрывокъ изъ лѣтописи, давшій содержаніе для стихотворенія *).

Содержаніе, взятое изъ лѣтописи, переработано

---

*) Вотъ этотъ отрывокъ:

«И живяше Олегъ миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, княжа въ Кіевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити и не всѣдати нань: бѣ бо вопрошалъ волхвовъ и кудесниковъ: отъ чего ми есть смерть? И рече ему кудесникъ одинъ: «Княже! конь, егоже любиши и ѣздиши на немь, отъ того ти умрети». Олегъ же пріимъ въ умѣ, сіе рече: «Николиже всяду нань, ни вижу его болѣе того»; и повелѣ кормити и не водити къ нему. И пребы нѣсколько лѣтъ, не видя его, дондеже на Греки иде. И пришедшу ему къ Кіеву, и пребывшу четыре лѣта, на пятое лѣто помяну конь, отъ него же бяху рекли волсви умрети. И призва старѣйшину конюховъ, рече: «Кое есть конь мой, егоже бѣ поставилъ кормити и блюсти его?» Онъ же рече: «умерлъ есть». Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, река: «То тіи неправо глаголютъ волсви, но вся ложь есть; а конь умерлъ есть, а я живъ». И повелѣ осѣдлати конь: «да вижу кости его». И пріиде на мѣсто, иде же бѣша лежаще кости его голы и лобъ голъ; и ссѣдѣ съ коня и посмѣявся рече: «Отъ сего ли лба смерть было взяти мнѣ?» И вступи ногою на лобъ, и выникнувши змія изо лба, уклюну въ ногу, и съ того разболѣся и умре».

фантазіей поэта, сообразно требованію искусства. Поэтъ создалъ рядъ образовъ, выражающихъ опредѣленную идею; идея эта можетъ быть выражена такъ: никто не избѣгнетъ своего жребія (судьбы); личная воля безсильна передъ опредѣленіемъ судьбы.

Для побужденія учениковъ болѣе внимательно вникнуть въ произведеніе, учитель можетъ привлечь ихъ къ выдѣленію и группировкѣ чертъ, характеризующихъ кудесника, князя, нѣкоторые древне-русскіе обычаи, обряды и т. п. Кудесникъ—старецъ, проведшій весь свой вѣкъ «въ мольбахъ и гаданьяхъ»; онъ живетъ въ уединеніи отъ людей, въ темномъ лѣсѣ, и служитъ Перуну, который вдохновляетъ его и открываетъ ему будущее. Будучи служителемъ Перуна и сознавая себя независимымъ отъ мірскихъ властей, онъ смѣло говоритъ князю: «волхвы не боятся могучихъ владыкъ». Онъ безкорыстенъ. На предложеніе княземъ подарка онъ отвѣчаетъ: «княжескій даръ имъ (волхвамъ) не нуженъ». Кудесникъ глубоко вѣритъ въ свое высшее предназначеніе; онъ говоритъ: «правдивъ и свободенъ ихъ (волхвовъ) вѣщій языкъ и съ волей небесною друженъ». Предсказывая князю будущее, онъ словами: «Запомни же нынѣ ты слово мое», утверждаетъ, что непремѣнно сбудется то, что онъ предсказываетъ.

Князь Олегъ изображенъ въ стихотвореніи такимъ, какимъ изображаетъ его лѣтопись и народное сказаніе. Олегъ—вѣщій, въ смыслѣ знающій, мудрый; онъ храбръ и жестокъ къ врагамъ. Отправляясь въ походъ противъ хозаръ, онъ заранѣе обрекъ ихъ села и нивы мечамъ и пожарамъ.

Живя въ X вѣкѣ, когда русскіе вынуждены были вести постоянныя войны съ сосѣдями, Олегъ закалился

въ военномъ дѣлѣ. Главное занятіе его состояло въ совершеніи вмѣстѣ съ своею дружиной военныхъ походовъ. Князь любилъ дружину, заботился о ней, называлъ дружинниковъ своими «другами», а они платили ему за это преданностью. У князя и дружины было много общихъ воспоминаній о пережитыхъ счастливыхъ и несчастныхъ событіяхъ въ ихъ жизни, такъ что въ мирное время, на досугѣ, за круговою чашей, имъ было о чемъ поговорить: «они вспоминали минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они». Второе мѣсто, послѣ дружины, у воинственнаго князя занималъ его любимый конь, который раздѣлялъ съ нимъ трудности войны и похода. Прощаніе Олега съ своимъ конемъ трогательно. Его приказъ, чтобы отроки холили и берегли коня: «кормили его отборнымъ зерномъ, водой ключевою поили», показываетъ, насколько онъ ему былъ дорогъ. Время не изгладило въ Олегѣ воспоминанія о боевомъ товарищѣ: будучи уже сѣдымъ, онъ вспомнилъ о немъ. Услышавъ, что конь уже палъ, князь хочетъ видѣть кости его. Увидѣвъ скелетъ своего коня, онъ тихо наступилъ на его черепъ и съ чувствомъ произнесъ: «Спи, другъ одинокій! Твой старый хозяинъ тебя пережилъ»...

Для князя и дружины при ихъ частыхъ битвахъ не маловажное значеніе имѣло оружіе. Во время Олега, вооруженіе воиновъ, какъ видно изъ «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ», состояло изъ щита, меча, кинжала, копья, лука, стрѣлъ и пращи; кромѣ того, князь и нѣкоторые болѣе знатные воины носили металлическую броню (кольчугу), защищавшую ихъ отъ стрѣлъ и ударовъ меча.

Изъ древне-русскихъ обрядовъ и обычаевъ, отразившихся въ разсматриваемомъ стихотвореніи, слѣдуетъ

обратить вниманіе учениковъ на обряды, совершавшіеся при погребеніи. Надъ трупомъ покойника убивали любимаго коня (Олегъ, обращаясь къ скелету коня, говоритъ: «Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь и жаркою кровью мой прахъ напоишь!»). Трупъ зарывали въ землю и надъ могилой насыпали холмъ, на которомъ пировали въ честь покойника («Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ на тризнѣ плачевной Олега»). Во время пира вспоминали, конечно, дѣянія покойнаго и битвы, въ которыхъ онъ участвовалъ («Бойцы поминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они»).

Всѣ выводы изъ стихотворенія должны быть сдѣланы самими учениками. Учитель сообщаетъ ученикамъ лишь такіе факты, знаніе которыхъ необходимо для пониманія стихотворенія.

Вопросы, предлагаемые ученикамъ при объясненіи произведенія:

На сколько частей можетъ быть раздѣлено все стихотвореніе? Изложите содержаніе первой части, второй. Какія дѣйствующія лица выведены въ произведеніи? Которыя изъ нихъ главныя и которыя второстепенныя? Изложите все, что можно сказать, на основаніи стихотворенія, о кудесникѣ. Какое главное занятіе было у древне-русскихъ князей? Какое значеніе имѣла для нихъ дружина? Какъ относился Олегъ къ коню, на которомъ совершалъ походы? Какое было вооруженіе древнихъ воиновъ? Какъ совершались въ древности обрядъ погребенія и тризна?

Составьте планъ стихотворенія.

План ъ стих.: «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ».

- А. Предсказаніе.
  - I. Желаніе Олега отомстить хозарамъ:
    - 1) сборъ Олега,
    - 2) выступленіе его.
  - II. Выходъ изъ лѣса кудесника: онъ
    - 1) вдохновенный,
    - 2) покорный Перуну,
    - 3) предсказатель;
    - 4) образъ его жизни.
  - III. Вопросъ Олега:
    - 1) приближеніе князя къ кудеснику;
    - 2) вопросъ князя
      - а) о будущемъ,
      - б) о днѣ смерти;
    - 3) обѣщаніе награды.
  - IV. Отвѣтъ кудесника:
    - 1) возраженіе князю:
      - а) волхвы независимы,
      - б) безкорыстны,
      - в) правдивы;
    - 2) предсказаніе:
      - а) кудесникъ видитъ жребій,
      - б) князь прославится,
      - в) во всемъ благополучіе, но
      - г) смерть отъ коня:
        - достоинства коня,
        - смерть отъ коня.
  - V. Князь разстается съ конемъ:
    - 1) улыбка и раздумье князя,
    - 2) прощаніе съ конемъ,
    - 3) распоряженіе объ уходѣ за нимъ,
    - 4) князь садится на другого коня.

- Б. Исполненіе предсказанія:
  - I. Пиръ въ палатѣ:
    - 1) вспоминаютъ о битвахъ;
    - 2) князь вспоминаетъ о конѣ,
      - а) вопросъ князя,
      - б) отвѣтъ дружинниковъ;
    - 3) князь задумался,
    - 4) онъ хочетъ видѣть кости коня.
  - II. Князь и дружина на холмѣ:
    - 1) князь ѣдетъ на холмъ,
    - 2) онъ наступилъ на черепъ:
    - 3) змѣя жалитъ,
    - 4) тризна по Олегѣ.

Для письменной работы учениковъ можетъ быть предложена одна изъ слѣдующихъ темъ: 1) Изложеніе содержанія стихотворенія: «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» — Пушкина. 2) Кудесникъ (его видъ, образъ жизни, воззрѣнія). 3) Черты древне-русскаго быта, отразившіяся въ «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ». 4) Сравненіе стихотворенія: «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», съ соотвѣтственнымъ отрывкомъ изъ лѣтописи или исторіи.

II

«Лѣсной царь»—Жуковскаго.

Чтеніе всего стихотворенія и затѣмъ выдѣленіе дѣйствующихъ въ немъ лицъ. Чтеніе учениками въ лицахъ, при чемъ одинъ ученикъ читаетъ слова автора, другой—слова отца, третій—слова ребенка и четвертый—лѣсного царя.

Раздѣленіе стихотворенія на части.

Стихотвореніе состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой частя, обнимающей первую строфу, изображена обстановка дѣйствія. Во второй части, обнимающей слѣдующія шесть строфъ, въ разговорѣ выведенныхъ лицъ, раскрывается дѣйствіе, изображенное въ стихотвореніи Въ третьей части, обнимающей послѣднюю строфу. указывается исходъ дѣйствія.

Выясненіе содержанія.

Ночь. Сыро и холодно. Около лѣса мчится на лошади запоздалый ѣздокъ, держа въ рукахъ ребенка. Поспѣшная ѣзда въ холодную ночь невольно поражаетъ своею необычайностью, что и выражено двойнымъ вопросомъ: «Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?» Вопросъ этотъ, очевидно, поставленъ не для полученія на него отвѣта, а для изображенія факта (Сравнить: «Кто при звѣздахъ и при лунѣ такъ поздно ѣдетъ на конѣ?» «Гонецъ», изъ «Полтавы» — Пушкина). Младенецъ дрожитъ отъ холода. Къ тому же имъ овладѣваетъ страхъ. Онъ жмется къ отцу. Послѣдній съ тревогою спрашиваетъ: «Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?» Ребенокъ отвѣчаетъ, что онъ увидѣлъ лѣсного царя «въ темной коронѣ, съ густой бородой». Отецъ увѣряетъ, что лѣсного царя нѣтъ, что это «бѣлѣетъ туманъ надъ водой». Но тщетны его увѣренія. Дитя, отъ страха прижавшись лицомъ къ груди отца, слышитъ, какъ лѣсной царь зоветъ его къ себѣ:

«Дитя, оглянися, младенецъ, ко мнѣ:
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
Изъ золота слиты чертоги мои».

И онъ съ трепетомъ сообщаетъ отцу:

«Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ».

Отецъ еще сильнѣе тревожится за ребенка и старается увѣрить его, что онъ ослышался и принялъ шелестъ листьевъ за говоръ лѣсного царя; но сила воображенія превозмогаетъ всѣ убѣжденія отца, и ребенокъ живо видитъ лѣсного царя и ясно слышитъ его обольстительныя рѣчи. Онъ слышитъ, какъ лѣсной царь манитъ его къ себѣ, обѣщая, что его прекрасныя дочери будутъ забавлять его, играть съ нимъ. Онъ уже видитъ этихъ дочерей; видитъ, какъ «онѣ киваютъ ему изъ темныхъ вѣтвей». Отецъ силится успокоить ребенка, говоря, что «все спокойно въ ночной глубинѣ»; что кругомъ никого нѣтъ, и что однѣ только ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ». Младенецъ отъ страха еще крѣпче жмется къ груди отца, онъ еще сильнѣе дрожитъ и мечется. Онъ уже видитъ рѣшимость лѣсного царя овладѣть имъ, уже слышитъ его слова: «Дитя, я плѣнился твоей красотой: неволей иль волей, а будешь ты мой». Ребенокъ отчаянно вскрикиваетъ и мечется въ страхѣ. Онъ слышитъ, какъ лѣсной царь догоняетъ ихъ, и чувствуетъ, что онъ уже схватываетъ его: «Родимый», вопитъ младенецъ къ отцу: «ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать». Отецъ боится за жизнь своего сына; онъ гонитъ лошадь: «не скачетъ, летитъ». Наконецъ, онъ доѣхалъ до мѣста назначенія; но ребенокъ уже былъ мертвъ. Онъ не выдержалъ того ужаса, который овладѣлъ имъ, когда въ его воображеніи представился лѣсной царь, увлекающій его въ свое лѣсное жилище.

Воображеніе дѣтей живо; образы, создаваемыя имъ, ярки. Играетъ ли ребенокъ, онъ создаетъ себѣ игру.

Начнетъ ли играть палкой, послѣдняя, по прихоти его воображенія, превращается то въ ружье, которымъ онъ стрѣляетъ воображаемыхъ птицъ; то въ лошадь, на которой онъ скачетъ. Слушаетъ ли ребенокъ сказку, онъ живо представляетъ себѣ лицъ, дѣйствующихъ въ ней. Напуганъ ли ребенокъ какимъ-нибудь предметомъ, онъ уже боится его, представляетъ его для себя опаснымъ, страшнымъ, хотя на самомъ дѣлѣ тотъ не въ состояніи причинить ему никакого вреда.

Ребенокъ, выведенный въ разбираемомъ стихотвореніи, несомнѣнно раньше слышалъ о лѣсномъ царѣ, его чудномъ замкѣ и его дочеряхъ. И вотъ теперь, когда онъ мчится съ отцомъ мимо лѣса, въ воображеніи его рисуется лѣсной царь: онъ слышитъ его рѣчи, видитъ его дочерей. Вслѣдствіе слабаго знакомства съ дѣйствительностью онъ не сомнѣвается въ реальномъ существованіи образовъ, созданныхъ его воображеніемъ, и боится ихъ.

Самая обстановка благопріятствуетъ усиленной дѣятельности воображенія ребенка. Поздняя пора, сумракъ, отсутствіе привычныхъ предметовъ и звуковъ, быстрая ѣзда,—все это—условія, благопріятствующія усиленной дѣятельности воображенія. Предметы и явленія дѣйствительности ребенокъ пересоздаетъ въ своемъ воображеніи въ образы лѣсного царя и его дочерей. Клубы поднимающагося надъ водою пара онъ принимаетъ за лѣсного царя «въ темной коронѣ, съ густой бородой»; шелестъ листьевъ отъ пробѣжавшаго вѣтра онъ принимаетъ за говоръ лѣсного царя; качаніе древесныхъ вѣтвей онъ принимаетъ за пляску дочерей лѣсного царя; быструю ѣзду и конскій топотъ онъ принимаетъ за преслѣдованія лѣсного царя, который уже нагоняетъ ихъ; прижимаясь отъ страха къ груди отца, который держитъ

его, онъ полагаетъ, что лѣсной царь давитъ его. Напрасно отецъ, видящій предметы такими, каковы они въ дѣйствительности, старается раскрыть ребенку его заблужденіе: образы, создаваемые воображеніемъ, оказываются сильнѣе увѣреній отца.

Нельзя не видѣть послѣдовательности, съ которою образъ лѣсного царя овладѣваетъ воображеніемъ ребенка. Сначала лѣсной царь лишь сверкнулъ ему въ глаза, затѣмъ онъ заговариваетъ съ нимъ, манитъ его къ себѣ, обѣщая ему «золото, перлы и радость»; далѣе онъ старается прельстить его играми и пляской своихъ дочерей, которыхъ младенецъ уже видитъ; наконецъ, лѣсной царь рѣшается силою взять ребенка: послѣдній уже слышитъ угрожающія слова его: «Дитя! я плѣнился твоей красотой: неволей иль волей, а будешь ты мой». По мѣрѣ того, какъ образъ лѣсного царя овладѣваетъ сознаніемъ ребенка, послѣдній все сильнѣе и сильнѣе испытываетъ чувство страха; это чувство, наконецъ, доходитъ до высшей степени, что́ и служитъ причиной смерти ребенка.

Въ разсматриваемомъ стихотвореніи мы видимъ фантастическій элементъ, именно—въ образахъ лѣсного царя и его дочерей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ видимъ и поводъ къ возникновенію такихъ образовъ. Впечатлѣнія отъ окружающей дѣйствительности и служатъ такимъ поводомъ. Основная мысль стихотворенія можетъ быть выражена такъ: у ребенка (равно какъ и у человѣка неразвитого, необразованнаго) подъ вліяніемъ предметовъ и явленій природы возникаютъ фантастическіе образы, дѣйствующіе на чувство его. Сильное чувство страха, вызванное страшными образами, созданными воображеніемъ, оказываетъ вредное вліяніе на организмъ ребенка и даже служитъ иногда причиной смерти его.

Вопросы, побуждающіе учениковъ вникнуть въ произведеніе и уяснить себѣ его содержаніе и форму: Какія части можно различить въ стихотвореніи? Что означаетъ вопросъ въ началѣ стихотворенія? Въ какой обстановкѣ совершается дѣйствіе, изображенное въ стихотвореніи? Отчего ребенку началъ мерещиться лѣсной царь? Какіе предметы и явленія ребенокъ принимаетъ за продѣлки лѣсного царя? Какъ отецъ старается успокоить ребенка и увѣрить его, что нѣтъ лѣсного царя? Почему ребенокъ не вѣритъ отцу и даже не слушаетъ его? Въ какой послѣдовательности образъ лѣсного царя овладѣваетъ воображеніемъ ребенка? Что благопріятствовало усиленной дѣятельности воображенія ребенка? Отчего отецъ такъ быстро мчится? отчего онъ гонитъ лошадь? Выдѣлите въ стихотвореніи фантастическій элементъ отъ дѣйствительнаго? Отчего произошла смерть ребенка? Какая основная мысль стихотворенія? Какъ она выражена?

Темы для письменной работы учениковъ: 1) Изложеніе содержанія стихотворенія: «Лѣсной царь». 2) Реальные предметы и явленія, принимаемые ребенкомъ за лѣсного царя и его дѣйствія (по стих.: «Лѣсной царь»). 3) Отчего послѣдовала смерть ребенка (по стих.: «Лѣсной царь»)?

III.

«Бѣсы»—Пушкина.

После чтенія всего стихотворенія, учитель предлагаетъ троимъ ученикамъ прочитать его въ лицахъ, при чемъ одинъ изъ нихъ читаетъ изображеніе зимней метели, другой—слова путника и третій—слова

ямщика. Послѣ такого чтенія ученики, ознакомившись съ содержаніемъ произведенія, устно излагаютъ его.

Для побужденія учениковъ вдуматься въ содержаніе произведенія и основную мысль его учитель обращаетъ вниманіе ихъ на ту или другую сторону его. Такъ, сначала онъ обращаетъ вниманіе ихъ на картину метели, изображенную въ произведеніи. Ученики выдѣляютъ черты, рисующія эту картину.

Ночь. Снѣжныя тучи мчатся и вьются. Луны за падающимъ и вьющимся снѣгомъ не видно, хотя она мутно освѣщаетъ его:

«Мутно небо, ночь мутна».

Изображеніе картины метели повторяется въ стихотвореніи три раза—въ первой, четвертой и послѣдней строфахъ. Этимъ повтореніемъ поэтъ, съ одной стороны, выражаетъ, что метель продолжается долго, такъ что путникъ, застигнутый ею, полагаетъ, что и конца ей не будетъ; а, съ другой—онъ желаетъ обратить вниманіе читателя на метель, какъ на причину тѣхъ чувствованій и ощущеній, которыя возникаютъ въ душѣ путника и ямщика.

Ѣзда для путника утомительно-скучна: «Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ; колокольчикъ динь динь-динь»... Путнику становится «страшно поневолѣ средь невѣдомыхъ равнинъ». Онъ понукаетъ ямщика, чтобы тотъ погонялъ лошадей: скорѣй бы добраться до какого-нибудь жилого мѣста. «Эй, пошелъ, ямщикъ!» кричитъ онъ изъ кибитки. Ямщикъ отвѣчаетъ:

. .. «Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;

Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ»...

Чуть только у ямщика возникла мысль, что «въ полѣ бѣсъ водитъ, видно, да кружитъ по сторонамъ», какъ она, т.-е. эта мысль, окончательно овладѣваетъ сознаніемъ его (ямщика), и онъ уже на всѣ естественныя явленія и предметы смотритъ, какъ на продѣлки бѣса.

Ученики сами, по предложенію учителя, объясняютъ, какія естественныя явленія и предметы представляются ямщику, какъ продѣлки бѣса. Кружится снѣгъ («вьются тучи»), а ямщику представляется, что это бѣсъ «дуетъ, плюетъ» на него; конь оступился или шарахнулся въ сторону, а ему представляется, что это бѣсъ «въ оврагъ толкаетъ одичалаго коня»; желая найти дорогу и доѣхать поскорѣе до ночлега, ямщикъ напряженно смотритъ въ даль и по сторонамъ съ цѣлью увидѣть верстовой столбъ или мерцающій вдали огонекъ, признакъ близкаго жилья: отъ напряженнаго зрѣнія и отъ паденія снѣга у ямщика заискрилось въ глазахъ, а ему представляется, что это «бѣсъ сверкнулъ искрой малой и пропалъ во тьмѣ ночной»; снѣгъ вѣтромъ крутится и поднимается вверхъ, а ямщикъ принимаетъ его за желанный верстовой столбъ; но, такъ какъ въ дѣйствительности его не оказывается, то и это явленіе ямщикъ считаетъ продѣлкой бѣса: «тамъ верстою небывалой онъ торчалъ передо мной».

Путникъ испытываетъ сначала чувство страха «средь невѣдомыхъ равнинъ»: въ буранъ легко сбиться съ дороги, легко попасть въ оврагъ или быть занесеннымъ снѣгомъ. Затѣмъ это чувство смѣшивается съ тоской и, подъ вліяніемъ словъ ямщика, увѣряюща-

го, что ихъ «бѣсъ водитъ, видно, да кружитъ по сторонамъ», путнику въ явленіяхъ метели начинаютъ мерещиться духи. Онъ перешелъ мало-по малу въ то «состояніе чувства и души, когда существенность, уступая мечтаніямъ, сливается съ ними въ неясныхъ видѣніяхъ первосонья» («Капитанская дочка», глава: «Вожатый»). Круженіе снѣга ему кажется круженіемъ бѣсовъ:

«Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ»...

Въ завываніи вѣтра и однообразномъ позвякиваніи колокольчика ему слышится жалобный вой и визгъ бѣсовъ, и ему становится еще тоскливѣе, еще тяжелѣе:

«Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ»...

Въ стихотвореніи: «Бѣсы», мы видимъ, что подъ вліяніемъ зимней метели въ сознаніи ямщика и путника возникаютъ образы бѣсовъ. Такъ, между прочимъ, образуются народныя суевѣрія и народная миѳологія.

Изображеніе духовъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ изображеніемъ явленій метели. Поэты нерѣдко пользуются фантастическими образами для изображенія явленій природы.

Не безполезной работой для учениковъ можетъ быть сравненіе описанія зимняго бурана въ «Капитанской дочкѣ» (глава: «Вожатый») и въ стихотвореніи: «Бѣсы». Ученики выдѣляютъ сходныя черты въ томъ и другомъ описаніи.

Вопросы для возбужденія самодѣятельности учениковъ, направленной къ уясненію стихотворенія: Опишите зимнюю метель по признакамъ, находящимся въ стихотвореніи: «Бѣсы». Для чего поэтъ повторяетъ описаніе метели? Какое чувство возникаетъ у ямщика? Чему приписываетъ ямщикъ явленія метели? Какія естественныя явленія ямщикъ принимаетъ за продѣлки бѣса? Какія чувства возникаютъ у путника во время метели? Какъ олицетворяетъ ямщикъ и путникъ явленія метели? Какъ образуются суевѣрія? Что способствовало возникновенію въ сознаніи ямщика образа бѣса и въ сознаніи путника образа духовъ? Укажите сходные признаки въ описаніи зимняго бурана въ стихотвореніи: «Бѣсы» — Пушкина и въ отрывкѣ изъ «Капитанской дочки» («Вожатый») — его же.

Стихотвореніе заучивается наизусть для выразительнаго произношенія.

Темы для письменной работы учениковъ: 1) Зимній буранъ (по стихотворенію: «Бѣсы» — Пушкина). 2) Причины возникновенія суевѣрій (по стихотворенію: «Бѣсы»). 3) Олицетвореніе ямщикомъ и путникомъ явленій метели въ образѣ бѣсовъ.

К. В. Ельницкій.

Продолженіе будетъ.

Главнѣйшіе факторы выработки устной и письменной рѣчи учащихся въ практикѣ средней школы филологическаго типа и сравнительная оцѣнка ихъ.

Не рѣдко преподавателямъ средней школы приходится слышать отъ учащихся, вмѣсто отвѣта на вопросъ заявленіе такого рода: «Я знаю, да неумѣю передать, своихъ мыслей словами». Не такъ давно, помнится, такія заявленія не пользовались передъ лицомъ педагогической Ѳемиды никакимъ кредитомъ и карались обыкновенно балломъ, называющимся на образномъ языкѣ учащихся «такою птицею, которая въ концѣ года не даетъ перехода».

Мы обойдемъ молчаніемъ вопросъ о томъ, какъ въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ принимаются подобныя жалобы учащихся на непокорность ихъ языка; укажемъ лишь на то, что пора взглянуть на дѣло иначе, чѣмъ смотрѣли на него въ старое, но не безусловно доброе время.

Въ оправданіе прежняго взгляда необходимо однако сказать, что не только простые смертные раздѣляли печальное заблужденіе о тожествѣ и равенствѣ мысли и слова, но и сами ученые лингвисты (напр., Шлейхеръ, утверждавшій, что «мысли безъ языка, какъ духъ безъ тѣла, быть не можетъ»)съ фанатическимъ увлеченіемъ проповѣдовали это положеніе, какъ неоспоримый догматъ. Но tempora mutantur, и вотъ на смѣну увлекательныхъ логическихъ построеній являются болѣе на-

дежные психологическій экспериментъ и историко-біографическое изслѣдованіе.

Такъ называемая младо-грамматическая школа лингвистовъ совершенно точно устанавливаетъ фактъ, что мысль и слово не одно и то же; что можно имѣть мысль въ головѣ, но не умѣть выразить ее словами; что «мысль богаче слова». Это положеніе имѣетъ силу не только во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія и въ отношеніи къ заурядному уму, но также въ примѣненіи къ недюженнымъ талантамъ и даже геніямъ.

Дѣйствительно, если мы обратимся къ біографіямъ корифеевъ слова, напр.: Пушкина или Л. Толстого, то предъ нами съ очевидностью и рельефностью выступитъ фактъ упорной и трудной борьбы съ изложеніемъ мысли.

Эти властелины слова являются и истинными «мучениками» его: они иныя свои произведенія отдѣлываютъ по цѣлымъ годамъ, по многу разъ перемарывая неудовлетворяющія ихъ строки, страницы и главы. Любопытную иллюстрацію такихъ «мукъ» слова даетъ, напр., снимокъ исправленій Л. Толстого на отпечатанномъ уже корректурномъ листѣ «Хозяина и работника» въ книгѣ П. Сергѣенка: «Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой» (стр. 64) [1]).

Сопоставимъ теперь приведенные выше факты съ методами и пріемами, какіе практикуются въ нашей средней школѣ въ примѣненіи къ «творчеству» и «сочинительству» будущихъ обладателей аттестатовъ зрѣлости (строго опредѣленное количество времени, обыкновенно недостаточное; стѣсненіе въ выборѣ темъ и пр.),

---

[1]) Научное освѣщеніе вопроса читатель найдетъ, между прочимъ, въ статьѣ Ѳ. Д. Батюшкова: «Въ борьбѣ со словомъ» («Ж. М. Н. П.» февраль 1900 г.).

и это простое сопоставленіе не можетъ не заставить насъ сильно призадуматься надъ вопросомъ о выработкѣ въ учащихся умѣнья владѣть рѣчью, «этого дара выражаться», который есть «прелестный даръ, лучшее достояніе человѣка», какъ говорилъ когда-то Батюшковъ. Пора, наконецъ, перестать руководствоваться въ данномъ случаѣ пословицей: «Тяпъ да ляпъ, и вышелъ корабль», уже по одному тому, что корабль-то выходитъ больно плохой. Что корабль плохъ, на этотъ счетъ ни у кого, кажется, нѣтъ сомнѣнія; вопросъ лишь въ томъ, какъ исправить его. Мы настаиваемъ на необходимости, во-первыхъ, подвергнуть обстоятельному разсмотрѣнію ходячій дидактическій кодексъ средней школы, состоящій изъ разныхъ писанныхъ и неписанныхъ афоризмовъ и рецептовъ подчасъ весьма сомнительнаго педагогическаго достоинства, при чемъ не слѣдуетъ останавливаться даже передъ необходимостью, когда она явится, сжечь кое-что изъ того, чему мы привыкли поклоняться. Августовскіе циркуляры покойнаго министра служатъ въ этомъ отношеніи прекраснымъ примѣромъ и авторитетнымъ подтвержденіемъ того, какъ умѣстно и необходимо примѣненіе спасительнаго ауто-да-фе къ разнымъ сторонамъ жизни средней школы. Во-вторыхъ, при изысканіи средствъ къ различнаго рода улучшеніямъ нельзя терять подъ собою почву дѣйствительности, чтобы не оказаться по ту сторону возможнаго; поэтому исходить всякій разъ и по всякому вопросу въ области дидактическихъ теоріи и практики необходимо изъ настоящаго, реальнаго положенія вещей. Согласно съ приведенными выше соображеніями, мы будемъ трактовать и затронутый нами вопросъ.

Итакъ, искусство излагать свои мысли—искусство трудное; оно и великимъ творцамъ словесности дается

не легко; мысль съ трудомъ рождаетъ слово, долго ищетъ его, часто не удовлетворяется своей оболочкой, стѣсняется ею, какъ могучій, сильный духъ стѣсняется подчасъ въ своихъ проявленіяхъ хилымъ, слабымъ тѣломъ. И исторически, и психилогически эта простая истина (истины всѣ просты) въ настоящее время легко доказывается. Есть цѣлыя эпохи въ исторіи народовъ, когда борьба между мыслью и словомъ обостряется (см. выше упомянутую статью Ѳ. Д. Батюшкова); есть и отдѣльныя богато одаренныя духовными силами натуры, слово которымъ дается только послѣ мучительныхъ страданій тяжелой борьбы, а, можетъ-быть, и никогда не совпадаетъ по всѣмъ пунктамъ съ мыслью (см. замѣчаніе г. Сергѣенка о творчествѣ Л. Толстого) [2]). Борьба мысли со словомъ принимаетъ иногда положительно стихійный характеръ и во всякомъ случаѣ есть психологическое явленіе сложнаго происхожденія. Не только простые смертные нуждаются въ особомъ настроеніи души и тѣла, называемомъ обыкновенно у поэтовъ вдохновеніемъ—для того, чтобы мысли болѣе свободно и плавно выливались въ слова; но и геніи слова поджидаютъ такихъ моментовъ (См., напр., признанія Пушкина о созданіи «Б. Годунова»). А что такое душевное настроеніе, какъ ни мало объяснимое, подчасъ капризное [3]) состояніе души, дѣйствующее далеко не все-

---

[2]) ... «можно сказать, не преувеличивая, что если бы Льву Николаевичу пришлось держать 99 корректуръ какого--нибудь изъ своихъ произведеній, то и 99 корректура была бы испещрена поправками». «Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой». Стр. 65.

[3]) См., напр., стихотвор. въ прозѣ Тургенева: «Мы еще повоюемъ».

гда согласно съ нашими планами, желаніямя, чаяніями и внушеніями извнѣ? Не забудемъ, что пока мы говоримъ о тѣхъ, у кого въ душѣ есть словесный матеріалъ; только онъ скрытъ за порогомъ сознанія, какъ выражаются психологи. Во сколько же разъ усугубляются трудности въ такомъ случаѣ, когда за порогомъ сознанія нѣтъ никакого словеснаго матеріала, или если его тамъ очень и очень мало, какъ это имѣетъ мѣсто на первыхъ порахъ обученія и вообще въ школьномъ возрастѣ?

Итакъ, выраженіе мысли въ словѣ есть актъ, покоящійся на незыблемыхъ психологическихъ законахъ, а потому развитіе этой способности и укрѣпленіе ея должно итти только тѣмъ путемъ, который геніальный Бэконъ указалъ въ своемъ принципѣ: «Natura parendo vincitur». Если на пути достиженія желаемой цѣли встрѣчаются стихійныя препятствія, вызывающія насъ на борьбу, то и мы должны вооружиться такой же стихійной силой: иначе побѣда не будетъ на нашей сторонѣ.

Подвергнемъ же теперь критической оцѣнкѣ наиболѣе замѣтные факторы въ дѣлѣ выработки въ учащихся умѣнья владѣть письменной и устной рѣчью, выдвинутые практикой нашихъ классическихъ гимназій, и посмотримъ, какіе изъ этихъ факторовъ дѣйствительно являются соотвѣтствующими своей серьёзной задачѣ и какіе принадлежатъ къ орудіямъ бутафорскаго характера. Одни изъ этихъ факторовъ пользуются общимъ признаніемъ и большою популярностью, другіе находятся въ пренебреженіи, третьи—прямо въ опалѣ. Мы начнемъ разбирать ихъ въ порядкѣ наибольшаго кредита, которымъ каждый изъ нихъ пользуется въ школьныхъ теоріи и практикѣ.

Изученіе грамматики. До августовскихъ циркуляровъ гимназія являлась филологическою школою, гдѣ доминирующее мѣсто отводилось изученію всевозможныхъ грамматикъ; что касается русскаго языка, то этотъ предметъ остается въ прежнемъ положеніи и по настоящее время. На грамматику программами возлагались самыя радужныя надежды какъ въ смыслѣ развивающаго ея значенія, такъ и въ смыслѣ сознательнаго усвоенія учащимися законовъ родной рѣчи и умѣнья владѣть ею практически. Къ сожалѣнію, ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи надежды не оправдались. Такъ называемая классическая школа была вообще не въ состояніи достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ въ объемѣ самыхъ необходимыхъ элементарныхъ свѣдѣній и полезныхъ навыковъ; она, не допуская къ концу курса $^3/_4$ изъ числа поступавшихъ въ нее дѣтей (по вычисленію г. Яновскаго), безсильно опускала руки даже въ борьбѣ съ внѣшнею безграмотностью доброй половины оставшейся въ ней $^1/_4$ своихъ могиканъ. Что же касается болѣе глубокаго знанія законовъ и свойствъ языка, а также умѣнья владѣть рѣчью и писать т. н. сочиненія, удовлетворительные результаты, разумѣется, выражаются еще болѣе скромными цифрами. Мало того: школы грамматическаго типа оказались неспособными научить толкомъ даже грамматическому анализу рѣчи. А вѣдь учебные планы предписывали имъ научить не только внѣшней грамотности и «грамматикѣ», но и искусству владѣть письменною и устною русскою рѣчью; вѣдь не однажды въ объяснительныхъ запискахъ (напр., по древнимъ языкамъ) напоминается, что каждый урокъ въ гимназіи есть урокъ и русскаго языка; что препо-

даватели всѣхъ предметовъ должны имѣть въ виду и интересы родной рѣчи. Причина такого печальнаго явленія, по нашему мнѣнію, лежитъ, между прочимъ, въ грамматикоманіи, если позволительно такъ выразиться, которая пронизала собою всю систему гимназическаго преподаванія, заполонивъ не только курсы древнихъ языковъ и языка отечественнаго, но даже курсы новыхъ языковъ, ждущихъ въ настоящее время, какъ манны небесной, натуральнаго метода преподаванія, и которая оттѣснила на задній планъ болѣе цѣлесообразныя средства усвоенія языка.

Что же такое грамматика? Разсмотримъ вопросъ о ней съ трехъ точекъ зрѣнія: со стороны ея особенностей въ качествѣ учебнаго предмета, со стороны цѣлей изученія и (отчасти) со стороны метода преподаванія. Предварительно необходимо замѣтить, что та грамматика, которая въ настоящее время достойна носить это научное имя, имѣетъ весьма мало общаго съ учебниками для средней школы, которые издавали и издаютъ латинисты и эллинисты—Кюнеръ, Курціусъ и пр. съ братіею, а вслѣдъ за ними и наши земляки, авторы легіона русскихъ этимологій и синтаксисовъ. Грамматическое міросозерцаніе господствующихъ въ средней школѣ авторовъ ведетъ свое начало отъ нѣкоего нѣмца Беккера, стоявшаго и въ свое время въ сторонѣ отъ новѣйшей научной грамматики, фундаментъ которой былъ заложенъ знаменитымъ Гумбольтомъ, а тѣмъ болѣе теперь, послѣ того, какъ въ этой области появился рядъ блестящихъ изслѣдованій Штейнталя, Миклошича, Потебни, Пауля, Дельбрюка и др. [4]) Это, во-пер-

---

[4]) См. объ этомъ въ «Опытѣ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формѣ на почвѣ греческаго языка» 1897 проф.

выхъ. Во-вторыхъ, грамматика, подобно другимъ такъ называемымъ философскимъ наукамъ, предметъ очень отвлеченный; ея обобщенія настолько широки по своему объему, что для разумнаго и плодотворнаго усвоенія учащимися требуютъ отъ послѣднихъ предварительной подготовки и практики на болѣе конкретныхъ объектахъ (напр., на выводахъ естественно-историческихъ абстракцій), чѣмъ то представляетъ слово человѣка. На послѣднее обстоятельство, кажется, еще никѣмъ не обращено надлежащаго вниманія. Языкъ-явленіе психологическое, а потому требуетъ для пониманія его законовъ, между прочимъ, и способности самонаблюденія,—той способности, которая медленно и туго развивается въ человѣкѣ, а въ дѣтскомъ возрастѣ положительно еще спитъ въ душѣ [5]). Профессоръ Добіашъ удачно называетъ грамматику алгеброй языка [6]). Въ самомъ дѣлѣ, грамматическія категоріи являются тѣми же буквенными алгебраическими обозначеніями a, b, c, подъ которыми можно разумѣть самыя разнообразныя числовыя

А. Добіаша, а также его брошюру: «Объ элементарно-синтактическомъ анализѣ языка въ средней школѣ» 1899. Вообще давно бы слѣдовало обратить вниманіе на недоброкачественность нашихъ учебныхъ грамматикъ въ научномъ отношеніи. Онѣ не только стоятъ на ошибочныхъ основныхъ принципахъ анализа рѣчи, но и въ сферѣ усвоенной ими Беккеровской системы не могутъ справиться съ логическою послѣдовательностью изложенія. Извѣстно, что грамматика теряетъ свой престижъ подчасъ даже предъ судомъ питомцевъ школы.

[5]) См. о времени появленія интереса къ психологическому самонаблюденію въ «Психологіи» Вилльяма 1898, стр. 355.

[6]) Стр. 46 его брошюры.

величины. Если, положимъ, для предложенія: «Новая метла чисто мететъ», мы примемъ формулу $\frac{a}{\alpha} + \frac{b}{\beta} = s$, то этой же формулой выразится и синтактическое цѣлое: «Этотъ человѣкъ зелено жнетъ», и мн. др. Является, естественно, вопросъ: въ то время, какъ вполнѣ раціонально курсъ алгебры отнесенъ къ курсу третьяго класса (т.-е. къ тому времени, когда учащіеся уже познакомятся съ рѣшеніемъ конкретныхъ примѣровъ изъ ариѳметики), почему въ области языковой алгебры (грамматики) дѣти должны усваивать языковыя понятія раньше болѣе или менѣе обстоятельнаго практическаго знакомства съ языкомъ? Я согласенъ съ тѣмъ, что грамматика (но не та грамматика, которую преподаютъ теперь въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а грамматика Гумбольта, Потебни, Штейнталя, Пауля и т. д.) развиваетъ умственныя способности, подобно, напр.: алгебрѣ, психологіи и логикѣ. Кромѣ того, грамматика можетъ познакомить и съ законами мысли и языка, и съ процессомъ словеснаго творчества, если она будетъ преподаваться рядомъ съ элементами психологіи, логики и эстетики! (Беккеровская грамматика объ этомъ, повторяемъ, не смѣетъ и мечтать!) Однако, само собою разумѣется, такая развивающая работа возможна только въ свое время, въ среднихъ и старшихъ классахъ. Въ младшихъ же классахъ мы находимъ нужнымъ подчинить изученіе грамматики цѣлямъ орѳографіи, а потому объемъ ея нужно сильно урѣзать Къ сожалѣнію, задача настоящаго очерка не позволяетъ намъ остановиться подробнѣе на вопросѣ о преподаваніи грамматики, какъ мы его понимаемъ, а потому оставляемъ его на будущее время.

Однако намъ необходимо оговориться. Мы не раз-

дѣляемъ крайнихъ взглядовъ, посягающихъ на всякія грамматическія свѣдѣнія, какъ излишнія даже въ дѣлѣ обученія правописанію. Мы считаемъ пріемъ обученія правописанію путемъ одного механическаго списыванія, во-первыхъ, очень утомительнымъ и чрезвычайно медленнымъ въ достиженіи результатовъ, а, во-вторыхъ, даже не отвѣчающимъ законамъ человѣческаго мышленія, а, слѣдовательно, и педагогическимъ требованіямъ. По психологическому закону ассоціаціи представленій по однородности, дѣти непроизвольно будутъ сами выводить тѣ или другіе грамматическія законы (напр., о «ѣ» въ предл. пад. 1-го и 2 го склон.); странно и даже безсмысленно было бы съ нашей стороны отказаться помогать учащимся въ этомъ законнѣйшемъ требованіи мышленія—вносить порядокъ въ хаотическую массу познавательнаго матеріала.

Кромѣ того, мы не можемъ не согласиться съ Ушинскимъ въ томъ, что, если практически не научить дѣтей главнымъ основаніямъ правописанія въ возрастѣ до 12 лѣтъ, то впослѣдствіи пріобрѣтеніе надлежащихъ навыковъ, въ виду потери отроческой свѣжести воспріятія и образованія нераціональныхъ привычекъ, встрѣтитъ почти непреодолимыя препятствія. Итакъ, рѣшеніе грамматическаго вопроса въ примѣненіи къ младшимъ классамъ должно исходить изъ выше указанныхъ положеній, примыкающихъ къ даннымъ психологіи, и изъ ясно и опредѣленно намѣченныхъ скромныхъ, но вѣрно достижимыхъ цѣлей.

Въ цѣляхъ, между прочимъ, теоретическаго и практическаго усвоенія законовъ русской рѣчи, кромѣ изученія грамматики современнаго литературнаго языка, начинающагося съ пригот. класса, программы предлагаютъ изучать грамматику древняго церковно-славян-

скаго языка и предписываютъ чтеніе произведеній русской литературы въ исторической послѣдовательности, при чемъ центръ тяжести лежитъ на изученіи старинныхъ памятниковъ. Чтеніе памятниковъ русской литературы въ исторической послѣдовательности. Строки, посвященныя этому вопросу, позволю себѣ начать съ выписки изъ извѣстнаго труда мюнхенскаго проф. Пауля [7]) о томъ, какъ постепенно, но фатально образуется умѣнье владѣть рѣчью вообще у человѣка, какъ фатально за извѣстной мыслью закрѣпляется извѣстный способъ выраженія: «Представленія проникаютъ въ сознаніе группами и остаются по этому въ области безсознательнаго также въ видѣ группъ. Представленія слѣдующихъ другъ за другомъ звуковъ ассоціируются сообразно съ произведенными одно за другимъ движеніями органовъ рѣчи въ одинъ рядъ. Ряды звуковъ и этихъ движеній взаимно ассоціируются. Съ этими обоими рядами ассоціируются представленія, для которыхъ они (ряды) служатъ символами не только представленія значенія словъ, но также и представленія синтактическихъ конструкцій. И не только отдѣльныя слова, но и болѣе значительные ряды звуковъ, цѣлыя предложенія ассоціируются непосредственно со смысломъ, который вложенъ въ нихъ».

Если теперь принять во вниманіе нѣжный возрастъ учащихся, ихъ чувствительность къ воспріятію представленій, а также то обстоятельство, что въ томъ возрастѣ, когда, по нынѣ дѣйствующимъ программамъ, приступаютъ къ чтенію текстовъ древняго языка (въ IV кл. «Остромирова евангелія»), учащіеся еще крайне слабо и

---

[7]) Prinzipien der Sprachgeschichte von Hermann Paul. 1898, стр. 23—24.

неувѣренно владѣютъ современною русскою рѣчью, то воочію предстанетъ тотъ ужасающій вредъ, часто непоправимый, который приноситъ почти полное отсутствіе произведеній изящной словесности новаго періода русской литературы въ курсахъ V и VI кл. и, съ другой стороны, подавляющее своимъ количествомъ и удручающее качествомъ своего языка, съ точки зрѣнія современной литературной и народной рѣчи, знакомство съ памятниками XI—XVIII вв. Отнюдь не отрицая необходимости знакомства съ исторіей отечественнаго языка, хотя бы въ скромныхъ размѣрахъ, въ средне учебныхъ заведеніяхъ, особенно филологическаго типа (какъ нынѣшнія гимназіи), мы находимъ возможнымъ отнести такое знакомство лишь къ курсу старшихъ классовъ, когда учащіеся достаточно окрѣпнутъ въ знаніи современной русской рѣчи и вообще разовьются умственно. Относя вмѣстѣ съ исторіей языка и исторію древней литературы къ старшимъ классамъ, мы бы предполагали курсы среднихъ классовъ заполнить чтеніемъ лучшихъ произведеній русской литературы XIX в. и произведеній народнаго творчества [8]).

Цѣлью ближайшаго изученія долженъ быть не языкъ этихъ произведеній, какъ нѣчто главное, само себѣ довлѣющее (См. программы 20 іюля 1890 г.), а содержаніе, столь цѣнное для умственнаго, нравственнаго и эстетическаго развитія учащихся: языкъ произведеній будетъ усвоенъ самъ собою, невольно, въ силу непреложныхъ законовъ природы (Теоретическія свѣдѣнія умѣстны, конечно, но со строгимъ выборомъ и

---

[8]) Подробнѣе объ этомъ въ нашей статьѣ. «Къ вопросу о положеніи преподавателя русскаго языка въ гимназіяхъ»... («Фил. Зап.» 1900, вып. I—II, стр. 8—12).

при условіи полной цѣлесообразности и своевременности). Доводовъ въ пользу измѣненія точки зрѣнія на задачи курса словесности высказано достаточно въ текущей педагогической литературѣ, напр., въ статьѣ А. Барсова («Образованіе, а не выучка», «Пед. Сб.», окт. 1900), въ ст. Ѳ. Б—ва въ «Рус. Школѣ» и мн. др. Намъ представляется перемѣна точки зрѣнія на главныя задачи курса словесности логическимъ выводомъ изъ признанія со стороны высшей педагогической власти необходимости установить новое отношеніе къ словесному матеріалу, предлагаемому древними классическими авторами. Въ самомъ дѣлѣ, если въ области древнихъ языковъ, послѣ августовскихъ циркуляровъ, требуется по преимуществу усвоеніе содержанія произведеній, то тѣмъ болѣе это должно относиться къ произведеніямъ отечественной словесности. Ко всему выше изложенному необходимо прибавить соображеніе о томъ, что со стороны языка произведенія нашихъ писателей почти не разработаны даже въ наукѣ. Вѣдь не возможно же считать матеріалъ, предлагаемый г.г. Истоминымъ и Брайловскимъ («Фил. Вѣстн.», «Фил. Зап.» за 90-ые годы), вообще удовлетворяющимъ научнымъ требованіямъ. Освобожденіе программъ гимназіи изъ крѣпостной зависимости отъ власти грамматики и схоластической стилистики, начатое циркулярами покойнаго министра, должно повлечь за собою, по нашему разумѣнію, аналогичныя преобразованія и въ области русской словесности.

Переводы съ иностранныхъ языковъ на родной и изученіе послѣднихъ вообще. Въ дѣлѣ выработки родной рѣчи благотворное

вліяніе приписываютъ и переводамъ съ иностранныхъ языковъ вообще и съ древнихъ въ особенности. Мы видимъ въ подобномъ воззрѣніи нѣкоторую непредумышленную подтасовку фактовъ. Если дѣйствительно переводы съ иностранныхъ языковъ, развитыхъ лексически и стилистически, обогащаютъ родной языкъ новыми комбинаціями словъ и оборотовъ, то лишь подъ руками воздѣлывателей нивы родной словесности, писателей и поэтовъ, но отнюдь не подъ перомъ умственно чахлыхъ выученниковъ латинской грамматики. Такимъ образомъ синтаксисъ классическихъ языковъ черезъ сочиненія писателей оказалъ вліяніе на строй новыхъ европейскихъ языковъ (какъ это замѣтилъ еще Миклошичъ); такимъ образомъ рядъ оборотовъ перешелъ въ нашъ языкъ изъ языковъ средневѣковаго греческаго, французскаго, нѣмецкаго и др. Разумѣется, мы не должны ждать подобнаго обогащенія родного слова отъ неразвитыхъ ни умственно, ни эстетически, ни лексически питомцевъ средней школы, да къ тому же не имѣемъ права избирать такого вѣрнаго пути къ уснащенію лексикона русскаго языка варваризмами, какой представляютъ вообще переводы. Къ сожалѣнію, въ силу непреложныхъ психологическихъ законовъ, отъ дѣйствія которыхъ не избавлены и воспитанники классическихъ гимназій наравнѣ съ прочими смертными, порча родного языка и идетъ именно такимъ путемъ. У каждаго учителя словесности есть подъ руками документальныя данныя соотвѣтственнаго характера. Впрочемъ, наиболѣе осторожные защитники [9]) противоположнаго нашему взгляда

---

[9]) Напр., Др. П. Деттвейлеръ. «Дидактика и методика латинскаго языка» 1898. Стр. 86. «Переводы съ латинскаго языка являются, такимъ образомъ, пробнымъ камнемъ

имѣютъ въ виду другую сторону дѣла, именно упражненія въ подыскиваніи къ иноязычному тексту соотвѣтственныхъ оборотовъ изъ сокровищницы отечественнаго языка. Но, во-первыхъ, ученики до 7-го класса еще не знакомы, если судить съ точки зрѣнія программъ, съ образцовою рѣчью писателей XIX вѣка; во-вторыхъ, если допустить, что обороты подсказываются преподавателемъ (что́ представляетъ вообще необычное явленіе), и допустить, что этотъ послѣдній является такимъ же талантливымъ переводчикомъ, какимъ былъ, напр., покойн. философъ и публицистъ Владиміръ Соловьевъ (переводчикъ нѣсколькихъ діалоговъ Платона), то и въ такомъ случаѣ обороты чужого языка, какъ закрѣпленные ассоціяціями зрительнаго, слухового и логическаго характера, въ борьбѣ за существованіе въ головѣ воспитанника будутъ сильнѣе слуховыхъ и логическихъ образовъ родной рѣчи. Если же мы заставимъ учениковъ записывать обороты этой послѣдней и составлять такимъ образомъ стройныя въ стилистическомъ отношеніи цѣлыя, то мы перейдемъ уже въ область чисто русской рѣчи, гдѣ я лично предпочелъ бы оригинальную рѣчь того же Соловьева его переводу діалоговъ Платона. Итакъ, въ лучшемъ случаѣ игра, кажется, не стоитъ свѣчъ.

Во всякомъ случаѣ, мы смѣло утверждаемъ, что защитникамъ взгляда на значеніе изученія иностран-

---

для выраженій и слога родного языка точно такъ же, какъ extemporalia для латинскихъ грамматическихъ и стилистическихъ знаній. Они имѣютъ даже большее значеніе: кромѣ основательнѣйшаго пониманія латинскаго языка, они требуютъ самаго тонкаго пониманія различій между обоими языками и глубокаго обладанія роднымъ языкомъ».

ныхъ языковъ въ дѣлѣ выработки стиля нельзя уже выѣзжать на такихъ афоризмахъ, какъ, напр.: «Тотъ, кто знаетъ всего одинъ языкъ, не знаетъ ни одного языка», какъ это дѣлаетъ напр. г. Абрамовъ («Даръ слова», 1900, стр. 42): ибо такое утвержденіе, легкомысленно отрицая знаніе родного языка за каждымъ въ отдѣльности народомъ, «отрицаетъ тѣмъ самымъ всѣ языки вообще», если можно такъ выразиться. Иное дѣло, если намъ будутъ говорить о теоретическомъ изученіи языка: тогда, конечно, мы готовы подписаться даже подъ афоризмомъ: «Можно знать 100 языковъ и не имѣть понятія о томъ, что такое языкъ, какъ таковой». Но это уже теорія, наука, область которой безконечна, а не выработка стиля.

Живое устное слово и практическія упражненія въ немъ. Самымъ сильнымъ и могущественнымъ средствомъ усвоенія рѣчи является живое устное слово. Это тотъ единственный способъ, которымъ пользовалось все безъ исключенія человѣчество въ продолженіе многихъ вѣковъ до изобрѣтенія письменныхъ знаковъ, а нынѣ пользуется до обученія грамотѣ. И въ настоящее время многіе и многіе милліоны людей только и знаютъ этотъ одинъ путь къ обладанію сокровищами родной рѣчи. Освященный природой, этотъ натуральный по преимрществу методъ имѣетъ преобладающее значеніе и донынѣ, несмотря на всякія ухищренія человѣческой изобрѣтательности, по своей общедоступности и потому еще, что даетъ возможность самой широкой и всесторонней практикой закрѣплять въ памяти языковой матеріалъ.

Современная средняя школа въ отношеніи живого слова сильно грѣшитъ тѣмъ, что не имѣетъ, или, вѣрнѣе сказать, не можетъ при нынѣшнихъ условіяхъ раціонально пользоваться этимъ могучимъ орудіемъ. Періодическая педагогическая пресса не разъ указывала на этотъ недугъ и на причины его. Главная изъ нихъ заключается въ томъ, что программы средней школы въ общемъ настолько обширны [10]), что воспитанники среднихъ способностей не въ состояніи получить отчетливыхъ, продуманныхъ и самолично воспроизведенныхъ въ правильной ясной словесной формѣ знаній. Благія внушенія и напоминанія преподавателямъ отдѣльныхъ предметовъ о неослабномъ надзорѣ съ ихъ стороны за правильностью рѣчи учащихся при отвѣтахъ парализуются невозможностью при данномъ условіи выполнить требованія программъ со стороны реальнаго ихъ содержанія [11]). Отсюда-то, съ одной стороны, пагубное для средней школы исканіе козла отпущенія въ лицѣ учителя словесности, этого поистинѣ рыцаря печальнаго образа, и, съ другой стороны, неизмѣнная безсловесность подавляющаго большинства учащихся, приводящая въ отчаяніе и школу, и семью.

Не будемъ больше останавливаться на огромномъ значеніи живой рѣчи въ дѣлѣ преподаванія и изученія языка: она имѣетъ среди педагоговъ прекрасныхъ апологетовъ (напр., покойнаго В. П. Шереметевскаго). Здѣсь умѣстно только указать на пока еще мало оцѣненное

---

[10]) См. напр. ст. г. Желобовскаго въ «Рус. Шк»., янв. 1901.

[11]) Тѣ же увѣщанія и у нѣмцевъ и тѣ же жалобы на безрезультатность ихъ, конечно, по аналогичнымъ причинамъ. Деттвейлеръ, стр. 84.

значеніе для ея выработки письменной рѣчи, въ смыслѣ чтенія книгъ, заучиванія наизусть стихотвореній и прозы и самостоятельныхъ письменныхъ работъ учащихся (См. ниже, стр. 23).

Къ урокамъ живой рѣчи должно быть отнесено и выразительное чтеніе, находящееся нынѣ почти въ полномъ пренебреженіи въ нашихъ школахъ. О его значеніи мы не будемъ распространяться [12]; скажемъ только, что его могущественное вліяніе на развитіе органа слуха и органовъ рѣчи, а потому и на выработку языка и устраненіе природныхъ недостатковъ рѣчи говоритъ въ пользу спеціальныхъ заботъ о раціональной постановкѣ его преподаванія. Быть-можетъ, слѣдовало бы отвести для выразительнаго чтенія особые часы, какъ это дѣлается въ примѣненіи къ музыкѣ и пѣнію.

Практическія упражненія въ письменномъ словѣ, какъ видѣ того же живого слова. Этотъ родъ упражненій влачитъ въ гимназіяхъ самое жалкое существованіе. Прежде всего такъ наз. письменныя упражненія по русскому языку сосредоточены въ однѣхъ рукахъ учителя словесности; это ненормально и въ высшей степени вредно для школы въ разныхъ отношеніяхъ [13]). Во-вторыхъ, то, что пишется учащимся въ младшихъ классахъ, сводится главнымъ образомъ къ орфографическимъ упражненіяхъ, преимущественно къ диктовкамъ [14]). При нынѣшней общей

---

[12]) См. очерки Легувэ, Коровякова, Брадовскаго и В. Острогорскаго.

[13]) См. наши соображенія въ упомянутой выше статьѣ.

[14]) См. объ этомъ родѣ упражненій у В. П. Шереме-

постановкѣ преподаванія нельзя въ этомъ винить г.г. учителей отечественнаго языка въ виду того простого соображенія, что у нихъ въ распоряженіи времени мало, а научить учащихся грамотному письму вѣдь нужно же. Въ-третьихъ, въ старшихъ классахъ ученики «сочиняютъ» характеристики героевъ изящныхъ произведеній, дѣлаютъ историко литературные разборы, занимаются критическими очерками изъ теоріи словесности, изложеніемъ содержанія прочитанныхъ на урокахъ словесности произведеній и т. п. Можно подумать, что всѣ эти юные питомцы классической гимназіи будутъ заниматься по выходѣ изъ нея исключительно исторіей литературы, письменнымъ изложеніемъ содержанія произведеній изящной словесности, литературной критикой, т.-е. пойдутъ по стопамъ Бѣлинскаго, Ап. Григорьева, Галахова, Незеленова... Прошу имѣть въ виду, что я говорю здѣсь не только о господствующемъ направленіи въ выборѣ темъ для сочиненій, но о направленіи единственно раціональномъ при нынѣшнихъ условіяхъ. Вѣдь нельзя же заставить учителя словесности писать съ учениками о пользѣ растеній, о значеніи для Россіи Сибири и о прочихъ интересныхъ, полезныхъ и даже необходимыхъ для будущихъ интеллигентныхъ людей и общественныхъ дѣятелей предметахъ, т.-е, если угодно, заставить-то можно учителей-словесниковъ писать съ учениками о чемъ угодно: эти достойные лучшей участи эпигоны средневѣковыхъ риторовъ и піитовъ привыкли и работать за другихъ, и нести отвѣтственность за чужія прегрѣшенія безропотно; но будетъ

тевскаго. Впрочемъ, кажется, уже подорвано довѣріе, по крайней мѣрѣ, къ провѣрочнымъ диктовкамъ, какъ къ вполнѣ цѣлесообразному письменному упражненію.

ли изъ этого прокъ? [15]) Итакъ, письменныя работы въ старшихъ классахъ носятъ односторонній характеръ, что̀ является естественнымъ слѣдствіемъ нынѣ дѣйствующей системы. Но вѣдь школа обязана если не найти, то, по крайней мѣрѣ, искать лѣкарства для уврачеванія своихъ ненормальностей. Единственнымъ средствомъ, на нашъ взглядъ, является не разъ указываемая въ педагогической литературѣ необходимость установленія обязательныхъ письменныхъ работъ по всѣмъ тѣмъ предметамъ, гдѣ слово учащихся является средствомъ обнаруженія ихъ знаній [16]). (Для успѣшнаго веденія такихъ работъ необходимо, конечно, чтобы въ распоряженіи преподавателей было достаточное количество времени [17]). Только при такомъ условіи письменное слово будетъ, подобно устному, живымъ; упразднятся мертвящіе ученическій умъ диктанты и узко-стилистическія упражненія; количество искусственныхъ орѳографическихъ упражненій будетъ сведено къ minimum'у; получитъ безусловное преобладаніе и право гражданства самое могучее, надежное и естественное упражненіе, орѳографическое, поставленное на самыхъ широкихъ началахъ практики, упражненіе въ живомъ письменномъ словѣ. Настольный орѳографическій словарь, предупреждающія ошибки указанія преподавателя, знакомство и справки со стилемъ (путемъ хоти бы заглядыванія въ пособія) того учебнаго предмета, по которому пишется работа,—все это, съ психологической точки зрѣнія, явится полнѣйшей аналогіей съ живымъ устнымъ сло-

---

[15]) См. соображеніе на этотъ счетъ въ нашей статьѣ.

[16]) Литература предмета отчасти ibid.

[17]) Условіе, которое не соблюдается въ настоящее время и въ примѣненіи къ урокамъ русскаго языка.

вомъ на урокахъ (поправки преподавателя; употребленіе правильныхъ оборотовъ; слово, неразрывно связанное съ живымъ, реальнымъ содержаніемъ, а не составленные ad hoc орѳографическіе и стилистическіе примѣры).

Благодаря нераціональной системѣ письменныхъ работъ, письменное слово въ школѣ обыкновенно является какою-то казнью египетскою, а въ лучшемъ случаѣ—блѣднымъ тепличнымъ растеніемъ, культивируемымъ вдали отъ плодотворнаго вліянія жизни по рецептамъ схоластической «науки», къ удивленію XX в., еще пользующейся кредитомъ въ педагогической практикѣ. Между тѣмъ для чего-то человѣчествомъ употреблено столько усилій и энергіи на отысканіе способа письменно излагать свои мысли; почему-то изобрѣтеніе книгопечатанія открываетъ собою новый періодъ всемірной исторіи; по какой-то причинѣ ни одинъ урокъ въ школѣ, не исключая пѣнія, не можетъ обойтись безъ чьей нибудь авторитетной мысли, услужливо предлагаемой каждому учащемуся бумагой! Очевидно, есть весьма важныя причины тому, что это дорогое для просвѣщенія искусство встрѣчаетъ каждаго причастнаго культурѣ человѣка на зарѣ пробужденія его мысли и покидаетъ только у гробовой доски (беллетристика, газеты, журналы, письменное приготовленіе рѣчей и лекцій, предназначенныхъ къ произнесенію, и пр.).

Являясь продуктомъ человѣческой изобрѣтательности, искусство письма вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ блестящей иллюстраціей того закона, по которому можно подчинять себѣ ту или другую силу природы, только пользуясь силами этой послѣдней. Сущность письма заключается въ превращеніи слуховыхъ образовъ рѣчи въ зрительные, при помощи моторныхъ представленій, и въ

закрѣпленіи этихъ зрительныхъ образовъ на пергаментѣ, камнѣ, бумагѣ и т. п. (Слуховые образы въ неприкосновенномъ видѣ сохраняются фонографомъ). Основываясь на психологическомъ законѣ ассоціированія представленій и облегчая почти чудодѣйственнымъ образомъ способность вспоминанія (памяти), искусство письма служитъ, между прочимъ, могущественнѣйшимъ средствомъ сохраненія наиболѣе удачно скомбинированныхъ мыслей, чтó въ высшей степени способствуетъ и распространенію самыхъ мыслей, и пониманію ихъ. Всѣмъ извѣстно, какъ поэты дорожатъ минутами вдохновенія и спѣшатъ занести свои мысли на бумагу; то же относится mutatis mutandis и къ ученымъ, и къ литераторамъ, и къ авторамъ учебниковъ [18]). Такимъ образомъ письмо сохраняетъ намъ обыкновенно наиболѣе ясное, сжатое, правильное и изящное выраженіе извѣстной мысли. Благодаря этимъ свойствамъ, оно выше обыкновенной устной рѣчи и оказываетъ послѣдней огромную услугу въ смыслѣ выработки въ ней тѣхъ же качествъ. Устная рѣчь, отличающаяся при обыденномъ употребленіи недомолвками и неточностью, должна бы почаще брать себѣ за образецъ рѣчь письменную, какъ въ свое время разумно требовалъ, напр., писатель Карамзинской школы Макаровъ. Отсюда вытекаетъ необходимость въ цѣляхъ дидактическихъ систематической постановки и класснаго, и домашняго чтенія учащихся, о чемъ мы говорили выше (стр. 18). Кромѣ того, зрительные и моторные образы подъ перомъ самого учащагося сильнѣе запечатлѣваются въ памяти, чѣмъ слу-

---

[18]) Будущее фонографовъ пока неизвѣстно; вѣроятно, и они пригодятся позднѣйшимъ педагогамъ.

ховые въ соединеніи съ моторными (при устной рѣчи) [19]). На этомъ основаніи раціональная постановка письменныхъ упражненій, имѣющихъ въ настоящее время въ гимназіяхъ главнымъ образомъ провѣрочный характеръ (при этомъ современная система старается жать тамъ, гдѣ не сѣяла), показываетъ въ высшей степени плодотворное вліяніе на обогащеніе рѣчи учащихся ясными правильными и красивыми оборотами. Точность и правильность въ любой области знанія, характеризующія письменную рѣчь, легче всего усвоиваемыя учащимися путемъ самостоятельнаго занесенія ихъ на бумагу, облегчаютъ имъ процессъ «боренія со словомъ» [20]). Количество письменныхъ работъ при предлагаемой нами системѣ значительно увеличится, а потому усвоеніе внѣшней грамотности, повторяемъ, облегчится и будетъ итти чисто естественнымъ путемъ, безъ обремененія учащихся безсмысленными во всѣхъ отношеніяхъ диктантами [21]),

---

[19]) Недавнія наблюденія W. A. Lay («Педаг. Сборн.», дек. 1900).

[20]) Въ примѣненіи къ низшей школѣ, на нашъ взглядъ, надлежащая точка зрѣнія на методъ веденія письм. работъ усвоена Ѳ. Ѳ. Пуцыковичемъ въ его «Письменныхъ упражненіяхъ въ изложеніи мыслей». 1900. Что же касается средней школы, то «Методъ веденія сочиненій въ старшихъ классахъ гимназій» 1881 Е. Бѣляевскаго также въ значительной мѣрѣ приближается къ такому пониманію значенія для учащихся читаемыхъ ими образцовъ, хотя и нуждается въ измѣненіи точки зрѣнія на задачи уроковъ русскаго яз.

[21]) См. «Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія» Е. В. Покровскаго. Сборники самого г. П-аго, устраняя нѣкоторые недостатки другихъ сборниковъ, все же въ общемъ искусственныя компиляціи не связанныхъ по смыслу фразъ, какъ и каждый орѳографическій сборникъ, какъ таковой.

безъ тоскливыхъ уроковъ орѳографіи, само собою незамѣтно, точно такъ же, какъ мы выучиваемся устной рѣчи; поэтому вопросъ объ усвоеніи не такого ужъ мудренаго (въ сравненіи, напр., съ англійскимъ или французскимъ) русскаго правописанія, перестанетъ волновать среднюю школу да и не только школу. Кромѣ выше упомянутыхъ преимуществъ, система письменныхъ работъ по всѣмъ по возможности предметамъ, какъ одинъ изъ видовъ упражненій въ живомъ словѣ, одухотворенномъ полнымъ смысла содержаніемъ, попутно достигая результатовъ, о которыхъ не смѣютъ и мечтать нынѣшніе хитроумные диктанты и стилистики, въ то же время подѣйствуетъ на учащихся возбужденіемъ интереса и своею цѣлесообразностью, качествами, которыми педагогика не должна бы, кажется, пренебрегать. Что дѣти и юноши любятъ писатъ (конечно, только не примѣры на орѳографическія правила), это, между прочимъ, блистательнымъ образомъ доказалъ г. Смирновъ, прочитавшій недавно въ Московскомъ Педагогическомъ Обществѣ докладъ, изъ котораго наглядно выясняется ростъ школьной рукописной журналистики въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, несмотря на крайне неблагопріятныя условія ея существованія. Предлагаемая нами система должна положить краеугольный камень для урегулированія этихъ литературныхъ упражненій, ускользающихъ въ настоящее время отъ руководительства школы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, широкая постановка дѣла въ состояніи рѣшить еще одинъ вопросъ, вопросъ о разсчитанномъ на индивидуальныя особенности учащихся выборѣ темъ для т. н. сочиненій: возможность испробовать силы на самомъ разнобразномъ матеріалѣ дастъ въ руки педагоговъ и самаго учащагося необходимыя для этого данныя.

Изъ числа письменныхъ упражненій въ послѣднее время обращено русскими педагогами вниманіе на списываніе, какъ на лучшее средство усвоенія орѳографіи. (Покойн. Шереметевскій, В. Острогорскій, В. А. Воскресенскій и др.). Дѣйствительно, списываніе текста, объединяя ассоціаціи зрительныхъ и моторныхъ представленій и укрѣпляя ихъ въ сознаніи учащихся паралельно съ образами слуховыми и въ противовѣсъ этимъ послѣднимъ ведетъ къ образованію въ учащихся навыка въ правописаніи [22]). Однако противники этого пріема не безъ основанія указываютъ на механическій характеръ его, какъ на недостатокъ въ дидактическомъ отношеніи. Съ этимъ возраженіемъ нельзя не согласиться; но отказаться отъ списыванія можно будетъ лишь тогда, когда будетъ принята защищаемая нами система письменныхъ работъ, ибо она, между прочимъ, содержитъ въ себѣ и элементы списыванія (справки въ пособіяхъ и орѳографическихъ словаряхъ, руководство преподавателя), но безъ отупляющаго механизма.

Вліяніе среды, окружающей учащихся во внѣклассное время. Въ своемъ очеркѣ мы допустили бы большой пробѣлъ, если бы не упомянули о громадномъ вліяніи въ интересующемъ насъ вопросѣ среды, окружающей ученика во внѣклассное время о роли семьи, города и т. п. факторовъ. Современная

---

[22]) Для уясненія вопроса о значеніи списыванія необходимо имѣть въ виду тотъ антагонизмъ, который существуетъ между правописаніемъ словъ и ихъ произношеніемъ въ каждомъ имѣющемъ историческое прошлое литератур-

школа пользуется услугами этихъ послѣднихъ гораздо больше, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ, и даже больше, чѣмъ подозрѣваетъ подчасъ и сама школа; но зато въ тѣхъ случаяхъ, когда съ этихъ сторонъ она поддержки не имѣетъ, результаты получаются самые плачевные. Одно есть средство въ рукахъ національной педагогической системы—это достаточная степень эластичности ея программъ, которая давала бы возможность школѣ приспособляться къ тѣмъ или другимъ условіямъ среды. Но здѣсь мы выходимъ уже за предѣлы собственно школьнаго дѣла и намѣченныхъ нами рамокъ.

Одинъ изъ извѣстныхъ педагоговъ низшей школы (г. Бунаковъ) недавно высказалъ мысль, что послѣдняя въ настоящее время въ различныхъ отношеніяхъ старается подражать средней школѣ, и что такое явленіе не принадлежитъ къ числу желательныхъ. Мы вполнѣ раздѣляемъ такой взглядъ и мечтали бы скорѣе о противоположномъ воздѣйствіи. Такъ напр., въ области интерисующаго насъ вопроса, мы бы хотѣли открыть въ дидактическую практику среднихъ учебныхъ заведеній доступъ, между прочимъ, взгляду на письменное слово, усвоенному практикой и теоріей низшихъ школъ. Дѣло въ томъ, что уроки русскаго языка въ послѣднихъ представляютъ изъ себя недиференцированную массу гуманитарныхъ и естественно историческихъ знаній, и письменныя работы производятся тамъ по всѣмъ

номъ языкѣ: вѣдь не меньше 2/3 словъ въ русскомъ лексиконѣ пишется не такъ, какъ произносится. Этотъ фактъ какъ-то ускользаетъ отъ вниманія нашихъ методикъ русскаго языка.

элементамъ этой массы: дѣти пишутъ упражненія и изъ области изящной словесности, и изъ областей естествознанія, географіи, исторіи и т. п.; при этомъ иногда даются этой школой указанія, которыми полезно бы воспользоваться и средней школѣ. Средняя же школа, диференцировавшая знанія по спеціальнымъ отряслямъ, сильно погрѣшила, впала, такъ сказать, въ старую схоластическую ересь, изолировавши слово, которое составляетъ вовсе не нѣчто, довлѣющее самому себѣ, но лишь оболочку для включенія въ нее содержанія, отъ этого послѣдняго и поручивъ культивированіе его (слова) особымъ мастерамъ, именуемымъ «словесниками» (какъ будто бы всѣ другіе преподаватели «несловесники» или «безсловесники»).

Хотя и говорятъ, что comparaison n'est pas raison, но мы не можемъ не вспомнить здѣсь одной изъ самыхъ плодотворныхъ аналогій, выставленныхъ когда-либо въ педагогикѣ, именно сопоставленія ребенка съ деревомъ, педагога съ садовникомъ, а развитія перваго съ развитіемъ растенія (Песталоцци). Дѣйствительно, методы и пріемы преподаванія, подсказываемые природой, хороши, во-первыхъ, потому, что не идутъ въ разрѣзъ съ организаціей дѣтей, ихъ вкусами, запросами и симпатіями; во-вторыхъ, потому, что скорѣе приводятъ къ цѣли, указывая iter minoris resistentiae, и, въ-третьихъ, по той причинѣ, что они легче для выполненія и проще по своему замыслу.

Въ примѣненіи къ затронутому нами вопросу указанія природы, даваемыя ею чрезъ посредство психологіи, лингвистики и исторіи, опредѣлительно и согласно рекомендуютъ систему упражненій въ живомъ устномъ

и живомъ письменномъ словѣ, основанную на самыхъ широкихъ началахъ практики *).

В. Гуссовъ.

*) Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что преподаваніе родного языка, литературы и отечественной исторіи должно быть поставлено во главѣ всѣхъ предметовъ въ средней школѣ. Необходимо, слѣдовательно, серьезнѣе, глубже поработать надъ вопросомъ о постановкѣ дѣла преподаванія родныхъ предметовъ въ нашихъ среднихъ школахъ, чтобы, въ виду предстоящей реформы средней школы, опытные въ своемъ дѣлѣ педагоги высказали свой взглядъ на тотъ или другой вопросъ, поработали на пользу нашей средней школы. Вотъ почему редакція «Фил. Зап.» съ величайшимъ удовольствіемъ печатала и будетъ печатать на страницахъ названнаго журнала статьи, имѣющія отношеніе къ тому или другому вопросу; вотъ почему она, между прочимъ, важное значеніе придаетъ такимъ статьямъ, какъ статья почтенныхъ сотрудниковъ «Фил. Зап.» Р. Ѳ. Брандта, В. М. Гуссова и др.

Ред.

СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

XXXVII. „Česka Revue“. Ежемѣсячникъ. Прага. 1899 г. Годъ Ш-й. Редакторъ Прокопъ Подлипскій, издатель Эд. Бофортъ. Ц. 9 „златыхъ“ (гульденовъ).

Это изданіе предпринято клубомъ „Národní strany svobodomyslné“ (народной свободомысленной партіи) и выходитъ 10 числа каждаго мѣсяца въ объемѣ нашихъ „среднихъ“ ежемѣсячниковъ; оно содержитъ въ себѣ обычно 2 отдѣла: 1) статьи, 2) обозрѣнія и смѣсь. Въ первомъ отдѣлѣ попадаются иногда работы довольно цѣнныя или просто любопытныя по затронутымъ въ нихъ темамъ; таковы, напримѣръ, статья Я. Трѣштика: „O mohamedanech, bosenskahercegovských, сопровожденная даже довольно занимательными нотными примѣрами напѣвовъ; историческая замѣтка З. Винтера: „Strach o Karmel, z pamětí českobratrských“ и нѣкоторыя другія. Изъ произведеній изящной словесности можно отмѣтить стихотворенія Я. Верхлицкаго, сельскіе очерки І. Шлейгара: „Vraždení“ (убійство) и др.

Среди „обозрѣній“ (Rozhledy) искусства, литературы, соціологическихъ и политическихъ особенно выдаются эти послѣднія, заключающія въ себѣ обстоятельное разсмотрѣніе и оцѣнку событій внутренней жизни страны и внѣшней исторіи. Въ „Рочникѣ“ II имѣемъ статью Э. Новака: „Vsevolod Garšin“ (по поводу Mrštikov'а перевода повѣстей этого писателя), статья д-ра І. Караска объ А. Н. Майковѣ, К. Кольмана—о Пушкинѣ и пр. Особенно цѣнна работа извѣстн. І. Махала: „O básnické činnosti F. L. Čelakovského“ въ V—X книгахъ.

XXXVIII. „Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжина“, Издава (болгарское) Министерство-то на народно-то просвѣщеніе. Книга XV, стр. 1071, Софія 1899 г., цѣна 5 лева.

Мы уже неоднократно говорили объ этомъ замѣчательномъ изданіи, отличающемся къ тому же чрезвычайною дешевизною (см. напр.: №№ 27 и 42 нашихъ „Славянскихъ Извѣстій“ въ „Филологич. Запискахъ“), и теперь скажемъ лишь нѣсколько словъ общаго характера...

Изданіе, очевидно, крѣпко стоитъ и съ каждымъ годомъ совершенствуется въ качественномъ и особенно въ количественномъ отношеніи, что и вполнѣ естественно, разъ болгарское М. Н. Просвѣщенія не жалѣетъ на него никакихъ затратъ.

Среди болгарскихъ ученыхъ въ настоящее время есть дѣйствительно видные и знающіе работники, каковы, напримѣръ: І. Шишмановъ (пѣсня о мертв. братѣ), Златарскій (о 2 болгарск. надписяхъ 9 в)., затѣмъ Бурмовъ (къ греко болгарск. церковн. спору), Царевъ, Константиновъ и др. Ихъ-то преимущественно трудами и держится выше указанное изданіе. Кромѣ того, почти весь огромный этнографическій матеріалъ собирается при помощи народныхъ учителей...

XXXIX. Д-ръ Г. Томанъ: „Valečnictví husitské z doby Žižkovy a Prokopovy“. Прага 1898 г.

Книга посвящена изслѣдованію устройства и постановки военнаго дѣла у гуситовъ во время Жижки и Прокопа, лучшихъ ихъ вождей, и исполнена, насколько можемъ судить, довольно умѣло; къ тому же и читается не безъ интереса. Во всякомъ случаѣ для историковъ вообще и для историковъ военнаго дѣла въ частности трудъ этотъ пред-

ставляетъ довольно значительную важность. Но книга имѣетъ и общій интересъ по своему содержанію и затронутымъ вопросамъ. Въ самомъ дѣлѣ, любопытно знать, чѣмъ можетъ быть объяснено то замѣчательное военное могущество гуситовъ, благодаря которому они такъ успѣшно боролись съ направленнымъ противъ нихъ потокомъ крестоваго похода не только всей Германіи, но почти всей западной Европы.

Однимъ подъемомъ народнаго духа трудно объяснить этотъ успѣхъ: были и чисто военныя причины: необычайная военная даровитость названныхъ вождей, ихъ замѣчательная находчивость и тактическая изобрѣтательность и т. п. Все это очень обстоятельно изложено, изслѣдовано и объяснено въ книгѣ. Авторъ ея уже раньше работалъ по данному вопросу, и, напримѣръ, въ журналѣ: „Osvěta“, за 1890 г. имѣется его статья.

Интересующагося вопросомъ читателя отсылаемъ также къ дѣльному и обстоятельному критическому обозрѣнію названной книги, напечатанному г. Ганушемъ Куффнеромъ въ временникѣ: „Časopis Musea království českého“, за 1898 г., стр. 500—554 съ чертежами. Думаемъ, что было бы неизлишнимъ появленіе и на русскомъ языкѣ какъ книги г. Томана, такъ и статьи г. Куффнера.

XL. „Словарь древняго славянскаго языка, составленный по Остромирову евангелію, Миклошичу, Востокову, Бередникову и Кочетову“. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1899 г., 946 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Странное впечатлѣніе производитъ на читателя это изданіе. Кажется, оно и достаточно полно, и нерѣдко удовлетворяетъ въ отношеніи правильности и цѣлесообразности объясненія словъ, но нѣкоторая, такъ сказать, неряшливость книги [говорю не только о внѣшней (опечатки, которыхъ

очень много, что убійственно для словаря!) а и о внутренней сторонѣ дѣла] производитъ очень неблагопріятное впечатлѣніе при болѣе близкомъ ознакомленіи и значительно сбавляетъ цѣну этому во всякомъ случаѣ почтенному труду.

Особенно мало удовлетворили насъ объясненія словъ. Непонятно, что могло затруднить составителя при объясненіи такихъ словъ, какъ неразличьно, надъшенъ (срв. чешск. nadšený), затепсти, родственное которому утепсти вѣдь объяснено же! Неужели нельзя было подобрать болѣе понятныхъ значеній, чѣмъ слитки для слова могорыщь (слова слитки мы не нашли въ старомъ Академическомъ словарѣ) или неума для слова ѳита? Къ чему, далѣе, при объясненіяхъ словъ безъ надобности отступать отъ приведенія тождественныхъ русскихъ значеній и объяснять, наприм., милосьрдіе чрезъ человѣколюбіе, а не милосердіе же или первобытный чрезъ слово бывшій сначала, а не первобытный? Что это, наконецъ, за объясненіе: прусинъ м. прусакъ народъ?! При нѣкоторыхъ словахъ слѣдовало непремѣнно прибавить значенія, близкія къ нимъ по корню или однокоренныя; таково, напримѣръ слово ѩскъ, при которомъ, кромѣ значеній: ковчежецъ корзина, надлежало бы прибавить и однокоренное: ящикъ, какъ при словѣ нерасудьнъ, кромѣ имѣющихся значеній: безумный, сумасбродный (напечатано: сумазбродный!), еще и однокоренное: безразсудный. При собственныхъ именахъ, напечатанныхъ въ словарѣ малыми буквами, слѣдовало бы указывать, что это собственныя имена, во избѣжаніе недоумѣній; таковы, напримѣръ: ѥндомонъ, неронъ и мн. друг.

При многихъ, сравнительно, безобидныхъ опечаткахъ (нанурить вм. изнурить при словѣ: претрудити, псаалмщикъ вм. псаломщикъ при словѣ псалтырьникъ) укажемъ и нѣкоторыя отвѣтственныя, недопустимыя въ словарѣ; таковы, на-

примѣръ: разаогъ (счетъ) вм. разлогъ, кѫдѫти вм. сѫдѫти, пзотолюбіе вм, плотолюбіе.

Словарь этотъ, если будетъ напечатанъ при слѣдующемъ изданіи болѣе исправно, можетъ быть небезполезенъ для справокъ.

XLI. „Справочный и объяснительный словарь къ Псалтири, составленный Петромъ Гильтебрандтомъ (Рязанскимъ)" Спб. 1898, III+550 стр.

Этотъ трудъ, посвященный „памяти царя-миротворца императора Александра III", удостоенъ преміи митрополита Макарія, присужденной ему дѣйствительно по заслугамъ. Въ полнотѣ словаря, судя по разнымъ обстоятельствамъ и между прочимъ по даннымъ предисловія, врядъ ли возможно сомнѣваться; кромѣ того, къ нему прибавленъ еще и греко-славяно-латино-русскій указатель, чрезвычайно облегчающій справки. Особеннымъ достоинствомъ книги должно признать то множество мѣстъ, подобранныхъ изъ Псалтири, которымъ сопровождается почти каждое слово послѣ непосредственно приложеннаго къ нему греческаго, латинскаго и русскаго перевода; этотъ подборъ мѣстъ свидѣтельствуетъ о замѣчательной начитанности составителя словаря въ изучаемомъ памятникѣ и его рѣдкомъ трудолюбіи; цѣнность и значеніе подобнаго метода не требуютъ объясненій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такой перечень занимаетъ даже нѣсколько страницъ, напримѣръ, при словахъ: азъ, Богъ. Иногда находимъ цѣнныя сопоставленія разныхъ толкованій, предложенныхъ тѣми или другими лицами, напримѣръ, при словѣ: благоволеніе, гдѣ при истолкованіи одного мѣста указаны мнѣнія такихъ истолкователей, какъ преосвященные Амвросій и Ириней, Св. Іоаннъ Златоустъ, Евфимій Зигабенъ и друг.

Въ отношеніи исправности печати книга, сколько мы

можемъ судить, не заслуживаетъ никакихъ упрековъ, и въ смыслѣ справокъ, ей можно вполнѣ довѣриться. Во всякомъ случаѣ она должна стать настольной книгою для всякаго филолога, и нельзя не выразить самаго искренняго пожеланія, чтобы почтенному составителю ея удалось подарить русскую ученую литературу еще не однимъ подобнымъ трудомъ.

XLII. Н. „Горяевъ: Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка". Тифлисъ 1896 г. 451 стр. +40+62.

Книга эта представляетъ второе значительно увеличенное и улучшенное изданіе раньше выпущеннаго въ свѣтъ „Опыта" сравнительнаго этимологическаго словаря русскаго языка (1892 г.). Правда, научные пріемы составителя остались тѣ же, но все же указанія критики произвели свое дѣйствіе и благопріятно отразились на качествѣ труда, который, при общей бѣдности русской ученой литературы такого рода книгами, будетъ, конечно, очень небезполезенъ... Жаль, что составителю, повидимому, неизвѣстна хорошая семазіологическая работа Ант. Матценауэра: „Příspěvky ke Slovanskému jazykozpytu" (печат. въ пражскомъ изданіи: „Listy Filologicke", за разн. годы, преим. 90-е); она доставила бы ему много самаго благодарнаго матеріала для сравненія и поправокъ.

Нѣкоторыя словопроизводства слѣдовало бы дополнить разными соображеніями, иногда уже высказывавшимися въ филологическихъ изданіяхъ; таковы, напримѣръ: коропузъ изъ коротопузъ (составитель пишетъ: карапузъ); поганый (есть и другое производство: по+ган-ый, срав. чешск. ган-и-ти, ганба и пр. при этомъ слова: ганити, ганба вовсе не образовались отъ латинск. paganus, поганый, путемъ отбрасыванія приставки по, а являются самостоятельными словами); пузо—можно толковать и такимъ образомъ:

сербскій $\sqrt{\text{пуз}}$=русскому $\sqrt{\text{полз}}$, отсюда сербское пузати=рус. ползать, пузеħки=ползкомъ и т. д. Такимъ образомъ слово пузо (изъ пълзо) могло перейти почему-либо (можетъ-быть, путемъ книжныхъ сношеній) на Русь и въ подобномъ видѣ бытовать и доселѣ.

Полнота словаря все еще оставляетъ желать большаго. Напримѣръ, имѣются слова: контрактъ и контрагентъ, а не имѣется: контрастъ; при этомъ должно отмѣтить неправильное разложеніе: контр-аг-ентъ, вм. кон-траг-ентъ отъ латинск. contrahere, какъ сказано у самого же составителя. При словѣ: прилика приведенъ примѣръ: нашла слика прилику, но слова: слика (имѣющагося между прочимъ и у сербовъ, значитъ: изображеніе) нѣтъ въ словарѣ *).

XLIII. „Slovenské Pohl'ady. Časopis zábavno poučný". Ред. и издатель Іосифъ Шкультетый. Турч. Св. Мартинъ. 1899 г.

Это симпатичное изданіе выходитъ уже девятнадцатый годъ; оно довольно усердно слѣдитъ и за русскою литературою и въ этомъ отношеніи является для словаковъ весьма важнымъ пособіемъ. Для инославянскихъ читателей въ немъ

---

*) Недавно въ редакцію почтеннымъ составителемъ «Сравнитеньнаго этимол. словаря рус. яз.» прислана книга «дополненій и поправокъ» къ нему, изданная (62 печ. стр.) въ Тифлисѣ въ 1901 г. Въ этой книгѣ авторъ говоритъ: «Не имѣя въ настоящее время возможности отпечатать свой «Срав. этим. словарь рус. яз.» новымъ изданіемъ и не предвидя ея и въ будущемъ, предлагаю теперь эти дополненія, подтвержденія и поправки изъ того матеріала, который я собралъ за 5 лѣтъ съ 1896 г., чтобы сдѣлать ими свой трудъ болѣе цѣннымъ и болѣе полезнымъ для тѣхъ, которые будутъ имъ пользоваться». *Ред.*

любопытны разныя статьи по словацкому народоописанію, наприм.: „Svadba v L'uborеči“ („Свадьба въ Люборечи“ Новоградѣ) или „Povery (повѣрья) z Hornýсh Bziniec“ въ 5-й книгѣ и др.

Изъ оригинальныхъ статей обращаютъ на себя вниманіе „Cestopisne (путевыя) črty“ Мартина Кукучина (въ 5-й книгѣ описаніе сербскихъ городовъ), „V centrálnych Tatrách (Карпатахъ)“ — Корнелія Стодолы.

Есть немало работъ, посвященныхъ нашему Пушкину и написанныхъ по поводу празднованія столѣтія его рожденія. Такъ, г. I. Шкультетый напечаталъ дѣльную статью: „Alexander S. Puškin. Na storočnu pamiatku jeho narodenia“ (кн. 6, 7, 9 и 10; въ этой послѣдней книгѣ глава IV Puškin u Slovakov). Были и новые переводы изъ Пушкина, наприм., г-жи Людмилы Подъяворинской: „Пророкъ“, „Памятникъ“ и др. въ 6-й кн. Кромѣ нея, въ послѣднее время наиболѣе переводили изъ Пушкина словацкіе поэты Ваянскій и Само Бодицкій („Полтава“ и др.).

XLIV. „Listy Filologické (nákladem (иждивеніемъ) Iednoty českých filologů v Praze)“ 1899 г. Ročník XXVI. 6 выпусковъ.

Уже въ теченіе 26 лѣтъ выходитъ въ свѣтъ это дѣльное изданіе Общества чешскихъ филологовъ. Разсматриваемое годичное изданіе отличается, подобно прежнимъ, разнообразіемъ содержанія и толковой редакціей. Въ отдѣлѣ первомъ (pojednání—статьи) имѣются статьи и изслѣдованія, относящіяся какъ къ классической древности, такъ и къ вопросамъ славяновѣдѣнія. Такъ какъ указанный годъ былъ въ чешской литературѣ юбилейнымъ—столѣтіе рожденія поэта Ф. Л. Челаковскаго,—то въ изданіи находимъ нѣсколько статей, относящихся къ событію: I. Махала (Челаков-

скаго „Ohlas pisni ruských"), докладъ Ф. Билаго въ „Обществѣ чешскихъ филологовъ" (O filologickém vyvoji F. L. Čelakovského). Въ замѣткѣ: „Domněli slované na sloupu M. Aurelia v Rime, извѣстный ученый Л. Нидерле высказывается противъ славянства рельефныхъ фигуръ на колоннѣ Марка Аврелія. Слѣдуетъ еще отмѣтить работы г.г. К. Новака („Přispěvky k staročeskému kmenosloví ze spisů Husových"), В. Лацины („Budišinský rukopis Stitného řeči besedních"), Л. Долянскаго: „Hanka fecit", гдѣ изслѣдователь приходитъ къ довольно рѣзко выраженному утвержденію о томъ, что извѣстная Зеленогорская рукопись („Судъ Любушинъ") поддѣлана В. Ганкою, который самъ заявилъ объ этомъ въ считавшемся долгое время загадочнымъ буквенномъ хитросплетеніи (на IV стр. рукописи), представляющемъ, по мнѣнію г. Долянскаго, ни болѣе, ни менѣе, какъ латинскую фразу: „Hanka fecit". Въ отдѣлѣ книжныхъ оцѣнокъ („Uvahy") есть нѣсколько замѣтокъ, любопытныхъ для славяновѣда, напримѣръ: о трудѣ г. Ф. Бачковскаго: „Přehled dějin písemnictví českého z let 1848—98 (Прага 1898, 228 стр.), о статьяхъ по кашубскому языку (І. А. Микколы въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русск. яз. и слов. Академіи Наукъ" 1897, II 400—428 стр. и Я. Карловича въ „Wisła" Варшава 1898 стр. 26). Любопытно и обозрѣніе гимназическихъ „программъ" т.-е. отчетовъ, въ которыхъ попадаются нерѣдко дѣльныя ученыя работы членовъ гимназическихъ корпорацій.

XLV. „Мирослављево Іеванђеље. Evangéliaire ancien serbe du prince Miroslav". Издање Његова Величанства Александра I. Краља Србије. Бѣлградъ 1897 in f. X+229.

Благодаря щедрости сербскаго короля, изданъ въ свѣтъ полностію и сталъ доступенъ для всѣхъ одинъ изъ любопыт-

нѣйшихъ и важнѣйшихъ памятниковъ древней сербской письменности и искусства—знаменитое (недѣльное) Мирославово евангеліе, апракосъ XII вѣка, которое написалъ и „золотомъ заставилъ“ „дьякъ Григорій для великославнаго князя Мирослава, сына Завидина“ (брата Стефана Немани, ум. въ Хумѣ въ 1197 г.). Экземпляровъ изданія сдѣлано немного, преимущественно для библіотекъ разныхъ ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній Европы; стоимость каждаго отдѣльнаго экземпляра вслѣдствіе этого довольно велика—2000 франковъ. Разрисовка начальныхъ буквъ и заставокъ свидѣтельствуетъ иногда о значительномъ художественномъ вкусѣ, а, кромѣ того, и о вліяніи западнаго искусства или по крайней мѣрѣ объ извѣстныхъ съ нимъ связяхъ; покойный Буслаевъ очень цѣнилъ означенные рисунки и заставки. Къ тексту евангелія присоединены—предисловіе и филологическія объясненія памятника въ отношеніи языка, правописанія и пр., сдѣланныя извѣстнымъ сербскимъ ученымъ Любомиромъ Стояновичемъ. Наиболѣе любопытными чертами правописанія оказываются: ѣ вм. ꙗ (ѣко вм. ꙗко); ж и ѧ употребляются неумѣстно, нерѣдко вмѣсто є и оу; послѣ г, к, х пишется и вмѣсто обычнаго въ такихъ случаяхъ ы.

Первый, кто обратилъ вниманіе на Мирославово евангеліе, былъ владыка Порфирій Успенскій (Ни Григоровичъ, ни Петковичъ не упомин. о немъ). Его замѣтки и одинъ листъ евангелія (стр. 185 полнаго изданія), хранящіяся нынѣ въ Петербургской Публичной библіотекѣ, были напечатаны еще И. И. Срезневскимъ въ его „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“ подъ №: XLVI (приложеніе къ XXII тому „Записокъ Императ. Академіи Наукъ) С. Новаковичъ, сербскій ученый, видѣвшій этотъ листъ изъ евангелія на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ 1874 г., сдѣлалъ съ него снимокъ и издалъ съ своими примѣчаніями (См. „Археолошке изложбе у Ки-

jеву". Бѣлградъ 1874 г.) Чрезъ нѣсколько лѣтъ извѣстный сербскій ученый, нынѣ покойный архимандритъ Никифоръ Дучичъ издалъ послѣднюю запись изъ евангелія („Гласник Серб. Учен. Друж." 56 стр. 98—99), а въ 1890 г. упомянутый Любомиръ Стояновичъ напечаталъ еще нѣсколько отрывковъ изъ этого памятника (См. „Споменикъ срб. крал. акад." XX).

Долго длившійся миръ между домами Стефана Немани и Мирослава былъ нарушенъ только при внукѣ послѣдняго Радославѣ, сынѣ Хумскаго владыки Андрея Мирославича, поссорившемся съ Урошемъ I, внукомъ Стефана Немани; слѣдствіемъ этого раздора была гибель владѣтельнаго дома князя Мирослава. Вотъ тогда-то, быть-можетъ, и унесено было кѣмъ нибудь его евангеліе въ Хиландарь, Неманину „задушбину", на Аѳонѣ, гдѣ оно и хранилось до 1896 г., когда эта обитель была посѣщена сербскимъ королемъ Александромъ I, прибывшимъ въ нее тѣмъ же путемъ, какимъ и за 550 лѣтъ до того шелъ Душанъ, и посадившимъ возлѣ Душановой маслины и свою. Обитель поднесла королю это евангеліе въ день Воскресенія Господня; оно было издано въ Вѣнѣ въ 1897 г. (въ память 700-лѣтія со дня смерти князя Мирослава) иждивеніемъ короля Александра I; въ изданіи приняли участіе вѣнская фотографія Ангерера и Гешла и придворная типографія Адольфа Гольцгаузена.

Украшенія Мирославова евангелія, вмѣстѣ съ такъ называемыми жичкими фресками (13 в.), указываютъ на замѣчательную художественную высоту древне-сербскаго искусства, подвергшагося послѣ роковой Косовской битвы паденію и долго послѣ того не могшаго подняться.

XLVI. „Květy". 1899 г. годъ 21-й Въ этомъ изданіи имѣется нѣсколько любопытныхъ для русскаго читателя вещей. Между прочимъ есть статьи и по поводу юбилея 100-лѣтія рожденія А. С. Пушкина, напримѣръ: работа небезызвѣст-

наго въ чешской литературѣ знатока русскаго языка и словесности Павла Дурдика:. „Smrt Puškina". Изъ другихъ статей укажемъ очеркъ П. Матерновой: „Alexěj Nikolajevič Apuchtin", съ переводомъ образцовъ его поэзіи; путевыя записки" Д. Папырки: „Z Vladikavkazu do Tiflisu", и особенно прекрасный очеркъ извѣстнаго знатока южныхъ славянъ Іос. Голечка: „Bosna a Hercegovina za okupace"; между стихотворными произведеніями въ журналѣ обычно выдаются пьесы Ярослава Верхлицкаго и І. Махара; недурны, впрочемъ, стихотворенія Авг. Мужика. Столѣтній юбилей извѣстнаго чешскаго поэта—славяно-люба Ф Л. Челаковскаго вызвалъ въ чешской литературѣ достаточное количество разныхъ статей и замѣтокъ, не блещущихъ въ большинствѣ ни новизною предложенныхъ данныхъ, ни особеннымъ искусствомъ изложенія; лучшіе очерки, на нашъ взглядъ, принадлежатъ перу извѣстнаго знатока исторіи чешской литературы І. Махала: они печатались въ разныхъ изданіяхъ, напримѣръ: „Česka Revue" 1899 г. („O básnické činnosti F. L. Celakovského" кн. V—X), „Český Časopis Historický", издав. Яр. Голлемъ и Іос. Пекаремъ („Snahy Fr. L. Celakovského o obnovu české literatury", вып. 6-й за 1899 г.). Въ этомъ послѣднемъ изданіи, весьма любопытномъ для историковъ, то и дѣло, кстати сказать, попадаются статьи, свидѣтельствующія о томъ, что редакція усердно и старательно слѣдитъ за явленіями русско-исторической науки: она отмѣчаетъ ея скорбныя утраты (некрологъ А. Ѳ. Бычкова, И. С. Корелина, А. А. Куника, В. Г. Васильевскаго и др.), слѣдитъ за болѣе или менѣе любопытными книгами, статьями, изданіями (наприм., отзывы о работѣ М. Н. Ясинскаго: „Содѣйствіе чеховъ успѣхамъ германизаціи на берегахъ Балтійскаго моря", о „Журн. М. Нар Просвѣщенія", „Извѣстіяхъ Петербургской Академіи" и т. д.) и т. п.

XLVII. „Krok, obzor literarne-umělecký“. 1899 г. (XIII й). Ред. Ф. Прусикъ, профес. Академической гимназіи. Прага. Выпуски I—V.

Мы уже имѣли случай останавливаться на этомъ изданіи („Славянскія Извѣстія“ XV). Изъ статей даннаго, къ сожалѣнію, прекратившагося на 5 выпускѣ за недостаткомъ средствъ изданія отмѣтимъ „Предъюбилейный очеркъ“— А. М. Сеника: „Byron a Puškin“ (вып. 2—3), статьи К. Бѣгала: „Henrik Ibsen“, и Н. Вашиде. „Literarni Rumunsko našich dnů“. Довольно богаты и разнообразны отдѣлы книжныхъ отзывовъ и библіографическій, при чемъ русской литературѣ удѣляется довольно много вниманія; такъ, въ вып. 4—5 на стр. 141—145 находимъ небезынтересный краткій очеркъ современной русской изящной словесности. Въ каждой книжкѣ имѣется еще и „фельетонъ“, то театральный, какъ во 2, 4--5 книгахъ, то историко-литературный, напримѣръ, въ 1-й книгѣ, гдѣ сдѣланъ обзоръ писательской дѣятельности извѣстнаго чешскаго политика Ф. Л. Ригра. Недурно веденъ и отдѣлъ смѣси.

XLVIII. „Школски вјестник, стручни лист земаљске владе за Босну и Херцеговину.“ Уредник (ред.) Љубоје Длустуш. 1899, год. VI. Сарајево.

Это педагогическое изданіе ведется довольно разнообразно и живо и заслуживаетъ извѣстнаго вниманія со стороны лицъ, слѣдящихъ за движеніемъ науки и литературы у славянъ. Есть въ немъ работы, прямо любопытныя по извѣстной свѣжести затронутыхъ предметовъ; таковы, напримѣръ, статьи Ф. Бирушича: „Флора наше народне пјесме“, А. Студнички: „Нешто о орнаментима“, и нѣк. друг. Въ педагогическомъ отношеніи любопытны статьи г.г. Протича

„О преобтерећености (переутомленіи) наших гимназијалаца“, Ивана Зовка „Казне старе школе“. I. Модестина: „Правила за писаіье и изговараіье географских туђих имена“ и др. Во второмъ отдѣлѣ (примјери практичне наставе) отмѣтимъ работу г. Рацы: „Глагол“, въ третьемъ (из прошлости)—г. Л. Длустуша: „Философија у древних Хелена“ (грековъ); затѣмъ имѣются еще четвертый отдѣлъ „Педагожка смотра (обозрѣніе педагогич.), далѣе—популярно-научныя работы, „Педагожке мрвице“ (мелочи), „Листак“, „Службени додатак“. За 1898 г. въ указанномъ изданіи была напечатана г. Мат. Миласомъ цѣнная статья: „Прави акценти и физиологија іьихова у хрватском или србском језику“, вышедшая и отдѣльно въ г. Мостарѣ и вызвавшая собою появленіе въ Карловецкомъ изданіи: „Бранково Коло“ за 1899 г. № 15 дѣльный разборъ извѣстнаго сербскаго ученаго Л. Стояновича.

Кстати укажемъ и нѣкоторыя другія болѣе извѣстныя сербскія повременныя изданія по педагогикѣ. „Школски одјек“ (Новый Садъ, выход. 3 раза въ мѣсяцъ съ 1897 г.), „Учитель“, ежемѣсячникъ (въ январ. книгѣ за 1900 г. находимъ переведенную съ русскаго статью: „Васпитаіье мале деце по Ж. Ж. Руссу), Нови васпитач орган за педагожку книжевност, Узданица (Надежда) илустровани лист за омладину, Невен—чика Змајев лист, двухнедѣльное дѣтское изданіе съ картинками (для дѣтей), издавна руководимое извѣстнымъ поэтомъ Змай—Іованомъ Іовановичемъ. Въ 1899 г. находимъ такія, напримѣръ, статьи: Двобој у ваздуху; Свети србски Краљ Владимир; Овијана Зрнца.

А. І. Степовичъ.

Элементарные уроки по русской грамматикѣ*).

Краткая этимологія.

Для старшаго отдѣленія приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и вообще для тѣхъ классовъ различныхъ школъ, въ которыхъ изучается элементарная этимологія.

Урокъ 23.

Изученіе частей рѣчи. I. Имя существительное. Имя существительное нарицательное и собственное.

Для объясненія.

I.

Укажите **одинаковые** предметы въ классѣ, въ домѣ, на улицѣ **)...

Одинъ или **многіе** предметы носятъ названіе **человѣкъ**?

Значитъ, это **общее** названіе или **одному** только кому-нибудь изъ насъ дано?

Какъ **вообще** называется тотъ, кто учитъ? кто учится? кто лѣнится? шалитъ? торгуетъ? пашетъ? коситъ? воюетъ? шьетъ? возитъ воду?...

Одинъ только или многіе предметы носятъ эти названія? Какъ **вообще** называются тѣ предметы,

---

*) Продолж. Нач. см. в.в. IV—V и VI 1900 г. и I—II 1901 г.

**) Всѣ эти вопросы примѣрные только. Преподающій можетъ, конечно, измѣнить ихъ или расширить бесѣду, смотря по ходу дѣла, бóльшими подробностями.

которыми люди пишутъ? шьютъ? рубятъ? косятъ? пилятъ? ѣдятъ? изъ которыхъ пьютъ? по которымъ читаютъ? на которыхъ ѣздятъ? охотятся? которые летаютъ? плаваютъ и живутъ въ водѣ? въ которыхъ люди живутъ? учатся? молятся?

Найдите сами **общія** названія одинаковыхъ, или однородныхъ предметовъ!

Правило. *Такое общее названіе, которое дается и всѣмъ одинаковымъ, или однороднымъ предметамъ, и каждому изъ нихъ въ отдѣльности, называется именемъ существительнымъ* **нарицательнымъ**.

II.

Кому мы молимся?

Одинъ ли Господь, Іисусъ Христосъ, Матерь Божія, Николай чудотворецъ, или и другіе предметы называются также?

Скажите каждый свое имя?

Вмѣстѣ съ именемъ зовутъ ли еще людей по отчеству и фамиліи?

Если кого-нибудь позвать по имени, отчеству и фамиліи, отзовется ли на это другой, котораго иначе зовутъ?

Значитъ, зачѣмъ мы называемъ другъ друга по имени, а также по отчеству и фамиліи?

Скажите названіе какого-нибудь извѣстнаго вамъ села, города, рѣки...

Есть ли другіе, такіе же города, села, рѣки?...

Правило. *То имя, которое дается только одному предмету, чтобы отличить его отъ всѣхъ прочихъ подобныхъ ему предметовъ, называется именемъ* **собственнымъ**.

Собственныя имена пишутся съ прописной буквы.

Примѣры.

Имена людей: Петръ, Иванъ, Павелъ, Марія, Софія...; городовъ: Москва, Петербургъ, Кіевъ, Казань, Харьковъ, Одесса, Варшава...; рѣкъ: Волга, Днѣпръ, Донъ, Нева, Кама, Амуръ...; озеръ: Ладожское, Ильмень, Сайма...; морей: Балтійское, Черное, Каспійское...; горъ: Казбекъ, Эльборусъ, Кавказскія, Уральскія...; государствъ: Россія, Германія, Австрія, Франція, Англія, Русская земля, Сербское королевство, Болгарское княжество...; частей свѣта: Европа, Азія, Африка, Америка и Австралія.

Задача.

Въ слѣдующемъ стихотвореніи указать имена существительныя собственныя и нарицательныя.

„Кіевъ".

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель *)!
Громко пѣсни раздалися;
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ.
„Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?"
— „Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса полей",

*) Такъ названъ Днѣпръ потому, что въ немъ въ 988 году крестился русскій народъ.

— „Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!“
— „Край мой теплый брегъ Эвксйна“ *)!
— „Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ“.
— „Дикъ и страшенъ верхъ Алтая **),
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная“.
— „Мнѣ отчизна старый Псковъ“.
— „Я отъ Ладоги холодной“.
— „Я отъ синихъ волнъ Невы“.
— „Я отъ Камы многоводной“.
— „Я отъ Матушки-Москвы“.
Слава, Днѣпръ—сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ—чудный градъ!
Мракъ пещеръ ***) твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.
Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго востокъ!“

Хомяковъ.

Урокъ 24.

Имена существительныя уменьшительныя и увеличительныя, ласкательныя и унизительныя.

Для объясненія.

Голова—головка. — Домъ—домикъ—домина.—

---

*) Греки такъ называли Черное море.
**) Т.-е. Алтайскія горы—въ Сибири.
***) Въ Кіево-Печерской лаврѣ почиваютъ мощи св. угодниковъ Божіихъ.

Рука—ручка—ручища.—Село—сельцо—селище.—Сестра — сестрица.—Цвѣтокъ —цвѣточекъ.—Мальчикъ—мальчишка.—Вася—Васенька— Васька.—Ваня—Ва́нюшка—Ваню́шка—Ванька.

Правило. 1) *По величинѣ предметы бываютъ и бо̀льшаго размѣра, и мѐньшаго, и средней величины, напр.: могучій дубъ, дубочекъ, дубъ..*

2) Если имя существительное обозначаетъ такой предметъ, который меньше своей обыкновенной величины, то оно называется **уменьшительнымъ**; если же имя обозначаетъ предметъ, который больше своей обыкновенной величины, то оно называется **увеличительнымъ**.

3) Если имя выражаетъ ласку, то называется **ласкательнымъ**; если оно выражаетъ униженіе, презрѣніе, то оно называется **унизительнымъ**.

Задача 1.

Отъ слѣдующихъ именъ существительныхъ образовать имена уменьшительныя.

Палецъ, огурецъ, зерно, крыло, заяцъ, собака, дождь, веревка, нитка, узелъ, клубокъ, платокъ, топоръ, кустъ, крюкъ, палка, ноготь, дерево, доска, вѣтеръ

Задача 2.

Образовать имена уменьшительныя и увеличительныя. Мостъ (=мостикъ, мостище), ротъ, столъ, зубъ, дворъ, голосъ, сапогъ, лапа, сундукъ, хвостъ, яма, гора, пирогъ, самоваръ, стаканъ, лѣсъ, арбузъ, дыня, огородъ, копье, ружье.

Задача 3.

Образовать ласкательныя имена.

Папа, мама, братъ, тетя, дядя, другъ, заря,

солнце, соколъ, голубь, кумъ, душа, Петя, Варя, Соня, няня, трава, корова.

Задача 4.

Образовать унизительныя имена.

Рѣка, лошадь, пѣтухъ, городъ, часы, книга, шляпа, шапка, телѣга, собака, садъ, Сеня, Миша, Ѳедя.

Задача 5.

Въ слѣдующей сказкѣ найти имена существительныя уменьшительныя и увеличительныя, ласкательныя и унизительныя.

„Лиса и козелъ“.

Бѣжала лисица, зазѣвалась на воронъ и попала въ колодезь. Воды въ колодцѣ было немного: утонуть нельзя, да и выскочить тоже. Сидитъ лисичка, горюетъ. Идетъ козелъ, умная голова; идетъ, бородищей трясетъ, рожищами мотаетъ: заглянулъ отъ нечего дѣлать въ колодецъ, увидалъ тамъ лису и спрашиваетъ: „Что ты тамъ, лисынька, подѣлываешь?“—„Отдыхаю, голубчикъ“, отвѣчаетъ лиса: „тамъ на верху жарко, такъ я сюда забралась. Ужъ какъ здѣсь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой,—сколько хочешь“. А козлу давно пить хочется. „Хороша ли вода-то“? спрашиваетъ козелъ — „Отличная“, отвѣчаетъ лисичка: „чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь; здѣсь обоимъ намъ мѣстечко будетъ“. Прыгнулъ сдуру козелъ, чуть лисы не задавилъ, а она ему: „Эхъ бородатый дурачина! и прыгнуть-то не умѣлъ: всю обрызгалъ“. Вскочила лиса козлу на спину, со спины на

рога да и вонъ изъ колодца. Чуть было не пропалъ козлишка съ голоду въ колодцѣ; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

Урокъ 25

Родъ и число именъ существительныхъ.

I.

Для объясненія.

„Пріѣздъ въ Багрово“.

Бабушка и тетушка встрѣтили насъ на крыльцѣ. Онѣ съ восклицаніями и, какъ мнѣ показалось, со слезами обнимались и цѣловались съ моимъ отцомъ и матерью, а потомъ и насъ съ сестрой перецѣловали. Къ дѣдушкѣ *) сначала вошелъ отецъ и потомъ мать, а насъ съ сестрицей оставили однихъ въ залѣ. Наконецъ, вышла мать и взяла насъ обоихъ за руки и ввела въ горницу дѣдушки. Онъ лежалъ въ постели. „Здравствуйте, внучекъ и внучка“, сказалъ онъ, протянувъ намъ руку. Мать шепнула, чтобы мы его поцѣловали. „Не разгляжу теперь“, продолжалъ дѣдушка, жмурясь и накрывъ глаза рукою: „на кого похожъ Сережа: когда я его видѣлъ, онъ еще ни на кого не походилъ. А Надежда, кажется, похожа на мать. Завтра, Богъ дастъ, не встану ли какъ-нибудь съ постели. Дѣти, чай, съ дороги кушать хотятъ; покормите же ихъ. Ну, ступайте, улаживайтесь на новомъ гнѣздѣ“. Мы всѣ вышли.

С. Аксаковъ.

---

*) Дѣдушка въ то время былъ боленъ и лежалъ въ постели.

Правило. *Всѣ люди раздѣляются на два* **пола** *(т.-е. половины): мужчинъ и женщинъ. Слово* **полъ** *можно замѣнить словомъ* **родъ: мужчины — мужескаго рода, женщины — женскаго рода** *Вмѣсто мужескаго рода можно поставить мѣстоименіе* **онъ**, *вмѣсто женскаго —* **она**. *Если же полъ предмета не извѣстенъ (дитя), то имя этого предмета составляетъ третій родъ —* **средній**; *вмѣсто средняго рода ставится мѣстоименіе* **оно**.

Имена существительныя всѣхъ трехъ родовъ употребляются въ **единственномъ** и во **множественномъ числѣ**.

Задача.

Какого рода братъ? дядя? племянникъ? племянница? внукъ? внучка? ученикъ? ученица? крестьянинъ? крестьянка? купецъ? купчиха? портниха? сторожъ? солдатъ? товарищъ? подруга? барыня? жнецъ? жница? продавщица? судья? садовникъ?

Правило. *Кромѣ людей, имена и всѣхъ вообще одушевленныхъ предметовъ бываютъ какого-либо изъ трехъ родовъ: мужескаго, женскаго или средняго.*

Задача.

Какого рода быкъ? корова? баранъ? овца? козелъ? коза? котъ? кошка? пѣтухъ? курица? гусь? гусыня? селезень? утка? волкъ? волчиха? левъ? львица? медвѣдь? медвѣдица? чудовище? грачъ? галка? рыба? птица? муравей? свинья? голубь? голубка? вòронъ? ворóна?

II.

Сказать, какое изъ мѣстоименій — **онъ**, **она**, или **оно** — можно поставить вмѣсто слѣдующихъ именъ

существительныхъ (при этомъ сказать еще, какіе предметы обозначены этими именами: одушевленные, неодушевленные или умственные): столъ, бумага, перо, карандашъ, чернильница, стекло, гвоздь, тоска, горе, сарай, земля, радость, море, трудъ, грусть, дыня?

Правило. *Имена предметовъ неодушевленныхъ и умственныхъ также различаются по родамъ: если вмѣсто имени предмета можно поставить мѣстоименіе* **онъ**, *то такое имя существительное мужескаго рода; если*—**она**—*женскаго, если*—**оно**—*средняго рода.*

Задача.

Въ слѣдующемъ стихотвореніи указать имена существительныя и опредѣлить родъ ихъ.

„Весною“.

Въ старый садъ выхожу я. Росинки,
Какъ алмазы, на листьяхъ горятъ,
И цвѣты мнѣ головкой киваютъ,
Разливая кругомъ ароматъ.
Все влечетъ, веселитъ мои взоры:
Золотая пчела на пескѣ,
Разноцвѣтныя бабочки крылья
И слѣды воробья на пескѣ.
За оградой садовой чернѣетъ
Полоса взбороненной земли,
И покрытыя соснами горы
Подымаются къ небу вдали.
Какъ любовью и радостью дышитъ
Вся природа подъ вешнимъ лучомъ,
И душа благодарная чуетъ
Здѣсь присутствіе Бога во всёмъ!

А. Плещеевъ.

Урокъ 26.

Понятіе объ окончаніи и измѣненіи его. Основа слова. Окончанія мужескаго, женскаго и средняго рода.

Для объясненія.

У насъ есть **сад**-ъ, а у васъ нѣтъ **сад-а**.

Я часто гуляю по своему **сад-у**.

Я очень люблю **сад-ъ** и забочусь о **сад-ѣ**.

За нашимъ **сад-омъ** протекаетъ рѣка.

Сад-ы приносятъ пользу и удовольствіе.

Поэтому нужно разводить, какъ можно, больше **сад-овъ**.

Сад-амъ вредятъ разныя насѣкомыя; они часто даже уничтожаютъ **сад-ы**.

За **сад-ами** ухаживаютъ или сами хозяева, или садовники.

Въ **сад-ахъ** растутъ плодовыя деревья и цвѣты.

Мой старшій **братъ** уже учится.

У **брат-а** есть товарищи.

Они часто ходятъ къ **брат-у**.

Товарищи любятъ **брат-а** и охотно проводятъ время съ **брат-омъ**.

О **брат-ѣ** хорошо отзываются и наставники.

Младшіе **брат-ь-я** мои еще не учатся.

У этихъ **брат-ь-евъ** нѣтъ книгъ, но зато много картинокъ.

Брат-ь-ямъ скоро купятъ книги и начнутъ учить **брат-ь-евъ**.

Съ **брат-ь-ями** будетъ заниматься самъ папа.

При **брат-ь-яхъ** теперь постоянно находится няня.

Петр-ъ Воробе-й. Голуб-ь.

Мам-а. Нян-я. Доч-ь.

Неб-о. Чудовищ-е. Дит-я.
Город-ъ. Уле-й. Черв-ь.
Туч-а. Молні-я. Кост-ь.
Желѣз-о. Училищ-е. Сѣм-я.
Ум-ъ. Случа-й. Дожд-ь.
Сил-а. Заутрен-я. Болѣзн-ь.
Добр-о. Кладбищ-е. Им-я.

Правило. *Имена существительныя, отвѣчая на различные вопросы,* **измѣняють свои конечныя буквы**. *Эти конечныя, измѣняющіяся буквы называются* **окончаніями**. *Часть слова до окончанія называется* **основою**; *окончанія прибавляются къ основѣ.*

Первыя окончанія на вопросы: кто? что? для мужескаго рода: ъ, **ь**, **й**; для женскаго—**а**, **я**, **ь**; для средняго—**о**, **е**.

Задача 1.

Въ слѣдующихъ именахъ существительныхъ указать основу и окончаніе.

Единственное число.

Кто?	Заяц-ъ.	Звѣр-**ь**.	Воробе-**й**.
Кого?	Зайц-**а**.	Звѣр-**я**.	Воробь-**я**.
Кому?	Зайц-**у**.	Звѣр-**ю**.	Воробь-**ю**.
Кого?	Зайц-**а**.	Звѣр-**я**.	Воробь-**я**.
Кѣмъ?	Зайц-**емъ**.	Звѣр-**емъ**.	Воробь-**ёмъ**.
О комъ?	О зайц-**ѣ**.	О звѣр-**ѣ**.	О воробь-**ѣ**.

Множественное число.

Кто?	Зайц-**ы**.	Звѣр-**и**.	Воробь-**и**.
Кого?	Зайц-**евъ**.	Звѣр-**ей**.	Воробь-**ёвъ**.
Кому?	Зайц-**амъ**.	Звѣр-**ямъ**.	Воробь-**ямъ**.

Кого?	Зайц-**евъ**.	Звѣр-**ей**.	Воробь-**ёвъ**.
Кѣмъ?	Зайц-**ами**.	Звѣр-**ями**.	Воробь-**ями**.
О комъ?	О зайц-**ахъ**.	О звѣр-**яхъ**.	О воробь-**яхъ**.

Единственное число.

Что?	Дуб-**ъ**.	Гвозд-**ь**.	Случа-**й**.
Чего?	Дуб-**а**.	Гвозд-**я**.	Случа-**я**.
Чему?	Дуб-**у**.	Гвозд-**ю**.	Случа-**ю**.
Что?	Дуб-**ъ**.	Гвозд-**ь**.	Случа-**й**.
Чѣмъ?	Дуб-**омъ**.	Гвозд-**емъ**.	Случа-**емъ**.
О чемъ?	О дуб-**ѣ**.	О гвозд-**ѣ**.	О случа-**ѣ**.

Множественное число.

Что?	Дуб-**ы**.	Гвозд-**и**.	Случа-**и**.
Чего?	Дуб-**овъ**.	Гвозд-**ей**.	Случа-**евъ**.
Чему?	Дуб-**амъ**.	Гвозд-**ямъ**.	Случа-**ямъ**.
Что?	Дуб-**ы**.	Гвозд-**и**.	Случа-**и**.
Чѣмъ?	Дуб-**ами**.	Гвозд-**ями**.	Случа-**ями**.
О чемъ?	О дуб-**ахъ**.	О гвозд-**яхъ**.	О случа-**яхъ**.

Задача 2 *).

То же сдѣлать съ слѣдующими существительными.

Единственное число.

Кто?	Птиц-**а**.	Змѣ-**я**.	Лошад-**ь**.
Кого?	Птиц-**ы**.	Змѣ-**и**.	Лошад-**и**.
Кому?	Птиц-**ѣ**.	Змѣ-**ѣ**.	Лошад-**и**.
Кого?	Птиц-**у**.	Змѣ-**ю**.	Лошад-**ь**.
Кѣмъ?	Птиц-**ею**.	Змѣ-**ёю**.	Лошад-**ью**.
О комъ?	О птиц-**ѣ**.	О змѣ-**ѣ**.	О лошад-**и**.

---

*) Эту и слѣдующую задачу, въ случаѣ недостатка времени, можно проработать и на отдѣльномъ урокѣ.

Множественное число.

Кто?	Птиц-ы	Змѣ́-и.	Лошад-и.
Кого?	Птиц-ъ.	Змѣ-й.	Лошад-ей.
Кому?	Птиц-амъ.	Змѣ-ямъ.	Лошад-ямъ.
Кого?	Птиц-ъ.	Змѣ-й.	Лошад-ей.
Кѣмъ?	Птиц-ами.	Змѣ-ями.	Лошад-ьми.
О комъ?	О птиц-ахъ.	О змѣ-яхъ	О лошад-яхъ.

Единственное число.

Что?	Сосн-а.	Пул-я.	Ноч-ь.
Чего?	Сосн-ы.	Пул-и.	Ноч-и.
Чему?	Сосн-ѣ.	Пул-ѣ.	Ноч-и.
Что?	Сосн-у.	Пул-ю.	Ноч-ь.
Чѣмъ?	Сосн-ою.	Пул-ею.	Ноч-ью.
О чемъ?	О сосн-ѣ.	О пул-ѣ.	О ноч-и.

Множественное число.

Что?	Со́сн-ы.	Пул-и.	Ноч-и.
Чего?	Сосен-ъ.	Пул-ь	Ноч-ей.
Чему?	Сосн-амъ.	Пул-ямъ.	Ноч-амъ.
Что?	Со́сн-ы.	Пул-и.	Ноч-и.
Чѣмъ?	Сосн-ами.	Пул-ями.	Ноч-ами.
О чемъ?	О сосн-ахъ.	О пул-яхъ.	О ноч-ахъ

Задача 3.

То же сдѣлать съ слѣдующими существительными.

Единственное число.

Что?	Слов-о.	Окн-о.	Мор-е.	Желанi-е.
Чего?	Сло̀в-а.	Окн-а́.	Мо́р-я.	Желанi-я.

Чему?	Слов-у.	Окн-у.	Мор-ю.	Желані-ю.
Что?	Слов-о.	Окн-о.	Мор е.	Желані-е.
Чѣмъ?	Слов-омъ.	Окн-омъ.	Мор-емъ.	Желані емъ.
О чемъ?	О слов-ѣ.	Объ окн-ѣ.	О мор-ѣ.	О желані-и.

Множественное число.

Что?	Слов-а̀.	о́кн-а.	Мор-я́.	Желані-я
Чего?	Слов-ъ	Окон-ъ.	Мор-ей.	Желані-й.
Чему?	Слов-амъ.	Окн-амъ.	Мор-ямъ.	Желані-ямъ.
Что?	Слов-а.	Окн-а.	Мор-я.	Желані-я.
Чѣмъ?	Слов-ами.	Окн-ами.	Мор-ями.	Желані-ями.
О чемъ?	О слов ахъ.	Объ окн-ахъ.	О мор-яхъ.	О желані-яхъ.

М. Львовъ.

Продолженіе будетъ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 107928092